БУМАГИ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.
I.

Н. В. СОЛОВЬЕВЪ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

А. А. ВОЕЙКОВА — «СВѢТЛАНА».

ПЕТРОГРАДЪ
1915

БУМАГИ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.
I.

Н. В. СОЛОВЬЕВЪ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

А. А. ВОЕЙКОВА — „СВѢТЛАНА“.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Петроградъ. Рыночная, 10.

БУМАГИ А. А. ВОЕЙКОВОЙ
(СВѢТЛАНЫ).

Предлагаемая ниже работа составлена на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи бумагъ архива А. А. Воейковой, принадлежавшаго до сего времени внуку Свѣтланы, графу Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди, которымъ онъ былъ приведенъ въ порядокъ и снабженъ нѣкоторыми примѣчаніями.

Въ 1-ой части настоящаго труда мы постараемся обрисовать, на основаніи новыхъ документовъ, свѣтлый обликъ А. А. Воейковой, сыгравшей столь видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XIX столѣтія.

Во 2-ой части будутъ опубликованы оставшіеся послѣ нея альбомы, бумаги, отдѣльныя стихотворенія, письма, рисунки и т. д. [1]).

Между стихотвореніями находится много неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова и др.; между письмами — крайне любопытны письма самой Свѣтланы и письма Жуковскаго, до сихъ поръ не бывшія въ печати; рисунки изображаютъ бытъ той эпохи и даютъ намъ, любопытные неизвѣстные портреты какъ самой Свѣтланы и ея семьи, такъ и такихъ лицъ какъ В. А. Перовскій, Н. М. Языковъ, К. К. Зейдлицъ и мн. др.

Въ заключеніе необходимо добавить, что для характеристики А. А. Воейковой, крайне важными явились нѣкоторыя письма о ней А. И. Тургенева, нигдѣ еще не напечатанныя, и любезно предоставленныя въ наше распоряженіе А. А. Ѳоминымъ и М. О. Гершензономъ [2]).

Считаемъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность проф. И. А. Шляпкину за его цѣнныя указанія и любезное содѣйствіе въ нашемъ трудѣ.

Н. С.

---

[1]) Выдержки изъ альбомовъ А. А. Воейковой помѣщены въ „Русской Старинѣ“ 1902 г. IV и въ „Русскомъ Архивѣ“ 1912 г. Кромѣ того ея альбомы имѣются у графини М. А. Бревернъ-де-ла-Гарди и у А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ.

[2]) Послѣднія, изъ собранія М. А. Бэеръ.

А. А. Воейкова, съ портрета масляными красками.
Собств. графини М. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

(А. А. Воейкова-Свѣтлана).

Глава I.

Дѣтство Саши Воейковой.—Жуковскій воспитатель.—Юность.—Характеристика Саши по ея альбомамъ.—Взгляды на жизнь.—Характеристика ея словами Жуковскаго.

Поэтическій образъ младшей племянницы Жуковскаго, Александры Андреевны Протасовой-Воейковой, музы и вдохновительницы многихъ нашихъ поэтовъ первой половины XIX-го столѣтія, до сихъ поръ былъ недостаточно выясненъ въ нашей литературѣ, а между тѣмъ, въ ряду выдающихся русскихъ женщинъ, прекрасной Свѣтланѣ, какъ называлъ ее Жуковскій, принадлежитъ весьма замѣтное мѣсто.

Любовь Жуковскаго къ ея старшей сестрѣ Машѣ, вмѣстѣ съ развивавшейся на этой почвѣ сердечной драмой, какъ то заслонила отъ глазъ потомства трогательную судьбу Александры Андреевны, хотя, быть можетъ, вліяніе ея на поэзію Жуков-

скаго было не менѣе значительнымъ, чѣмъ вліяніе Маріи Андреевны Мойеръ.

И, несомнѣнно, между двумя женщинами, сыгравшими такую видную роль въ жизни поэта, между первой юной страстью, Машей и послѣднею любовью закатныхъ дней, молодою женою, образъ третьей, дорогой ему женщины, чувства къ которой у него носили всегда чисто братскій характеръ, является наиболѣе близкимъ и родственнымъ ему по духу.

Воспринимая Сашу отъ купели, Жуковскій какъ бы пріобщилъ ее своему поэтическому генію, какъ бы вложилъ въ нее свой талантъ, свое стремленіе къ изяществу и красотѣ, передалъ ей всю ту ясность и свѣтоточивость души, все то личное обаяніе, которымъ отличался всегда онъ самъ.

Въ своемъ прекрасномъ трудѣ, посвященномъ Маріи Андреевнѣ Протасовой-Мойеръ, П. Н. Сакулинъ [1]) живо рисуетъ намъ симпатичный образъ „земного ангела", сумѣвшаго внушить къ себѣ такую трогательную любовь и привязанность идеалиста-поэта. Шагъ за шагомъ разбираетъ онъ постепенное развитіе ума Маріи Андреевны, начиная съ ея ранняго дѣтства, начиная съ первыхъ уроковъ Жуковскаго, какъ извѣстно, занявшагося воспитаніемъ своихъ племянницъ въ 1805 году [2]).

Міровоззрѣніе самого родоначальника русскаго литературнаго романтизма, естественно, не могло не наложить своей печати на умственное развитіе его ученицъ, не совсѣмъ, однако, одинаково воспринявшихъ его ученіе.

Старшая Протасова является представительницей сентиментально романтическаго типа барышни начала XIX вѣка, воспитанной на романахъ Жанлисъ, заливающейся слезами надъ чтеніемъ Вертера и черпающей свое религіозное настроеніе въ проповѣдяхъ Массильйона.

Эта типичная Пушкинская Татьяна, можетъ быть болѣе глубокая и мыслящая, болѣе основательно образованная. Философская сторона міросозерцанія Жуковскаго особенно сильно заинтересовала Машу, и направленіе ея ума приняло какой то мистически-религіозный характеръ. Вопросы чистой литературы, близкіе нашему поэту, занимали ее гораздо меньше, чѣмъ разсужденія о загробной жизни, о безсмертіи души, грустныя мечты о какомъ-то неземномъ, нездѣшнемъ царствѣ.

И вотъ бокъ о бокъ съ этой вдумчивой и серьозной дѣ-

[1]) Изв. II Отд. Имп. Ак. Наукъ, XII. 1.

[2]) Программа его преподаванія приведена въ книгѣ Зейдлица: Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 30. Тутъ и словесность, и философія, и теологія и эстетика.

А. А. Воейкова портретъ работы художника Олешкевича (1821 г.).
Собств. гр. Н. А. Бреверн-де-ла-Гарди.

вушкой росло существо совершенно другого склада. Легкая, воздушная, какъ сама мечта, полная неистощимаго запаса здороваго смѣха, рѣзвилась и щебетала ея младшая сестра Саша [1]), наполняя весь домъ жизнью и весельемъ. Мать, сестра, подруги и всѣ окружающіе обожали красавицу „Сандрокъ", это „милое творенье", съ ея весело смѣющимся личикомъ, обрамленнымъ русыми кудряшками, кружащуюся „какъ сверчокъ", „по стульямъ и окошкамъ", забавляющую всѣхъ своими милыми шалостями.

„Ты милое творенье,
Ты взглядомъ обратишь
И горе въ восхищенье.
Съ тобой явилась въ свѣтъ
Веселость, богъ крылатый,
Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ" [2]).

Такъ кончаетъ Жуковскій свое шуточное стихотвореніе, перечисляющее различныя проказы милой „Сандрокъ", которая обожала своего крестнаго, и не называла его иначе какъ „папкой" [3]).

Рѣзвый и шаловливый ребенокъ скоро превратился въ умную, красивую, жизнерадостную дѣвушку, обладавшую удивительною способностью своимъ обаяніемъ привлекать къ себѣ сердца окружающихъ, „плѣнять все, что ей не встрѣтится", по выраженію Жуковскаго. Она была въ это время, по его же словамъ, „точно воздушный геній"; всегда веселая, живая, беззаботная, она умѣла заражать всѣхъ своимъ кскреннимъ смѣхомъ. О внѣшности „Свѣтланы" мы можемъ судить по оставшимся ея портретамъ, и нельзя не согласиться съ современниками, называвшими ее красавицей, самой Граціей, Венерой и Сильфидой. О красотѣ ея упоминаетъ постоянно и Жуковскій и въ стихотвореніяхъ, ей посвященныхъ, и въ перепискѣ со своими друзьями.

Удивительная грація, какая то неземная легкость и поэтичность всей ея фигуры, напоминавшей воздушную Сильфиду, очаровывали всѣхъ ее знавшихъ, и, по словамъ современниковъ, нужно было только разъ увидѣть ее, чтобы не забыть никогда.

Мы не много имѣемъ свѣдѣній о ранней молодости сестеръ Протасовыхъ, и въ частности Александры Андреевны; лишь

[1]) Род. 20 августа 1795 г.
[2]) См. соч. Жуковскаго, изд. подъ ред. А. Архангельскаго II. 84.
[3]) См. въ ~~приложеніи~~ „Бумаги А. А. Воейковой", письмо ея изъ-за границы Жуковскому 1826 г.

теперь публикуемые альбомы послѣдней даютъ намъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики ея въ раннюю эпоху ея жизни.

Широкое распространеніе дружескихъ альбомовъ, столь характерное для начала XIX столѣтія, явилось результатомъ того культа сентиментальной дружбы, который царилъ въ русскомъ обществѣ александровской эпохи. Эти маленькія, изящно-переплетенныя книжки хранили на своихъ листочкахъ интимныя изліянія молодыхъ сердецъ и, вмѣстѣ съ засушенными цвѣтами, сохраняли неувядаемыми тѣ пылкія мечты и недежды, которыми жили ихъ владѣльцы въ дни далекой юности.

Увядало съ годами сердце, притуплялись чувства, тускнѣли закопченныя дымомъ жизни тѣ розовыя стекла, черезъ которыя взирала юность на невѣдомый ей еще міръ, но въ этихъ альбомахъ, какъ живыя, сохранялись воспоминанія былыхъ иллюзій и при чтеніи ихъ, хотя на минуту, воскресало далекое, безоблачное, молодое счастье...

Среди трафаретныхъ и банальныхъ увѣреній въ дружбѣ, среди пошленькихъ стиховъ и тенденціозныхъ нравоученій и выписокъ изъ сентиментальныхъ романовъ, увлекавшихъ всю молодежь той эпохи, можно нерѣдко, между строкъ, прочесть душу владѣлицы альбома, заносившей на его страницы все, что болѣло у нея на юномъ сердцѣ, отмѣчавшей изъ читаннаго все то, что отвѣчало ея мыслямъ, что трогало и волновало ея душу. Не мало цѣнныхъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ сохранили такіе альбомы, и въ этомъ глубокое значеніе немного наивныхъ на современный взглядъ, но всегда искреннихъ и непосредственныхъ маленькихъ тетрадокъ.

Въ бумагахъ „Свѣтланы“ мы нашли черновое неотдѣланное стихотвореніе Жуковскаго, написанное его рукою, дающее любопытную характеристику модныхъ тогда, дружескихъ альбомовъ.

Альбомъ.

Тотъ истинный мудрецъ, кто выдумалъ альбомъ!
Въ нашъ вѣкъ чувствительный, когда друзей содомъ,
Признаться очень можно
Невиннымъ образомъ иного позабыть!
Чтожъ дѣлать! — Дружество прямое осторожно!
Въ альбомъ друзей! въ альбомъ! — Вписалъ! тутъ имъ и быть!
Намъ скажутъ: въ старину альбомовъ не знавали,
Но средство сохранить и дружбу и друзей
Надежнѣйшее знали —
Ихъ въ сердцѣ берегли! — Нашъ вѣкъ еще хитрѣй!

Переплетъ одного изъ альбомовъ Свѣтланы.

Намъ опытъ доказалъ что въ сердцѣ дружбѣ тѣсно! —
Чтожъ? — (Изобрѣтенье) чувствительныхъ чудесно!
Теперь намъ каждый шагъ о дружбѣ говоритъ,
Тотъ въ бюстѣ гипсовомъ за печкой пріютился,
Тотъ въ шифрѣ оживленъ, въ снурочкѣ, на экранѣ, —
Но всѣхъ чудеснѣе магическій альбомъ!
Здѣсь дружба вѣрная скрѣпляется перомъ!
Какъ можно тѣхъ забыть, кто въ сердцѣ и карманѣ!

Изъ девяти находящихся въ нашемъ распоряженіи альбомовъ, принадлежавшихъ Александрѣ Андреевнѣ, два относятся къ годамъ ея юности, приблизительно 1809 — 1814 годамъ. Первый помѣченъ 20 августа 1809 года и представляетъ собою небольшую книжку въ шестнадцатую долю листа, переплетенную въ красный сафьянъ. Повидимому Саша рѣдко разставалась съ нимъ и замѣтки въ немъ сдѣланы и въ Муратовѣ, и въ Москвѣ, и въ Бѣлевѣ, и въ Дмитровскомъ, словомъ — вездѣ, куда только попадало семейство Протасовыхъ.

Обычныя альбомныя записи подругъ и кузинъ Кирѣевской, Юшковой, Офросимовой, Свѣчиной и другихъ, преимущественно на французскомъ языкѣ, несмотря на банальность своего содержанія, отличаются большой искренностью по отношенію къ Сашѣ и рисуютъ намъ веселый, нѣжный и привязчивый характеръ молодой дѣвушки, горячо любимой своими подругами. Она и сама, какъ и вся молодежь ея времени, поклонялась культу дружества, отдавая дружбѣ, по обычаю, предпочтеніе передъ любовью.

„Любовь — это утренняя тѣнь, — записываетъ она изрѣченіе нѣмецкаго писателя, — съ каждымъ моментомъ она уменьшается. Дружба — тѣнь вечерняя, которая растетъ, пока не померкнетъ солнце жизни“ [1]).

Веселость своего характера, о которой всегда упоминаютъ ея современники и которую не разъ отмѣчаетъ въ своихъ стихахъ Жуковскій, Александра Андреевна сохранила во всю свою жизнь, несмотря ни на какія печальныя обстоятельства и семейныя неудачи. Въ самыя тяжелыя минуты своей жизни она умѣла находить утѣшеніе для другихъ, и своимъ яснымъ, свѣтлымъ и радостнымъ видомъ, казалось, брала всегда верхъ надъ всякимъ земнымъ зломъ. Уже на страницахъ своего перваго, дѣтскаго альбома она старается объяснить эту черту своего характера; примѣняя къ себѣ извѣстный стихъ Жуковскаго „Моя жалоба“:

[1]) Liebe ist der Schatten am Morgen, mit jedem Augenblick wird er kleiner. Freundschaft aber der Schatten am Abend: er wächst bis die Sonne des Lebens sinkt.

„Вамъ странно, отчего во всю я
Жизнь мою такъ веселъ (а) — вотъ секретъ:
Вчера дарю забвенью,
Веселью нынче отдаю,
А завтра — Провидѣнью.

Стихъ этотъ записала Саша своею рукою, и видимо, передѣлывала слово „веселъ“ на „весела“.

„Il faut rire avant d'être heureux, пишетъ ей Жуковскій, de peur de mourir sans avoir rire“ [1]).

И Саша, по завѣту друга, какъ бы дѣйствительно торопилась радоваться и наслаждаться жизнью въ ожиданіи того счастья, котораго она такъ и не дождалась никогда...

Одною изъ отличительныхъ чертъ обѣихъ сестеръ Протасовыхъ была ихъ благоговѣйная любовь и уваженіе къ матери, которая впослѣдствіи явилась главною причиною несчастья ихъ обѣихъ. Въ этихъ трогательныхъ отношеніяхъ можно, быть можетъ, видѣть отчасти и вліяніе Жуковскаго, который, какъ извѣстно, будучи воспитанъ въ отдаленіи отъ родной матери и лишенный въ дѣтствѣ ея ласкъ, всегда особенно цѣнилъ семейныя связи.

Вотъ что пишетъ Саша своимъ еще дѣтскимъ почеркомъ въ началѣ своего альбома:

„Уваженіе къ себѣ моя мать внушила намъ своею прямотою, своими добродѣтелями и тѣмъ тономъ благоразумія, котораго она держалась во всемъ своемъ обхожденіи.

Довѣріе къ ней мы черпали въ той увѣренности, которую она сумѣла въ насъ вселить, что она не дѣлала и не желала ничего, что бы не было для насъ полезнымъ“ [2]).

Того слѣпого и безграничнаго довѣрія, которымъ полны искреннія строки, написанныя 15-лѣтнимъ ребенкомъ, и которое наполняло все существо пассивныхъ и безвольныхъ по природѣ сестеръ, Екатерина Афанасьевна, какъ мы увидимъ позднѣе, оправдать не сумѣла, и ложному пониманію своего долга принесла въ жертву (счастье) своихъ дочерей [3]).

„Мудрость и доброта моей матери, писала Саша въ другомъ альбомѣ позднѣе, пріобрѣли ей вліяніе на мой характеръ,

[1]) Надо смѣяться прежде чѣмъ быть счастливымъ, изъ боязни умереть, не имѣвши случая посмѣяться.

[2]) Le respect pour elle ma mère nous l'avoit inspiré par sa fermeté, ses vertus et le ton de raison qu'elle portoit dans toute sa conduit. La confiance elle nous l'avoit donné par la persausion ou elle nous mettoit qu'elle ne faisait rien, et n'exigeait rien, de nous, qu'il ne fut pour notre bonheur.

[3]) Въ дневникѣ Жуковскаго, стр. 21, отмѣчено суровое обращеніе Е. А. съ дочерьми, за что онъ ее осуждалъ.

Альбомъ А. А. Воейковой.

которое она употребляла только для моего блага. Для того чтобы меня наказать, ей было достаточно назвать меня холодно Mademoiselle и посмотрѣть на меня строгимъ взглядомъ! Я чувствую еще впечатлѣнiе, которое производилъ на меня этотъ взглядъ, такой ласковый обыкновенно. И когда ея трогательный голосъ проникалъ въ мое сердце, не учила ли она меня подражать себѣ?" [1]) Жуковскiй приписалъ при этомъ: „Гласъ матери всегда и краснорѣчивъ и силенъ".

Во всякомъ случаѣ, съ дѣтьми Екатерина Афанасьевна была очень близка, и отношенiя ея къ нимъ отличались большою нѣжностью. Недостаточно образованная съ дѣтства, она сумѣла, присутствуя на урокахъ Жуковскаго, пополнить свое образованiе и охотно занималась съ дочерьми чтенiемъ книгъ и разборомъ прочитаннаго. На страницахъ альбома Саши, мы не разъ встрѣчаемъ записи ея при различныхъ выпискахъ изъ французскихъ авторовъ: „dicté par maman", а 1-го мая 1810 года Екатерина Афанасьевна сама записала въ Сашинъ альбомъ слѣдующiя слова:

„Очень меня утѣшило мой милой другъ Сашинька, что ты чувствуешь истину словъ, которыя мы вчера съ тобой прочли, дай Господи, чтобъ и никогда твое мнѣнiе въ семъ случаѣ не перемѣнилось. Вписываю въ твою книжку точно для того чтобъ она тебѣ напоминала весь нашъ разговоръ и спокойно счастливое время нами проведенное, за которое, такъ какъ и за васъ вседневно благодарю Бога". Затѣмъ на 8-ми страницахъ слѣдуетъ выписка изъ сочиненiя французскаго автора, въ которомъ проповѣдуется близость человѣка къ природѣ, въ которой авторъ видитъ „прообразъ рая", а на лонѣ ея истинное счастье, безъ осадка горечи и недовольства, которыя всегда остаются отъ радостей и удовольствiй душнаго и дымнаго города. Модныя тогда идеи Руссо не могли не увлекать муратовскую молодежь, а Екатерина Афанасьевна мечтала, очевидно, объ устройствѣ подроставшихъ дочерей вблизи себя, въ замужествѣ за ближайшими помѣщиками, не желая плѣнять ихъ прелестями столичной жизни.

Вообще, нельзя сказать, чтобы посреди веселыхъ забавъ и рѣзвыхъ шалостей умственное развитiе Саши шло позади развитiя ея сестры. Учились и читали онѣ вмѣстѣ подъ руко-

[1]) La sagesse et la bonté de ma Mére lui acquirent un ascendant sur mon caractère dont elle n'usa jamais que pour mon bien. Elle n'a jamais eu besoin pour me punir, que de m'appeller froidement Mademoiselle, et de me regarder d'un oeil sevère: Je sens encore l'impression que me faisait ce regard, si caressant pour l'ordinaire. Et lorsque se voix touchante venait penétrer mon coeur, ne m'apprenait elle pas à lui ressembler!

водствомъ Жуковскаго и послѣднiй всегда оставался довольнымъ способностями и прилежанiемъ своей крестницы. Не могла, конечно не отдать дани своему вѣку и веселая Свѣтлана, увлеченiе романтизмомъ которой оставило замѣтные слѣды на страницахъ ея альбома. Намъ кажутся немного странными иныя выписки и замѣтки, такъ мало соотвѣтствующiя жизнерадостному характеру молодой дѣвушки. Разсужденiя о кратковременности земной жизни, о лучшей жизни за гробомъ, о тщетѣ и суетѣ всѣхъ земныхъ радостей и удовольствiй, наполняютъ маленькiя странички въ видѣ выписокъ изъ французскихъ, нѣмецкихъ и англiйскихъ авторовъ, и въ видѣ оригинальныхъ сентенцiй Жуковскаго и самой Свѣтланы.

„Умереть это единственная надежда, которая остается несчастному человѣчеству“ — записываетъ Саша [1]).

„Все говоритъ намъ, что мы только путники на землѣ“ [2]). „Увы, такова жизнь, она полна короткихъ радостей, и долгихъ печалей, полна начатыхъ и разрушенныхъ связей“, ... пишетъ она въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно по поводу ранней смерти ея подруги и кузины М. Офросимовой [3]).

„Тысячи случайностей разлучаютъ людей любящихъ другъ друга въ этой жизни; затѣмъ наступаетъ разлука смерти, разрушающая всѣ наши планы“... [4]). „Est que la mort est une séparation?“ (Развѣ смерть разлука?) приписываетъ къ этому Жуковскiй и заканчиваетъ словами Шиллера:

„Schwester! über im Sternenfeld, muss
ein guter Vater wohnen“ [5]).

А вотъ два стихотворенiя на ту же тему:

„Жизнь, ты море и волненье,
„Смерть, ты пристань и покой,
„Будетъ тамъ соединенье
„Разлученныхъ здѣсь волной“.

„Подъ гибельной сатурновой косою
„Возможно ли нетлѣннаго искать.
„Оно насъ ждетъ за гробовой доскою
„А на землѣ удѣлъ всего вернѣй мечтать“.

---

[1]) Sterben ist die einzige Hoffnung die uns armen Menschen bleibt.

[2]) Tous nous annonce, que nous ne sommes que de voyageurs ici bas.

[3]) Марiя Офросимова, дочь сестры Екатерины Афанасьевны — Варвары. † 1809 г.

[4]) Hélas! telle est la vie, elle est pleine de courtes joies et de longues douleurs, de liaisons commencées et rompues... Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie; puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets...

[5]) Сестра, тамъ наверху въ звѣздномъ небѣ, долженъ жить добрый отецъ.

Le respect pour elle — ma mère nous l'avoit inspiré par sa fermeté, ses vertus et le ton de raison qu'elle portoit dans toute sa conduite. La confiance — elle nous l'avoit donné par la persuasion où elle nous mettoit qu'elle ne faisoit rien et n'exigeait rien de nous qui ne fut pour notre bonheur.

Автографъ А. А. Воейковой. Изъ ея дѣтскаго альбома 1809 г.

Послѣдніе стихи, записанные здѣсь рукою Саши, написаны самимъ Жуковскимъ около того же времени и въ альбомѣ Маріи Андреевны. Надъ ними, также рукою Свѣтланы, слова: „Tout finit par ci-git“.

И вотъ изъ этого глубокаго убѣжденія въ тщетѣ и суетѣ всего земного, вытекаетъ понятіе о нравственномъ идеалѣ человѣка по рецепту романтиковъ и Жуковскаго Этотъ идеалъ выраженъ въ первой строфѣ стариннаго французскаго стихотворенія, записаннаго Сашею въ началѣ своего альбома [1]):

„Ecoutez gente Damoiselle
„Ecoutez aussi Damoiseau
„Vaut mieux etre bonne que belle
„Vaut mieux etre loyal que beau.
„Beauté passe, passe jeunesse
„Bonté reste est gagne les coeurs
„Avec douceur est gentillesse
„Epines d'amour sont des fleurs“ [2]).

Это преимущество красоты духовной передъ красотою тѣлесной становится какимъ-то девизомъ Саши, записывающей чье то-сравненіе послѣдней съ путникомъ, скоро удаляющимся, первой же — съ другомъ, остающимся навсегда [3]).

Вотъ нравственный идеалъ 15-лѣтней красавицы, которая свое личное счастье видитъ въ томъ, чтобы чувствовать себя полезной и нужной для другихъ [4]).

Ея душа ищетъ прочной привязанности, безсознательно уже чувствуетъ потребность любви, все еще смѣшивая ее съ дружбою.

„Я люблю однообразіе въ жизненныхъ чувствахъ, пишетъ она по французски, и буду искать счастья только въ привычкѣ“. Ея другъ и учитель пишетъ подъ этими строками: „это потому что у васъ любящее сердце. Для того, кто умѣетъ любить, что можетъ быть дороже привычки“ [5]).

Чрезвычайно характернымъ въ связи со всѣмъ этимъ является взглядъ молодой дѣвушки на назначеніе женщины,

---

1) Histoire de Sire Gauthier Souverain du Comté de Saluces et de la belle Griseldis.

2) Лучше быть доброй, чѣмъ прекрасной, лучше быть преданной (вѣрной), чѣмъ красивой. Красота и молодость проходятъ, добродѣтель остается и привлекаетъ сердца...

3) La beauté du corps est un voyageur qui passe, celle de l'âme — un ami, qui reste.

4) Pour être heureux il faut se croir necessaire au bonheur de ce qu'on aime, c'est la première et la plus douce des illusions.

5) J'aime la monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherai le bonheur que dans l'habitude.—C'est que vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude.

счастье которой, по ея мнѣнію, неразрывно связано съ долгомъ [1]). Подчиненіе послѣднему является у нея не принужденнымъ, а добровольнымъ, совершенно сознательнымъ, исполненнымъ какой-то свѣтлой радости. Доля каждой женщины терпѣть и работать, терпѣть съ радостью, молитвой и улыбкой на устахъ, ожидая себѣ награды лишь въ будущей жизни [2]).

Gehorsam ist des Weibes Pflicht auf Erden
Das zarte Dulden ist Ihr schweres Loos
Durch strengen Dienst muss sie gelästert werden
Die hier gedienet, wird da oben gross [3]).

Женщина въ ея глазахъ должна быть синонимомъ благочестія, добродѣтели [4]) и только въ соединеніи этихъ качествъ съ разумомъ достигается ею истинная красота. Она осуждаетъ тщеславное увлеченіе своею внѣшностью, видя въ этомъ величайшій порокъ женщины и порицаетъ чрезмѣрную экзальтированность и чувствительность женскаго воспитанія.

„Не желай страстно", писала Саша въ альбомъ Жуковскому, то есть предоставь все справедливой судьбѣ, волѣ благого Провидѣнія, пекущагося о человѣкѣ въ его краткой земной жизни.

Въ отвѣтъ на эту запись, которая не сохранилась для насъ въ полномъ видѣ, Жуковскій написалъ 30 апрѣля 1810 года въ нашъ альбомъ свое извѣстное разсужденіе о счастьѣ и надеждѣ [5]).

Въ началѣ его онъ развиваетъ свою извѣстную и высказанную не разъ мысль о счастьѣ и о „фонаряхъ", какъ его символахъ. Онъ отрицаетъ въ жизни человѣка значеніе „надежды", заставляющей людей ради будущаго пренебрегать настоящими минутами счастья. „Рваться въ будущее вслѣдъ за надеждой", значитъ, по его мнѣнію, мѣшаться въ дѣло Провидѣнія. Надо жить для настоящей минуты, и въ каждую изъ нихъ быть достойнымъ его благости.

Онъ заканчиваетъ свое разсужденіе, написанное по русски, слѣдующими французскими фразами:

[1]) Le bonheur est pour les femmes inséparable du devoir.

[2]) Bete und arbeite! Schweige und dulde! Lächle und stirb! (Молись и работай! Молчи и терпи! Улыбайся и умирай)!

[3]) Покорность – долгъ женщины на землѣ.
Кроткое терпѣніе — ея тяжелый удѣлъ.
Обремененная тяжкимъ служеніемъ,
Униженная здѣсь, она будетъ возвышена тамъ.

[4]) Une femme de pudeur est une grace, qui passe toute grace.

[5]) См. „Русск. Старина", 1902. IV.

Е. А. Протасова. Рисунокъ красками А. А. Воейковой. Изъ ея альбома.

«Mettons à la place de l'Esperance trompeuse, la Providence qui ne trompe pas, alors tous devient conséquent dans la vie! On sait d'avance le mot de l'énigme! Ce mot n'est autre chose que: mériter»[1].

Онъ же написалъ далѣе:

„Einfachheit und Wahrheit! Ewige Unzertrennliche Freundschaft“[2].

Въ другомъ мѣстѣ онъ написалъ: „Надежда на небѣ, призракъ ея на землѣ“.

„Боятся призраковъ: отчего же не боятся призрака надежды? Онъ наиболѣе опасенъ, такъ какъ наиболѣе обманчивъ“[3].

Впрочемъ отъ Надежды фантазіи Жуковскій отличалъ другую Надежду, чисто христіанскую, соединенную съ вѣрою и любовью, о которой онъ писалъ Сашѣ въ 1817 г. въ Кіевъ[4]. „Пускай же сидитъ подлѣ тебя надежда, не надежда — фантазія; но сестра смиренная, тихая, источникъ великаго, причина вѣры и добродѣтели, намъ бодрость и мужество и силу дающая. Она не говоритъ, чего и когда ждать тебѣ, но будетъ твердить, что вѣрно желанное будетъ и что доброе никогда погибнуть не можетъ и что все въ жизни къ прекрасному средство“.

И надежда такого рода была вѣрною спутницею Свѣтланы, животворящимъ источникомъ, дававшимъ силу и бодрость ея существованію.

Въ этой христіанской надеждѣ, въ этой глубокой вѣрѣ въ Провидѣніе, которую воспитывалъ и поддерживалъ въ своей ученицѣ Жуковскій, въ ея міровоззрѣніи и представленіи идеала женщины и человѣка, лежитъ разгадка того удивительнаго смиренія и терпѣнія, съ которыми, какъ мы скоро увидимъ, она сумѣетъ перенести всѣ невзгоды своей неудачно сложившейся жизни.

Но, отдавая дань своему вѣку и удѣляя мѣсто религіозно-мистическимъ мечтаніямъ, кудрявая головка Свѣтланы не слишкомъ долго останавливалась на этихъ глубокихъ вопросахъ, которые такъ сильно интересовали ея старшую сестру.

Она предпочитала поэтическія занятія съ крестнымъ, переписывала его стихи и служила музой вдохновительницей молодого поэта. Съ нимъ же она занималась и рисованіемъ, къ

[1]) Поставимъ на мѣсто обманчивой надежды — Провидѣніе которое не обманываетъ и тогда въ жизни все будетъ послѣдовательно! Мы знаемъ напередъ слова Загадки! Это слово не что иное какъ: быть достойнымъ.

[2]) Простота и истина, вѣчная неразрывная дружба.

[3]) Переводъ съ французскаго.

[4]) См. ниже.

чему имѣла большія способности и усердно, „до боли въ груди" рисовала подъ руководствомъ Жуковскаго.

Въ письмахъ къ А. И. Тургеневу Жуковскій съ большой нѣжностью отзывается о своей „милой переписчицѣ", говоря что стихи его „переписываетъ прелестнѣйшая рука, рука милой Граціи, въ самомъ дѣлѣ Граціи" [1]). Гораздо позднѣе (16 марта 1829 года), онъ пишетъ ему же, вспоминая далекіе муратовскіе дни: „Съ 15 лѣтъ она (Свѣтлана), во всемъ была моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва какъ милый цвѣтущій младенецъ, которымъ душа любовалась въ то время, когда душа расцвѣтала; потомъ какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земного счастья, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушный геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи".

Цѣлый рядъ посвященныхъ Сашѣ стихотвореній указываетъ намъ на то значеніе, которое имѣла она въ это время для поэзіи Жуковскаго. Кромѣ большого числа шуточныхъ стиховъ и посланій, частью впервые теперь появляющихся въ печати и приводимыхъ нами въ слѣдующей главѣ, къ числу ихъ относятся такія извѣстныя вещи, какъ „Свѣтлана", въ послѣднихъ строкахъ которой поэтъ впервые называетъ своимъ собственнымъ арзамасскимъ прозвищемъ свою крестницу, и которая написана была въ 1811 г.; предисловіе къ „Громобою", написанное еще раньше, въ 1810 г. [2]); стихотвореніе „Свѣтланѣ", относящееся къ 1812 году и многія другія [3]).

[1]) 12 сент. 1810 г. См. письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу стр. 62.

[2])
Моихъ стиховъ желала ты,
Желанье исполняю
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ
Еще жъ одно желанье:
Цвѣти мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье.
Печаль по слуху только знай
Будь радостію свѣта
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

[3]) Напр. стихотвореніе 1808 г. „при посылкѣ альбома":
Невинность мирная, краса души твоей,
Подъ сѣнью матери съ тобой да сохранится!
О, небо, пусть идетъ веселія стезей!
Да скорбью никогда сей взоръ не помрачится!
Собой счастливить всѣхъ — прелестный жребій твой!
Счастливыхъ близъ тебя внимай благословенье!
Невинный, милый другъ, храни души покой
Да сохранитъ тебя святое Провидѣнье.

Впрочемъ, это же стихотвореніе записано и въ альбомѣ Маши въ 1807 году.

Автографъ В. А. Жуковскаго.

Въ послѣднемъ стихотвореніи поэтъ даетъ намъ характеристику своей крестницы и мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ:

Хочешь видѣть жребій свой
Въ зеркалѣ, Свѣтлана?
Ты спросись съ своей душой
Скажетъ безъ обмана,
Что тебѣ здѣсь суждено,
Намъ душа зерцало!
Все въ ней все заключено,
Что намъ обѣщало
Провидѣнье въ жизни сей!
Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной,
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что сходна судьба твоя
Съ сей душой прекрасной.
Непорочность спутникъ твой
И веселость, геній!
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.
Лишь тому, въ комъ чувства нѣтъ,
Путь земной ужасенъ:
Счастье въ насъ и Божій свѣтъ
Нами лишь прекрасенъ.
Милый другъ, спокойна будь!
Безопасенъ твой здѣсь путь
Сердце твой хранитель
Все судьбою въ немъ дано
Будетъ здѣсь тебѣ оно
Къ счастью предводитель!

Предсказателемъ, впрочемъ, поэтъ оказался плохимъ, и нарисованной имъ картины счастья не выпало на долю бѣдной Свѣтланы.

Для характеристики Свѣтланы въ эту эпоху представляютъ интересъ два стихотворенія, французское и нѣмецкое, записанныя въ альбомъ Маріи Андреевны и относящіяся къ 1813 году.

I.

Pour Alexandrine.

Vivacité séduisante déesse
Doux enjouement, compagnon du plaisir
D'Alexandrine amusez la jeunesse
Conduisez la gaiement à l'avenir

Pour lui formez un cortège adorable
Entourez la de talens enchanteurs.
Quand on est belle et qu'on daigne être aimable
A double titre on soumet tous les coeurs.
Dés son enfance on vous vit sur ses traces
Donnant du lustre à ses jeunes appas,
Vous la suivez dans la saison des graces
Plus tard aussi ne l'abandonnez pas.
Et si jamais le plus léger nuage
Couvre ses traits d'une voile nébuleux,
Ah! rendez leur tout l'eclat du bel age,
En dissipant ce prestige facheux.
On est touché de son humeur naive
On applaudit à son esprit malin,
Qui peut la voir et si bonne et si vive
Sans demander son bonheur au destin?
Fleur de beauté décore son visage
Fuit dans ses yeux, anime son sourit!
Telle et moins belle au fond d'une vert bocage
Brille la rose au divin coloris.
Oui, mais la rose, ornement de la terre
Ne nous séduit qu'au milieux des beaux jours
Alexandrine a bien mieux l'art de plaire
Alexandrine attache pour toujours.

1813, le 22 mars [1]).

II.

Cäcilia von Scholz

Рукой Жуковскаго приписано «Pour la même».

Sie war so freundlich stets an heitrer Seelenstille
An frohem Sinn, an Zartgefühl so reich,
So kindlich ihr Gemüht und doch so fegt ihr Wille
Ihr Geist so klar, und doch ihr Herz so reich
Oft sah ich Lust bei ihr und Schmerzen
Wie Duft und Thau in einem — vereinet
Und mutig konnte sie wenn sie sich ausgeweit
Zu andern Trost mit Ihrem Kummer scherzen.

Все это написано рукою Маріи Андреевны и внизу прибавлено: «Ecrit d'après nature, et lû et copié le 20 d'aout. après une promenade fait avec les enfans sur le pierre».

[1]) Возможно, что авторомъ стиховъ является французъ Бонами, жившій у Плещеева, или самъ А. А. Плещеевъ. См. ниже.

Е. А. Протасова. Рисунокъ карандашемъ.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди

Глава II.

Жизнь въ Муратовѣ. — „Колонія Веселья". - Шуточные стихи Жуковскаго. — Появленіе А. Ѳ. Воейкова.

Весело текла жизнь обитателей Муратова, куда съ 1810 г. переѣхала изъ Бѣлева Екатерина Афанасьевна Протасова съ дочерьми, и гдѣ, по словамъ Жуковскаго, поселившагося по близкому сосѣдству съ ними, „счастье завело колонію веселья".

Вотъ что онъ писалъ изъ своей деревни къ семейству Протасовыхъ, вѣроятно, весною 1811 года, въ Орелъ, гдѣ они находились временно, и собирались на лѣто въ Муратово.

Друзья! пройдетъ два дни —
Я снова буду съ вами!
Явлюсь — но не съ стихами!
(Не пишутся они).
Пока парламентера
Мы шлемъ къ вамъ, для примѣра,
Узнать хорошъ ли путь!
Боюся утонуть;
Вѣдь вамъ же будетъ горе,
Теперь и лужа море.
А молвить въ добрый часъ,
Безъ всякой лести, въ лужѣ
Сидѣть гораздо хуже,
Чѣмъ, милыя, у васъ!
Дай Богъ чтобъ я здоровыхъ
Друзей моихъ нашелъ
И въ путь совсѣмъ готовыхъ!
Оставьте свой Орелъ
Печальную берлогу!
Скорѣй, скорѣй въ дорогу,
Въ Муратово село.
Тамъ счастье завело
Колонію веселья;
Тамъ дни быстрѣй бѣгутъ
Межъ дѣла и бездѣлья!
Тамъ насъ смиренно ждутъ:
Единственный Григорій,
Цвѣтникъ, валетъ, цикорій
Гора, винтовка, прудъ,
И столъ увы! грибовный
Съ Матреною Петровной!
Тамъ право лучшій свѣтъ!
Тамъ счастливый счастливѣй
Тамъ Вендрихъ [1]) говорливый;
А Вицмана тамъ нѣтъ.—
Авдотья! Вы Діана!
Камкинъ [2]) — Эндиміонъ!
Онъ проситъ не дурмана —
Собаки проситъ онъ!
Въ Бѣлевѣ онъ почтмейстеръ!
Намедни онъ ко мнѣ
Писалъ, что вашъ форрейтеръ
Любезенъ сатанѣ
И псицей обладаетъ
Достойною боговъ!
А такъ какъ обожаетъ
Почтмейстеръ нашъ скотовъ
Изъ песіева рода,
То псицу у урода
Желаетъ онъ купить!
Нельзяль благоволить
Въ Бѣлевскую контору
Урода для разбору
Сей тяжбы отпустить?
Все это не стихами
Въ письмѣ изложено,
Которое ужъ Вами
Давно получено.

---

[1]) Ѳедоръ Григорьевичъ, сосѣдъ по имѣнію.

[2]) См. Письма къ Тургеневу стр. 152-я, Ѳедоръ Александровичъ Камкинъ, Бѣлевскій почтмейстеръ († 1815 г.)

Душою всего этого веселья былъ самъ Жуковскій, вмѣстѣ со своей красавицей-крестницей, о которой Воейковъ писалъ:

Одинъ любезный мнѣ поэтъ
Сказавъ въ одномъ стихотвореньи,
„Что ты прелестное творенье
И что веселость спутникъ твой“
Мое предупредилъ лишь мнѣнье
Такой правдивою хвалой.
Прекрасная дарами сердца,
Невинной рѣзвостью младенца,
Замысловатой простотой,
Степеннымъ разума сужденьемъ
И вкуса вѣрности живой [1]).

Постоянными гостями Муратова и участниками всѣхъ развлеченій были Авдотья Петровна, и Анна Петровна Юшковы [2]), Марія Николаевна Свѣчина [3]), извѣстный затѣйникъ и меценатъ, родственникъ Карамзина — Плещеевъ [4]), со своей красавицей женою Ниной (Анна Ивановна, урожденная гр. Чернышева), и цѣлымъ роемъ постоянно жившихъ въ его имѣніи Чернь, гостей. Сношенія между Чернью и Муратовымъ, находившимися другъ отъ друга на разстояніи 40 верстъ, были самыя оживленныя, и обитатели ихъ находились въ постоянномъ общеніи. Пикники и поѣздки верхомъ, въ которыхъ особенно отличалась лихая наѣздница Саша, праздники и иллюминаціи составляли лѣтнія развлеченія всего общества. Зимой на смѣну имъ являлись домашнія забавы ввидѣ шахматъ и шашекъ, въ которыхъ опять-таки отличалась непобѣдимая Свѣтлана, игры въ секретари [5]), или знаменитыхъ плещеевскихъ спектаклей, для которыхъ пьесы писались самимъ Жуковскимъ, и въ которыхъ принимали участіе всѣ обитатели Муратова и Черни. Плещеевъ отличался на нихъ главнымъ образомъ самъ, обладая талантомъ импровизатора, чтеца, имитатора, музыканта, композитора и драматическаго актера. Курьезная программа одного изъ домашнихъ спектаклей, составленная и написанная Жуковскимъ, воспроизводится въ приложеніи.

Цѣлый день раздавался въ домѣ звонкій голосокъ милой Свѣтланы, и заразительный хохотъ самого Жуковскаго,

[1]) Славянинъ 1827 г., IV, 432.

[2]) 1-я вышла замужъ въ 1805 г. за Кирѣевскаго, а въ 1817 за Елагина, 2-я была замужемъ за Зонтагъ. Дочери сестры Екатерины Афанасьевны — Варвары.

[3]) Марія Ник. урожд. Вельяминова, дочь старш. сестры Е. А. — Нат. Афан. (род. 1785 г.).

[4]) Александръ Алексѣевичъ, 1775 — 1827. См. о немъ: Зейдлицъ, стр. 44.

[5]) См. въ приложеніи „Бумаги А. А. Воейковой“.

Муратовская Ночь

периодическое издание

(посвященное чувствительным душам)

Политическія происшествія

4-го Августа

Въ шесть часовъ пополудни прибыли представители Муратовской имперіи; рыдванъ [illegible] съ ассистентами запряженный шестью лошадьми, гдѣ съ Императрицею [illegible], Императорскою невѣстою, [illegible] предворными [illegible], Андреемъ [illegible], арбузами, [illegible] и Егоромъ. Кибитка на двухъ клячахъ и одною Яковъ съ [illegible] и дамы [illegible] императорскими [illegible], Императорскія [illegible] кобылы.

5 Августа

День прибытія императорской фамиліи въ село Муратово.

7-го Августа

Софья благополучно открыла свои физическіе эксперименты, способствующіе къ распространенію наукъ, особенно касающихся до истолкованія природы.

8-го Августа

На горизонтѣ нашемъ явилась комета, безхвостая и темная, свѣтившая съ 8-ми часовъ по 21-ю минуту, по свидѣтельству славнаго Гершеля, [illegible] свѣтила, свѣтила, да и пропала.

20-го Августа

Высокоторжественный день рожденія цесаревны Александрины. Этотъ день, въ который за пятнадцать лѣтъ передъ симъ природа украсилась однимъ изъ прелестнѣйшихъ своихъ произведеній, надлежитъ описать съ величайшею подробностію, и мы, какъ историки, желающіе [illegible], не пощадимъ своей [illegible] и такъ опишемъ [illegible] граціи, прелестной Гебы, веселой [illegible], игръ и царицы прелестей Венеры Анадіомены.

Утро было пасмурное; облака обѣщали дождь и не обманули, ибо шелъ дождь — но шелъ онъ недолго, чтобы [illegible] смертныхъ, что небо [illegible] дня этого, видя на немъ творенія столь [illegible], разсудило обратиться съ дождемъ и [illegible] всю Муратовскую имперію.

Автографъ В. А. Жуковскаго.

неистощимаго на различныя выдумки и проказы. Вотъ какъ описываетъ онъ въ шуточной формѣ одинъ изъ муратовскихъ праздниковъ, 20 августа 1810 года, происходившій по случаю дня рожденія „самой принцессы Александрины“, т. е. Александры Андреевны. Описаніе это хранится въ архивѣ А. А. Воейковой и представляетъ собою выпускъ шуточнаго „періодическаго изданія“, подъ названіемъ „Муратовская вошь“, составленнаго и собственноручно переписаннаго Жуковскимъ. Приводимъ отрывокъ изъ него, касающійся упомянутаго праздника [1]).

20-е Августа.

„Высокоторжественный день рожденія цесаревны Александрины. Этотъ день, въ который за 15 лѣтъ передъ симъ природа украсилась однимъ изъ прелестнѣйшихъ произведеній, которое надлежитъ описать съ величайшею подробностью, и мы какъ историки, желающіе жить въ потомствѣ, непощадимъ своей силы. И такъ начнемъ благословясь во имя трехъ Грацій, прелестной Гебы, веселой Флоры, смѣховъ, игръ и царицы прелестей Венеры Анадіомены.

Утро было пасмурное; облака обѣщали дождь и не обманули ибо шелъ дождь но шелъ онъ не долго, а чтобы только доказать смертнымъ, что небо желая сойти на землю для того чтобы видѣть на ней своими глазами твореніе его достойное, разсудило обратиться въ дождь и вымочить всю Муратовскую имперію.

Муратовская комета ходила на прудъ ловить рыбу и ничего не поймала, отчего и произошли на ней нѣкоторыя темныя пятна, замѣченныя въ телескопъ Муратовскими астрономами.

Въ вечеру сего дня, т. е. въ 20-е число Августа была иллюминація; комета прохаживалась по залѣ и по хорамъ и свѣтила безденежно; денежныя свѣчки сіяли какъ рублевыя; огненныя фонтаны собирались бить высоко да раздумали; ракеты ползли окарячь; а учредитель фейерверка плюнулъ да прочь пошелъ.

На слѣдующій день былъ данъ, въ императорскомъ дворцѣ, для всѣхъ чиновъ Муратовскихъ балъ.

На цвѣтущемъ лугу, при вѣяніи Зефира нѣсколько уже устарѣвшаго, — въ виду колоссальныхъ качель, и миніатурной

---

[1]) Въ архивѣ имѣется еще любопытный рукописный сатирическій журналъ, написанный рукою Жуковскаго подъ названіемъ „Муратовскій сверчокъ“. Онъ воспроизводится въ приложеніи.

кухни, поставлены были столы — одинъ столъ для кавалеровъ, другой для дамъ — съѣхались гости и сѣли за столы дубовые; замѣтнейшій между ими былъ широкій Медовые уста; кузнецъ носъ серпомъ, утиные глаза; и заслуженная статсъ-дама Антипьевна. Надобно замѣтить, что передъ обѣдомъ императрица допустила всѣхъ къ ручкѣ, и принимала обычныя дани цыплятами, пирогами, поросятами, гусями и индѣйками.

Угощалъ посѣтителей Григорій Деменьтьевичъ въ синемъ сертукѣ съ большими пуговицами, которыя сіяли на немъ какъ звѣзды на сапфирѣ небесномъ.

Послѣ обѣда было представленіе разныхъ квилибрическихъ равновѣсныхъ квилибрій; между тѣмъ прочимъ одинъ безымянный посѣтитель представлялъ паденіе Фаэтона а на порогѣ глиняную кошку, которая киваетъ головою. За симъ слѣдовалъ великолѣпный балетъ, сраженіе Горацієвъ и Курацієвъ: Главными дѣйствующими лицами были Рязанецъ и Муратовскій староста. Первый представлялъ Горація, послѣдній Куріяція: Антиповна была Камилла; Деменьтьевичъ дирижировалъ оркестромъ.

Потомъ всѣ посѣтители пошли къ императорскимъ качелямъ, качались, болтали, прыгали и пѣли слѣдующую похвальную пѣснь императрицѣ и ея придворному штату:

Слава Матушкѣ Аѳанасьевнѣ, слава вѣчная пирогамъ ея!
Слава Марьѣ Андреевнѣ въ фартукѣ слава!
Слава Александрѣ Андреевнѣ и съ кудряшками слава! и пр".

По тому же поводу, въ другой разъ Жуковскій написалъ слѣдующіе стихи:

Честные Господа,
За что на насъ гоненье?
Вѣдь радость не бѣда
Она намъ извиненье!
День первый Сентября
Сталъ Августа двадцатый!
Такое чудо зря,
Сержанты и солдаты
Смягчите строгій взглядъ!
Будь каждый съ нами радъ!
Кометы появленье
И милыя рожденья
Мы празднуемъ въ сей часъ!
Но всякъ скажи изъ насъ:
Комета, Богъ съ тобою!
Иди своимъ путемъ!
Будь славною звѣздою,
Да насъ не тронь хвостомъ!
А ты Александрина,
Нашъ міръ не покидай!
Будь счастья въ немъ причина!
Собою всѣхъ плѣняй
И жизнью веселися,
Невинная душой!
Но только не сердися
Что Августъ ясный твой,
По щучьему велѣнію,
По нашему прошенію,
Сталъ мрачнымъ Сентябремъ!
Какая нужда въ томъ:
Все будешь прелесть свѣта!
А тѣмъ, кому судьбой
Дано въ немъ быть съ тобой
И осень лучше лѣта.

Сего 1811го года, въ разсужденіи 31го числа Августа, Хвосто-Обязнаго распространенія некоторыхъ Свѣтилъ и еще не которыхъ интересного рожденія, прибывшіи сюда недавно: Японскій иностранецъ, Курьозникъ первого градуса и дистиллаторъ Пильферерь магнусъ магическихъ появленій; профессоръ физическихъ тревожненій францъ машзеліусъ, и демоническій гадатель или лучше сказать исправникъ двоистотечныхъ притяженіи Барнобасъ пафнутьевичь имѣютъ честь объявить съ надлежащимъ уполненіемъ, что они намѣрены, не въ примѣръ другимъ и безъ малѣйшаго отношенія къ безименнымъ начиніевамъ атмосферическаго отрицанія, угостить различными курьозными, карточными, политическими, цѣлыми, и даже неизгладимыми курьозностями лицезрѣніе чернскихъ обожныя посетителей. Си расторопности должны представлены быть въ слѣдующемъ порядкѣ:

1е штука: туркъ. не говоря о прочемъ.

2. штука: мешкообразные карманности или съ позволенія (карты записные книжки, произведутъ всеобщее удивленіе).

3. штука: представится не домовъ армидинъ, не побіеніе вифліемскихъ младенцевъ, не судъ Соломоновъ, ни конь буцефалъ и александръ великій, но Лайшница въ шапкѣ, къ утѣшенію сердца и къ убѣжденію разсудка,

4. штука: Курица Прока отправляется путешествовать по обѣщанію во оставленіе цыплятъ и не въ обиду другимъ.

5. штука: мышьница, сѣтующая о мышникѣ, или утѣшеніе кающагося.

6. штука: червонцы самоходы, или удивленіе безъ пошлины.

7. штука: Стаканъ не болванъ, и вода не бѣда, или пей не робѣй себѣ не облей:

8. штука: карта въ ложкѣ а сердце въ лукошкѣ

9. штука: Храмъ любви (или панъ хочетъ надови).

10е штука: Червонцы, обращенные въ жидное золото, которое само собою выходитъ изъ рудника..

Наконецъ для Симметріи отпустятъ въ ту минуту когда не воображающіе не бѣдная Попинька Ивановна долгохвостова ~~[illegible]~~ начнетъ попадывать. лупа изведшая свои ~~[illegible]~~ различныя капризы и прокормы.

Цѣна заходу, съ дамъ: по одной улыбка съ половиной и по одному комплименту въ зимаду изъ подмодья.

Асъ лицеинъ по своему коренному зубу.

Шуточная программа представленія, написанная рукою В. А. Жуковскаго.

Жуковскій очень часто и одинъ посѣщалъ своего близкаго друга Плещеева, и живалъ у него по нѣскольку недѣль. Оттуда онъ нерѣдко переписывался со своими муратовскими пріятельницами и его шутливыя письма, всегда въ стихотворной формѣ сохранились въ бумагахъ Свѣтланы. Посланія эти представляютъ собою очень большой интересъ какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ. Здѣсь мы публикуемъ впервые цѣлый рядъ такихъ произведеній, писанныхъ ко всѣмъ членамъ семейства Протасовыхъ.

Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, описаніе поѣздки Жуковскаго къ своему другу А. А. Плещееву.

По кочкамъ, каменьямъ,
Преслѣдуемъ суровымъ
Морозомъ, съ Дербичовымъ
Я полетѣлъ къ друзьямъ;
Кони меня крылаты
Безвредно донесли;
Встрѣчать меня пришли
Въ передней Плещеняты [1]),
Ихъ мать и Букильонъ [2]),
А самъ Плещукъ копченый [3])
Бывъ страшно разсерженъ
Моей, друзья, измѣной
Ко мнѣ не выходилъ
И съ докторомъ [4]) долбилъ
Въ столовой шаромѣхомъ [5])
Шары какъ на убой!
Вы спросите со смѣхомъ.
Какой привлекъ виной
Отъ негра я презрѣнье?
Причиною тому
Къ обѣду неявленье.
Однако моему
Онъ все былъ радъ пріѣзду!
Пускай не выбѣгалъ
Онъ съ моськами къ подъѣзду!
Но вѣрно прошепталъ
Сквозь зубы разъ десятокъ,
Онъ пѣсню плещенятокъ:
„Тѣмъ лучше! какъ я радъ!..."
Но, что?... зовутъ обѣдать!
Ахъ! гдѣ объ мнѣ. Какъ быть!
Что я во всякій часъ
При васъ моей душою,
И жертвовать собою
И всѣмъ готовъ за васъ!
Сказалъ хоть не прекрасно —
Да коротко и ясно.
(Приписка). А Свѣтлана? Охъ
хороша!

Письмо Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ писанное у Плещеевыхъ къ Протасовымъ.

Я собирался къ вамъ
Летѣть съ моимъ почтеньемъ
И съ нѣжнымъ поздравленьемъ
Но вздумалось судьбамъ
Расчетъ мой переправить
И я друзей поздравить
За очно принуждёнъ!
Печаленъ сей законъ!

---

[1]) Управляющему Черни, франц. стихотвореніе Жуковскаго посвященное ему, частью было извѣстно. Въ архивѣ Воейковой оно находится полностью. См. прилож.
[2]) Дѣти Плещеева.
[3]) Плещеевъ имѣлъ смуглый цвѣтъ лица и Жуковскій называлъ его въ письмахъ: „черная рожа" и „мой негръ".
[4]) Д-ръ Форъ, французъ, взятый въ плѣнъ подъ Мало-Ярославцемъ.
[5]) Билліардъ.

Но какъ же то случилось,
Что и во снѣ не снилось!
Вотъ такъ. Былъ ясный день!
Прогнавши сонъ и лѣнь,
По просьбѣ Плещепупа,
Безъ денегъ, безъ тулупа,
Пошелъ я чинно въ садъ!
Ходили, мы ходили,
Да ноги замочили!
Когдажъ пришли назадъ,
А лихорадка съ нами!
И ну стучать зубами.
Желанный Плещепупъ
Въ набойчатомъ турбанѣ,
Подъ дюжиною шубъ
Въ гостинной на диванѣ
Кобенился, кряхтѣлъ
И мерзнулъ и потѣлъ;
А я какъ будто съ бою,
Съ двуярусной щекою
Съ хандрою въ головѣ
На штофныхъ креслахъ жался
И тѣмъ уподоблялся
Трофимовнѣ совѣ. —
Товарищъ мой все боленъ!
А я хоть и уволенъ
Отъ щелканья зубовъ
Но въ лапахъ у Лефорта, [1])
Не доктора а чорта,
Сушителя кишковъ,
Злодѣя поваровъ!
Когда бъ его послушать,
То кухню бъ на запоръ!
Онъ не охотникъ кушать
И Богъ его запоръ.
За то ужъ наша Нина!! [2])
На голосъ казачка
Поетъ изъ подтишка
„О рожа! о скотина!
„Копченый сатана!“
Не диво! вѣдь она
Желудку не злодѣйка!
Въ рукахъ ея индѣйка
И два-три пирога
Исчезнутъ въ два мига!
Пріятно ль ей поститься!
Но я чѣмъ виноватъ!
И можно ль не взбѣситься?
Злодѣи говорятъ,
Что будто очень худо
Дарить друзей простудой
(Своей, а не чужой)
Что будто въ грязь, по стужѣ
Поѣду я домой;
Что притаившись въ лужѣ
Съ бутылкой хины ждетъ
Меня сестра припадка
Злодѣйка лихорадка!

* * *

О милыя друзья!
И такъ невольно я
Сей день для насъ безцѣнный
Не съ вами проведу.
Но мыслями найду
Я къ милымъ путь открытый!
Для мыслей хины нѣтъ.
И важный факультетъ
Съ своей пузырьной свитой
Не властенъ удержать
Ихъ быстрое стремленье....

„Но должно кончить прозой... Анна Ивановна, которая изволила насъ съ Букильономъ обмануть жестокимъ образомъ (вѣрно уже она тѣмъ и похвастала въ своемъ письмѣ) кричитъ въ добавокъ въ дверь: печатай письмо.

Будьте здоровы, милые друзья! Дня черезъ три, или четыре я непремѣнно буду у васъ! Напишите куда пріѣзжать въ Муратово или въ Орелъ?

Прошу васъ исполнить слѣдующую мою просьбу. Завтра или послѣ завтра пріѣдетъ мой староста съ рекрутами въ Орелъ

[1]) Очевидно, Le Faurt, т. е. д-ръ Форъ.
[2]) Анна Ивановна, жена Плещеева.

Прикажите Васѣ [1]) позаботиться объ поставкѣ. Я велѣлъ прямо къ нему явиться. Второе, — узнайте нѣтъ ли писемъ на мое имя изъ Петербурга. - Наши злѣшніе дѣла слава Богу идутъ хорошо. Лихорадка моего Плещученки обманула насъ для перваго Апрѣля и не пришла; хотя и обѣщала. Цѣлую ваши ручки".

На томъ же листѣ.

Къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой.

1812 г.

Писано у Плещеевыхъ.

Скажите, Катерина!
Какая бы причина
Что вы въ душѣ моей
Сидите да сидите!
Вѣдь что не говорите
Такого сидня въ ней
Еще и не бывало!
Не много и не мало
А двадцать девять лѣтъ
Какъ мнѣ лишь вами свѣтъ
И веселъ и прекрасенъ!
Недугъ сей не опасенъ
За то неизлѣчимъ!
И видно что ужъ съ нимъ
Тащиться до могилы!
Отъ сей болѣзни милой
Я заживо умру
И самъ своей рукой
Съ досады раздеру,
Подписанный судьбою
На жизнь сію билетъ!
Пугать собою свѣтъ
Томиться привидѣньемъ!
Быть скучнымъ мертвецомъ,
И въ свѣтѣ съ отвращеньемъ
Въ занятіи такомъ
Не вижу я отрады!
Я жить для васъ готовъ!
А скучныхъ мертвецовъ
Оставимъ для баллады!

Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской впослѣдствіи Елагиной.

Авдотья, напишите
Каковъ вашъ Петруханъ [2])
И Маша [3]) и Иванъ! [4])
Люблю ихъ — не взыщите!
Люблю отъ всей души!
Вѣдь право хороши!
Скажу вамъ безъ притворства
Не ради стихотворства,
Вы счастливая мать!
Они жъ, ни дать, ни взять
Какъ милые амуры,
И Ваня бѣлобрысый,
И Петя пѣтушокъ,
И Машинька дружокъ
Смѣящаяся радость!..
Что въ мірѣ лучше ихъ?
Въ кругу дѣтей такихъ —
И жизнь не жизнь, а сладость.

Александрѣ Андреевнѣ Протасовой (Воейковой) [5]).

Что дѣлаешь Сандрокъ?
Кружишся ль какъ сверчокъ
По стульямъ по окошкамъ!
Стрижешь ли морды кошкамъ!
Рисуешь ли усы
Крючки и колбасы

---

[1]) Вѣроятно, В. А. Азбукину.
[2]) Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, 1808 — 1856.
[3]) Марія Вас., 1811 — 1859.
[4]) Иванъ Вас., 1806 — 1856. Извѣстный писатель.
[5]) Печатано въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ В. А. Жуковскаго, 1895 г.

На Вицмановой рожѣ
Иль чертиковъ въ рогожѣ
Сажаешь на носы?
Иль мухъ сбираешь въ банки.
Иль лежа на лежанкѣ
Бутылкамъ, сундукамъ,
И сальнымъ парикамъ
И рыжимъ женихамъ
Разсказываешь съ жаромъ!
Иль рожами смѣшишь
Иль споришь съ самоваромъ
И чайники казнишь?
Ты милое творенье;
Ты взглядомъ обратишь
И горе въ восхищенье;
Съ тобой явилась въ свѣтъ
Веселость, гость крылатый,
Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ. —

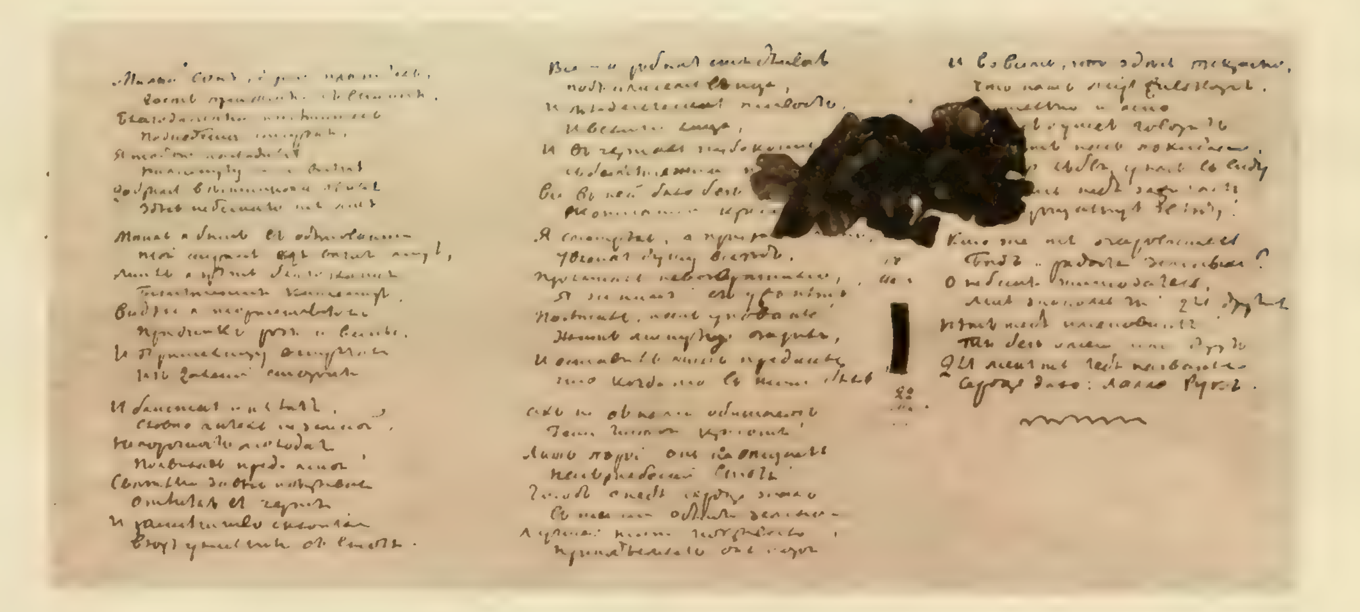
Къ Марiѣ Андреевнѣ Протасовой (Мойеръ).

Нѣтъ право мочи нѣтъ
Какой сталъ нынѣ свѣтъ!
Быть свѣтупреставленью,
По щучьему веленью
По моему прошенью!..
Нѣтъ! тѣсно жить въ Черни!
Здѣсь повара одни!
Не думай, другъ мой Маша,
Въ Черни искать друзей
Для пользы знай твоей
И грѣшневая каша
Тебя сто разъ милѣй.
Желаешь ты примѣра!
Спроси у землемѣра
Онъ прямо скажетъ да!
А Ѳеотрастъ докажетъ
Что пьяный никогда
Неистины не скажетъ!..
Давно Сократъ сказалъ:
Счастливъ кому послалъ
Создатель въ жизни друга
Подобнаго тебѣ!
Тотъ вѣрно милъ судьбѣ
И радость съ нимъ подруга!
Но Нина [1]) шепчетъ мнѣ:
„Читать довольно скушно!“
И очень равнодушно
У моськи на спинѣ,
Изволитъ по преданью
Искать проворныхъ блохъ!
Кто не воскликнетъ охъ!
Какъ можно блохисканью
Тебя не предпочесть!
Когда, оставя лесть,
Мой другъ передъ тобою
Покажется блохою
И все что въ мiрѣ есть
И мило и прекрасно!
И такъ мой другъ напрасно
Отъ Нины дружбы ждать!
Будь моськой или макомъ
Или печенымъ ракомъ,
И будетъ обожать...
Но можно ли желать
Такое превращенье!
Прелестнѣйшаго свѣтъ
Лишился бъ украшенья!
Другой въ немъ Маши нѣтъ!

Вѣроятно, ко времени отъѣзда Жуковскаго въ Москву относится письмо его къ Машѣ, безъ года и числа [2]), въ которомъ приписано слѣдующее обращенiе къ Сашѣ:

А ты, мой несравненный цвѣтъ,
Лѣнивица безцѣнна;
Отецъ твой крестный и поэтъ
Изъ края отдаленна,
Тебѣ желая много лѣтъ
Взываетъ умиленно.
Пиши къ нему, не полѣнись,
Хоть прозой, хоть стихами
И съ нимъ хоть издали дѣлись
И смѣхомъ и слезами
Онъ приметъ къ сердцу все отъ вас.

[1]) Анна Ивановна Плещеева.
[2]) См. ~~въ приложенiи „Бумаги А. А. Воейковой“~~ ч. II. письма В. А. Жуковского

Автографъ В. А. Жуковскаго. Изъ альбома А. А. Воейковой.

Стихотворенія эти даютъ намъ прекрасную картину шутливо веселаго быта обитателей Муратова, и прибавляютъ много цѣнныхъ чертъ къ ихъ характеристикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они рисуютъ намъ искреннія, дружескія почти до фамильярности отношенія, существовавшія между Жуковскимъ и Екатериной Афанасьевной, характеръ которой намъ представлялся всегда до сихъ поръ немного сумрачнымъ, суровымъ и непреклоннымъ. Мы видимъ, что и она съ большою искренностью и неподдѣльнымъ чувствомъ принимала участіе въ общемъ весельи и развлеченіяхъ.

Все описанное выше относится ко времени 1810—12 г.г. когда зрѣла любовь поэта къ Машѣ, но когда онъ еще не имѣлъ объясненія съ Екатериной Афанасьевной и не получилъ отказа. Слѣдствіемъ послѣдняго былъ, какъ извѣстно, отъѣздъ его на войну въ концѣ 1812 года, болѣзнь и возвращеніе въ январѣ 1813 года въ Муратово, гдѣ, несмотря на непреклонность Е. А. Протасовой, овладѣвшая Жуковскимъ вновь надежда на успѣхъ, возродила вмѣстѣ съ тѣмъ веселье въ Муратовскихъ владѣніяхъ.

Кромѣ описаннаго выше словами Жуковскаго праздника въ день рожденія Александры Андреевны, намъ извѣстна еще встрѣча веселаго Новаго года 1814-го, особенно торжественная по случаю возвращенія Жуковскаго и побѣды русскихъ войскъ. Въ это же время впервые на горизонтѣ мирнаго счастья и безмятежнаго веселья муратовской „общины“ появляется мрачная фигура А. Ф. Воейкова, будущаго мужа Свѣтланы. Вотъ что пишетъ онъ самъ на поляхъ книги „Сочиненія Дмитріева“ [1]), о своемъ прибытіи въ Муратово, по приглашенію Жуковскаго:

„18¹/₁14, Встрѣтилъ Орловской губерніи въ селѣ Муратовѣ очень пріятно въ домѣ Катерины Афанасьевны Протасовой. У нее тогда были Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ съ супругою своей Анной Ивановной, Нина Петровна, Авдотья Петровна, и Катерина Петровна Юшковы. Семейство К. А. Прот. составляютъ, Марія Андреевна, Александра Андреевна и Жуковскій. Мнѣ должно было быть очень весело въ семъ раю, обитаемомъ Ангелами, но...

Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille? и я иногда задумывался, даже грустилъ“.

Вотъ какъ разсказываетъ Толычова, со словъ Кирѣевскихъ, объ этомъ праздникѣ [2]).

[1]) Въ собр. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.
[2]) См. „Русскій Архивъ“, 1877 г. II.

„Декабрь приходилъ къ исходу, собирались весело встрѣтить новый годъ. Жуковскій приготовилъ стихи. Увеселенія начались съ игръ и жмурокъ. Бѣгая другъ за дружкой молодые люди поглядывали, въ ожиданіи сюрприза, на таинственный занавѣсъ, прикрѣпленный между двухъ колоннъ, поддерживавшихъ переходы верхнихъ этажей черезъ большую высокую залу. Въ данную минуту занавѣсъ поднялся и передъ зрителями явился Янусъ. На его затылкѣ была надѣта маска старика, голову окружала бумага, вырѣзана короной, надъ лбомъ было написано крупными буквами число истекшаго года 1813; надъ молодымъ лицомъ стояла цифра 1814. Обѣ надписи были освѣщены посредствомъ огарка, прикрѣпленнаго къ головѣ Римскаго бога. Его роль исполнялъ одинъ изъ крѣпостныхъ людей, которому приказано было переносить, неморщась, боль отъ растопленнаго воска, если онъ потечетъ на его макушку. Старикъ Янусъ поклонился обществу и промолвилъ:

Друзья я восемьсотъ
Увы! тринадесятый
Весельемъ не богатый
И очень старый годъ.

Потомъ онъ обернулся къ публикѣ молодымъ своимъ лицомъ и продолжалъ:

А братъ, наслѣдникъ мой
Четырнадцатый родомъ
Утѣшитъ васъ приходомъ
И миръ вамъ дастъ съ собой.

Въ отвѣтъ на слова Януса прозвучала полночь, выпили шампанское и сѣли за ужинъ“.

Приведенные стихи Жуковскаго здѣсь сильно сокращены. Мы приводимъ ихъ здѣсь впервые полностью, по оригинальной рукописи самого поэта, находящейся въ архивѣ

Стихи, читанные въ Муратовѣ на новый 1814-й годъ.

1.

Друзья, я восемьсотъ
Увы, тринадесятый
Весельемъ не богатый
И старый очень годъ!
Двѣнадцать бьетъ часовъ,
Отецъ Сатурнъ грозится!
Знать надобно проститься
Вамъ мой отчетъ готовъ.

2.

А братъ наслѣдникъ мой
Четырнадцатый родомъ
Утѣшитъ васъ приходомъ;
Онъ щедрою рукой
Все то вамъ возвратитъ,
Что было взято мной,
Здоровье съ тишиной
И миръ Вамъ подаритъ.

О милой другъ, теперь съ тобой радость,
А я одинъ, и мой печаленъ путь!
Живи, вкушай невинной жизни сладость!
Въ душѣ неомраченной, достойна счастья будь!
Но не отринь въ толпѣ пленительныхъ забавъ
Ты друга прежняго, увядшаго душой!
Въ счастливы дни, ему отрадой будь
Его, мой другъ, не позабудь!

—

О милой другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку!
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ...
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ!
Но и въ дали моя душа съ твоей согласна!
Любовь ни времени ни мѣсту неподвластна!
Всегда, вездѣ, ты мой хранитель-ангелъ будь!
Меня, мой другъ, не позабудь!

—

О милой другъ! пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила!
Есть лучшій міръ! тамъ мы любить свободны!
Туда моя душа ужъ все перенесла!
Туда всечасное влечетъ меня желанье!
Тамъ свидимся опять, тамъ наше воздаянье!
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь!
Меня, мой другъ, не позабудь

1811. Сентябрь 19.

Автографъ В. А. Жуковскаго. Изъ альбома А. А. Воейковой 1811 г.

3.

Веселый есть пріютъ
Близъ Болховской дороги,
Тамъ васъ Пенаты боги
Съ дарами счастья ждутъ.
Тамъ свѣтлый прудъ и садъ,
Домъ старый съ мезониной,
И негръ Плещеевъ съ Ниной,
И близокъ Болховъ градъ.

4.

Подъ липою весной,
Зимой подлѣ печи,
Вамъ Жучка въ епанчи
Пѣть будетъ вѣкъ живой;
И будетъ Суринамъ [1])
Убѣжище веселья,
Межъ дѣла и бездѣлья
Промчатся годы тамъ.

5.

Лишь въ этотъ Суринамъ
Вы ступите ногою.
Подписанный судьбою,
Контрактъ отдастся вамъ,
„Всегда веселью быть"
„Считать дни за мгновенья",
„Прошедшія-жъ мученья"
„Навѣки позабыть".

6.

И вотъ вамъ братецъ мой,
Его вамъ представляю,
Ему вершить ввѣряю
Предсказанное мной!
Въ часъ добрый милый братъ
Простимся, до свиданья!
Ты съ чашей упованья
Впередъ, а я назадъ.

7.

Друзья, я восемьсотъ
Четыренадесятый
Надеждою богатый
И новымъ счастьемъ годъ!
Въ наслѣдство получилъ
Отъ брата завѣщанье,
Онъ ваши мнѣ желанья
Исполнить поручилъ.

Въ знакъ того, что предсказаньемъ
Ложнымъ Вамъ я не польстилъ,
Вашимъ сладкимъ воздаяньемъ
(зачеркнутая строка)
Вдохновенная котлетка
И яичница краса,
И съ начинкою насѣдка,
И маркизша колбаса.
Съ ними баринъ поросенокъ,
Кулебяка, пирожки,
И съ горчицею утенокъ,
И Жуковскаго стишки,
И Плещеева куплеты,
И Воейкова гудокъ
Проскрипитъ вамъ многа лѣта,
Какъ подъ розгою щенокъ [2]).

На это же событіе написалъ стихотворный „Тостъ Жуковскому" и Воейковъ, и привѣтствовалъ въ немъ благополучное возвращеніе поэта съ поля военныхъ дѣйствій. Стихи эти дважды записаны въ альбомы Саши. Въ находящемся у насъ ея альбомѣ ихъ переписала Маша, въ альбомѣ принадлежащемъ

[1]) Имѣніе Плещеевыхъ называлось Суріянино.

[2]) На поляхъ рукописи отмѣчены рукой Жуковскаго инициалы лицъ, очевидно, присутствовавшихъ на праздникѣ „Екат. Афан., Анна Ив. (Плещеева), Анна П. (Юшкова) Ав. П. (Кирѣевская) Ек. П. (Юшкова)" „М. Ан. (Маша), Ал. Ан. (Саша) П. Ан. (?) П. Фед. (?) вой. (Воейковъ)". „Бук. (Букильонъ), Фріофъ (докторъ), Докт. (д-ръ Форъ)". Налѣво, карандашомъ написаны его же рукой названія блюдъ, очевидно, приготовленныхъ для ужина: „поросенокъ, колбаса, сосиски, горчица, икра, яишница".

графинѣ А. А. Бревернъ-де-ла-Гарди, откуда стихи перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1912 года, они написаны самимъ авторомъ.

Кромѣ Воейкова, Муратовское и Черньское общество увеличилось около этого времени еще новыми членами — плѣнными французскими офицерами Бонами и Мену, попеременно жившими у гостепріимныхъ хозяевъ обоихъ имѣній.

Изъ нихъ душою общества былъ Бонами, о которомъ не разъ упоминается въ альбомахъ Саши и въ шутливыхъ стихахъ Жуковскаго, онъ и игралъ въ шахматы съ Свѣтланой и декламировалъ французскіе стихи, и наконецъ самъ писалъ ихъ въ альбомы барышнямъ и красавицѣ „Нинѣ“ Плещеевой. Стихотвореніе, посвященное послѣдней, переписано Машей въ альбомъ Свѣтланы.

Къ 16-му января того же года относится знаменитый праздникъ, данный Плещеевымъ у себя въ Черни, по случаю дня рожденія его жены и по случаю возвращенія Жуковскаго, событія, уже отпразднованнаго въ Муратовѣ [1]).

На этотъ разъ празднество отличалось особою торжественностью. Послѣ обѣдни многочисленнымъ гостямъ была предложена прогулка въ рощу, гдѣ виновницу торжества встрѣтила богиня, стоявшая около жертвенника и привѣтствовавшая ее поздравительными стихами. Тутъ же былъ накрытъ роскошный завтракъ, послѣ котораго вновь всѣ отправились на прогулку. Въ обширномъ паркѣ Черни были спеціально понастроены павильоны и зданія, наполненные костюмированными, и между прочимъ цѣлый городъ, на площади котораго былъ устроенъ рынокъ, гдѣ многочисленные торговцы и торговки предлагали гостямъ на память сувениры отъ гостепріимнаго хозяина. Въ особой башнѣ, съ помощью зеркалъ, была устроена камера-обскура, въ которой зрители видѣли вдали на лужайкѣ портретъ Анны Ивановны, вокругъ котораго плясали живые амуры.

Закончился праздникъ обѣдомъ и спектаклемъ, на которомъ, съ участіемъ самого хозяина, давали трагедію Софокла Филоктетъ и французскій фарсъ, въ которомъ особенно смѣшилъ публику самъ Плещеевъ. Въ заключеніе, конечно, состоялась неизбѣжная иллюминація и фейерверкъ, едва не навлекшіе на хозяина серьезныя непріятности. Причиною этому были огненныя буквы „Н“ (Нина, какъ звалъ жену Плещеевъ), принятыя нѣкоторыми гостями за инициалы Наполеона. Результатомъ яви-

[1]) См. въ „Русск. Арх.“ 1877 г., II.

Рукопись В. А. Жуковскаго.

лось даже объясненіе съ губернаторомъ, впрочемъ кончившееся вполнѣ благополучно.

На поляхъ сочиненій Дмитріева, своемъ своеобразномъ дневникѣ, А. Ф. Воейковъ записалъ слѣдующія слова объ этомъ торжествѣ:

„18¹/₆14, въ Черни деревнѣ А. А. Плещеева. Двойной праздникъ fête des rois и возвратъ Жук. изъ арміи въ прошломъ году. Меня выбрали въ короли бобовъ. А. И. Плещеева пѣла Свѣтлану съ оркестромъ, потомъ Велизарія, потомъ Клоссенъ игралъ русскія пѣсни на віолончели. За ужиномъ всѣ кромѣ меня подпили; пито за здоровье Ангела-хранителя Жуковскаго, за любовь и дружбу. Гораціянскій ужинъ! благородное пьянство! изящныя дурачества!“

Приблизительно къ тому же времени относится еще одно шуточное посланіе Жуковскаго къ своей крестницѣ, написанное, очевидно, по случаю ея временнаго отъѣзда въ Чернь, погостить къ Плещеевымъ.

Шуточное письмо въ стихахъ къ А. А. Протасовой. (Воейковой).

Лишь я глаза открылъ,
Какъ мнѣ сказалъ Никита,
Что ты, моя Харита,
Пріѣхала назадъ
Съ Надеждой и каретой!
Отъ милой вѣсти этой
Прошелъ остатокъ сна!
Но тайна объяснилась!
Карета возвратилась —
Надежда въ ней одна!
И я Надежду въ злости
Отчаяньемъ назвалъ,
А въ утѣшенье кости
Никитѣ изломалъ.
Письмо твое читали,
Собравшись мы въ кружокъ;
Смѣялись, но вздыхали,
Что милый нашъ дружокъ,
Нашъ легкій мотылекъ
Такъ улетѣлъ далеко.
Въ разлукѣ быть жестоко.
Но ты вѣдь тамъ съ друзьями,
А мыслью вмѣстѣ съ нами.
Смотри же — будь умна,
Сиди на стульяхъ прямо!
Не слишкомъ спорь упрямо,
Чтобы не вздумалъ свѣтъ
Назвать тебя кликушей!
(А въ кликахъ правды нѣтъ).

*

Табачною папушей,
Ты носъ не утирай!
Въ зубахъ не ковыряй
Перстами — не учтиво
Не слишкомъ торопливо
И въ шахматы играй!
Не дѣлай дураками
Иль матовъ Бонами,
И пѣшкой не страми
Того, кто подъ штыками
Сталъ бѣднымъ рѣшетомъ.

*

И все тутъ наставленье.
Еще бы объ одномъ
Сказалъ я въ заключенье!
Вѣрь Богу всей душой!
Но это бездѣлушка!
Короче: будь умна!
И будетъ мной дана
За то тебѣ ватрушка

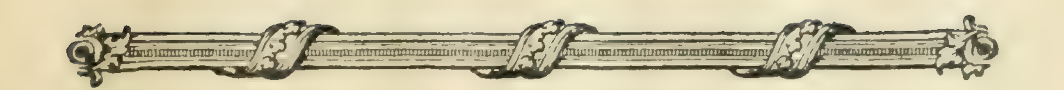
Съ сметаной, съ творогомъ.
Прошу тебя притомъ
Сказать твоей хозяйкѣ,
Что я на балалайкѣ
Ея рожденья день
Хотѣлъ брянчать — но лѣнь!
А тетушкѣ Еленѣ
Скажи: Ей Богу стыдъ,
Что такъ меня бранитъ!
Что на одномъ колѣнѣ
Я сталъ готовъ просить,
Чтобы меня простить
Въ винѣ моей безвинной!
Что Меньщиковъ старинный
Бывалъ разнощикъ блинный,
Что правнуки его,
Хотя и отучились
„Блины! блины!" кричать,
Но въ честь ему рѣшились
По свѣту торговать
Словесными блинами,
Который, между нами,
Ихъ сплетнями зоветъ.
Что блинъ, гдѣ я припекой,
Рукой судьбы жестокой
Немного подожженъ —
Что комомъ вышелъ онъ!
Что я жду съ нетерпѣньемъ
Минуты милой жду,
Когда съ моимъ почтеньемъ
Въ Черни къ ней подойду!
Что отъ нее награды
Себѣ дерзаю ждать:
Чтобъ экземпляръ баллады
Капустной написать,
Своею мнѣ рукою
Велѣла для себя!
Вотъ все и Богъ съ тобою!
Я самъ люблю тебя!

А. Ѳ. Воейковъ. Рисунокъ карандашемъ.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ-де ла-Гарди.

Глава III.

А. Ѳ. Воейковъ. — Ухаживаніе его за Сашей. — Отношеніе къ этому Жуковскаго и родныхъ. — Сомнѣнія Жуковскаго и Маши.

Мы попытались въ предыдущихъ главахъ очертить характеръ Саши Протасовой и выяснить ея взгляды на жизнь и ея міросозерцаніе, сложившееся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воспитателя и крестнаго Жуковскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нами прошла картина беззаботно-счастливаго дѣтства и юности, окруженной любовью и заботами умной, веселой, очаровательной Свѣтланы, съ радужными надеждами взиравшей на улыбавшееся ей будущее.

Юное сердце 15-лѣтней красавицы жаждало любви и, какъ мы видѣли выше, въ прочной привязанности она мечтала найти свое счастье.

Ей невѣдома была жизнь, ей чужды были люди; вмѣстѣ съ художественно-поэтическими наклонностями она унаслѣдовала отъ своего крестнаго его идеализмъ, его слѣпую вѣру въ людей и ту, подчасъ смѣшную житейскую наивность, которою отличался всегда самъ Жуковскій...

Почти безвыѣздно провела Саша свое дѣтство и юность въ деревнѣ [1]), а то общество, которое ее тамъ окружало, во главѣ съ идеалистомъ крестнымъ, или его чудачливымъ другомъ Плещеевымъ, мало было способно ознакомить ее съ практической стороной жизни, со всею жизненною прозой.

Мы уже упомянули выше о появленіи въ Муратовѣ Александра Ѳедоровича Воейкова, пріѣхавшаго туда въ концѣ 1813 года.

Воейковъ [2]), какъ и Жуковскій, воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, въ одно время съ Н. И. Тургеневымъ. Жуковскій былъ знакомъ съ нимъ уже въ 1801 году, какъ съ участникомъ Дружескаго Литературнаго Общества, вмѣ-

[1]) Изрѣдка, впрочемъ, семья Протасовыхъ посѣщала Орелъ и даже Москву, какъ это видно изъ позднѣйшей записи Саши (1825 г.) въ которой она вспоминаетъ о своемъ первомъ выѣздѣ въ свѣтъ, о концертѣ Фильда, о свадьбѣ Четвертинской, событіяхъ, относящихся къ 1809 году; о поѣздкѣ въ Москву своей „милой переписчицы“ писалъ также Жуковскій Тургеневу, осенью 1810 года.

[2]) Род. 15 ноября 1778 г., ум. 16 іюня 1839 г.

стѣ съ Мерзляковымъ, Андреемъ Тургеневымъ и другими. Кружокъ этотъ даже собирался одно время въ домѣ Воейкова, на Дѣвичьемъ Полѣ, въ которомъ у него снималъ двѣ комнаты Мерзляковъ. Жуковскій же ввелъ Воейкова въ Арзамасъ, гдѣ онъ получилъ странное названіе „Дымной Печурки". Добродушный и привязчивый поэтъ съ довѣріемъ относился къ Воейкову, своимъ характеромъ вообще мало привлекавшему къ себѣ людей. Сближала ихъ и поэзія, которой Воейковъ посвятилъ себя еще въ стѣнахъ пансіона, особенно же обративъ на себя вниманіе „Посланіемъ къ Сперанскому" 1806 года. Впрочемъ, онъ никогда не могъ занять мѣсто въ первомъ ряду россійскихъ писателей, оставаясь, по мѣткому выраженію Вигеля, всегда „вольно-практикующимъ литераторомъ", такъ сказать диллетантомъ поэзіи [1]).

Онъ обладалъ бойкимъ, хорошимъ стихомъ, какъ сатирикъ отличался остроуміемъ и мѣткостью, но въ произведеніяхъ его отсутствовало истинное поэтическое чувство, что придавало имъ скорѣе характеръ ловко-рифмованной прозы.

Жуковскій поддерживалъ съ пріятелемъ рѣдкую переписку и въ 1813 году, во время путешествія Воейкова по Россіи, пригласилъ его въ Муратово, обѣщая познакомить его съ Протасовыми и Плещеевыми, прельщая совмѣстными занятіями поэзіею и всѣми удовольствіями своей мирной и веселой жизни. „Поговоримъ о прошломъ, писалъ ему Жуковскій, поплюемъ на настоящее и еще тѣснѣе сдружимся" [2]).

Жуковскій имѣлъ много причинъ радоваться пріѣзду поэта-друга. Какъ разъ въ это время обострились его отношенія къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ, вслѣдствіе его новаго сватовства за Машу; надежды уговорить непреклонную женщину стало еще меньше, и помощь въ этомъ дѣлѣ друга была той соломинкой, за которую готовъ былъ ухватиться утопавшій поэтъ.

Онъ искренно привѣтствовалъ Воейкова извѣстнымъ посланіемъ:

Добро пожаловать пѣвецъ,
Товарищъ, другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата
Поставь въ мой уголъ посохъ свой
И умиленною мольбой
Почти домашняго пената.

И въ первое время знакомства остроумный, ловкій, находчивый, хотя и не обладавшій привлекательною наружностью,

1) См. Записки, изд. „Русск. Архива".
2) „Р. Арх." 1910 г.

Воейковъ, сумѣлъ привлечь къ себѣ простодушныхъ обитателей Муратова, не разгадавшихъ его истиннаго характера. Можетъ быть, впрочемъ, онъ и самъ на минуту увлекся царившимъ въ Муратовѣ духомъ веселья и искренности; замѣтки его на поляхъ книгъ, писанныя, очевидно, для себя, выражаютъ непритворное восхищеніе этими „Гораціанскими" празднествами, „изящными дурачествами", этимъ „наклоненіемъ къ щастью, райскаго времени" [1]).

Въ этихъ же замѣткахъ Воейкова встрѣчаемъ мы первые намеки на желаніе жениться, пристроиться, обзавестись семейнымъ очагомъ и отдохнуть отъ всѣхъ дурачествъ безпутной молодости. „Мнѣ должно было быть очень весело въ семъ раю обитаемомъ Ангелами — писалъ онъ 1 января 1814 года, — но... Où peut on être mieux qu'au sein de sa famille? и я часто задумывался и даже грустилъ".

Совершенно понятно, что его выборъ долженъ былъ пасть на младшую племянницу его друга, очаровательную Свѣтлану. Не даромъ онъ славился всегда своею любовью къ красивымъ женщинамъ и считался знатокомъ женской красоты. Воейковъ сразу вошелъ въ курсъ Муратовскихъ развлеченій. Онъ былъ живѣйшимъ участникомъ всѣхъ поѣздокъ и пикниковъ, игралъ охотно въ шахматы и „secretaire", писалъ стихи въ альбомы дѣвицамъ и увлекалъ ихъ своими краснорѣчивыми разсказами о путешествіи по Кавказу.

Ухаживанія его за Александрой Андреевной скоро сдѣлалались весьма замѣтными и Жуковскій съ первыхъ же шаговъ сталъ покровительственно относиться къ домогательствамъ друга.

По стихотвореніямъ Воейкова, записаннымъ имъ въ альбомахъ Саши, можно прослѣдить, какъ постепенно сближалась Свѣтлана со своимъ будущимъ мужемъ, сперва сдержаннымъ въ своихъ обращеніяхъ къ ней, называвшимъ ее по имени и отчеству, затѣмъ постепенно переходившимъ на уменьшительное имя „Саша", „мой другъ", „моя Саша", и въ заключеніе посвящавшимъ свои стихи „моей первой и послѣдней".

Мы приводимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ стихи изъ альбома Свѣтланы, принадлежащаго графинѣ А. А. Бре-

---

[1]) На одномъ изъ томовъ сочиненій Дмитріева рукою Воейкова написано: „18 — I 22 14. Муратово. Обѣдали и провели весь день въ комнатѣ Маріи Андреевны. Ужинъ готовила сама Екатерина Афанасьевна. Жуковскій былъ на небесахъ, а я только за облаками, хоръ въ домѣ сумасшедшихъ, а піитъ видя всѣхъ въ восторгѣ невинно спросилъ: какое это наклоненіе и время? Наклоненіе къ щастію Райскаго времени! отвѣчалъ я ему"! (Собр. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди).

вернъ-де-ла-Гарди, напечатанные уже въ Русскомъ Архивѣ 1912 года.

1) Къ Александрѣ Андреевнѣ побѣдительницѣ въ шахматной игрѣ. 11 Января.

Что шашешница? — Поле славы!
Что шашки? — Вѣстники о подвигахъ твоихъ.
Неотразимъ твой жезлъ кровавый,
И смерть плыветъ въ Ладьяхъ твоихъ.
Шумъ, стукъ мечей, полотрясенье,
Болтанье Нѣмочки, текущее рѣкой,
Вранья Жуковскаго свирѣпое стремленье
Впреди, окрестъ и за тобой!
Глуха, нѣма, слѣпа, не видишь, не внимаешь:
Твоя душа въ конѣ
Твой умъ въ слонѣ!
Холоднокровіемъ противника смущаешь,
Блистаешь и разишь.
Ты больше чѣмъ Кутузовъ:
Онъ побѣждалъ, плѣнялъ лишь Турокъ и Французовъ,
А ты и русскихъ не щадишь.

2) Къ Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

Не сходно съ вами мнѣ играть — божусь.
Ничѣмъ не возвратить мнѣ первенства утрату:
Вы шахъ мой — этимъ я горжусь,
Но, признаюсь... боюсь я мату.

3) Въ грозу, прогуливаясь съ Александрой Андреевной 31 марта 1814 года.

Гремитъ! покойны мы душою,
Твой Богъ и я съ тобою,
Чего бояться намъ?
Отецъ рази! Съ надеждой ожидаемъ,
Съ любовью, вѣрою въ тотъ міръ перелетимъ,
И передъ трономъ мы Твоимъ
Свою молитву окончаемъ.

4) Къ моему другу.

Когда потухнутъ солитеры,
Слиняетъ злато власъ,
И станетъ шамкая соперница Венеры
Плевать зубами каждый разъ:
Ты будешь мнѣ мила равно, мой другъ сердечный:
Душа прекрасна вѣчно!

5) Къ ней же.

Веселая мечта, услада горькой муки!
Пріятно въ часъ разлуки
Свиданья часъ воображать,
Его прекрасно ожидать,
Еще прекраснѣе дождаться,
А лучше бы не разлучаться.

6) Къ Сашѣ.

О Ангелъ! Голосъ твой молящій
Творца благодарящій,
Есть голосъ горнихъ лиръ.
Взглядъ на тебя въ восторгѣ умиленну,
Предъ Искупителемъ колѣнопреклоненну,
Есть взглядъ въ небесный міръ.

7) Къ моей Сашѣ.

Вотъ Петербургъ, Москва въ изображеньи!
На нихъ смотри
Гуляй по улицамъ столицъ въ воображеньи!
И только! Вѣрь пловцу, который всѣ моря
Всѣ мели, всѣ скалы извѣдалъ въ бурномъ бѣгѣ,
И только слышалъ лишь о брегѣ.
Муратовскихъ небесъ всегда ясна лазурь,
Въ домашнемъ ручейкѣ не опасайся бурь;
Но отъ бреговъ его не удаляйся
И странствовать лишь въ садъ пущайся.

8) Къ моей первой и послѣдней.

Счастливъ, кому своей рукой
Ты чай душистый наливаешь,
Счастливъ, съ кѣмъ въ шахматы играешь,
Счастливъ, кто говоритъ съ тобой.
Но безъ сомнѣнія счастливѣе тотъ смертный;
Стихамъ котораго какъ будто бы при немъ
Заочно свой хранишь альбомъ завѣтный.

Къ этому же времени относится его наставительно-поучительное посланіе „Къ Осьмнадцатилѣтнему Младенцу" напечатанное имъ гораздо позднѣе въ „Славянинѣ" (1827 г.), отрывки котораго мы приводили выше [1])

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ альбомовъ Свѣтланы, находятся слѣдующія стихотворенія, написанныя его же рукою:

[1]) Стр. 22.

Я сирый странникъ межъ людей
Мой кровъ — святое Провидѣнье
А спутники грядущихъ дней
Любовь, надежда и терпѣнье.

Vous voir et vous aimer suffit d'un instant
Vous voir et vous oublier est peu de la vie.
Je n'ai pas l'avantage
De parler éloquemment
Je n'ai qu'un seul langage
C'est celui de sentiment.
Quoique l'amitié m'inspire
Je ne saurais m'exprimer
Ah qu'un autre sache mieux dire
Pour moi, je sais mieux aimer.

Vous avez tout reçu sans en être plus fière
Beauté, graces, talens, il ne vous manque rien.
Qui connoit votre esprit, vous admire et s'éclaire
Qui connoit votre coeur, ne peut garder le sien.

Во всѣхъ этихъ виршахъ весьма немного литературныхъ достоинствъ, не блещутъ онѣ и оригинальностью содержанія, что, впрочемъ, довольно простительно для альбомныхъ стихотвореній. Хуже гораздо то, что въ нихъ какъ то мало чувствуется искренности, и простоты; ихъ замѣняетъ грубая лесть, преувеличенія, мало простительныя даже для влюбленнаго поэта, какимъ, конечно, очень трудно себѣ представить Воейкова. Зато вездѣ чувствуется очень большое самомнѣніе, обожаніе себя и какое то покровительственное отношеніе къ предмету своей страсти.

Впрочемъ, на бѣдную дѣвушку всѣ эти, новые для нея мадригалы производили нѣкоторое впечатлѣніе; что же касается до Екатерины Афанасьевны, то къ ней Воейковъ сумѣлъ поддѣлаться очень скоро своимъ угодничествомъ и лестью, и она не желала лучшаго жениха своимъ дочерямъ, тѣмъ болѣе, что онъ ловко сумѣлъ пустить ей пыль въ глаза баснею о своихъ двухъ тысячахъ душахъ. Вліяніе Воейкова на нее было на столько велико, что самъ Жуковскій съ удивленіемъ писалъ ему въ Москву, куда Воейковъ уѣзжалъ на короткое время въ февралѣ 1814 года, о томъ, что она на все смотритъ его глазами, и не смотря на всю свою строго формальную религіозность и даже ханжество, по одному совѣту будущаго зятя перестала соблюдать постъ, ради своего здоровья. „Слава тебѣ", прибавляетъ при этомъ Жуковскій. Позднѣе, по поводу легкаго

нездоровья будущей тещи, въ обычно повышенномъ и льстивомъ тонѣ Воейковъ писалъ въ томъ же альбомѣ Александры Андреевны:

На болѣзнь матушки, 3 Апрѣля 1814 года.

Когда бъ Творецъ, склонясь къ мольбамъ и плачу
Здоровье намъ твое позволилъ выкупать;
Годъ жизни Сашиной рѣшился бъ я отдать,
Свою бы отдалъ всю въ придачу [1]).

Итакъ, жребій бѣдной Свѣтланы былъ брошенъ, и вопросъ о ея свадьбѣ, правда, пока неофиціально былъ, очевидно, рѣшенъ еще до упомянутаго отъѣзда Воейкова въ Москву и Петербургъ. Особенно ухватился за этотъ проектъ Жуковскій, видя вліяніе Воейкова на старуху Протасову, и надѣясь, что вступя въ родство, его другъ сумѣетъ расположить тещу въ пользу брака поэта съ Машей. По его словамъ, онъ видѣлъ въ Воейковѣ свою „батарею" [2]) въ борьбѣ съ Екатериной Афанасьевной, которой онъ давалъ совѣты не отказывать сразу жениху, а присмотрѣться и узнать его лучше.

Въ своихъ письмахъ къ уѣхавшему Воейкову Жуковскій все время поддерживаетъ его увлеченіе Сашей, какъ бы боясь измѣнчивости друга, который даже не сдѣлалъ въ то время официальнаго предложенія и даетъ ему надежду на успѣхъ, стараясь увѣрить въ симпатіяхъ Саши. Онъ торопитъ его вернуться въ Муратово, соблазняя „чаемъ изъ рукъ Александрины" и „возможностью видѣть скрытую истину на миломъ лицѣ кошачьяго брадобрея" [3]).

Въ другихъ письмахъ онъ разсказываетъ Воейкову, что Саша рисуетъ его портретъ заочно, или еще болѣе откровенно сообщаетъ: „Твои дѣла идутъ хорошо, говорятъ о тебѣ, какъ о своемъ; списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ; за обѣдомъ поятъ кошку цимлянскимъ виномъ и увѣщеваютъ ее пить за здоровье чернаго негра. А я увѣряю, что всѣ кошки отъ Муратова до Саратова будутъ тобой острижены и что ты привезешь къ намъ съ собою большой пукъ кошачьихъ усовъ" [4]).

[1]) См. Р. Арх. 1912 г. IV.
[2]) См. переписку съ А. И. Тургеневымъ.
[3]) См. шуточное стихотвореніе на стр. 27-й, гдѣ Жуковскій описываетъ шалости Саши, и между ними бритье у кошекъ усовъ.
[4]) Р. Арх. 1900 г.

А между тѣмъ, можно думать, что Жуковскій сильно ошибался въ чувствахъ Саши къ Воейкову. Письма ея къ жениху, о которыхъ впослѣдствіи съ умиленіемъ вспоминалъ Тургеневъ [1]), къ сожалѣнію, не сохранились, но едва ли и въ нихъ можно было-бы найти что либо другое, кромѣ обѣтовъ вѣрности, покорности долгу и судьбѣ.

При всей своей неопытности, чуткая и впечатлительная натура Саши не сразу подчинилась вліянію Воейкова, хотя ея самолюбію и льстили его хвалебные мадригалы. Въ письмѣ къ Елагиной, отъ 1 іюля 1819 года [2]), Маша вспоминаетъ, что первое впечатлѣніе, произведенное Воейковымъ на обѣихъ сестеръ, отнюдь не было благопріятнымъ и, что по ея словамъ, „сердца обѣимъ намъ сказали: будь подалѣе“. Жуковскій и самъ вспоминалъ впослѣдствіи о чемъ то „худомъ“ что говорила о женихѣ Саша сестрѣ, и что та передала передъ свадьбой матери [3]). Вообще, кромѣ приведенныхъ писемъ Жуковскаго, ничто не говоритъ намъ объ увлеченіи Саши Воейковымъ; наоборотъ, мы знаемъ о ея колебаніяхъ и мучительныхъ сомнѣніяхъ передъ самой свадьбой, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о характерѣ и поведеніи своего будущаго мужа. А слухи эти были весьма и весьма неблагопріятные и о нихъ писала въ самой категорической формѣ Авдотья Николаевна Арбенева [4]) въ отвѣтъ на справку Екатерины Афанасьевны о ея нареченномъ зятѣ.

И если бы наивная, 18-лѣтняя дѣвушка-ребенокъ, до сихъ поръ не забывшая еще, судя по приведеннымъ выше письмамъ Жуковскаго, свои дѣтскія шалости и проказы, нашла бы въ комъ-нибудь поддержку при своихъ сомнѣніяхъ, Воейкову не удалось бы привести въ исполненіе его планы.

Къ сожалѣнію, слухи о нетрезвомъ образѣ жизни Воейкова, о его прежней связи, отъ которой онъ имѣлъ сына, и о другихъ его похожденіяхъ, не могли заставить Екатерину Афанасьевну измѣнить разъ принятому ею рѣшенію. Намъ уже извѣстны отношенія Саши къ матери, ея слѣпая увѣренность что она можетъ желать ей только добра; мы знаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея взглядъ на жизнь женщины, какъ на исполненіе долга, ея безусловную вѣру въ Провидѣніе и надежду на его справедливость; все это вмѣстѣ взятое заставило ее безро-

[1]) См. ниже.
[2]) См. Уткинскій сборникъ.
[3]) См. письмо Жуковскаго къ Машѣ 25 дек. 1815 г. „Р. Ст.“ 1883 г.
[4]) Племянница Екатерины Афанасьевны, дочь ея сестры — Натальи.

потно склониться передъ волею родныхъ и принять предложеніе Воейкова.

А чуткая, и обожавшая сестру Маша забыла свои предчувствія и писала ей въ альбомъ 3 мая 1814 года слѣдующія „замѣчанія и мысли“ (pensées et observations [1]):

„Мой ангелъ! ты дѣлаешь шагъ, который рѣшитъ судьбу насъ всѣхъ; ради счастья твоей матери и жизни твоей сестры Александрина, ты должна быть счастлива, потому что Богъ справедливъ; можетъ ли онъ не наградить тебя, дорогой ангелъ? Я много думала о твоемъ новомъ положеніи и я попробую изъяснить тебѣ какъ можно лучше мои мысли о немъ.

Дорогой другъ, у тебя лучшее сердце въ свѣтѣ, доброта, въ самомъ дѣлѣ ангельская; но ты иногда слишкомъ (впечатлительна) я бы даже сказала обидчива: недостатокъ вниманія можетъ тебя заставить долго страдать, а между тѣмъ лицо, которое принесло тебѣ огорченіе, можетъ даже ~~даже~~ не заподозрѣть твоей обиды. Если ты полюбишь, то это будетъ всецѣло, тебѣ будутъ платить тѣмъ же; но не ожидай получить то же вниманіе, то же угожденіе, тѣ же признаки любви. Твой мужъ будетъ къ тебѣ привязанъ до могилы, но, мой ангельскій другъ, мужчины не такъ воспріимчивы къ такимъ (тонкимъ) привязанностямъ, какъ мы! Можетъ быть, впрочемъ, они оттого больше ихъ (цѣнятъ). Твой мужъ долженъ тебя любить, но что касается до внѣшнихъ проявленій, не ожидай ихъ!

Ты говорила на дняхъ, что хотѣла бы взять себѣ девизомъ: „ласка меня привязываетъ“ (une caresse m'attache). Я не думаю, что ты ея много получишь отъ своего мужа, но никто не будетъ тебя такъ любить какъ онъ, тѣмъ болѣе, что его любовь будетъ увеличиваться, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ тебя ближе узнавать: онъ будетъ, какъ я: я всегда думаю, что не могу тебя любить ни больше, ни лучше, но черезъ нѣкоторое время я нахожу, что это не было достаточно, что въ настоящую минуту, ты мнѣ болѣе дорога“.

Какъ мало похоже это предсказаніе на то, что мы увидимъ скоро и какою злою ироніею должны были казаться Сашѣ эти слова черезъ полтора года послѣ свадьбы!

Мы не сказали еще ничего о томъ положеніи, въ которомъ очутился самъ Жуковскій съ приближеніемъ Воейкова, о сча-

[1]) Переводъ съ французскаго. Выписка эта взята изъ копій, сдѣланныхъ Перовскимъ (см. ниже). Возможно, что это запись Авдотьи Петровны.

стьи котораго онъ такъ заботился, надѣясь на его благодарность и помощь въ собственномъ дѣлѣ. Извѣстны давно всѣ перипетіи его хлопотъ о профессурѣ друга въ Дерптѣ, гдѣ тому вздумалось замѣнить умершаго А. С. Кайсарова, на каѳедрѣ русской словесности. Усиленныя просьбы Жуковскаго и старанія А. И. Тургенева, увѣнчались, какъ извѣстно, впослѣдствіи успѣхомъ, и Воейковъ былъ назначенъ профессоромъ въ Дерптъ, имѣя на это весьма мало права. Въ свою очередь и Воейковъ не переставалъ въ первое время оказывать знаки живѣйшей привязанности и дружбы къ своимъ покровителямъ, и съѣздивши въ февралѣ въ Петербургъ, по тому же дѣлу своей профессуры, писалъ Тургеневу извѣстное восторженное письмо, полное лести по отношенію къ обоимъ пріятелямъ начинавшееся словами: „Я въ Муратовѣ; я съ Жуковскимъ — остальное можешь добавить воображеніемъ“ [1]).

Но уже скоро послѣ своего возвращенія, Воейковъ почувствовалъ почву подъ ногами, и понялъ всю силу своего положенія въ семьѣ будущей жены. Завистливый, эгоистичный и самолюбивый, онъ съ радостью занялъ положеніе главы семьи, которому какъ оракулу внимали три наивныя и робкія существа. Онъ не могъ терпѣть никого, кто по своимъ талантамъ или нравственнымъ качествамъ стоялъ выше его мелкой и низменной натуры. Чистыя отношенія Маши къ Жуковскому были непонятны его грязному и развращенному уму, и скоро его обращеніе съ ними сдѣлалось нетерпимымъ.

„Воейковъ вошелъ въ семью, писалъ Жуковскій, а я изъ нея вышелъ“ [2]). Екатерина Афанасьевна на все смотрѣла глазами своего будущаго зятя и скоро забыла всѣ жертвы и благодѣянія, оказанныя ей поэтомъ. Понятно, что отношенія его къ Машѣ, которымъ она не сочувствовала и прежде, сдѣлались окончательно недопустимыми въ ея глазахъ. Жуковскій еще въ мартѣ уѣхалъ изъ Муратова и жилъ то въ Черни, то въ Долбинѣ у своихъ кузинъ — Авдотьи Петровны Кирѣевской и Анны Петровны Юшковой. Въ его же отсутствіе было сдѣлано и офиціальное предложеніе Воейкова, на которое послѣдовало поспѣшное согласіе и невѣсты, и матери.

Въ половинѣ апрѣля, Жуковскій, пріѣхавъ не надолго въ Муратово, остался очень недоволенъ сухимъ пріемомъ и жаловался въ письмѣ Авдотьѣ Петровнѣ, что на него „глядятъ тор-

---

[1]) Р. Арх. 1866 г. 652.
[2]) См. письмо къ А. П. Кирѣевской въ Уткинск. Сборн.

жествуя", обращаются холодно, а больного мигренью жениха, обкладывая подушками, укладываютъ въ кабинетѣ и безъ устали окружаютъ его ухаживаніемъ и заботами. Въ общемъ, впрочемъ, онъ еще не ссорился съ Воейковымъ, продолжалъ немного надѣяться на его содѣйствіе и даже вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ къ И. В. Лопухину.

Свадьбу отлагали нѣсколько разъ изъ-за недостатка денегъ, пока Жуковскій, несмотря на натянутыя отношенія съ Екатериной Афанасьевной, не продалъ за 1000 р. свою деревню, и не отдалъ этихъ денегъ въ приданое за Сашей. Вѣнчанье состоялось, наконецъ, 14 іюля 1814 года, и Жуковскій, стоя въ церкви, впервые почувствовалъ угрызеніе совѣсти въ томъ, что частью по его винѣ, его любимица была отдана недостойному человѣку. Въ дневникѣ своемъ, отъ конца іюля, онъ пишетъ такъ, обращаясь къ Машѣ: „Милый другъ, когда я стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на нашу милую Сашу, и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастье, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразили меня слова „Отче нашъ" и вся эта молитва" [1]).

Извѣстные стихи его къ Сашѣ, написанные около того же времени, говорятъ намъ о томъ же:

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно
Когда лелеютъ насъ магическіе сны...
Лѣта прошли — твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душею
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю съ веселіемъ унылымъ;
Тѣснишься въ сердцѣ ты изображеніемъ милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало...
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! Желать — безжалостно ты учишь,
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

Здѣсь ясно видна тревога поэта за будущее своей подруги, стоящей теперь безпомощною „у входа въ свѣтъ", одинокою,

[1]) См. А. Веселовскій. В. А. Жуковскій. Спб. 1904. стр. 172.

лишенною близости совѣтника и друга, связанною навѣки съ недостойнымъ ея человѣкомъ...

Между тѣмъ, сдѣлавшись офиціально членомъ семьи, Воейковъ пересталъ себя сдерживать и позволялъ себѣ презрительное обращеніе съ Жуковскимъ, которому былъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ. Послѣ одной изъ его оскорбительныхъ выходокъ, Жуковскій не былъ въ состояніи долѣе оставаться въ Муратовѣ и въ августѣ уѣхалъ снова, сперва въ Чернь, потомъ въ Долбино, къ своимъ утѣшителямъ и друзьямъ, гдѣ тщетно ждалъ вѣсточки отъ Саши, обѣщавшей ему писать, но, очевидно, стѣсняемой мужемъ.

Раскрывшійся обманъ о миѳическихъ 2000 душахъ не поколебалъ значенія Воейкова въ глазахъ ослѣпленной матери, и новый родственникъ захозяйничалъ вовсю въ этомъ царствѣ безвольныхъ и пассивныхъ женщинъ, откуда улетѣло навсегда, царившее тамъ такъ долго безмятежное веселье.

Прошло то „спокойное счастливое" время, о которомъ писала Екатерина Афанасьевна въ альбомѣ Саши въ 1810 году, и „колонія веселья", основанная Жуковскимъ съ помощью его Свѣтланы, скоро превратилась въ гнѣздо интригъ, зависти и злобы. По выраженію Жуковскаго, сказанному позднѣе: „Прошла буря 1812 года, потомъ другая буря, хуже первой — Воейковъ, и все разлетѣлось" [1]).

Анна Петровна Юшкова писала Сашѣ въ альбомъ 26 сентября 1814 г., скорбя также о разрушенномъ счастьѣ: „Нужно ли увѣрять, другъ мой милый, что сердце мое всюду тебѣ сопутствуетъ, что оно дѣлитъ всѣ твои чувства? Тебѣ оно знакомо, оно никогда не измѣнится. Да устроитъ благое Провидѣніе путь твой! Мои желанія, молитвы мои несутся тебѣ во слѣдъ! — Какъ часто я находила отраду и утѣшеніе въ милой дружбѣ твоей! Съ тобой моя любовь, моя благодарность! Станемъ надѣяться, что нѣкогда разсѣянное наше семейство опять соединится! Опять въ пріютѣ дружбы я обойму мою Сашу".

Поневолѣ рождается здѣсь вопросъ: какъ же могли всетаки родные согласиться, а тѣмъ болѣе настаивать на бракѣ Саши съ Воейковымъ, о которомъ знали столько дурного? Несомнѣнно, главною виновницею этого союза надо считать Екатерину Афанасьевну — упрямую и своевольную женщину не любившую слушать ничьихъ совѣтовъ. Ея собственная недолгая и невеселая семейная жизнь пріучила ее быть рѣшительной и

[1]) См. письмо къ А. П. Юшковой-Зонтагъ. Уткинскій Сборникъ, 104.

энергичной и во всемъ полагаться только на себя. Такъ поступила она и въ этомъ случаѣ, обманутая лицемѣріемъ Воейкова, никогда не умѣя понимать людей, ихъ душу и характеръ, смотря на вещи съ узко формальной точки зрѣнія, какъ и въ дѣлѣ ея препятствій браку Жуковскаго и Маши.

Но если въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, неудачной любви поэта, единственною виновницею являлась старуха Протасова, то въ дѣлѣ брака Саши, виновна не она одна. Въ этомъ должны были считать себя въ равной мѣрѣ виновными и крестный Саши, и ея родная сестра.

И если Екатерина Афанасьевна, упрямо стремясь къ намѣченной ею цѣли, не могла преслѣдовать при этомъ своихъ личныхъ интересовъ, а только обманывалась миражемъ будущаго счастья своей дочери, то Жуковскій и Маша несомнѣнно мечтали извлечь пользу для себя и своихъ отношеній.

Конечно, всегдашняя вѣра Жуковскаго въ людей играла здѣсь не послѣднюю роль, и онъ заставлялъ себя вѣрить въ исправленіе Воейкова, однако ему должны были быть извѣстны характеръ и душевныя свойства жениха Саши, и едва ли онъ нуждался въ тѣхъ рекомендательныхъ письмахъ, которыя по его совѣту запрашивала Екатерина Афанасьевна о своемъ будущемъ зятѣ. Еще въ пансіонѣ Воейковъ оставилъ по себѣ печальную славу своими пороками, о которыхъ говоритъ въ дневникѣ его однокашникъ, Николай Ивановичъ Тургеневъ, и объ этомъ не могъ не знать Жуковскій. Въ 1803 году Мерзляковъ, жившій въ домѣ Воейкова въ Москвѣ писалъ А. И. Тургеневу и Жуковскому о дурныхъ знакомствахъ Воейкова, о его разгульной жизни, полной всяческихъ излишествъ, о его сварливомъ и грубомъ характерѣ и т. д. [1])

Да и взглядъ общества на Воейкова былъ Жуковскому хорошо извѣстенъ уже по тѣмъ затрудненіямъ, которыя встрѣтились при проведеніи имъ друга въ члены Арзамаса. Объ этомъ упоминаетъ Вигель въ своихъ запискахъ, хотя и не знаетъ подробностей этого обстоятельства.

Пріятель Воейкова, вспоминающій о немъ гораздо позднѣе, уже послѣ его смерти, говоритъ о какомъ-то даже преступленіи, совершенномъ Воейковымъ въ ранней молодости, за которое, всю жизнь преслѣдовали его угрызенія совѣсти [2]).

Жуковскій, впрочемъ, не сознавался въ своей винѣ въ дѣлѣ свадьбы Саши, хотя, какъ мы видѣли, чувствовалъ ее. Совсѣмъ

[1]) См. „Р. Арх.“ 1871 г.
[2]) „Р. Ст.“ 1875. XII, 575 — 584.

другое Маша. Чуткая и любящая сестра, она весьма скоро поняла свою печальную роль въ судьбѣ Свѣтланы и не стыдилась въ ней сознаться.

Уже черезъ полтора года послѣ свадьбы она писала Жуковскому изъ Дерпта: „я не могу (болѣе) страдать за всѣхъ и видѣть себя всему причиной. Вспомни свадьбу Сашину, не я ли ее сдѣлала?“ „Всѣ комедіи, которыя тогда игралъ Воейковъ я принимала за чистыя деньги и теперь за каждую слезу Сашину должна упрекать себя“.

Въ другомъ мѣстѣ она прямо говоритъ „я причина ея несчастій“, и сознается, что она „всего ждала отъ Воейкова, а не отъ Бога“.

Жуковскій горячо протестуетъ противъ этихъ самообвиненій, касающихся, конечно, и его. Въ своей винѣ онъ сознаться не хочетъ и сваливаетъ все исключительно на Екатерину Афанасьевну. А между тѣмъ, самъ же онъ признаетъ, что Маша, какъ, очевидно, и онъ: „надѣялась тогда на Воейкова“, увѣряя ее только, что она „свадьбу Сашину не для этихъ надеждъ сдѣлала“ [1]).

[1]) Т. е. надеждъ на помощь Воейкова. „Р. Ст.“ 39, 1 — 20. Письмо 25 Декабря 1815 г.

А. А. Воейкова съ дѣтьми Екатериной и Александрой. Акварель Александрова 1821 г.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

Глава IV.

Дерптская жизнь 1815 — 1819 г.г. — Преслѣдованіе Маши А. Ѳ. Воейковымъ. — Семейная жизнь Свѣтланы. — Обращеніе Воейкова съ женою. — Пьянство, скандалы. — Горе сестеръ. — Сватовство Мойера за Машу. — Пріѣздъ Жуковскаго. — Поѣздка Воейковыхъ въ Кіевъ — Свадьба Маши. — Новыя ссоры. — Нелады въ университетѣ. — Долги. — Вынужденный отъѣздъ.

Ореолъ, которымъ сумѣлъ окружить себя Воейковъ въ кругу своей новой семьи, потускнѣлъ, впрочемъ, не сразу. Первое время отношенія оставались сносными, и онъ съ внимательностью относился къ молодой женѣ. Екатерина Афанасьевна все еще восхищалась своимъ зятемъ, а Маша продолжала питать свои наивныя надежды и сохраняла почтительныя отношенія къ новому главѣ семейства. Въ свою очередь и Воейковъ баловалъ ее своимъ вниманіемъ и заботливостью и незадолго до отъѣзда всей семьи къ мѣсту его новой службы, въ Дерптъ, написалъ ей слѣдующіе стихи:

Въ тебѣ прелестенъ умъ, любезность, дарованье
Но зависть противъ нихъ шипитъ
Увидя жъ скромныя твои благодѣянья
И зависть самая молчитъ.

Четверостишіе это написано на лоскуткѣ бумаги и помѣчено 28 января 1815 года, время, когда вся семья проѣздомъ въ Дерптъ, остановилась въ Москвѣ [1]).

10 февраля 1815 года новый профессоръ со всей семьею прибылъ, наконецъ, на постоянное жительство въ Дерптъ.

Воейковы и Протасовы поселились въ нанятомъ домикѣ, въ которомъ молодые супруги заняли одну половину, предоставивъ другую Екатеринѣ Афанасьевнѣ съ Машей. Жизнь потекла въ началѣ мирно и согласно и отношенія между членами семьи оставались наилучшими. Самолюбивый Воейковъ, довольный своимъ новымъ положеніемъ, польщенный внимательнымъ отношеніемъ учено-литературнаго міра маленькаго городка, былъ настроенъ самымъ благодушнымъ образомъ и жизнь дерпт-

[1]) См. Уткинскій Сборникъ, 137.

скихъ поселенцевъ немного напоминала „спокойно-веселое“ Муратовское время. Съ пріѣздомъ Жуковскаго, въ серединѣ марта, общее довольство и согласіе окрѣпло еще больше. Хорошія отношенія съ нимъ установились снова послѣ свиданія въ Петербургѣ, откуда Жуковскій даже проводилъ всю семью до Дерпта.

На книгѣ Делилевыхъ „Садовъ“, имъ переводимыхъ, Воейковъ, давно. какъ мы видѣли имѣвшій привычку писать на поляхъ книгъ свои замѣчанія, отмѣтилъ слѣдующее: „Отъ 9 февраля до 20 марта былъ совершенно счастливъ. В-въ“. Подъ этимъ заявленіемъ расписались и Саша, и Маша, и Екатерина Афанасьевна [1]).

Даже Марія Андреевна, начавшая уже тяготиться опекой Воейкова, и та еще называетъ его въ письмѣ къ Кирѣевской (отъ 26 февраля) — „bon Voeykof“. Въ альбомѣ Саши, въ томъ же мѣсяцѣ она пишетъ: „Я уже давно не писала тебѣ ничего (въ альбомъ), во всемъ произошло много перемѣны. Мы вмѣстѣ, мы счастливы, я благодарю Бога за мое существованіе“ [2]).

Но вотъ, постепенно, картина начинаетъ мѣняться. Совмѣстная жизнь возродила надежды Жуковскаго и Маши. Началась снова переписка влюбленныхъ, за которою теперь зорко слѣдила не только сама Протасова, но и еще болѣе Воейковъ. Наединѣ видаться имъ удавалось весьма рѣдко, а пересылаемыя изъ комнаты въ комнату записки не всегда достигали назначенія. Съ самаго начала несочувствовавшій сердечнымъ планамъ друга Воейковъ, теперь еще болѣе долженъ былъ бояться ихъ осуществленія, какъ конца своего владычества въ семьѣ; не могли для корыстолюбиваго сатирика не играть роли и матеріальныя соображенія, въ силу которыхъ ему было невыгодно отказаться отъ единоличнаго управленія Муратовымъ, которое до замужества Маши должно было остаться нераздѣленнымъ.

Обращеніе Воейкова съ Машей и Жуковскимъ ухудшились, и положеніе обострилось настолько, что Жуковскому пришлось снова уступить и, на время уѣхать изъ Дерпта. Довѣріе Екатерины Афанасьевны къ Воейкову было неограниченнымъ и она, испугавшись новой близости Маши къ Жуковскому, совершенно отдала судьбу второй дочери въ руки ея непрошеннаго опекуна.

[1]) См. А. Веселовскій. В. А. Жуковскій, стр. 190.
[2]) См. ниже, выписки Перовскаго изъ альбомовъ Свѣтланы (перев. съ франц.).

Результатомъ явилось извѣстное сватовство за Машу генерала Красовскаго, большого друга Воейкова, стараго и недалекаго человѣка, которымъ онъ мечталъ управлять, какъ и всѣми другими. Неудача этой затѣи еще болѣе обострила отношенія въ семьѣ и озлобила Воейкова и противъ Маши, и противъ ея матери, которая на этотъ разъ, впервые, не была на сторонѣ зятя. Шпіонство послѣдняго за Машей, угрозы „выкинуть за ноги на улицу", за переписку съ Жуковскимъ, приказанія непремѣнно присутствовать при посѣщеніяхъ „жениха", сдѣлали, какъ мы знаемъ по перепискѣ Маши, ея жизнь настоящимъ адомъ, изъ котораго она готова была спасаться бѣгствомъ. „О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ, почто ты былъ невѣчный", записала Маша въ альбомъ сестры въ день Пасхи 1815 г. (18 апрѣля), съ горечью вспоминая свое счастливое дѣтство.

Какъ обращался Воейковъ въ это время съ женою, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. По всей вѣроятности, и она переносила не мало, скорбя душою за мученія любимой сестры. Самое ее, быть можетъ, еще спасало отъ особо рѣзкихъ выходокъ мужа ея положеніе первой беременности. Во всякомъ случаѣ, для нее уже не могъ оставаться тайною характеръ ея мужа, и вся глубина ея міровоззрѣнія, вся сила ея вѣры въ благость Провидѣнія, ея понятія о долгѣ женщины, матери и жены, нужны были, чтобы спасти ее отъ отчаянія передъ открывшейся ей перспективой жизни съ такимъ человѣкомъ, ей, девизомъ своимъ избравшей „une caresse m'attache"!

26 іюня родилась у Александры Андреевны дочь Екатерина, крестнымъ отцомъ которой она выбрала, конечно, своего же крестнаго и друга Жуковскаго, не поспѣвшаго, впрочемъ, къ самымъ крестинамъ и записаннаго воспріемникомъ заочно; его замѣнялъ при обрядѣ старый ученый, профессоръ Эверсъ, большой другъ поэта и его крестницы.

Самъ Жуковскій попалъ въ Дерптъ только въ концѣ мѣсяца, написалъ свое извѣстное стихотвореніе на это событіе и такъ сообщалъ о своемъ первомъ впечатлѣніи А. И. Тургеневу: „Радость! моя крестница родила мнѣ крестницу. Любо смотрѣть на счастье матери".

И дѣйствительно, счастье Саши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея сестры было безгранично. По цѣлымъ днямъ онѣ нянчились съ малюткой попеременно, и можетъ быть это были единственные свѣтлые моменты въ супружеской жизни бѣдной Свѣтланы, находившей себѣ утѣшеніе въ уходѣ за ребенкомъ и въ заботахъ о своей сестрѣ.

На письмѣ къ Жуковскому Е. А. Протасовой отъ 4 октября 1815года [1]) Саша дѣлаетъ слѣдующую приписку, характеризующую сравнительное благополучіе, царившее тогда между супругами и лишній разъ показывающую нѣжныя отношенія, существовавшія между сестрами.

„Здравствуй милой другъ! В. проситъ тебѣ напомнить о памятникѣ Кайсарову. Катенька моя цѣлуетъ твои ручки. Прелестный ребенокъ. А я тебя люблю очень, malgré tout. И видно, что очень, если твоему послѣднему письму не вѣрю. А тому, что Маша меня не любитъ, и ей не съ перваго раза повѣрю, коли она сама меня увѣрять станетъ, не только ты! Послушай! Не грѣхъ ли тебѣ ко мнѣ это писать! Но я увѣрена, что ты не перечелъ письма своего, иначе вѣрно бы не рѣшился меня мучить всѣми тѣми мѣстами сердца, которыя нѣжнѣе и мнѣ дороже. Что значитъ твоя просьба чтобы я ее замужъ не выдавала; право она мнѣ подороже, чѣмъ тебѣ съ твоею страстью“ [2]).

Между тѣмъ характеръ и поведеніе Воейкова все болѣе и болѣе начинали причинять горе его окружающимъ, а главное, конечно, женѣ.

Для его недовольства причинъ было очень много.

Прежде всего то благопріятное отношеніе, которое встрѣтилъ Воейковъ со стороны своихъ коллегъ по университету, постепенно исчезло, по мѣрѣ знакомства ихъ съ нравственными качествами новаго профессора. Ихъ коробила разнузданность Воейкова, все учащавшіеся его кутежи, участіе въ ночныхъ студенческихъ попойкахъ и дебошахъ. Да и семейная жизнь его не могла остаться тайной въ маленькомъ тихомъ городкѣ, гдѣ въ точности было всѣмъ извѣстно препровожденіе времени любого жителя.

Сами лекціи Воейкова, совершенно неподготовленнаго къ профессорской дѣятельности, не имѣли никакого успѣха и по-

[1]) См. Уткинск. Сборн. 293.

[2]) Въ одномъ изъ альбомовъ записано стихотвореніе Воейкова къ женѣ, помѣченное 20-мъ августа 1815 г., т. е. днемъ ея рожденія:

Я сиротою былъ въ пустомъ и скучномъ свѣтѣ,
Имѣлъ въ предметѣ
Въ порокахъ закоснѣть, грустить, страдать, зѣвать,
И неоплаканнымъ сойти во гробъ холодный.
Когда тебя судилъ мнѣ Богъ узнать,
Съ тѣхъ поръ, о другъ мой превосходный,
Мнѣ щастье улыбнулось вновь;
По злату прокатилось время;
Ты мнѣ отецъ, и мать, и другъ, и родъ, и племя;
Надежда, вѣра и любовь!

сѣщались весьма слабо, тѣмъ болѣе, что русскіе студенты не составляли большинства въ Дерптскомъ университетѣ, а нѣмцевъ мало интересовалъ спеціальный предметъ, читаемый новымъ профессоромъ.

Самолюбивый и высоко мнившій о себѣ, Воейковъ не могъ не быть удрученнымъ всѣми этими обстоятельствами, къ которымъ присоединилось еще появленіе въ семьѣ ихъ профессора Мойера, извѣстнаго и популярнаго въ Дерптѣ врача. Подозрительный Воейковъ скоро замѣтилъ обоюдныя симпатіи Маши и профессора и сразу сталъ во враждебныя отношенія къ новому лицу, отчасти завидуя его популярности въ городѣ. Вообще, во всѣхъ его поступкахъ всегда весьма важную роль играло чувство зависти къ ближнимъ, къ ихъ богатству, славѣ, популярности, даже къ ихъ чисто внѣшнимъ свойствамъ и качествамъ, какъ наружной привлекательности, образованію, ловкости и т. д. Въ этомъ своемъ качествѣ онъ сознавался всегда самъ, и оно не разъ было побудителемъ во многихъ его дурныхъ поступкахъ [1]).

Съ отъѣздомъ въ августѣ Жуковскаго положеніе дѣлъ окончательно испортилось.

Порокъ Воейкова — пьянство, которымъ онъ страдалъ уже съ молодыхъ лѣтъ, подъ вліяніемъ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ принялъ угрожающія формы.

Полученіе жалованья являлось эпохой, сдѣлавшихся скоро регулярными кутежей и дебошей, приводившихъ къ ужаснымъ семейнымъ сценамъ, невѣроятно рѣзкимъ и грубымъ выходкамъ невоспитаннаго и отъ природы несдержаннаго Воейкова.

Отношенія съ женой сдѣлались невозможными и легкомысленныя похожденія его, до которыхъ онъ былъ всегда большой охотникъ и которыя продѣлывалъ почти на глазахъ жены, привели его наконецъ къ гнусному поступку соблазна 13-лѣтней дѣвочки, жившей у него въ качествѣ прислуги.

„Послѣ ужина онъ опять пьянъ, пишетъ Маша Авдотьѣ Петровнѣ, грозитъ убить Мойера, маменьку и зарѣзаться“. „Если бы Жуковскій и Кавелинъ [2]) могли бы видѣть одинъ изъ этихъ ужасныхъ вечеровъ, они бы сжалились надъ нами“.

„Нельзя себѣ представить, пишетъ она въ другомъ письмѣ о Сашѣ, какъ мало у него деликатности и что онъ только не изобрѣтаетъ, для того, чтобы мучить ее“ [3]). Неистовства Вое-

---

[1]) См. Р. С. XII. 575.

[2]) Дмитрій Александровичъ (1778 — 1851) другъ Жуковскаго. Впослѣдствіи Директ. Спб. университета. См. Утк. Сборн., 161.

[3]) См. Уткинскій Сборникъ 171.

кова доходили нерѣдко до бѣшенства, капризы его и издѣвательства надъ женой и Машей переходили всякія границы. Онъ слѣдилъ и шпіонилъ вездѣ за Машей, подозрѣвая ее въ перепискѣ съ Мойеромъ и Жуковскимъ, мучилъ ее попреками и доводилъ до слезъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ расписки, въ томъ, что оставитъ ее въ покоѣ, если она поклянется ему не выходить замужъ за Мойера. И несчастная дѣвушка дѣлала все что хотѣлъ ея жестокій опекунъ, готовая даже бѣжать изъ дома, чтобы этимъ заставить Воейкова сжалиться и прекратить „его тиранства надъ Сашей и маменькой".

Что терпѣла Саша, можно только себѣ представить, такъ какъ если у Маши и прорывались иногда жалобы въ письмахъ къ друзьямъ, за то Саша нигдѣ не проронила ни слова о мужѣ и его порокахъ.

Вспомнимъ то изрѣченіе нѣмецкаго писателя, которое было записано еще въ ея дѣтскомъ альбомѣ: „Молись и трудись. Молчи и терпи. Улыбайся и умирай" [1]).

А между тѣмъ приближается время, когда сама виновница ея несчастья, Екатерина Афанасьевна понявшая, наконецъ, своего зятя, въ письмѣ къ Кирѣевской воскликнетъ: „И онъ Сашинъ мужъ! Дуняша! Что же она терпитъ!" [2]).

А она терпѣла иногда то, что скромность не дозволяла Машѣ передавать въ ея интимнѣйшихъ письмахъ къ Кирѣевской, и что она хотѣла разсказать ей только при свиданьи. Съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ переносила Свѣтлана все, что по ея міровоззрѣнію было послано ей Провидѣніемъ и что терпѣть было ея прямымъ долгомъ. И замѣчательнѣе всего, что она никогда не теряла бодрости духа и своего веселья и въ небольшіе промежутки относительнаго покоя въ домѣ, ея звонкій смѣхъ звучалъ какъ и прежде, внося успокоеніе въ измученную семью. Она умѣла соединить въ себѣ какое то дѣтское легкомысліе, съ твердой, глубокой, подвижнической вѣрою. Это обстоятельство отмѣтилъ и Жуковскій, писавшій Авдотьѣ Петровнѣ: „Къ счастью ея характеръ таковъ, что нѣсколько времени спокойствія ничѣмъ не нарушеннаго можетъ привести ее къ забвенію прошлаго".

Въ семьѣ установилась какая-то странная скрытность, какой-то ложный стыдъ, отдаленіе другъ отъ друга, хотя и съ благой цѣлью. Всѣ три женщины старались скрыть другъ отъ друга поступки съ ними Воейкова, ихъ общаго тирана, за что

[1]) См. выше, стр. 16, прим. 2.
[2]) См. Уткинск. Сборн., стр. 300.

ихъ упрекалъ не разъ Жуковскій въ своихъ письмахъ, и этимъ давали еще болѣе воли потерявшему надъ собой всякую власть Воейкову.

Саша плакала и скрывала свои слезы отъ родныхъ, по цѣлымъ днямъ иногда запертая мужемъ въ своей комнатѣ, куда онъ не пускалъ никого. Каждое посѣщеніе родныхъ отзывалось на ней, и мать и сестра со страхомъ и біеніемъ сердца пробирались, изрѣдка, по зову самого Воейкова, на его половину, къ обѣду. Сцены за столомъ бывали невыносимы и бѣдная Свѣтлана послѣ нихъ, иной разъ, по нѣсколько дней лежала въ постели, никого не видя. Того, что происходило въ это время между нею и мужемъ, она не разсказывала никому.

„И это прелестное творенье, писала Маша Кирѣевской, только желаетъ скрывать и оправдывать его поступки! Неужели ей нужно было несчастье, чтобы показать свою душу во всей ея прелести. Comment ne pas esperer en un monde meilleur, lorsqu'on voit que c'est elle qui souffre“ [1]).

Мать и сестра въ свою очередь скрывали отъ Саши все, что знали худого про Воейкова и всѣ его поступки съ ними. „Пускай я буду вѣчно передъ нею виновата, писала Маша, лишь бы она почитала своего мужа“. „Ей легче сердиться на насъ, нежели презирать своего мужа, такъ какъ онъ того достоинъ“ [2]).

Едва ли, конечно, въ этомъ представлялась теперь какая-либо необходимость. Несомнѣнно, Саша уже вполнѣ поняла своего мужа, и даже гораздо лучше, чѣмъ сестра и мать. Но, по выраженію П. Н. Сакулина, у этихъ пассивныхъ существъ „вѣра въ Провидѣніе отнимала всякую иниціативу и энергію“. Общее горе не сблизило безвольныхъ женщинъ, не сплотило ихъ, а каждая въ отдѣльности, онѣ не могли противустоять бѣшенному и неистовому безумцу. Въ этой скрытности и розни была ихъ глубокая ошибка, и это было весьма на руку Воейкову.

Замѣчаніе, сдѣланное Кавелинымъ Воейкову — по поводу его поведенія, вызвало между ними крупную ссору, въ результатѣ которой Воейковъ всю свою злобу сталъ вымещать, по обычаю, на своихъ жертвахъ. Очевидно, чаша терпѣнія ихъ переполнилась. Къ этому времени относятся вышеприведенныя слова Маши объ ужасныхъ вечерахъ въ присутствіи пьянаго зятя. И она и мать умоляли Жуковскаго пріѣхать помочь имъ, Маша

[1]) См. Уткинскій Сборникъ, 183.
[2]) См. Уткинскій Сборникъ, 212 и 213, также стр. 207.

же звала еще и Авдотью Петровну, не зная гдѣ найти себѣ поддержку.

А между тѣмъ незлобивая Саша находила еще возможнымъ жалѣть мужа, безпокоилась за него, когда онъ уѣхалъ наконецъ въ Петербургъ объясняться съ Кавелинымъ и Жуковскимъ думая, что тѣ будутъ вправѣ отвѣтить рѣзко на его дикія выходки.

„Саша тебя любитъ, пишетъ Маша Жуковскому 8 ноября 1815 г. и отъ тебя ждетъ больше чѣмъ отъ кого-нибудь. Она вчера сказала, что ей грустно знать тебя на нее сердиту, но что она не раскаивается въ томъ, что написала письмо, потому, что легче быть самой противъ тебя виноватой нежели воображать тебя недостойнымъ ея уваженія и дружбы. Для этого ангела ты долженъ сдѣлать все что можно. Она боится поѣздки В-ва въ Петербургъ, зная его вспыльчивость и зная также, какъ много ты имѣешь права дѣлать ему упреки, она ожидаетъ несчастья отъ этого путешествія“.

Письмо это является для насъ несовсѣмъ понятнымъ отвѣтомъ на какую-то не сохранившуюся переписку, тѣмъ не менѣе оно весьма любопытно и характерно.

Вторичное предложеніе руки, сдѣланное Мойеромъ Машѣ, заставило ее просить согласія Жуковскаго на этотъ бракъ. Между другими доводами, она писала ему слѣдующее:

„Бѣдная Саша моя перестанетъ имѣть огорченія, перестанетъ страдать за меня и найдетъ во мнѣ счастливаго друга; мы будемъ жить въ разныхъ домахъ, но въ одномъ городѣ. В. будетъ показывать мнѣ уваженіе, какъ скоро потеряетъ право и возможность меня мучить.

Теперь, для того чтобы избавить Сашу отъ огорченія и спасти м. б. жизнь ея ребенку, я переношу все съ терпѣніемъ; а мое снисхожденіе заставляетъ его еще болѣе забываться“ [1]). И мать и сестра уговаривали ее рѣшиться на этотъ шагъ, сознавая необходимость дать дѣвушкѣ защитника, котораго не хотѣла ей дать судьба въ лицѣ Жуковскаго.

Между тѣмъ Воейковъ, возвратившись изъ своей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ передъ Тургеневымъ и Жуковскимъ со слезами каялся въ своихъ винахъ и обѣщалъ исправиться, былъ положительно взбѣшенъ рѣшеннымъ помимо его воли бракомъ. Всю свою ярость онъ обратилъ теперь на Сашу и и мать ея, чувствуя за спиной Маши непосильнаго ему защит-

[1]) Р. Ст. 1883 г., іюль.

Рисунки А. А. Воейковой. Изъ Дерптскаго альбома 1820 года.

ника. Противившійся вначалѣ браку Маши, Жуковскій предполагалъ, что она дѣлаетъ этотъ шагъ противъ воли и называлъ ни въ чемъ неповинную Сашу „эгоистомъ". Воейковъ воспользовался этимъ, чтобы мучить жену, ссылаясь на слова ея крестнаго. Маша писала Жуковскому [1]): „Ты сказалъ ему, что жена его эгоистка и съ самаго своего возвращенія онъ только это ей и твердитъ, ей, которая ангелъ терпѣнія и добродѣтели. Боже! и это изъ-за меня страдаютъ тѣ, которыхъ я люблю больше всего".

Рядъ бурныхъ сценъ и грубыхъ выходокъ Воейкова заставилъ Жуковскаго пріѣхать въ началѣ января 1816 г. въ Дерптъ, гдѣ онъ засталъ совершенно безотрадную картину. Воейковъ пьянствовалъ, безумствовалъ, грозилъ самоубійствомъ, дуэлью съ Мойеромъ, разлукою и т. д. „Дуняша! восклицала въ письмѣ обычно сдержанная Маша, мы не знали годъ назадъ, что такое настоящее несчастье" [2]). Она доходила до того, что желала смерти Саши, какъ единственнаго избавленія.

Въ альбомѣ сестры вложена ея записка, относящаяся къ январю 1816 г. [3]) „Саша! мы все еще вмѣстѣ, но для меня уже все кончено! — Мой ангелъ, я думаю что это отчаяніе — грѣхъ, но не желала ли я столько разъ, видѣть тебя мертвой! Мнѣ казалось тогда, что у меня будетъ больше силъ, чтобы переносить мою бѣдную жизнь! Я тебѣ не отдамъ эту маленькую книгу, она тебѣ напомнитъ время, когда мы надѣялись на счастье, а теперь я его не жду даже и для нашей малютки [4]). О, какъ я была обмнута въ моихъ надеждахъ! Богъ наказалъ меня за то, что я слишкомъ расчитывала на В. О, если бы онъ наказалъ одну меня!".

Вѣроятно, тутъ уже и Жуковскій почувствовалъ часть своей вины передъ Сашей и понялъ свою обязанность помочь ей.

Онъ рѣшилъ посвятить себя всецѣло Свѣтланѣ и, переѣхавъ въ Дерптъ, стараться вліять на Воейкова, который, чувствуя въ рукахъ Жуковскаго и его друзей свою литературную репутацію и славу, уже сильно покачнувшуюся, поддавался, хотя и неохотно, его вліянію. Жуковскій мечталъ „возвратить Сашѣ если не счастье, то по крайней мѣрѣ спокойствіе". „Бѣдная моя Саша, говорилъ онъ, смотритъ на меня какъ на помощ-

---

[1]) Р. С. 1883, іюль.
[2]) См. Уткинск. Сборн., 171.
[3]) Переводъ съ франц., см. ~~[illegible]~~. приложенія.
[4]) Дочь А. А. Воейковой — Катя.

ника и хранителя“ [1]), а ей самой обѣщаетъ: „Саша, милой дружокъ, повѣрь, что мы сладимъ съ прошедшимъ и въ будущемъ будетъ у насъ покой и согласіе“ [2]).

И любящая Маша, успокоившаяся за себя, желала теперь одного „Сашинаго счастья“, она вѣрила, что „Богъ справедливъ, этотъ ангелъ будетъ знать счастье“.

„Cet ange, говорила она позднѣе, mériterait un sort si different de sien“ [3]).

И дѣйствительно, теперь Жуковскій почти переселился въ Дерптъ, куда онъ хотѣлъ выписать и Авдотью Петровну и основать тамъ подобіе былой Муратовской „блаженной колоніи“ [4]).

Между тѣмъ, всегда плохо знавшій людей поэтъ продолжалъ ошибаться и въ Воейковѣ. Давно ли онъ въ своемъ письмѣ къ Машѣ называлъ его „низкимъ и неблагодарнымъ человѣкомъ“, отъ котораго „нельзя ждать деликатности и благородства“ [5]), теперь уже онъ сталъ надѣяться на исправленіе Воейкова, хорошимъ съ нимъ обращеніемъ.

Онъ хотѣлъ щадить его самолюбіе и не упрекать его ни въ чемъ. „Въ немъ есть доброе, говорилъ онъ, надо только отучить его отъ притворства“, „поднять этого падшаго человѣка“ [6]).

Такъ же думала и Екатерина Афанасьевна, писавшая въ февралѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ: „надо Воейкова перемѣнить. Помогай мнѣ“, и ради счастья Саши просила ее написать ему ласковое письмо [7]).

Практикъ Мойеръ смотрѣлъ на вещи болѣе трезво и предлагалъ отдать Воейкову Машину часть Муратова, справедливо полагая, что эта мѣра успокоитъ его лучше всего [8]).

Преувеличивая литературный талантъ Воейкова, Жуковскій хотѣлъ поэтическими занятіями отвлечь его отъ пьянства и старался вдохновить его на новыя поэтическія произведенія. Къ этому времени относятся большія произведенія Воейкова, его „Парнасскій Адресъ Календарь,“ извѣстное „Посланіе къ женѣ и друзьямъ“ [9]), въ которомъ авторъ такъ лицемѣрно восхваляетъ свое

[1]) Р. С. 1883. Августъ 233.
[2]) См. Зейдлицъ „Жизнь и поэзія Жуковскаго“, стр. 99.
[3]) См. Утк. Сб., 171.
[4]) См. У. С., стр. 166.
[5]) Письмо 15 дек. 1815 — „Р. Стар.“ 1883 г., іюль.
[6]) См. Уткин. Сбор. 25 и „Р. Ст.“ 39, 232 — 3.
[7]) См. Уткинск. Сб., 299.
[8]) См. Уткинск. Сб., 172.
[9]) Напеч. въ „Сынъ Отечеств.“ 1821 г.

семейное счастье и преданность женѣ [1]). Жуковскій даже хлопоталъ о поднесеніи Государю его „Георгикъ", и о дарованіи ему ордена, желая добромъ укротить строптиваго друга.

Онъ же лѣтомъ устроилъ и совмѣстное путешествіе супруговъ Воейковыхъ въ Кіевъ, откуда Воейковъ одинъ ѣздилъ въ Крымъ. Богомольная Свѣтлана осталась въ Кіевѣ, чтобы поѣздить по монастырямъ, имѣя при себѣ выхлопотанныя Жуковскимъ письма къ митрополиту и Кіевскому духовенству.

Путешествіемъ этимъ, интимною близостью во время него, Жуковскій хотѣлъ снова примирить супруговъ между собою. Маша, впрочемъ, мало вѣрила въ пользу этой поѣздки и жалѣла „бѣдную сестру", которая будетъ „такъ далеко отъ своихъ, съ человѣкомъ, который имѣетъ такъ мало состраданія къ ней" [2]).

Саша оставила свою дочь на рукахъ матери и сестры, которыя вмѣстѣ съ Жуковскимъ провели нѣсколько недѣль въ Ревелѣ, на берегу моря. Вотъ что писалъ Сашѣ крестный оттуда, стараясь поддержать въ ней надежду на возможность устройства семейной жизни:

Ревель, 5 Іюня, (V) 1816.

„Вотъ мы въ Ревелѣ, милая моя Саша, какъ мы всѣ разъѣхались! Года два тому назадъ можно ли было вообразить, живучи въ Муратовѣ въ одной кучкѣ, что мы такъ разбредемся, что между нами и тобой будетъ почти цѣлая Россія. Между тѣмъ какъ ты сидишь на берегу Днѣпра — весела ли, Богъ знаетъ! но онъ у тебя добрый сторожъ! — Мы весело сидимъ на берегу Балтійскаго моря. Оно у насъ подъ окнами; мы еще не видали во всей красотѣ, ибо небо пасмурно, осенній дождикъ портилъ лѣто, но все оно какъ новое, величественное явленіе, имѣетъ большую прелесть. Передъ нами цѣлый рядъ военныхъ кораблей, правда неоснащенныхъ, и нѣкоторые изъ

---

[1]) Напр.:

Твоя любовь меня и грѣетъ и хранитъ
Подъ бурей и грозой во тьмѣ путеводитель
И за минувшее мой съ Богомъ примиритель.
Ты противъ самаго меня мой вѣрный щитъ
Завѣса съ глазъ моихъ твоей рукой снята
Я вижу все въ другомъ и цвѣтѣ и значенья...

Въ другомъ, позднѣйшемъ его посланіи къ женѣ („В. Евр. 1818 г.") эта строфа повторяется, но послѣднія 2 строки измѣнены такъ:

И славѣ, пламенемъ которой жизнь питаю,
И славѣ я любовь твою предпочитаю...

[2]) Уткинск. Сборн., 171.

нихъ уже инвалиды, но все видъ прекрасный. За этимъ фрунтомъ морскихъ великановъ поднимается на крутизнѣ Ревель; надъ кучей домовъ старинная крѣпость съ башнями — на горизонтѣ синѣютъ острова и мелькаютъ корабли, уходящіе и приходящіе — съ другой стороны крутой берегъ, каменный и голый, и къ нему примыкаетъ прекрасный Екатериненталь, съ прекрасными каштановыми деревьями, кленами, дубами и дворецъ Петра Великаго. На дворѣ у насъ также садикъ, прекрасный, тѣнистый. А въ домикѣ нашемъ одушевленная радость — Катюшка, которая также какъ и всѣ мы купается въ морской водѣ. Все это очень хорошо, но гдѣ же ты? и когда мы увидимся? Я воображаю тебя за рисованіемъ, въ маленькомъ домикѣ, съ грустью, но безъ скуки. Пускай же сидитъ подлѣ тебя надежда, не надежда-фантазія; но сестра смиренная, тихая, источникъ великаго, причина вѣры и добродѣтели, намъ бодрость и мужество и силу дающая. Она не говоритъ чего и когда ждать тебѣ, но будетъ твердить, что вѣрно желанное будетъ и что доброе никогда погибнуть неможетъ и что все въ жизни къ прекрасному средство. И съ кѣмъ говорить, какъ не съ тобою! Одно условіе: не терять бодрости. Прости, дружокъ; обнимаю тебя отъ всего сердца. Мнѣ много надобно поговорить съ тобою и о себѣ! но дай собрать мысли. Гдѣ теперь твой мужъ есть ли отъ него вѣсти?"

Между тѣмъ Маша оказалась права: дѣйствительно, путешествіе не помогло ничему, и хорошо начавшійся и сносно проведенный годъ закончился снова бурными сценами и ссорами, заставившими Жуковскаго, бывшаго въ Петербургѣ, поспѣшно вернуться на помощь, кстати и для того, чтобы присутствовать на свадьбѣ Маши, которая состоялась 14 января 1817 года [1]).

Со дня свадьбы молодые Мойеры поселились въ своемъ домѣ, оставя Сашу съ матерью всецѣло во власти Воейкова.

Особенно теперь страдала Екатерина Афанасьевна, которой онъ въ лицо говорилъ, что ее ненавидитъ. Теперь-то и вырвались у нея приведенныя выше слова отчаянія [2]).

---

[1]) Въ Кіевѣ, впрочемъ, очевидно, супруги жили довольно мирно и Воейковъ даже удостоилъ записать въ альбомъ жены (7 авг. 1816 г.) слѣдующіе стихи:

On court bien loin pour chercher le bonheur
A sa poursuite en vain l'on se tourmente.
Mais c'est dans nous, dans notre propre coeur
Où le plaça la nature prudente.

О той же мирной жизни въ Кіевѣ вспоминаетъ онъ и въ посланіи „Къ женѣ" („В. Евр. 1818 г.")

[2]) См. стр. 56. 54.

Тотъ образъ жизни, который приходилось вести всѣмъ обитателямъ Воейковскаго дома не могъ, конечно, не отозваться на здоровьѣ слабыхъ женщинъ, принужденныхъ вѣчно жить подъ страхомъ, постоянно напрягать всѣ свои нервы и почти не переставая плакать и горевать.

Е. А. Протасова хворала постоянно, у Маши шла горломъ кровь, надъ чѣмъ находилъ возможнымъ потѣшаться Воейковъ, а слабая отъ природы Свѣтлана, окончательно губила этою жизнью свое здоровье.

О ея болѣзненности въ дѣтствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о неумѣньи беречь себя, писалъ ей еще самъ Воейковъ въ стихахъ, будучи тогда еще женихомъ:

. . . . . слабое сложенье
имѣешь отъ природы ты
и то не бредъ и не мечты,
а докторовъ Орловскихъ мнѣнье [1]).

О слабости, блѣдности, худобѣ Саши передъ первыми родами, писала Маша Кирѣевской еще въ маѣ 1815 года. А въ слѣдующемъ году она писала: „здоровье ея такъ разстроилось, что я отчаяваюсь, чтобы оно когда-либо поправилось“ [2]).

Около этого же времени и Екатерина Афанасьевна писала Авдотьѣ Петровнѣ о сильной боли въ груди, которую чувствовала Саша, часто ставшая прихварывать [3]).

Нельзя сомнѣваться теперь, что это были первыя признаки чахотки, которая впослѣдствіи безвременно свела въ могилу несчастную Свѣтлану. И безусловно, главнѣйшею причиною развитія болѣзни, являлась та несчастная семейная жизнь, которая выпала ей на долю...

Наступили 3 послѣднихъ года дерптской жизни Воейковыхъ, о которыхъ мы знаемъ сравнительно немного. Нашедшая свое счастье Маша, нашла себѣ и повѣреннаго въ лицѣ мужа, и ея переписка съ Авдотьей Петровной, изъ которой мы черпали столько интересныхъ для насъ свѣдѣній, становится гораздо болѣе блѣдной и по количеству писемъ и по ихъ содержанію. Да къ тому же теперь и сама Маша могла меньше знать жизнь сестры, такъ какъ онѣ жили теперь въ разныхъ домахъ.

[1]) См. „Къ 18-лѣтнему младенцу“, „Славянинъ“ 1827 г.
[2]) См. Утк. Сб., 171.
[3]) См. Утк. Сб., 298.

Лѣтомъ 1817 года молодые Мойеры съ Воейковыми посѣтили Муратово, гдѣ, впрочемъ, къ огорченію Маши, Воейковъ не надолго оставилъ ея „милаго Сандрочка“.

Онъ увезъ ее въ Долбино къ Авдотьѣ Петровнѣ, гдѣ у нея осенью родилась вторая дочь — Александра.

Еще въ Муратовѣ Воейковъ сумѣлъ заставить безвольную жену дать ему векселя, желая обезпечить за собою часть ея имѣнія, упустивъ уже другую въ руки Мойера. Денежныя дѣла его въ то время были очень плохи, какъ объ этомъ писалъ Жуковскій Тургеневу еще въ 1816 году.

Впрочемъ, вынужденный отказъ Воейкова отъ второй части Муратова не прошелъ даромъ для Мойера и Маши. Мстительный Воейковъ захотѣлъ попытаться разсорить Машу съ Авдотьей Петровной Елагиной, слѣдствіемъ чего было его грязное письмо, въ которомъ онъ называлъ Машу „любовницей“ Жуковскаго, а Мойера „пономаремъ“. Въ горячемъ и полномъ возмущенія письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ, Маша раскрывала въ отвѣтъ на это интриги зятя и разсказывала о его похожденіяхъ, о которыхъ прежде молчала ради Саши, грозя, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить еще такое, что заставитъ покраснѣть даже Воейкова, и обѣщая при этомъ показать какія-то его письма, хранящіяся у нея [1]).

Этимъ событіемъ, впрочемъ, и заканчивается вся исторія преслѣдованія Маши Воейковымъ. У нея былъ теперь защитникъ, который съ присущей ему деликатной твердостью сумѣлъ оградить жену отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій негодяя.

Осенью этого года Жуковскій ѣздилъ въ Москву и оттуда писалъ Свѣтланѣ въ Долбино, безпокоясь за ея здоровье передъ родами чрезвычайно, нѣжныя и трогательныя письма, характеризующія его привязанность къ крестницѣ.

Москва 17 Октября (1817 г.).

Милый, безцѣнный другъ Саша, здравствуй изъ Москвы. Я здѣсь; не былъ въ Дерптѣ и не могу быть у тебя (по крайней мѣрѣ теперь быть не могу). Что ты мой ангелъ? Скажи ради Бога о себѣ слово. Сердце къ тебѣ порывается. Я въ Москвѣ какъ на кладбище. Сколько милыхъ тѣней вокругъ меня бродитъ. И живые мои тѣ же тѣни. Гдѣ вы мои друзья! И между моими, ты, мой искренній, милый другъ, гдѣ ты? Не знаю какъ описать тебѣ мое теперешнее чувство. Я

[1]) См. Уткинск. Сборникъ, 197 — 199.

живу опять въ пенсіонѣ [1]) (моя казенная квартира еще не готова), опять попалъ въ свою колыбель — а всѣ тѣ, которые меня въ этой колыбели баюкали, всѣ пропали. Прошлое ожило, или лучше сказать прошлое — мертвецъ воетъ возлѣ меня и приводитъ сердце въ унылость. Ѣхавъ въ Москву я и не подумалъ что въ ней не найду ничего, что ее прежде дѣлало прелестной; я былъ увѣренъ, что найду здѣсь Авдотью Николаевну [2]) - узнаю что и ее нѣтъ. Нѣтъ ни одного лица, которое бы говорило о нашей общей прежней жизни. Не могу изъяснить какъ въ иныя минуты грустно. И знаешь ли, что болѣе нежели о другихъ, думаю о тебѣ, моя милая душа. Какъ бы хотѣлось побыть съ тобою. Но какъ этого надѣятся, тебя сюда ожидать нечего, а мнѣ оторваться невозможно. Развѣ удастся весною, во время родинъ моей Великой Княгини [3]). Ахъ! если бы ты и Дуняша [4]) здѣсь были — я бы назвалъ это счастіемъ, но и ее нельзя надѣяться перекликать сюда. И не хочу; она, я думаю, часто съ тобою, она теперь тебѣ необходима. Покрайней мѣрѣ, другъ безцѣнный, напиши ко мнѣ. Скажи, каково тебѣ на старомъ опустѣвшемъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ для тебя нѣтъ одиночества: подлѣ тебя зрѣетъ надежда-Маша [5]). Для сердца твоего есть жизнь, и твое милое сердце способно довольствоваться этою жизнью. Но что же моя! — Мнѣ Букильонъ [6]) сказывалъ, что ты часто нездорова, что твой бокъ часто болитъ. Другъ милый, сохрани тебя Боже. Неужели ты позволяешь себѣ какую нибудь небрежность? Твое счастье, твоя добродѣтель, твои должности всѣ въ одномъ прекрасномъ словѣ: Маша! и такъ береги себя. Жду отъ тебя письма — не полѣнись, мой дружокъ, меня объ себѣ увѣдомить. Твое письмо мнѣ будетъ подаркомъ безцѣннымъ.

Твой мужъ долженъ будетъ къ тебѣ скоро пріѣхать. Такъ онъ пишетъ къ Антонскому. Вели ему тотчасъ по пріѣздѣ ко мнѣ написать. Я не писалъ къ нему давно, зная мою лѣнь, онъ не долженъ на меня сердиться; но буду писать къ нему, когда получу его письмо. Теперь мы другъ къ другу ближе —

[1]) Т. е. въ квартирѣ директора Моск. Универс. Благор. Пансіона, А. А. Прокоповича-Антонскаго.

[2]) Арбеневу, племянницу Ек. Аф., дочь ея сестры Н. А. Вельяминовой.

[3]) Александры Ѳеодоровны.

[4]) А. П. Елагина-Кирѣевская.

[5]) Жуковскій говоритъ здѣсь о будущемъ ребенкѣ котораго ожидала Саша и котораго, очевидно, сперва предполагали назвать Машей, такъ же какъ думали назвать и первую дочь Свѣтланы. Неизвѣстно почему первую назвали Екатериной, а вторую Александрой (См. Утк. Сборн., 27 и 152).

[6]) Управляющій имѣнія Черни, Плещеевыхъ.

но это совсѣмъ не утѣшеніе. Богъ знаетъ что бы я далъ за то, чтобы была подлѣ меня вся моя милая семья, а ты особенно, другъ мой; думая о тебѣ, всегда чувствую что то необыкновенно нѣжное въ сердцѣ и судьба твоя есть для меня нѣчто священное. Сашка моя, ты стоишь счастья! Ахъ! если бы мнѣ еще можно было говорить: печаль по слуху только знай [1]), и думать что это еще исполнится. Но Богъ милостивъ! а въ жизни все къ великому средство! особенно въ твоей, которая чиста еще какъ день. Вѣра и твердость — конецъ всему есть добро.

Гдѣ Азбукинъ [2])? Я доставлю къ нему его бумагу помнитъ ли онъ меня? Любитъ ли? и знаетъ ли что я его люблю по старому? что желаю ему если не счастія, то всѣхъ возможныхъ утѣшеній и что радъ бы много дать собственнаго для доставленія ихъ ему. Бумаги его ему будутъ присланы. Жду ихъ изъ Петербурга, я не взялъ ихъ съ собою, а велѣлъ ихъ ко мнѣ прислать по почтѣ съ моими деньгами; Петербургская дорога стала не безопасная и я, боясь быть ограбленнымъ, повѣрилъ, то что подороже, почтѣ.

Наконецъ, Сашка, я учитель [3])! Мѣсто мое во всѣхъ отношеніяхъ пріятное. Единственное мнѣ приличное. Моя ученица мила, добродушна и сердце у меня лежитъ къ моему дѣлу. Мнѣ весело имѣть теперь цѣль моимъ занятіямъ, цѣль небесную. — Я было ее потерялъ и разлюбилъ работу. Теперь хотя это поправилось, или поправляется. Въ Петербургѣ я ужъ далъ ей нѣсколько уроковъ; шло хорошо. Надѣюсь, что пойдетъ лучше. Жаль только, что она часто бываетъ нездорова. Милое, небесное созданіе: простота, добродушіе и прелестное ребячество. Великій князь очень добръ въ обхожденіи, онъ привязываетъ къ себѣ своею лаской, мнѣ то и надобно. Хочу любить свою должность, а не объ выгодахъ заботиться. Выгоды будутъ, если Богъ велитъ, но лбомъ до нихъ добиваться — не хочу, трудно, скучно и для меня безполезно, ибо не имѣю и не буду имѣть нужнаго для того искусства.

Гдѣ Марья Николаевна [4])? обними ее за меня. Я былъ здѣсь въ пустомъ ея домѣ, зная что ее здѣсь нѣтъ, но думая: что если она пріѣхала! мнѣ было какъ будто весело проѣхать

[1]) Изъ предисловія къ Громобою.

[2]) Василій Андреевичъ, женился на Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой, сестрѣ Кирѣевской и Зонтагъ.

[3]) Въ это время Жуковскій началъ свои уроки съ вел. кн. Александрой Ѳеодоровной.

[4]) Свѣчина, сестра Азбукиной.

нѣсколько улицъ съ бывалою надеждою, повидаться съ роднымъ человѣкомъ! Не тутъ то было! Домъ пустъ и въ немъ заикается одинъ мой крестникъ!

Прости другъ! Всякій день цѣлуй за меня Машку или Наташу, говори ей что это отъ меня. Прости еще разъ. Цѣлую тебя мысленно! А когда же на яву?

Мой адресъ: въ Москвѣ; Его Высокор. Ант. Ант. Прокоповичу Антонскому на Тверской въ благородн. универс. пенсіонѣ для передачи В. А. Ж.

Къ этому же времени относится другое письмо.

Безъ года. 27 Ноября.

Душа моя Саша, я не отвѣтилъ на прелестное письмо твое! Если ужъ это не доказательство что мы непобѣдимы, то развѣ одинъ Богъ лучшее выдумаетъ. Благодарствуй безцѣнный другъ. Я читалъ его со слезами и цѣловалъ тебя заочно. Какъ тебя люблю, и какъ всегда при всемъ хорошемъ вспоминаю о твоей милой рожицѣ, о твоей милой душѣ, о твоемъ дружескомъ истинномъ голосѣ — этого нечего и сказывать! Сердце сердцу вѣсть подаетъ; а между моимъ и твоимъ нечего заводить почты! станцій нѣтъ — дорога прямая и самая короткая! — Дружокъ мой безцѣнный, надобно думать что я много, много люблю тебя потому что у меня всегда повернется что то въ сердцѣ, какъ скоро назову тебя этимъ именемъ. Мнѣ очень жаль что черезъ сѣни отъ меня живетъ нѣмецъ докторъ, а не ты съ Катькою. Я желалъ бы ходить съ своей трубкой взадъ и впередъ не одинъ по своей горницѣ, а по твоей. И сколько добраго бы придумали съ тобою въ слухъ. Иногда сыплются мысли, а отсыпать некуда. Твоя же душа такая для нихъ кладовая, въ которой онѣ не только не залежатся, но еще сдѣлаются лучше и чище. Такъ, милая, ни съ кѣмъ такъ мои мысли не дѣлаются лучше, какъ съ тобою. Онѣ обыкновенно обращаются въ чувство, когда бываютъ сказаны или повѣрены тебѣ. Смотри же береги мнѣ моего друга, моего милаго, вѣрнаго, самаго сходнаго со мною товарища [1]); будь здорова! Отъ грустнаго заслоняйся Катькой и Сашкой [2]). Что ни говори милая! Есть величественнаго много въ горѣ — если только душа вся скажется какъ должно; знаешь ли кто понимаетъ Бога? Или несчастный съ чистою душою въ минуту твердости, или счастливый въ минуту прекраснаго чувства, счастливый не обстоя-

[1]) Курсивъ нашъ. — Н. С.
[2]) Очевидно, письмо писано уже послѣ рожденія у Саши дочери.

тельствами, но вѣря что онъ творитъ и украшаетъ душою! Богъ на этихъ двухъ предѣлахъ; спокойная середина равно отъ него удаляетъ. Тамъ только дѣлаются самыя рѣшительныя для души откровенія. Богъ открывается намъ во всякомъ добромъ чувствѣ; тогда мы видимъ его лицомъ къ лицу и намъ доказательства его бытія не нужны. Я не молюсь никогда. этого нельзя обратить въ привычку. Но въ иной разъ когда прекрасная мысль или высокое, безкорыстное чувство настигаетъ душу, и глаза и голова и руки и все существо невольно подымаются къ небу! И все это стало съ нѣкотораго времени живѣе — доказательство, что въ моемъ теперешнемъ положеніи много прекраснаго, но какъ говоритъ Шиллеръ:

Ein erhabner Sinn
Legt das grosse in das Leben
Und er sucht es nicht darin

Прости, милая душа. Скажи мужу, что я не отвѣчалъ на послѣднее письмо его и онъ знаетъ по чему, и отвѣтъ былъ сдѣланъ, но не посланъ ему. Записку Жихареву [1]) отдалъ. — Дѣтишекъ ангеловъ цѣлую".

Полныя глубокой нѣжности и любви къ Свѣтланѣ, эти прекрасныя письма поэта рисуютъ намъ его взглядъ на крестницу, какъ на „самаго сходнаго" съ нимъ товарища. Очевидно, не только намъ ясно это родство душъ Жуковскаго и Свѣтланы, о которомъ мы упоминали въ самомъ началѣ, его сознавалъ самъ поэтъ, и даже при жизни женщины наиболѣе дорогой его сердцу — М. А. Мойеръ, отдавалъ предпочтеніе, въ смыслѣ духовной близости, ея младшей сестрѣ.

Между тѣмъ положеніе самаго Воейкова въ Дерптѣ становилось все болѣе шаткимъ. Лекціи его уже не посѣщались совершенно, денежныя дѣла запутывались все болѣе и онъ, оставя жену у А. П. Елагиной [2]), осенью 1817 года ѣздилъ въ Москву помѣщать свои стихи „Къ Женѣ" въ „Вѣстникъ Европы" и подыскивать себѣ какого либо мѣста.

Въ стихахъ этихъ, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы" 1818 года, среди обычныхъ лицемѣрныхъ супружескихъ изліяній встрѣчаются нѣкоторые намеки, интересные для біографіи обоихъ. Очевидно, разстроенныя дѣла вызвали предположеніе разстаться супругамъ „на три года", при чемъ Воейковъ долженъ былъ работать въ Дерптѣ или Москвѣ,

---

[1]) Степанъ Петровичъ, 1787-1860, авторъ извѣстныхъ „Записокъ".

[2]) Авдотья Петровна Кирѣевская, вышла въ этомъ году вторично замужъ за А. А. Елагина.

2 рисунка, изображающіе Катю Мойеръ.

а А. А., вѣроятно, должна была жить въ Долбинѣ, у Елагиной, съ обоими дѣтьми.

Причина этой разлуки, по словамъ поэта, „заботливый разсчетъ“, т. к. „плюсъ долговъ у насъ и минусъ состоянья“. Возможно, впрочемъ, что кромѣ разсчета тутъ играли роль и уговоры Елагиныхъ, желавшихъ дать возможность Свѣтланѣ отдохнуть отъ мужа.

Въ теченіе всего 1818 года Воейковъ наѣзжалъ въ Дерптъ только временами. Пользуясь отсутствіемъ Мойера, онъ иногда врывался въ его домъ, и, игнорируя Машу, съ ругательствами нападалъ на Е. А. Протасову, требуя у нея денегъ, ругая ее даже при встрѣчѣ на улицѣ „какъ служанку“.

Онъ продолжалъ по-прежнему держать себя съ униженіемъ передъ людьми, которыхъ онъ боялся, и на упреки А. А. Плещеева въ грубости по отношенію къ тещѣ, просилъ его плюнуть ему въ лицо, назвать подлецомъ и т. п. [1]).

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ и пребываніе Воейкова въ университетѣ сдѣлалось долѣе невозможнымъ. Отношенія къ нему коллегъ, какъ мы видѣли выше, уже совершенно испортились. Его игнорировали и только терпѣли; ни друзей ни близкихъ въ средѣ профессоровъ онъ не имѣлъ. Злобный интриганъ, самолюбивый невѣжда, готовый всегда предать друга, донести начальству, пошпіонить или наклеветать, онъ, конечно, не могъ вызвать къ себѣ ни въ комъ ни малѣйшаго уваженія. Событія начала 1820 года совершили остальное. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Гречъ въ своихъ запискахъ [2]).

„Въ 1820 году поступилъ попечителемъ Дерптскаго Университета кн. Карлъ Андреевичъ Ливенъ. По пріѣздѣ его въ Дерптъ, разумѣется, явились къ нему на общій смотръ всѣ профессоры. Онъ сталъ принимать ихъ одного за другимъ и многимъ изъ нихъ отдавалъ какія то бумаги, приговаривая: „вотъ доносъ на васъ“. Когда подошелъ Воейковъ, князь поблѣднѣлъ и закричалъ:

„Вонъ отсюда! Господа, всѣ эти гнусные доносы написаны этимъ... Убирайся...“

Съ прочими профессорами князь говорилъ по-нѣмецки, это же привѣтствіе произнесъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ“.

Воейковъ снова прибѣгъ къ помощи своихъ постоянныхъ заступниковъ, Тургенева и Жуковскаго и, по словамъ Греча, такъ объяснялъ имъ происшедшій инцидентъ:

---

[1]) См. Уткинск. Сборн., стр. 212.
[2]) Записки Н. И. Греча, стр. 479.

„Подлецы нѣмцы, ненавидящіе всѣхъ русскихъ и особенно патріотовъ и честныхъ людей, обнесли меня у Ливена. Какъ благородный человѣкъ я не могъ снести гласнаго оскорбленія и принужденъ выйти. Я писалъ къ нему не доносы, а благонамѣренные совѣты.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ денежныя дѣла его достигли крайняго предѣла запутанности. Кредиторы тѣснили безъ жалости, и каждая новая отсрочка платежа только затягивала и безъ того плотно стянутую петлю.

Сашу мы видимъ снова въ Дерптѣ уже съ половины 1819 года. Что заставило ее покинуть гостепріимный кровъ Елагиныхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, она предполагала прожить 3 года, и вернуться снова къ своему мужу, трудно сказать, вѣроятнѣе всего, что этого требовалъ онъ самъ. А между тѣмъ какъ денежныя, такъ и служебныя неудачи не могли не отразиться на домашней жизни Саши, которая теперь совершенно одна предоставлена была неистовствамъ пьянаго и жестокаго мужа. Она рѣдко теперь была здорова и все время проводила запершись у себя, стыдясь показываться даже у Мойеровъ. Теперь и ея терпѣнья не хватало и она серьезно подумывала о тайномъ отъѣздѣ къ Елагиной.

Самому Воейкову оставаться долѣе въ Дерптѣ было нельзя, а между тѣмъ кредиторы не выпускали его изъ города. И вотъ бѣдной больной Свѣтланѣ пришлось ѣхать въ Москву къ брату мужа [1]), чтобы искать денегъ для спасенія семьи. Ей пришлось вынести не мало униженій отъ суровыхъ кредиторовъ, заставившихъ ее для скорости ѣхать на линейкѣ и слѣдившихъ за самымъ ея отъѣздомъ. 3-го мая она поскакала въ Москву и лишь по полученіи части денегъ кредиторы отпустили изъ Дерпта и самаго Александра Федоровича.

Заручившись помощью И. Ф. Воейкова Саша, впервые для спасенія семьи проявившая необычную для нея энергію, пришла въ совершенный восторгъ отъ деверя. Она писала Машѣ въ Дерптъ и просила ее выяснить полную сумму ихъ долговъ, которыхъ оказалось втрое больше противъ увѣреній лживаго Воейкова. Бѣдная Маша, впрочемъ, сильно скучавшая по сестрѣ, боялась отвѣчать ей, зная что всѣ письма попадаютъ въ руки мужа. О здоровьѣ Саши въ это время очень безпокоился Жуковскій, который 22 іюня писалъ къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ и спрашивалъ ее, неужели Сашѣ запрещено даже писать къ

---

[1]) И. Ф. Воейкову.

нему, т. к. онъ давно не имѣетъ о ней извѣстій и не знаетъ, какъ ея здоровье. Онъ называетъ при этомъ Сашу своимъ милымъ другомъ, о которомъ онъ въ мысляхъ говоритъ всегда — „моя душа!“, „мой ангелъ!“ [1]).

[1]) Уткинск. Сборн. 92.

Глава V.

Петербургъ.—Воейковъ—редакторъ „Сына Отечества“ и „Русскаго Инвалида“.—Отъѣздъ Жуковскаго. — Поѣздка Свѣтланы въ Дерптъ. — Ея болѣзнь. — Отношенія къ А. И. Тургеневу. — Его письма къ Жуковскому о Свѣтланѣ.

Въ Петербургѣ между тѣмъ Жуковскій и Тургеневъ [1]) уже нашли Воейкову занятіе. Тургеневъ, служившій тогда директоромъ департамента Духовныхъ Дѣлъ, опредѣлилъ его чиновникомъ особыхъ порученій, а затѣмъ при помощи Н. И. Греча Воейковъ получилъ мѣсто инспектора классовъ вновь учрежденнаго артиллерійскаго училища, нынѣшней Михайловской академіи. Со слѣдующаго, 1821-го года, онъ кромѣ того былъ назначенъ тамъ преподавателемъ русской словесности, каковую должность и занималъ вплоть до 1825 года. Новая должность давала ему 5000 рублей ассигнаціями въ годъ содержанія, что при его разстроенныхъ дѣлахъ было очень кстати. Кромѣ того, по совѣту друзей-благодѣтелей Воейкова, Н. И. Гречъ принялъ его соредакторомъ „Сына Отечества“, гдѣ ему былъ порученъ отдѣлъ критики и обозрѣнія журналовъ.

Съ 1822 г. Воейкову удалось получить въ аренду изданіе „Русскаго Инвалида“, официальнаго изданія, основаннаго въ 1813 г. П. Пезаровіусомъ. Доходы съ этого изданія, въ первое время были довольно значительны, т. к. газета расходилась очень бойко.

Нечего и говорить, что Свѣтлана была встрѣчена въ Петербургѣ съ распростертыми объятіями. О ней давно болѣла душа ея крестнаго и онъ съ радостью пріютилъ ее съ семьею въ своей квартирѣ. Впрочемъ, самъ онъ недолго оставался съ нею вмѣстѣ, уже въ сентябрѣ того же 1820 года отправясь въ свое первое заграничное путешествіе, которое продолжалось до февраля 1822 года.

Заботы о Сашѣ онъ поручилъ своему лучшему другу Александру Ивановичу Тургеневу, давно уже по его письмамъ знакомому со Свѣтланой, и теперь впервые увидѣвшему ее лично.

---

[1]) А. И. Тургеневъ, другъ Жуковскаго, извѣстный археографъ и историческій писатель. Директоръ Департ. Духовн. дѣлъ, помощн. статсъ-секретаря, 1784 — 1845.

Литографированный портретъ Ю. Крюденеръ.

Впечатлѣніе, которое произвела на него Воейкова, было чрезвычайно велико и та идеальная дружба, которая возникла между ними съ перваго же момента, скоро перешла для Тургенева въ пылкую и несчастную любовь.

Уже 20 сентября этого года Тургеневъ писалъ Вяземскому: „Его (т. е. Воейкова) жена, а Жуковскаго Свѣтлана пріѣхала сюда и я видѣлъ ее въ 1-й разъ съ какимъ-то поэтическимъ чувствомъ“ [1]).

Съ первыхъ же дней знакомства онъ сдѣлался постояннымъ гостемъ Воейковыхъ и еще наканунѣ отъѣзда Жуковскаго, 23 сентября, всѣ они собрались вмѣстѣ для того, чтобы провести последній вечеръ у Свѣтланы, которую поэтъ передавалъ на попеченіе и заботы своего друга.

„Еще разъ поручаю твоей дружбѣ Сашу, писалъ Жуковскій Тургеневу по дорогѣ изъ Дерпта — будь съ нимъ [2]) сколько можно ласковѣе, но только чтобы онъ тебя боялся и чувствовалъ, что можетъ имѣть въ тебѣ нужду: этой уздой можно имъ управлять“ [3]).

А Саша въ попеченіяхъ этихъ нуждалась сильно, такъ какъ Воейковъ, послѣ отъѣзда Жуковскаго, снова началъ мучить и притѣснять жену, а кромѣ Жуковскаго только одинъ Тургеневъ, отъ котораго Воейковъ зависѣлъ, имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе.

Маша писала Жуковскому за границу 8 октября про сестру: „Ея письмо такъ печально, а она хочетъ казаться веселой“ [4]).

Елагиной она сѣтовала о томъ, какъ ей жаль Сашу, оставшуюся въ рукахъ изверга, который совершенно властвуетъ ею, угнетаетъ ее, заставляетъ дѣлать сомнительныя знакомства (какая то Катерина Демьяновна), за которыя ей приходится краснѣть.

Не мало горя доставили Сашѣ и непріятности, полученныя ея мужемъ послѣ его разбора Пушкинскаго „Руслана“. Неприличный по тону и содержанію памфлетъ вызвалъ всеобщее возмущеніе въ литературныхъ кругахъ и былъ достаточно зло высмѣянъ въ газетахъ и журналахъ, при чемъ по поводу одной статьи Алексѣя Перовскаго [5]) произошла даже крупная ссора между нимъ и Воейковымъ, которую уладилъ только Тургеневъ.

---

[1]) Остаф. Арх. II, 72.
[2]) Т. е. Воейковымъ.
[3]) См. переписку съ Тургеневымъ, стр. 191.
[4]) Sa lettre est si triste, et elle veut paraitre gaie. Утк. Сборн., 244.
[5]) Алексѣй Алексѣевичъ, писатель (псевдон. Погорѣльскій), 1787 — 1836.

Всѣ эти невзгоды не могли не влiять на настроенiе духа Воейкова, впечатлительнаго и самолюбиваго и все это, конечно, отзывалось на бѣдной Свѣтланѣ.

Наконецъ, въ началѣ 1821 года, съ помощью Тургенева, ей удалось вырваться изъ Петербурга, чтобы съѣздить въ Дерптъ, гдѣ у Марiи Андреевны Мойеръ, 19 октября 1820 года, родилась дочь Екатерина. Деликатная Свѣтлана не поселилась въ домѣ сестры, а наняла для себя и дочери [1]) отдѣльную квартиру, очевидно, не увѣренная твердо въ томъ, что Воейковъ и здѣсь ее оставитъ въ покоѣ и своимъ прiѣздомъ не нарушитъ покоя въ домѣ Мойеровъ.

Радости встрѣтившихся снова сестеръ не было границъ.

Маша сознавалась въ своихъ письмахъ, что она любитъ сестру почти такъ же какъ и мужа и чувствуетъ къ ней какую то особую близость и нѣжность, къ которой примѣшивается постоянная жалость. Она скучала безъ нея въ Дерптѣ, но вотъ „прiѣхала наша чародѣйка и все стало иначе“. („Она уѣхала, писала Маша позднѣе, и сиротство воротилось“).

Все для нихъ было полно воспоминанiй. Все, по словамъ Маши, начиналось и кончалось словами „помнишь ли?“ „Саша у насъ, порадуйся о своей Машѣ“ писала послѣдняя А. П. Елагиной [2]).

Въ кругу близкихъ и любимыхъ людей, вдали отъ мужа, Свѣтлана скоро забыла свое личное горе и своимъ веселымъ характеромъ внесла оживленiе въ немного монотонную жизнь дерптскихъ обывателей.

Въ письмѣ къ Жуковскому Маша говорила, что теперь онѣ обѣ „блаженны“, а Саша въ своей припискѣ, присоединяясь къ радости сестры, дала намъ отличную характеристику ея, весьма близкую къ ней самой. Приписка эта является для насъ крайне важной для выясненiя душевнаго состоянiя Свѣтланы.

Она особенно подчеркиваетъ въ ней то семейное счастье, ту радость, которую она увидѣла въ согласной семьѣ Мойера, включая въ нее и его родныхъ. Она не привыкла жаловаться на свою судьбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ то горькимъ упрекомъ звучатъ ея слова о слезахъ умиленiя при видѣ этого „домашняго рая“, на который она взирала съ затаенной завистью, чувствуя себя „и счастливой, и печальной, и взволнованной, и покойной“!

---

[1]) Она привезла съ собою Катю, другая дочь осталась въ Спб.

[2]) Авдотья Петровна Кирѣевская вышла вторично замужъ за Алексѣя Андреевича Елагина въ 1817 г. См. письма М. А. въ Утк. Сб., 245—258.

„Ты одинъ поймешь“, восклицаетъ она почти съ отчаяніемъ въ заключеніе, обращаясь къ крестному и другу, съ ужасомъ думая о возвращеніи въ Петербургъ и о томъ, что она найдетъ тамъ, въ своей собственной семьѣ!

Да, и я блаженна, повторяетъ она слова Маши, но только тогда, когда забываю про свое горе!

Впервые здѣсь упоминаетъ Саша и о Тургеневѣ, какъ о томъ, кто сумѣетъ понять ее и поддержать въ несчастьѣ.

„Блаженна! именно такъ! но только тогда когда забываю. На Машу весело глядѣть: удовлетвореніе ея прекрасной души рисуется такъ хорошо на ея ангельскомъ лицѣ; все что находится вокругъ нея, кажется живетъ и движется только ею. Это прекрасное существованіе; такое полезное, такое добродѣтельное, такое полное, наполняетъ меня благоговѣніемъ. Это небесное созданіе — моя сестра. Ахъ! безъ сомнѣнія надо подняться на горы Кашемира, чтобы стать ею. Жизнь ея — это рядъ обязанностей исполненныхъ въ совершенствѣ, и обязанностей самыхъ прозаическихъ, къ которымъ она примѣнила всю поэзію своей души, и которыя она сдѣлала такими поэтическими, что я ничего не могу представить выше ея существованія. Дитя ея какъ ангелъ, котораго не хватало ея раю, но которое наконецъ пополнило счастье, домашняго рая. У меня постоянно слезы на глазахъ. Мать Мойера здѣсь и лишь благодаритъ ребенка и Машу за счастье своего сына. Это обожаніе моей сестры родными Мойера такъ для меня пріятно! Дорогой другъ, кому же могу я разсказать съ большей радостью о счастьѣ и удовлетвореніи Маши, какъ тебѣ, лучшему изъ людей.

Всякій другой на твоемъ мѣстѣ имѣлъ бы чувство горечи, читая это письмо, твоя прекрасная душа выше этого! прощай, я такъ счастлива, такъ печальна, такъ взволнована и такъ покойна! Ты одинъ поймешь! но что будетъ изъ меня въ Петербургѣ, послѣ этого, не знаю! мнѣ Тургеневъ больше чѣмъ когда нибудь сдѣлается необходимъ! Прощай, душа моя! Со мною здѣсь одна Катя и счастья моей милой матери [1]) не умѣю тебѣ описать [2])“.

[1]) Т. е. Ек. Аф. Протасовой.

[2]) Утк. Сб., 249. Блаженны! c'est le mot! Но только тогда, когда забываю! На Машу весело глядѣть: le contentement de sa belle âme se peint si bien sur son angélique figure tout ce qu'est autour d'elle a l'air zu leben und sich zu regen bloss durch sie. Cette belle existence si utile, si vertueuse, si bien rempli, me remplit d'admiration. C'est une céleste créature que ma soeur! Ah! Sans doute il faut avoir monté la montagne de Cachemire pour devenir elle. Sa vie n'est qu'une suite des devoirs parfaitement remplis, des dévoirs les plus prosaiques auxquelles elle a mis toute la poésie de son âme et qu'elle a su rendre si poetique que je ne puis rien concevoire au dessus de son existence.

По возвращеніи изъ Дерпта, въ февралѣ 1821 года Саша опасно заболѣла и пролежала въ постели въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Она даже вызвала къ себѣ изъ Дерпта мать, пріѣздъ которой, впрочемъ, доставилъ ей больше горя чѣмъ радости, такъ какъ ненавидѣвшій тещу Воейковъ мстилъ за нее своей несчастной женѣ и успокоился только тогда, когда Екатерина Афанасьевна, по настоянію Тургенева, уѣхала обратно.

Какъ и предполагала Свѣтлана, домашняя обстановка особенно въ связи съ тяжелою болѣзнью, произвела на нее удручающее впечатлѣніе, послѣ того корсткаго времени, которое она провела около чужого счастья.

Всегда покорная и безропотная, она готова была теперь почти роптать на Провидѣніе, чуть ли не завидовать счастью любимой сестры. Она умѣла отгонять отъ себя эти „грѣшныя" мысли, но уже сама возможность появленія ихъ въ ея покорной головѣ, показываетъ всю ту глубину горя, которое приходилось ей испытывать.

„Моя болѣзнь меня сблизила еще съ тобою [1]), писала Саша Жуковскому за границу 13 и 14 февраля, смѣйся, бывши всегда рядомъ я сдѣлалась ближе. Машкино: „моя душа теперь полна, я чувствую спокойствіе и довольствіе" (фраза изъ письма Маши къ Жуковскому, посылаемаго вмѣстѣ). Награди Богъ ее за эти слова! Они въ минуту вспомнили мнѣ тебя, дерптскіе дни и закрыли въ Петербургѣ все кромѣ дѣтей и Тургенева. J'en avais besoin dans ce moment meme et j'admire a bonté de la Providence ingénieuse [2]) Ихъ счастьемъ и вашею дружбою весело жить — la vie a une espèce d'attrait [3]). На все это я смотрю не молясь, — aber mit Andacht [4]). Твои письма — Тургенева разговоры всегда ставятъ меня ganz andächtig [5]).

Son enfant est là comme un ange, qui manquait encore à son paradis et qui a enfin complеté le bonheur, le paradis de la maison. J'ai continuellement les larmes aux yeux. La mère de Moyer est ici et ne fait que bénir l'enfant et Marie pour bonheur de son fils. Cette adoration des parents de Moyer pour ma soeur me fait tant de bien! Cher ami, a qui parlerai je avec plus de joie du bonheur et de perfection de Marie, qu'à toi le meilleur des homme! Tout autre à ta place aurait un sentiment d'amertume en lisant cette lettre, ta belle âme est au dessus de cela! Adieu, je suis si heureuse, si triste, si troublée et si calme. Ты одинъ поймешь! Но что будетъ изъ меня въ Петербургѣ послѣ этого, не знаю! Мнѣ Тургеневъ больше чѣмъ когда нибудь сдѣлается необходимъ! Прощай, душа моя. Со мною здѣсь одна Катя и счастья моей милой матери не умѣю тебѣ описать.

[1]) Утк. Сборн. 254.

[2]) Я имѣла въ немъ нужду именно въ этотъ моментъ и я удивляюсь добротѣ мудраго Провидѣнія...

[3]) Жизнь имѣетъ нѣкоторую привлекательность.

[4]) Но благоговѣйно.

[5]) Совершенно благоговѣйной.

Неизвѣстный портретъ. Рисунокъ карандашомъ изъ альбома А. А. Воейковой.

Постигаешь величіе жизни — болѣзнь имѣетъ то же дѣйствіе на меня. Нынче благодарю Бога, что не могу тебѣ сказать что у насъ на сердцѣ одно — car j'ai un sentiment d'amertume qui m'a fait refuser ma porte meme à Tourgueneff [1]), и для того пишу къ тебѣ, чтобы наплакаться et pour mettre en état de prier [2]). Другъ мой! все въ жизни къ великому средство mais le calice dure trop longtemps! ce n'est pas un murmure, ce n'est qu'une reflexion! Прощай [3]).

14-е. Сколько милыхъ чувствъ производитъ во мнѣ Машино письмо! Ея только покорности можно имѣть право сказать: увѣрена, что Онъ бы всякую молитву исполнилъ! Elle a le droit d'être sûre - que sa prière pour sa fille sera exaucée, elle qui a plié sa tête sous le joug que la Providence lui a imposé, non seulement avec douceur, mais en y cherchant, en trouvant le bonheur [4])! Посылаю тебѣ записку Плещеевой. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки ко мнѣ и освѣтило душу! Нынче чувствую себя здоровою et ce sentiment me fait du bien [5]). Передо мною стоитъ столъ полный цвѣтовъ — все дышетъ жизнью молодой! Катюшка кудрявая сидитъ и учитъ Сашу читать — enfin, oubliant la reflexion d'hier [6]) отъ всей души говорю: благодарю за жизнь, Творецъ! въ ней много прекраснаго и безъ счастья! Первое то, что пишу къ тебѣ, другу души, и знаю, что ты будешь радъ знакомому сердцу почерку. Повторяю стихи изъ Донъ Карлоса mit Entzücken [7]).

O wie entzückend und süss ist es in einer schönen Seele uns verherrlicht zu fühlen [8]).

Ich fühle mich so herrlich und so wohl in deiner schönen Seele [9]). Ты моя моральная Италія, da, wo meine schönsten Blumen blühen [10]).

Не могу выразить того, что чувствую глядя на дѣтей, съ мыслью объ тебѣ; c'est une sérénité si douce [11]). Въ ихъ прекрас-

---

[1]) Такъ какъ мною овладѣло чувство горечи, которое заставило меня закрыть дверь даже передъ Тургеневымъ.

[2]) И довести себя до молитвеннаго состоянія.

[3]) Но испытаніе (горькая чаша) продолжается слишкомъ долго. Это не ропотъ, это только размышленіе.

[4]) Она имѣетъ право быть увѣренной, что ея молитва за ея дочь будетъ исполнена. Она, которая преклонила свою голову подъ ярмо, назначенное ей Провидѣніемъ не только съ кротостью, но и стараясь искать и находя въ немъ счастье.

[5]) И это чувство мнѣ полезно.

[6]) Въ концѣ концовъ забывая вчерашнія размышленія.

[7]) Съ восхищеніемъ.

[8]) О, какъ восхитительно и сладко чувствовать себя прославленной въ прекрасной душѣ.

[9]) Я чувствую себя такъ прекрасно и такъ хорошо въ твоей прекрасной душѣ.

[10]) Тамъ, гдѣ цвѣтутъ мои лучшіе цвѣты.

[11]) Это такая сладкая тишина.

ныхъ глазочкахъ такъ выражается то, что они будутъ тебя любить, достойные этого чувства. Желала бы ихъ взглядъ улыбающійся послать тебѣ; вся моя жизнь, вся душа въ немъ! Toutes mes espérances de vertu“ [1])!

Какъ характерно это письмо для выясненія душевнаго состоянія Свѣтланы! Отчаяніе не можетъ овладѣть ею, забронированною въ сталь того міровоззрѣнія, которое образовано было въ ней ея воспитаніемъ. Твердая слѣпая вѣра, увѣренность въ благости Провидѣнія, взглядъ на жизнь женщины, какъ на цѣпь обязанностей по отношенію къ семьѣ и дѣтямъ, все это заставляло ее побѣждать въ себѣ тѣ невольные приступы зависти, которые возникали въ ней при видѣ счастья, доступнаго другимъ и невозможнаго для нея. Она со страхомъ старалась заглушить въ себѣ невольный ропотъ на судьбу, вырвавшійся изъ ея наболѣвшей и изстрадавшейся груди. На порогѣ отчаянія въ жизни, она умѣла утѣшить себя тѣмъ, что въ жизни есть много прекраснаго, кромѣ личнаго счастья, кромѣ удовлетворенія личныхъ потребностей и желаній [2]).

Чѣмъ-то подвижническимъ вѣетъ отъ этого письма мятущейся и страдающей души, какъ бы старающейся себя самое убѣдить въ необходимости терпѣнія покорности и надежды.

Моральное чувство всегда было главнымъ стимуломъ всѣхъ дѣйствій и ощущеній Свѣтланы, писавшей позднѣе Козлову: „le morale me fait toujours oublier le physique“.

Въ дневникахъ Жуковскаго этого времени мы встрѣчаемъ неоднократныя помѣтки о полученіи имъ Сашиныхъ писемъ, которыми онъ всегда интересовался и которымъ придавалъ весьма важное значеніе [3]).

Вскорѣ послѣ выздоровленія Свѣтланы, о ней писалъ Жуковскому и Тургеневъ.

29 марта.

„Недавно возвратился изъ Невскаго Монастыря, гдѣ похоронили мы Митр. Михаила [4]). Я ѣздилъ туда съ Катериной Афанасьевной, а Ангелъ [5]) нашъ оставался дома, потому что слабому ея здоровью вредно быть долго въ сыромъ соборѣ и въ сырую погоду. Я еще не писалъ тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ она

---

[1]) Всѣ мои упованія на добродѣтель.

[2]) Гораздо позднѣе она писала Жуковскому, что „прекрасное безъ счастья“ въ ея жизни — это ея друзья и, главное, онъ самъ.

[3]) См. дневники Жуковскаго, подъ ред. И. А. Бычкова.

[4]) Михаилъ Десницкій, род. 1761 г., ум. 25 марта 1821 г.

[5]) Т. е. Саша.

здѣсь. — По сіе время пребываніе ея, кромѣ щастія, ничего не принесло милому Созданію ея. Недавно только В. (Воейковъ) поступилъ съ обыкновенною ему неделикатностью и огорчилъ ее. Теперь кажется опять все прошло, но сцены такого роду оставляютъ слѣды на груди ея. Естьли бы онъ могъ понять, что это похоже на убійство, то конечно бы образумился и въ самой сильной горячкѣ, ибо не тотъ только убиваетъ, кто въ одно мгновеніе лишаетъ жизни, а и тотъ, кто подрываетъ и безъ того слабое здоровье и приближаетъ къ смерти страданіями душевными; впрочемъ (дѣло) не такъ дурно идетъ, но я все трепещу за нее. Да и можно ли ей наслаждаться вполнѣ присутствіемъ матери въ безпрестанномъ страхѣ новой сцены. Съ Марьей А. я начинаю мало по малу знакомиться письмами. Она также проситъ увѣдомлять ее, какъ здѣсь идетъ въ ея семействѣ, но я ей кромѣ утѣшительнаго ничего не пишу. Она въ большомъ безпокойствѣ за тебя, ибо ни здѣсь, ни въ Дерптѣ давно о тебѣ нѣтъ никакого слуху".

Дружескія отношенія, которыя сразу установились между Сашей и Тургеневымъ, со дня ихъ перваго знакомства, были весьма сочувственно встрѣчены Жуковскимъ, благословившимъ духовный союзъ своихъ лучшихъ друзей, союзъ въ которомъ онъ видѣлъ только святую, нѣжную, братскую дружбу, поклонникомъ которой былъ всегда съ самыхъ своихъ юныхъ дней. 8 декабря 1820 года Тургеневъ писалъ князю Вяземскому [1]):

„Жуковскій пишетъ къ намъ двумъ (съ Сашей), но за одно. Спасибо, что видѣвъ насъ одинъ только разъ въ жизни вмѣстѣ (очевидно наканунѣ отъѣзда Жуковскаго за границу), угадалъ нашу дружбу и въ письмахъ не раздѣляетъ насъ [2])".

А вотъ что писалъ и самъ поэтъ Тургеневу 27 ноября того же года изъ Берлина [3]): „Моя Сашка есть добрый, животворный геній вдругъ очутившійся между нами. Я помню, какъ обрадовало меня то, что ты сказалъ мнѣ объ ней и что она сказала мнѣ о тебѣ; и я желалъ бы чтобы ты прочиталъ то, что она писала о тебѣ къ своей матери въ Дерптъ. То чувство, которое соединитъ Васъ другъ съ другомъ, есть обновленіе нашей съ тобой дружбы: у насъ теперь есть одно общее благо! Въ ея свѣжей душѣ вся моя прошлая жизнь. Но какъ же ты можешь обвинять меня въ томъ, что я ничего тебѣ не сказалъ

[1]) См. „Остаф. Арх." II. 118.

[2]) Очевидно это то письмо, о которомъ Жуковскій говоритъ ниже. Оно было отправлено имъ въ Петербургъ съ А. Ф. Эссеномъ и относилось, по его словамъ, къ имъ обоимъ. Оно, къ сожалѣнію, не сохранилось.

[3]) См. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу". Изд. „Русск., Арх.", 192.

объ ней? Братъ, развѣ не помнишь нашего прощанья? Развѣ въ эту минуту я тебѣ ее не ввѣрилъ? Я не умѣю объяснить тебѣ того чувства, которое произвело надо мною твое письмо. Мнѣ показалось, какъ будто какое то ожидаемое счастье сбылось со мною. Твоя привязанность къ моей Сашѣ (не хочу назвать этого любовью) есть наше общее благо и только двумъ принадлежащее благо; мы можемъ дѣлить его вполнѣ и вполнѣ понимать другъ друга Я уже не имѣю такого собственнаго; но это будетъ нашимъ общимъ. Я и не подумаю тебя остерегать. Въ этомъ случаѣ собственная душа твоя слишкомъ вѣрна, слишкомъ чиста, чтобы не попасть на прямую дорогу: все прекрасное, доброе, высокое, все въ одномъ чувствѣ; и чѣмъ оно безкорыстнѣе, тѣмъ лучше! Но объ этомъ я не хочу и не долженъ тебѣ говорить; мнѣ кажется даже, что тебѣ невозможно здѣсь переступить за границу позволеннаго; захочешь ли быть истребителемъ счастья, которое такъ неожиданно съ тобою встрѣтилось? Тебѣ надобно ласкать живую, возвышающую сердце причину, любить добро (къ которому ты до сихъ поръ былъ привязанъ машинально, безъ наслажденія). Въ ея душѣ найдешь эту живую причину. Однимъ словомъ, и твое чувство къ ней есть и мое чувство; я его понимаю, и счастливъ тѣмъ что оно въ твоемъ сердцѣ. Мы какъ будто сошлись опять на нашей дорогѣ, по которой шли не вмѣстѣ, а только помня другъ объ другѣ. Лучшаго товарища не было, а милый, вѣрный, избранный смотрѣлъ по сторонамъ, безъ наслажденія, не забывалъ своего спутника, но и ничѣмъ не дѣлился съ нимъ. Теперь мы стоимъ передъ милымъ твореніемъ Божіимъ и радуемся имъ вмѣстѣ, съ одинакимъ, чистымъ, достойнымъ насъ обоихъ чувствомъ. Все это смутно вмѣстилось мнѣ въ сердце, когда я прочиталъ твое письмо. Еще мы можемъ жить другъ для друга! Мысль объ васъ обоихъ будетъ мнѣ прекраснымъ запасомъ для моего путешествія. Одного для тебя требую: чтобы никто, кромѣ меня и не подозрѣвалъ объ этомъ. Чтобы найти счастье въ дружбѣ къ тебѣ, она не должна быть ничѣмъ останавливаема; надобно, чтобы она могла ей предаться безъ всякаго сомнѣнія и чтобы она нисколько не была въ разладѣ съ собою. Но и тебѣ надобно для твоего счастья уничтожить въ немъ все, что принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что уже первое впечатлѣніе, произведенное Сашей и Тургеневымъ другъ на друга, было велико. О письмѣ ея по этому поводу къ матери упомянулъ выше

Рисунокъ карандашомъ изъ альбома А. А. Воейковой.

Жуковскій, какъ и о своемъ личномъ разговорѣ на эту тему. О письмѣ Тургенева къ кн. Вяземскому мы говорили раньше, а вотъ и другіе отзывы его о Свѣтланѣ въ письмахъ къ послѣднему, относящихся къ этой эпохѣ,

„Я познакомился покороче съ (его) Свѣтланою, писалъ онъ 23 сентября, и нашелъ въ ней прелесть добродушія и любезнаго ума. Мнѣ сдается, что она замѣнитъ мнѣ Свѣчину [1]), и что я буду отдыхать отъ жизни, въ ея обществѣ. Съ перваго разу былъ я съ ней какъ старый знакомецъ".

6 октября онъ писалъ ему же:

„Свѣтлана его (т. е. Жуковскаго) врядъ ли не лучше стиховъ его: тихое созданье, съ прекрасной душой и умомъ образованнымъ. Теперь не она по Жуковскому, но Жуковскій становится интереснѣе по ней. При ней можно отдохнуть отъ жизни и снова разцвѣсти душой. Большой свѣтъ не опалилъ ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она имѣетъ всю любезность, необходимую для большого свѣта. Смуглый В. (Воейковъ) fait ombre au tableau, но и онъ добрѣетъ и свѣтлѣетъ при ней. Honny soit qui mal y pense!"

„Отъ Свѣтланы его свѣтлѣетъ душа", говоритъ онъ въ другомъ письмѣ.

Въ письмѣ отъ 3-го ноября онъ писалъ: „Ежедневно болѣе узнаю я Свѣтлану и привязываюсь къ ней. Какая милая душа и какой высокій характеръ! Она все прекрасное умѣла соединить въ себѣ. При ней цвѣту душою. Она моя отрада въ петербургской жизни. Жаль, что судьба назначила ей испытаніе. Но она выше судьбы своимъ сердцемъ и своею религіею. Honny soit qui mal y pense" [2]).

Жуковскому онъ писалъ 15 ноября. „Писать къ тебѣ не хочется, ибо кромѣ 2-хъ писемъ и (200) отданныхъ Воейкову, изъ Дерпта, я не получаю отъ тебя ничего. Писать бы хотѣлось къ тебѣ много, но не выразишь и словами того, что на письмѣ показаться можетъ не въ настоящемъ видѣ. — Прощу тебѣ развѣ только въ будушей жизни, то, что ты не заявилъ мнѣ о томъ, что существуетъ на семъ свѣтѣ такое милое созданіе.

Это она. Это она, повторяю я безпрестанно. Душа моя разцвѣла съ нею. Я не въ силахъ выразить того нравственнаго вліянія, которое она на меня имѣетъ. При ея дружбѣ мнѣ не надобно ничего въ жизни, развѣ только другого друга, кото-

[1]) Марія Николаевна, племянница Е. А. Протасовой. Тургеневъ посѣщалъ ее часто въ 1803 году, и любилъ проводить съ ней время въ бесѣдахъ.

[2]) См. все это въ Остаф. Арх., II, 72, 77, 100.

рому бы пересказать щастіе и находку души. Бросилъ бы и жизнь и все лучшее въ жизни для минутнаго ея щастія. Безъ умиленія не могу думать о ней. Добродѣтель ея и высокая ея нравственность украшаютъ и меня. — Она будетъ эпохою моей жизни и моимъ будущимъ Ангеломъ Хранителемъ. — Ничто для меня не трудно, самыя трудныя пожертвованія легки, если она ихъ потребуетъ. Но ты виноватъ передо мною, Жуковскій. Она же научитъ меня простить тебѣ. — Прости. Болѣе теперь ни слова. Но не думай ничего обыкновеннаго, ибо и чувство мое къ ней необыкновенное. Оно все принадлежитъ ей, слѣдовательно, кромѣ ея достойнаго, ничего произвести не можетъ et voila pourquoi honny soit qui mal y pense".

Самой Свѣтланѣ онъ писалъ въ это время:

27 Марта.

„Сердечно и, право, искренно благодарю васъ за воспоминанія и за вашу святую дружбу. Она тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что досталась отъ Жуковскаго, не по наслѣдству, а по собственной симпатіи: онъ мнѣ часто былъ Провидѣніемъ, особливо тогда, когда я имѣлъ, т. е. чувствовалъ нужду въ Провидѣніи. Да сохранитъ оно и его, какъ сохранило меня. При каждомъ сердечномъ движеніи — вспоминаю о немъ: благодарю васъ и за это.

Завтра надѣюсь поцѣловать вашу руку" [1]).

Вѣроятно, не менѣе восторженными, чѣмъ изліянія Тургенева были и Сашины отзывы въ письмахъ къ роднымъ, т. к. Маша, знакомая съ Тургеневымъ только по письмамъ сестры, начала волноваться за нее и ея отношенія, особенно зная характеръ Воейкова. Она сама только-что испытала нѣсколько незаслуженныхъ непріятностей со стороны своего, всегда ровнаго и спокойнаго мужа, которому не нравились частыя посѣщенія молодого Зейдлица [2]). Опасенія свои по этому поводу Маша высказала Авдотьѣ Петровнѣ въ письмѣ отъ марта мѣсяца 1821 г. [3]) и съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Жуковскаго, который долженъ былъ предохранить Сашу отъ увлеченія и ошибокъ.

Уже изъ приведенныхъ выше писемъ Саши къ Жуковскому мы видимъ, какъ сильно привязалась она къ новому другу, скоро сдѣлавшемуся для нея необходимымъ; привязанность къ нему она не колебалась ставить не только рядомъ со ста-

[1]) Это письмо, какъ и письма на стр. 120, 123, 133 и 264 сообщены намъ М. О. Гершензономъ, остальныя письма Тургенева сообщены А. А. Ѳоминымъ

[2]) Карлъ Карловичъ, впослѣдствіи д-ръ медиц. и біографъ Жуковскаго. † 1885 г.

[3]) Утк. Сб. 256.

рою дружбою крестнаго-поэта, но даже со своею любовью къ дѣтямъ [1]). И совершенно понятно, что нѣжная душа Свѣтланы, давно ждавшая друга, никогда въ жизни не знавшая что такое любовь, могла въ привязанности къ умному, искреннему, благородному человѣку найти свое запоздалое счастье.

Любовь, которой такъ боялся Жуковскій, зарождалась въ сердцѣ его Свѣтланы незамѣтно для нея самой. Въ своемъ чувствѣ къ А. И. Тургеневу она продолжала видѣть одну простую дружбу, стараясь отогнать отъ себя даже помыселъ о какомъ либо другомъ чувствѣ, такъ противорѣчившемъ ея понятіямъ о долгѣ жены.

А между тѣмъ на борьбу съ собой указываютъ нѣкоторые ея поступки, какъ, напримѣръ, временный отказъ отъ свиданій съ Тургеневымъ, о которомъ она упоминала въ приведенномъ письмѣ къ Жуковскому. Очевидно, она подозрѣвала характеръ развивавшагося въ ней чувства и искусственными препятствіями желала заглушить его въ себѣ. Тургеневъ въ своемъ чувствѣ не обманывался никогда. На послѣднія слова приведеннаго выше письма Жуковскаго: „тебѣ надобно для твоего счастья уничтожить въ немъ все, что принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь“, онъ отвѣтилъ припиской на письмѣ: „тогда и оно уничтожится (счастье). Жуковскій судитъ по себѣ, и думаетъ что я могу быть счастливъ! горькая ошибка!“ [2]). То есть, онъ не можетъ удовлетворяться идеальной дружбой, какъ самъ Жуковскій, сумѣвшій соединить Машу, Мойера и себя въ одно трогательное „вмѣстѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ снова сравнивалъ свое положеніе съ судьбою Жуковскаго, принужденнаго когда-то, какъ и онъ, отказаться отъ любимой женщины, отданной другому [3]).

Одинъ Жуковскій, вѣчно ошибавшійся въ людяхъ и ихъ чувствахъ, не скоро понялъ характеръ взаимныхъ отношеній крестницы и друга, да впрочемъ и самъ Тургеневъ своимъ довольно сдержаннымъ отвѣтомъ на приведенное выше письмо не далъ другу возможности догадаться о его собственныхъ сердечныхъ переживаніяхъ. Саша также въ своихъ „несравненныхъ“, по выраженію Жуковскаго, письмахъ къ нему за границу, не давала крестному возможности угадать ея чувство, котораго не понимала хорошо и сама [4]).

[1]) См. выше стр. 74.
[2]) См. у Веселовскаго, стр. 230.
[3]) См. ниже, письмо отъ 13 января.
[4]) См. объ этихъ письмахъ у Веселовскаго, стр. 230.

14 декабря 1820 года Тургеневъ писалъ Жуковскому [1]):

„Я боленъ и все сижу дома.

Письма твои, милый другъ, отъ 27 Н. ко мнѣ, и прежнее къ намъ [2]) я получилъ и благодарю, сколько за себя, а еще болѣе за радость, какую они доставили нашему милому Ангелу. Улыбка или слеза радости на лицѣ ея — есть мое щастіе. Кромѣ братьевъ, я никого еще такъ нѣжно не любилъ. Боюсь назвать чувство то страстью, ибо оно есть произведеніе ея добродѣтели, души ея, характера, такъ какъ и Ангельскаго ея образа, словомъ всего, что ее составляетъ. Я сдѣлался бы преступникомъ, есть ли бы менѣе любилъ ее и есть ли бы порочная мысль могла на минуту остановиться въ виду этого добродушнаго, прелестнаго созданія. Я ее вижу почти ежедневно [3]), не скрываю ни движенія сердца, ни помышленія, самаго тайнаго: она все направляетъ къ высокому и прощаетъ мнѣ самую любовь, когда она слѣдствіемъ минутнаго порыва. Я самъ возвышаюсь къ ней, и иногда постигаю ея высокія чувства и всю милую ангельскую ея душу. Признаюсь тебѣ: часто ропотъ волнуетъ сердце мое, она видитъ мои слезы и однимъ взглядомъ утѣшаетъ мои сомнѣнія. Я не умѣлъ объяснить самому себѣ чувство, какое по отношенію къ тебѣ иногда владѣетъ мною. Она меня и съ тобой примирила, вездѣ любовь ея святая, все прощающая, дѣйствуетъ. Она одна умѣла дать мнѣ почувствовать всю святость долга. Будь она менѣе добра, я бы не находилъ утѣшенія въ самомъ томъ положеніи, которое часто знакомитъ меня съ отчаяніемъ. Естьлибъ не ея доброта, я не знаю во что бы обратилась моя дружба къ тебѣ, которой теперь даю тебѣ самыя сильныя доказательства въ сихъ строкахъ. Вотъ письмо ея. Я не читалъ его, но сказалъ ей, что отправляю его съ прискорбіемъ, ибо завидую всякому, съ кѣмъ она дѣлитъ свою душу. Люблю слушать ее о матери ея, о дѣтяхъ говорящую, а естьлибъ она не утѣшалась иногда утѣшительнымъ милымъ взоромъ своимъ, то и имъ бы позавидовалъ; все въ ней ясно: душа, умъ, ея обязанности, малѣйшая встрѣча въ жизни и въ чувствахъ сердца. Сердцу ея бояться нечево. Она любитъ насъ болѣе своего земного щастія, но добродѣтель свою болѣе насъ, а дорожитъ для себя только однимъ небеснымъ, слѣдов. будущимъ. — Намъ надобно беречь ее, ибо переживать

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Жуковскаго. См. его „Письма къ Тургеневу“, CXII.

[2]) Т. е. общее письмо къ Тургеневу и Сашѣ.

[3]) Тургеневъ, въ отсутствіи Жуковскаго занимался развитіемъ Саши, читалъ съ ней вмѣстѣ, обсуждалъ прочитанное и бывалъ у нея въ домѣ почти ежедневно.

ее будетъ трудно, развѣ для дѣтей ея. Я говорю о смерти, потому что мысль о ней не страшна для меня, а мила надеждою свиданія съ милыми. Буду хранителемъ ея, ибо съ ней одной нѣтъ въ мірѣ одиночества. —Еще никто такъ меня не понималъ, еще не передъ кѣмъ такъ охотно душа моя не раскрывалась, какъ передъ нею. Отдалъ ей весь досугъ мой, и безъ крайней необходимости, сохраненіемъ ея же щастія предписуемой, не потеряю ни минуту въ жизни безъ нея.

Суди о моемъ образѣ жизни, о моихъ отношеніяхъ къ ея семейству и пр. по этому откровенію, которое останется вѣчно для другихъ тайною".

Во время пребыванія Саши въ Дерптѣ онъ писалъ Жуковскому слѣдующее:

Петербургъ, 13-го Генваря. (1821).

„Поклонники поѣхали во дворецъ, а больной камергеръ пишетъ къ милому другу Жуковскому и посылаетъ четыре письма, изъ коихъ одно вчера получено изъ Дерпта отъ милаго Ангела нашего. Не могу изобразить тебѣ, любезный другъ, какое дѣйствіе имѣла на меня шести недѣльная болѣзнь сія[1]), или лучше сказать одиночество и размышленіе, къ коимъ она подала поводъ. Я разсматривалъ прошедшую жизнь свою, ясно видѣлъ, что все прожилъ, и ничего не заготовилъ себѣ на будущее, ибо и воспоминанія самыя пустыя и безплодныя и для будущаго безполезныя... Чувствую, что переиначить себя уже не въ силахъ и что остается доживать въ скукѣ ту жизнь, которая въ разсѣянности начата и доведена до настоящей минуты... Нѣтъ центра единенія, нѣтъ пріюта, котораго и самая близкая пріязнь, самая дружба à la longue доставить не могутъ. Мало по малу становишься чуждъ всѣмъ и всему, а своихъ нѣтъ, ибо одинъ въ Царь-градѣ, другой теперь въ Москвѣ, завтра Богъ знаетъ гдѣ быть можетъ, или я отъ братьевъ устраненъ быть могу обстоятельствами службы. Узнавъ недавно нашего милаго Ангела, хотѣлъ жить для нея и посвящу себя ей, но и теперь уже вижу, что скоро я ей могу быть не нуженъ и что судьба, которая не хотѣла соединить насъ, не захочетъ скрѣпить тѣсной, хотя и невинной связи, надолго въ будущемъ.—Я не могу иначе любить какъ вполнѣ, но этого быть не должно и ничего исключительнаго быть уже не можетъ. Я не смѣю распространяться объ этомъ, ибо самъ не смѣю предаваться симъ мыслямъ. Онѣ убьютъ и послѣднее щастіе — щастіе желать скораго ея возвращенія изъ

[1]) Рѣчь идетъ о болѣзни Тургенева.

Дерпта, служить ей, быть для нея вторымъ Жуковскимъ, тогда какъ бы я никому въ свѣтѣ не хотѣлъ, уступить въ этомъ первенство. Нѣтъ, я не рожденъ для многихъ, хотя образъ жизни моей и показывалъ меня въ семъ видѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ узналъ ее такъ, какъ теперь знаю, особливо съ отъѣзда ея въ Дерптъ, вижу, что другой — словомъ ей моей жизни не надобно, а другому никому не отдамъ ее. Ты поймешь меня.

Я читалъ письма ея къ Воейкову, во время ея одинокой жизни въ Муратовѣ и въ Орлѣ, и узналъ ее въ подробностяхъ. Эти письма, которыхъ я сперва читать не хотѣлъ, но прочелъ по настоятельному желанію В-а и опасаясь подать ему какое либо несправедливое подозрѣніе, haben meinen Ansichten in Rüksicht schon bestimmt [1]).

Я научился еще болѣе уважать ее, но и сталъ на себя смотрѣть иначе и теперь не вижу никакой цѣли для своей жизни. Не знаю, поймешь ли ты меня, но я тебѣ болѣе уже не скажу ни слова въ объясненіе тѣхъ ощущеній, которыя имѣлъ я по прочтеніи сихъ писемъ... Она еще не знаетъ, что я читалъ ихъ. Не знаю, рѣшусь ли я сказать ей, что я чувствовалъ и чувствую, когда узналъ ее въ сихъ мелочахъ домашней жизни и въ высокомъ чувствѣ ея къ мужу... но во всякомъ случаѣ не скрою отъ нее самого себя. Да я же и въ письмѣ къ ней въ Дерптъ намекнулъ ей объ этомъ — вотъ для чего нужно было приготовить себѣ второклассную цѣль въ жизни: Авторство, любимое занятіе, однимъ словомъ что нибудь повѣрнѣе службы, отъ насъ не всегда зависящей и не доставляющей никакихъ душевныхъ наслажденій... Скоро я опять выздоровѣю — не знаю для чего и для кого. Вѣрно не для себя. Опять долженъ буду размѣнять себя на мелкую монету и давать всѣмъ по немногу и никому довольно, такъ какъ никому же (не могу отдать) и всего себя, безъ чего ни себѣ, ни другимъ вѣрнаго и истиннаго блага не доставишь. Словомъ, когда ты оставилъ Муратово съ геройскою рѣшительностью никогда туда не возвращаться — вѣроятно ты чувствовалъ нѣчто подобное, — но ты имѣлъ поэзію въ душѣ и талантъ — и совершилъ великій подвигъ рѣшившись жертвовать своимъ щастіемъ спокойствію семейства. — Я ничего не имѣю и ничего не сдѣлалъ, все около меня и во мнѣ пусто и сухо, и ничто не напоминаетъ мнѣ жизни".

„14 Генваря. Сейчасъ получилъ письмо отъ милаго нашего Ангела изъ Дерпта и примирился съ жизнью, съ щастіемъ, хотя

[1]) Опредѣлили мой взглядъ на прошлое.

Акварель А. А. Воейковой изъ ея альбома.

минутнымъ, но истиннымъ, чистымъ, святымъ, какого только ея душа, и ея сердце, и ея жизнь достойны. Она тамъ у милой матери и Ангельской сестры блаженствуетъ и блаженство ея перелилось въ грудь ко мнѣ, мракъ души моей разсѣялся, и я благодарю Провидѣніе за добродѣтель на землѣ, потому, что она съ землею и съ жизнью миритъ меня. — Сей часъ исполнилъ ея порученіе, писалъ къ ней и сказалъ, что буду писать и къ тебѣ. — Какое письмо, мой милый другъ; какъ слышна въ немъ вся душа ея. — Естьлибы я не родился съ добрыми расположеніями, то я полюбилъ бы добродѣтель въ ея образѣ и въ ея характерѣ. Сколько не тяжело мнѣ безъ нее, но молю Бога, чтобы она болѣе пробыла въ блаженномъ ея семействѣ. Какъ онѣ щастливы другъ другомъ. И какъ мило, какъ свято это взаимное щастіе. Какъ я наслаждаюсь имъ. Какъ легко жертвовать своимъ для ихъ щастія. Я съ горестію помышляю о ея возвращеніи, ибо она не найдетъ здѣсь ни сестры, ни матери, ни воспоминаній младенчества. Ахъ! Чѣмъ замѣнимъ мы ей сіи ощущенія. Это райское блаженство, въ которомъ она теперь утопаетъ. Эта мысль тревожитъ меня. Я постигаю ее во всей силѣ, ибо самъ недавно разставался съ Сергѣемъ [1]), и по сіе время не могу простить себѣ, что не пробылъ съ нимъ въ Москвѣ лишніе сутки, которые могъ провести въ его нѣжныхъ объятіяхъ“...

С.-Петербургъ, 27 Генваря. (1821 г.).

„Вчера получилъ я письмо твое, въ новый годъ писанное, и очень огорчился твоимъ огорченіемъ, милый Жуковскій. Я виноватъ передъ тобою тѣмъ, что писалъ письмо въ минуты ужасной грусти, когда, я вину своего сердца, или лучше обстоятельствъ хотѣлъ сложить на другого. Ты напрасно, однакоже, видишь во мнѣ то, чего нѣтъ, т. е. что то преступное. Ты не привыкъ къ такой откровенности, какую я себѣ съ тобою позволилъ, я не позволилъ себѣ ничего виновнаго и готовъ всѣмъ жертвовать для того, чтобы тѣнь непріятности не легла на нее. Ее благо для меня дороже, несравненно дороже собственнаго. Я далъ сему уже доказательство, для другихъ можетъ быть незначущее, но для меня весьма значительное въ то время. Богъ знаетъ чего мнѣ стоило въ тогдашнихъ обстоятельствахъ остаться одному, но я способствовалъ, сколько могъ, отъѣзду ея въ Дорпатъ, ибо зналъ, что это дастъ ей минутное щастіе, которое для нее въ одной добродѣтели, и въ разныхъ ея видахъ,

[1]) Братъ А. И. Тургенева, Сергѣй Ивановичъ.

какъ напр. въ блаженствѣ быть съ матерью и сестрою. — Я награжденъ за сію жертву ея высокимъ наслажденіемъ въ кругу ея семейства и право щиталъ минуты ея тамъ пребыванія, не для того, чтобы видѣть ее скорѣе здѣсь, но чтобы знать, сколько времени остается ей тамъ блаженствовать. Право, я люблю въ ней столько же ея добродѣтель, сколько ее самою. Люблю или любилъ бы ее и щастіе... Начто мнѣ скрывать отъ тебя. — Я негодовалъ на тебя часто, когда думалъ что ты могъ быть участникомъ судьбы ея, но когда узналъ и твое участіе, и судьбу ея, и когда отбросилъ всѣ разсчеты эгоизма и самолюбія, то нѣсколько успокоился и съ тобою примирился, люблю тебя теперь болѣе, нежели когда нибудь, и за тебя самаго, и за то, что жизнь твоя была посвящена имъ, но люблю и по ней, за ея къ тебѣ высокую, милую дружбу. Никогда такое уныніе мною не владѣло, какъ въ теченіе этой болѣзни, которая еще продолжается, никогда я такъ не чувствовалъ своей ничтожности прежней и настоящей жизни. Это содѣйствовало къ чувству какихъ-то упрековъ, которые я себѣ противъ тебя позволилъ. Въ этомъ она меня примирила съ тобою, да и я самъ почувствовалъ несправедливость свою. Правда, что когда мы жили розно и принадлежали другъ другу всею душою и всѣми навыками дѣтской дружбы — ты бы могъ болѣе познакомить меня со своимъ кругомъ и спасти изъ моего, и я бы не остался въ такомъ одиночествѣ по сердцу, въ какомъ теперь себя чувствую, болѣе бы былъ твоимъ и многое бы надо (мною) и со мною не совершилось въ отсутствіе твое и братьевъ, но гдѣ искать того благоразумія, котораго намъ не доставало въ жизни и какъ намъ винить другъ друга въ томъ, чего не случилось?— Я былъ не справедливъ и прошу простить меня. Я попалъ не въ свой міръ и ты мнѣ первый попался, когда я опомнился, а я и опрокинулся на тебя, думая все, что сержусь на тебя, не за себя, но за нее. Сердце меня обманывало, желая облегчить себя.

И послѣднее письмо мое можетъ встревожить тебя, но будь спокоенъ. Я не удалюсь ни на шагъ отъ своей обязанности, а я долженъ скрыть добродѣтель, чтобы быть менѣе несчастнымъ. Ея примѣръ подкрѣпляетъ меня. Ожидаю ее завтра въ П-бургъ, но не знаю, какъ удастся отдать письмо твое, ибо къ ней поѣхать не въ силахъ, а мужъ привезетъ ее ко мнѣ. Постараюсь, однако же, отдать ей письмо твое и сестры ея, прежде Дерптской поѣздки мною полученное. Успокой и сестру ея на мой щетъ. Я могу перенести все, кромѣ ея нещастія а она будетъ не-

щастлива, естьли привязанность моя къ ней будетъ преступною[1]). Я буду стараться жить такъ, чтобы сколько можно наполнить жизнь мою способствованіемъ ей сносить здѣшнюю жизнь не только терпѣливо, но и спокойно, радовать ее и собою, и дѣтьми ея и всѣмъ, что ее окружаетъ и на нее можетъ дѣйствовать.— Когда я прочелъ прежнія письма ея къ мужу, я пришелъ почти въ отчаяніе, подумавъ, что онъ и одинъ можетъ доставить ей щастіе[2]), но размысливъ постигъ всю душу ея и прекрасныя ея движенія, понялъ сіи письма и увидѣлъ, что и моя жизнь можетъ быть ей въ пользу. Это поддержало меня и теперь я встрѣчу ее съ меньшимъ озлобленіемъ противъ судьбы. За ея строки благодарю тебя. Но забудь мое прежнее письмо и пиши къ намъ вмѣстѣ. Мы будемъ заодно и въ дружбѣ къ тебѣ, и въ любви къ добродѣтели, т. е. я буду въ ней любить ее и постараюсь поддержать себя до послѣдней минуты—въ семъ горнемъ воздухѣ.—Прости".

Спб. (1821), 9 Февраля.

„Письмо твое, милый другъ, получилъ и посылаю письма отъ нашихъ милыхъ. Благодарю тебя, что ты уже лучшаго обо мнѣ мнѣнія. Будь спокоенъ, милый другъ.—Если я съ каждымъ днемъ люблю ее болѣе, то съ каждымъ днемъ становлюсь достойнѣе любить ее и, право, возвышаюсь вмѣстѣ съ своимъ чувствомъ къ ней. Естьлибъ не тебѣ, не сказалъ бы этого о себѣ. Но это справедливо. Я не думаю о своемъ, а только о ея щастіи, и свое нахожу въ ней, а она вся добродѣтель. Малѣйшее огорченіе ея стѣсняетъ грудь мою, а естьлибы что либо порочное владѣло мною, то она была бы нещастлива. Она лучше васъ меня знаетъ, хотя я иногда, по минутнымъ движеніямъ сердца, и навлекаю ей безпокойства.— Теперь у меня одна забота! ея здоровье. Она слаба грудью, а приходитъ весна. Ей необходимо было бы путешествіе къ водамъ, въ лучшій климатъ, всѣмъ бы для нее пожертвовалъ. Посовѣтуюсь съ Штофрегеномъ[3]), который ѣздитъ къ ней.— Можетъ ли что земное примѣшаться къ сему вѣчному чувству, къ чувству, которое ищетъ отдохновенія, отрады, возможности щастія—только въ вѣчности, а не здѣсь, гдѣ все такъ проходитъ—то есть все лучшее въ жизни и изъ лучшихъ.—Посы-

---

[1]) Очевидно, о томъ безпокойствѣ, которое испытывала за сестру Маша, и о которомъ, она писала А. П. Кирѣевской, она писала и къ Жуковскому, для котораго это было новостью, и онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ Тургеневу.

[2]) Очевидно она высказывала тамъ свои мысли о замѣнѣ личнаго счастья исполненіемъ долга передъ мужемъ.

[3]) Врачъ.

лаю къ тебѣ письмо М. А. [1]). Она просила меня доставить къ тебѣ его прежде 15-го. Другія письма съ симъ посланныя, изъ коихъ одно къ: Constantin Emanuel v. Weltzien D-r in der Fridrichstrasse N 148 zwey, in Berlin, пришло съ курьеромъ, который врядъ ли днемъ позже долженъ пріѣхать.—Оправдай меня передъ М. А. [2]). Мой милый Ангелъ сказывалъ мнѣ, что она и за меня и за нее опасается. Ахъ! Напрасно: Она несовсѣмъ знаетъ меня.—Близъ другой я былъ бы порочень, близъ добродѣтели со всѣми прелестями добра я не могу быть порочень. Она вдохнула въ меня чтото высокое и вмѣстѣ нѣжное, которое могутъ только насъ недостойные принять за плотское и насъ недостойное. Грусть моя, иногда обнаруживающаяся, невольна, но съ первою улыбкою ея изчезаетъ, съ первымъ утѣшительнымъ словомъ ея утихаетъ. Я блаженствую и морально подлѣ нее и въ помышленіи о ней. Пожалуйста вѣрь мнѣ, какъ она вѣритъ, я не скрывалъ и другого чувства, когда оно стѣсняло грудь мою.

Путешествовать съ тобою врядъ ли возможно мнѣ. Какъ оставить ее, пока можно дышать ею и для нее. И съ кѣмъ она останется? Я же долженъ искать прежде и для себя укрѣпляющихъ средствъ для улетающаго здоровья. Мнѣ нужны будутъ воды, и естьли не поѣду за братомъ на будущее лѣто, то поѣду къ водамъ. Мнѣ должно освободить себя отъ старыхъ грѣховъ, которыхъ слѣдствія обнаружились въ подагрѣ, въ лѣвой рукѣ, а я не имѣю силы переносить физическія недуги. Мнѣ не возможно быть больнымъ—по крайней мѣрѣ долго. Милый другъ. Пиши къ намъ. Я не читаю ея писемъ къ тебѣ, но ты долженъ сообщать мнѣ все, что меня интересовать можетъ. Я скажу ей сегодня, что просилъ тебя объ этомъ. Мнѣ уже теперь не больно, что она тебя любитъ, ибо и самъ люблю тебя болѣе прежняго, и это ее радуетъ. Какой милый характеръ. Какая душа чистая, любящая. Не могу думать о ней безъ слезъ".

Публикуемыя здѣсь впервые письма Тургенева къ Жуковскому [3]) проливаютъ яркій свѣтъ на всѣ перипетіи взаимныхъ отношеній Тургенева и Свѣтланы, до сихъ поръ остававшихся не совсѣмъ понятными и даютъ намъ прекрасную характеристику ихъ обоихъ. Привязанность Александра Ивановича

[1]) Маріи Андреевны.
[2]) Все о тѣхъ же опасеніяхъ Маши.
[3]) Предоставлены любезно въ наше распоряженіе А. А. Ѳоминымъ и М. О. Гершензономъ.

Акварель А. А. Воейковой изъ ея альбома.

была искренна и глубока. Страданія Саши были его мученіями, и благо ея и ея дѣтей единственною цѣлью, которую онъ видѣлъ въ жизни, ставя на второй планъ свои занятія литературой. Онъ упрекалъ судьбу, не давшую ему возможности встрѣтиться раньше со своимъ „Ангеломъ“, и сѣтовалъ на Жуковскаго, не познакомившаго его во время съ крестницей, знакомство и встрѣча съ которой могла составить счастье жизни ихъ обоихъ [1]). Онъ намекаетъ нерѣдко и на вину друга въ дѣлѣ несчастнаго замужества Свѣтланы, и въ этомъ видитъ долгъ и обязанность его заботиться о ней.

Тургеневъ совершенно особенно, свято и до трогательности нѣжно относился къ Сашѣ, какъ къ дорогому ему, слабому и больному ребенку. Съ отцовскою нѣжностью онъ заботился о ея здоровьѣ и спокойствіи, не называя ее иначе какъ „Ангеломъ“. Его искренно огорчало то, что ни она, ни Жуковскій не понимали всей исключительности и святости его страсти. Свою нѣжность онъ переносилъ и на дѣтей ея, искренно любя ихъ, какъ своихъ собственныхъ. Ради любви къ Свѣтланѣ онъ дружилъ съ ея мужемъ и, самолюбивый и щепетильный, переносилъ терпѣливо грубости и безтактности Воейкова, почувствовавшаго почву подъ ногами и нерѣдко третировавшаго своего благодѣтеля и друга.

Отношенія Саши къ новому другу далеко не такъ ясны, за неимѣніемъ писемъ ея по этому поводу. Несомнѣнно одно: въ ней пробуждалась любовь, съ которой она старалась бороться всѣми силами своей души.

И конечно не страхъ передъ мужемъ вызывалъ ея поступки по отношенію къ Тургеневу, когда она, обуреваемая сомнѣніями и раскаяніемъ, закрывала на нѣсколько дней передъ нимъ свои двери, окружала себя подругами, чтобы не оставаться съ нимъ наединѣ, или жаловалась на него Жуковскому и другимъ. Это была съ ея стороны неувѣренность въ себѣ, боязнь за то, что ей не удастся побѣдить свое чувство, во имя долга.

---

[1]) 27 ноября 1820 года изъ Берлина Жуковскій отвѣчаетъ ему на это: „ты говоришь, что я тебя не познакомилъ съ Сашей; а развѣ я тебѣ не читалъ ея письма?“ (См. Веселовскій, В. А. Жуковскій, 229).

Глава VI.

Возвращеніе Жуковскаго въ началѣ 1822 г. — Первые признаки болѣзни Свѣтланы. — Поѣздка Мойеровъ въ Муратово. — Рожденіе Андрея Воейкова. — Литературный кружокъ Свѣтланы. — Отзывы о ней современниковъ. — Вигель, Гречъ, Комаровскій, Булгаринъ, Маркевичъ, гр. Блудова. — Отношеніе къ Козлову и вліяніе на его поэзію. — Языковъ и его поклоненіе Свѣтланѣ. — Свѣтлана и поэзія Жуковскаго.

Между тѣмъ, возвратясь въ началѣ 1822 года изъ заграничнаго путешествія, Жуковскій рѣшился, по словамъ Маши, принести себя въ жертву „милому Сандрочку" и поселиться вмѣстѣ съ семействомъ Воейковыхъ. Онъ оставилъ свою квартиру въ Аничковскомъ дворцѣ и переѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ домъ Меньшикова, на Невскомъ, напротивъ того же Аничковскаго дворца.

Счастью друзей дѣтства не было границъ. Для нихъ вернулись какъ бы снова давно уже забытые, свѣтлые Муратовскіе дни. „Depuis que je suis avec Joukoffsky [1]), писала Свѣтлана къ Авдотьѣ Петровнѣ, небо разцвѣло и Италіи не надо; mais nous vivons à reculons, et à tel point, que souvent des heures entières nous nous rappellons les bons mots du défunt Варлашка, et cela vaut mieux pour tous les deux que la réalité et surtout l'avenir" [2]).

Жуковскій также писалъ Авдотьѣ Петровнѣ о своей радости быть вблизи Саши, „въ чьей гармонической душѣ все отзывается для меня по прежнему".

„Теперь мы вмѣстѣ съ Сашей, писалъ онъ позднѣе, хотимъ кое-какъ строить спокойное, дѣятельное (если уже нельзя счастливаго) chez sois; хотимъ ставить фонарики, думая о нашихъ дальнихъ фонарныхъ мастерахъ, которые съ нами заодно работаютъ и зажигаютъ свои свѣчки. Со временемъ будемъ и вмѣстѣ" [3]).

Еще передъ пріѣздомъ крестнаго Саша писала Козлову [4]) „Я считаю дни, часы и минуты и нахожу, что сердце какъ то другимъ манеромъ бьется съ тѣхъ поръ, какъ близко веселое вмѣстѣ, какъ онъ (Жуковскій) говоритъ въ своемъ письмѣ.

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ я съ Жуковскимъ.

[2]) Мы живемъ прежнимъ, и до такой степени, что цѣлыми часами вспоминаемъ шутки покойнаго, Варлашки (домашній шутъ Бунинныхъ), и это лучше, чѣмъ реальность и особенно чѣмъ будущее. См. Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія Жуковскаго".

[3]) См. Утк. Сборн., 36.

[4]) Письмо отъ конца ноября 1821 г., см. ч. II, „Бумаги А. А. Воейковой".

Какъ о праздникахъ я вспоминаю о былыхъ вечерахъ проведенныхъ съ нимъ за веселымъ чайнымъ столомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ правъ говоря, что въ жизни много прекраснаго и безъ счастья. И это не малое счастье — къ тому же".

Оба они не видятъ уже въ жизни возможности личнаго счастья; и для того и для другого жизнь не сложилась такъ, какъ желали они. И вотъ они хотятъ найти цѣль жизни въ чемъ-то другомъ, въ дѣятельности на пользу людямъ, находя личное счастье только въ прошломъ и разувѣрившись найти его въ будущемъ.

Къ общей радости присоединилось еще то, что въ Петербургъ пріѣхала и Екатерина Афанасьевна, которую Саша всегда нѣжно и искренно любила, и которая могла теперь, благодаря присутствію Жуковскаго, жить съ дочерью, не рискуя ничѣмъ со стороны зятя. Саша, которая снова готовилась стать матерью, хотѣла было и сама ѣхать въ Дерптъ для родовъ, но этому воспротивился Мойеръ, не желавшій новой встрѣчи съ Воейковымъ. Между тѣмъ всегда болѣзненная Саша чувствовала себя этотъ разъ особенно слабой и больной. Любящая и чуткая Маша впервые высказываетъ свои опасенія за родъ болѣзни сестры и еще въ февралѣ пишетъ Жуковскому: „страшно и выговорить чего боюсь", намекая очевидно на слабую грудь сестры [1]).

Ей самой она писала нѣсколько мѣсяцевъ раньше такъ:

„Саша моя! и такъ ты брюхата! Милый другъ, я не знаю какъ съ собою сладить — кажется безпокойство на твой щетъ еще увеличилось! Ахъ, вѣроятно мнѣ было бы легче, естлибы я могла думать, что мы будемъ въ рѣшительную минуту вмѣстѣ: Тогда все было бы сноснѣе — но вояжъ нашъ въ Россію [2]) не отмѣняемо рѣшонъ, и стараться перемѣнить планъ этотъ есть совершенная невозможность. Я перевела Мойеру письмо ваше; онъ говоритъ, что отнюдь не надобно тебѣ ѣхать теперь по такимъ дорогамъ [3]) — что скрывать отъ маменьки также не должно, и что всего лучше когда дороги и погода будутъ хороши снарядить ее къ вамъ; что если возможно вы ее оставите до конца осени, а послѣ, — Господи, если бы я могла на это надѣяться — мы бы заѣхали за ней [4]). En cette dernière chose

[1]) См. Уткин. Сборн. 270.
[2]) Рѣчь идетъ о поѣздкѣ Мойеровъ въ Муратово.
[3]) Кирѣевской въ это время она писала, что мужъ не желаетъ видѣть Воейкова.
[4]) Какъ мы это знаемъ, ей это не удалось, и она скончалась не побывавъ въ Петербургѣ.

je ne compte guerre! Nous partons au commencement de Mai et retournons en 7-bre. Voila un voyage qui coutera beaucoup de santé, j'aurais si rarement de vous nouvelles et je serai si inquiette pour vous [1])! — Саша, какъ я тебя люблю. Еслибы я могла здоровьемъ, счастьемъ купить спокойствіе на твой счетъ, то была бы блаженна! Ради Бога не пишите черезъ Мантейфель, уже два раза я была въ страшной бѣдѣ. Maman veut toujours voir ce que tu leur ecris [2]) и бѣда! На будущей почтѣ напишу вамъ много: можетъ быть и еще что нибудь скажу" [3]).

Въ Муратовѣ, куда лѣтомъ 1822 года пріѣхали Мойеры, Маша еще болѣе волновалась за здоровье своей нѣжно любимой сестры, отъ которой она мало имѣла писемъ.

„Но я уничтожена единственной мыслью о Сашѣ, писала она оттуда Жуковскому [4]). И отъ этого горя лишь письмо отъ васъ спасти меня можетъ! Я такъ суевѣрна; въ моментъ, когда я писала 3 первыя строки, спросивши себя: вѣдь такъ? — невольно пересчитала, что можетъ меня сразить, подумала объ Сашѣ, и все сердце обдало льдомъ! Господи, помилуй ее! на ея страданія нѣтъ силъ. Меня мучаетъ сейчасъ то, что мысль о Сашѣ мнѣ болѣе болѣзненна, чѣмъ мысль о васъ, всѣхъ. Это глупо, но я не могу себя теперь побѣдить"! А въ то время, когда любящая Маша терзалась предчувствіями и подозрѣніями за судьбу сестры, Свѣтлана въ свою очередь страдала за нее, представляя себѣ, какое впечатлѣніе должно было произвести на Машу посѣщеніе Муратова, гдѣ на нее должны были нахлынуть воспоминанія прошлаго, ея первой любви къ Жуковскому, такъ неудачно кончившейся для нея. Въ строкахъ, записанныхъ ею въ свой альбомъ по этому поводу, рисуется вся прекрасная душа Свѣтланы.

Вотъ эти чудесныя, полныя трогательности слова, выписанныя изъ ея альбома Перовскимъ [5]). „Моя сестра уѣхала въ Муратово. Какой ужасный моментъ для нее очутиться одной тамъ, гдѣ мы провели вмѣстѣ наше дѣтство! Тамъ, гдѣ былъ Жуковскій. Я уже испытала это чувство (очевидно во время поѣздки на родину въ 1817 г.), хотя оно и не могло быть для меня до такой степени тягостно. Я уже н и н а

[1]) На это послѣднее я совершенно не надѣюсь! Мы уѣзжаемъ въ началѣ мая и возвратимся въ сентябрѣ. Вотъ поѣздка, которая будетъ стоить много здоровья, я такъ мало буду имѣть отъ васъ извѣстій и такъ буду безпокоиться за васъ.

[2]) Maman хочетъ всегда все видѣть, что ты имъ пишешь.

[3]) Вѣроятно о своей собственной роковой беременности, послѣдствіемъ которой была ея смерть.

[4]) Утк. Сб. 277.

[5]) Переводъ съ франц., см. ч. II.

что не надѣясь выѣхала изъ Муратова! Еще въ немъ потеряла свое будущее! Мнѣ не отъ чего было отказываться, кромѣ одного моего счастья, а это легко! Домъ моей сестры состоитъ изъ двухъ флигелей, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ Жуковскому. Комнаты не измѣнились — все какъ было прежде, а она даже не можетъ осмѣлиться предаться своимъ воспоминаніямъ! Я не смѣю думать о ней! Я не могу представить ее себѣ ни такой, какой она кажется, ни такой, какой я боюсь ее себѣ вообразить. Мужъ ея хорошій и достойный человѣкъ. она можетъ его уважать, но можетъ ли онъ замѣнить Жуковскаго въ сердцѣ Маши. Бѣдное, ангельское созданіе — принужденное - проводить жизнь не смѣя даже предаться своимъ сожалѣніямъ! Изъ этого сравненія я вижу, что еще моя судьба можетъ считаться завидной"!

Мы видимъ здѣсь трогательную любовь обѣхъ сестеръ, изъ которыхъ каждая ставила всегда счастье другой выше своего собственнаго.

На лѣто Воейковы и Жуковскій переѣхали въ Царское Село, гдѣ и родился 16 іюля у Александры Андреевны сынъ Андрей. Тургеневъ, продолжавшій почти ежедневно [1]) бывать у Свѣтланы, писалъ объ этомъ событіи неизвѣстному лицу письмо, весьма ярко характеризующее его отношенія къ ней:

18 Іюля С.-Бургъ.

„Сію минуту возвратился изъ Ц. Села, видѣлъ нашего Ангела. Точно Ангела. Крѣпокъ и здоровъ, какъ только можно въ теперешнемъ положеніи, щастлива своимъ новорожденнымъ. Нельзя думать о ней безъ слезъ умиленія и благодарности къ Творцу на такое созданіе. Я еще не могу собрать силъ своихъ, чтобъ выразить Вамъ хоть слабо все что чувствовалъ и чувствую. Для меня это самая трогательная, самая торжественная минута въ жизни. Я наслаждался и возвышался душею, которая была вся въ молитвѣ за нее. Но провидѣніе обрекло меня нещастію, я не присутствовалъ при ея страданіяхъ. Жуковскій былъ достойнѣе своего щастія. Можетъ быть это навсегда бы переродило меня нравственно. Я и теперь научился молиться ибо безпрестанно молюсь за нее, но какое бы возрожденіе было въ душѣ моей, естьли бы я не по одному описанію зналъ о ея страданіяхъ, хотя минутныхъ, естьли бы видѣлъ этого непостижимаго Ангела въ сіи божественныя минуты. Она гуляла въ

[1]) См. письмо Карамзина къ Вяземскому, 1 іюня 1822 г., въ которомъ онъ говоритъ, что Т. черезъ день бываетъ у В-ой. (Ост. Архивъ II).

саду и наслаждалась восхожденіемъ солнца, когда уже страдала. Щадила окружающихъ и Богъ наградилъ ее любовь къ намъ. Буду писать къ вамъ больше, но на слѣдующей почтѣ. Теперь же возвратился сюда съ нетерпѣніемъ опять уѣхать туда завтра. Буду жить у нея съ Жуковск. и съ Машенькою, ея хранителями. Я только сторожъ, но въ любви къ ней ни они ни вы никто сравниться не можетъ. Не испугайтесь безпорядка письма моего. Простите. Посылаю вамъ и книги и проч.".

Т.

Между тѣмъ, въ уютномъ и спокойномъ углу, оживленномъ присутствіемъ Свѣтланы и Жуковскаго, постепенно образовался кружокъ знакомыхъ, искавшихъ общества любезной, изящной и остроумной хозяйки, стряхнувшей съ себя теперь тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ нею во время отсутствія ея защитника крестнаго. Центромъ кружка были: самъ Жуковскій, Тургеневъ, Василій Алексѣевичъ Перовскій [1]), а около нихъ группировались молодые расцвѣтающіе таланты, искавшіе въ отзывахъ чуткой и понимающей Свѣтланы одобренія и указанія своимъ первымъ опытамъ. Подобно тому какъ въ ранней молодости она была геніемъ и музою Жуковскаго, теперь она вдохновляла Козлова, Боратынскаго, позднѣе Языкова, который какъ и Козловъ считалъ себя созданнымъ ею.

Батюшковъ, Крыловъ, Гнѣдичь, Карамзинъ, Вяземскій, словомъ весь цвѣтъ литературной столицы посѣщали гостепріимный домъ „дорогой нашимъ музамъ" [2]) Свѣтланы, которая, по словамъ М. А. Бестужева, не имѣла ничего противъ названія „синяго чулка". „Дома Воейкова и Сперанскаго, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ [3]), были изъ числа тѣхъ, которые братъ Николай посѣщалъ съ большимъ удовольствіемъ. Въ первомъ, милая хозяйка, своей красотою и любезностью собирала вокругъ себя кружокъ поклонниковъ, большею частью изъ литературной братіи, потому что и она сама не прочь была на титулъ bas bleu".

Она живо интересовалась всѣми родами изящныхъ искусствъ, играла хорошо на рояли, немного пѣла, любила рисовать, но всему предпочитала поэзію и литературу. Изъ переписки ея съ Козловымъ мы видимъ, что у Александры Андреевны была довольно обширная библіотека, заключавшая въ

[1]) Другъ В. А. Жуковскаго, впослѣдствіи ген.-ад., Оренбургскій генер.-губер. 1794 — 1857 г.г.

[2]) См. ниже письмо гр. Е. Е. Комаровскаго къ Козлову.

[3]) „Р. Стар." 32, 610.

себѣ книги на разныхъ языкахъ. Она любила читать вслухъ и совмѣстное чтеніе съ Жуковскимъ, или Козловымъ вновь выходившихъ книгъ, являлось для нея истиннымъ праздникомъ души [1]). Мы знаемъ, что она и сама пробовала свои силы въ литературѣ, сотрудничая въ издаваемомъ Воейковымъ съ 1822 года журналѣ „Новости Литературы“. Позднѣе Александра Андреевна усердно поставляла мужу изъ Дерпта стихи Языкова, писавшаго ихъ ей по ея заказу во множествѣ. Она участвовала въ переводахъ, печатаемыхъ въ журналѣ и играла, очевидно, роль негласнаго редактора, своимъ природнымъ чутьемъ и вкусомъ помогая Воейкову находить нужный матеріалъ. Роль эта видна изъ ея позднѣйшихъ писемъ изъ-за границы къ мужу, издававшему тогда „Литературныя Прибавленія“ къ „Русскому Инвалиду“. Она не разъ упоминаетъ тамъ о своихъ переводахъ, и въ одномъ письмѣ, говоря о переводѣ статьи Бонштета, прибавляетъ: „надѣюсь, что ежели ты хочешь имѣть отъ меня еще какія нибудь статьи, то не поставишь имени и никому не скажешь, что я“ [2]). По свидѣтельству Воейкова, саму мысль объ изданіи „Литературныхъ Приложеній“, подала ему жена: „А. А. рѣшила выдавать прибавленія къ Инвалиду книжками, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ. Что то будетъ?“ [3]).

На почвѣ литературныхъ отношеній, у Саши, въ описываемое нами время (1822—23 гг.), установились довольно приличныя отношенія и съ мужемъ, который былъ очень польщенъ принимать въ своемъ домѣ литературный цвѣтъ столицы. Онъ самъ приглашалъ, напр. Ф. Н. Глинку къ себѣ на вечеръ, гдѣ Плещеевъ долженъ былъ читать французскую комедію, прибавляя въ концѣ записки: „чѣмъ премного обяжете жену и мужа Воейковыхъ“.

Кн. Е. А. Волконской онъ писалъ 28 февраля 1822 года: „Мы поживаемъ здѣсь тихохонько и скромнехонко: жена часто видается съ Карамзиными, съ Н. Ф. Плещеевой, а я съ Жуковскимъ, который и живетъ съ нами, съ 3-мя братьями Гракхами-Тургеневыми, съ достойнымъ генераломъ Засядкою, который болѣе мнѣ другъ, нежели начальникъ и Перовскимъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Булгаринымъ, Гречемъ“ [4]).

Увлекаясь серьезнымъ чтеніемъ, искусствомъ и литературой, Свѣтлана не была чужда и свѣтскихъ развлеченій. Какъ

[1]) См. ея переписку съ Козловымъ, ч. II.

[2]) „Амбиція твоей жены быть дурой, а не умной“, говоритъ она тамъ же, объясняя этимъ свое желаніе сохранить анонимъ.

[3]) См. Колбасинъ: Литературные дѣятели прежняго времени.

[4]) Библ. Зап. 58 г., 9.

видно изъ переписки съ Козловымъ и изъ другихъ свидѣтельствъ, она часто бывала въ гостяхъ, любила очень танцовать, посѣщала театры и концерты, не пропускала случая послушать выдающихся знаменитостей всего міра, пріѣзжавшихъ въ нашу столицу.

Какъ и въ дѣтствѣ, красавица Свѣтлана пользовалась неизмѣнной любовью окружающихъ. Поэты писали ей стихи и посланія, композиторы посвящали ей свои лучшіе романсы. Альбомы Александры Андреевны были полны записанными самими поэтами стихами, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ оставались не увидавшими свѣта. Здѣсь мы встрѣчаемъ подписи Жуковскаго, Козлова, Языкова, Баратынскаго, Дельвига, Льва Пушкина и др. Вообще собираніе автографовъ было однимъ изъ любимыхъ занятій Свѣтланы, просившей полуслѣпого Козлова непремѣнно собственноручно записать ей свои стихи въ альбомъ и особенно хлопотавшей о полученіи автографа Пушкина, почему-то вообще не симпатизировавшаго ей, вѣроятно изъ-за мужа. Плетневъ писалъ по этому поводу Пушкину въ Михайловское 5 августа 1825 года: „Для операціи къ тебѣ пріѣдетъ изъ Дерпта Моэль (если не ошибаюсь) (т. е. Мойеръ), который былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Когда онъ услышалъ, что у тебя аневризмъ, то сказалъ: Я готовъ всѣмъ пожертвовать, чтобы спасти перваго для Россіи поэта. Это мнѣ сказывала Воейкова, которая къ нему о тебѣ писала: а ты не хочешь ей пожертвовать для альбома ни однимъ стихомъ. Грѣшно!“ [1]).

Впрочемъ стихи поэта вмѣсто него охотно вписывалъ въ альбомъ Воейковой его братъ Левъ Сергѣевичъ, частый посѣтитель ея гостиной и большой поклонникъ Свѣтланы. Этимъ даже не особенно былъ доволенъ поэтъ, совѣтовавшій ему въ письмахъ: „отвыкнуть отъ вина и отъ Воейковой“ [2]). Барону Дельвигу А. С. Пушкинъ писалъ 23 іюля 1825 года, изъ Михайловскаго, сѣтуя на безпечность и легкомысліе брата: „если онъ захочетъ переписать мои стихи, вмѣсто того чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомы Воейковой, то я буду ему благодаренъ, если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ“.

---

[1]) См. Записку Свѣтланы къ Жуковскому о Пушкинѣ въ Изд. Ак. Н.: Пушкинъ и его современники, вып. VIII.

[2]) См. письмо къ брату, ноябрь 18—24.

Когда надъ сонною рѣкой

Въ туманѣ мѣсяцъ красный всходитъ,
И путникъ робкою стопой
По сельскому кладбищу бродитъ.
И если ли тамъ случай [illegible]
О [illegible] камняхъ [illegible]

Автографъ И. И. Козлова. Изъ альбома А. А. Воейковой.

Изъ переписки Свѣтланы съ Козловымъ, представляющей рядъ записокъ къ слѣпому поэту, рѣдко выходившему по болѣзни изъ дому, рисуется намъ образъ жизни Саши и характеръ литературныхъ занятій ея кружка. Записки эти даютъ много новыхъ данныхъ для біографіи Козлова, и вообще весьма интересны въ историко-литературномъ отношеніи.

Въ нихъ упоминаются многіе участники вечеровъ Свѣтланы и даются ихъ любопытныя характеристики.

Свѣтлана разбираетъ новые стихи Козлова, хвалитъ ихъ, обмѣнивается съ поэтомъ стихами Жуковскаго, посылаетъ ему книги и описываетъ свои чтенія съ крестнымъ нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ, которыя происходили у нея по вечерамъ въ пятницы и понедѣльники.

Живая, остроумная, веселая красавица - Свѣтлана умѣла располагать къ себѣ всѣхъ, хотя немного знавшихъ ее.

Вигель, посѣтившій домъ Воейковыхъ еще въ Дерптѣ, въ 1818 г., такъ писалъ о нихъ въ своихъ запискахъ: „Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіяхъ супруговъ бросается въ глаза. Онъ былъ мужиковатъ, аляповатъ, неблагороденъ, она же настоящая сильфида, существо неземное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее".

Гречь въ своихъ запискахъ говоритъ: „Воейковъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей прекрасной, умной, образованной, и добрѣйшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицей, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка. Всякъ кто зналъ ее, кто только приближался къ ней становился ея чтителемъ и другомъ. Благородная, братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы", извѣстна всѣмъ. Потомъ, первыми ея гостями были Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ эти связи были чистыя и свѣтлыя и ограничились благородной дружбою. Разумѣется въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее клеветами и лгали на нее".

Воейкову прощали многіе его поступки и, по словамъ Греча, „подводили ихъ подъ милостивый манифестъ прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны", которая, какъ онъ говоритъ дальше, „оставила по себѣ въ душахъ всѣхъ, кто зналъ ее, неуловимое воспоминаніе ея достоинствъ, добродѣтелей и страданій". Кс. Полевой въ своихъ запискахъ также говоритъ о Воейковой, какъ о необыкновенной женщинѣ, ради которой все прощалось ея мужу, отталкивавшему всѣхъ какъ своей уродливой внѣшно-

стью, такъ и недостатками характера [1]). Отношенія къ Свѣтланѣ Булгарина, о которыхъ упоминаетъ Гречъ, характеризуются однимъ его французскимъ письмомъ, сохранившимся въ ея бумагахъ, и относящимся къ эпохѣ предшествовавшей ссорѣ автора его съ Воейковымъ. Вотъ это письмо полностью:

Madame,

Я смущенъ, уничтоженъ, тронутъ до глубины моей души такою добротою ко мнѣ съ вашей стороны, которую я не заслужилъ; хотя я не удивляюсь, такъ какъ вы — ангелъ доброты и это ваше свойство — распространять вокругъ себя веселье, утѣшеніе и счастье. Если бы я былъ краснорѣчивъ какъ Ж. Ж. Руссо, геніаленъ, какъ Вольтеръ и чувствителенъ, какъ Бернарденъ де С. Пьеръ, я бы и то не нашелъ словъ, чтобы выразить вамъ все мое почитаніе, уваженіе и почти божественное поклоненіе, какъ и привязанность ко всей вашей семьѣ.

Съ этими чувствами пребываю до смерти вашимъ рыцаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнымъ и покорнымъ слугою [2]).

Ѳ. Булгаринъ.

13 февраля 1823 г.

Н. Маркевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Жуковскомъ [3]) говоритъ: „Какое счастіе имѣть племянницею Свѣтлану. Но скоро нашъ незабвенный поэтъ лишился этого блаженства“.

Онъ вспоминаетъ далѣе какъ эта умная, веселая, добродѣтельная красавица — Свѣтлана, прослыша что онъ влюбленъ, писала ему, можетъ быть, намекая на свои чувства къ Тургеневу. „Ce n'est pas le premier amour qui est inéfacable: il vient du

---

[1]) О его наружности, см. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 29.

[2]) Madame,

Je suis confondu, anéanti, ému jusqu'au fond de mon âme pour tant de bontés de votre part pour moi que je n'ai pas méritées, mais je ne suis pas étonné — parsque vous êtes un ange bienfaisant et c'est votre proprieté que de répandre autour de vous la joie, la consolation et la félicité. — Si j'étais éloquent comme J. J. Rousseau, spirituel comme Voltaire et sensible comme Bernardin de St. Pierre, je ne trouverais pas encore de mots pour vous exprimer toute mon estime, respect et vénération presque divine pour votre personne et attachement pour toute votre famille.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honeur d'être jusqu'à la mort votre chevalier porte-couleur et en même temps le très humble et très obéissant serviteur.

F. Boulgarine.

13 Février 1823.

[3]) Современникъ 1853 г. № 12.

Земной удѣлъ

Бѣдные мы, что нашъ умъ! Сквозь туманъ озаряющій факелъ,
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю чудному сей;
Счастье наше въ несбыточномъ жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ;
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

Дельвигъ

Автографъ бар. А. А. Дельвига. Изъ альбома А. А. Воейковой.

besoin d'aimer. Mais lorsqu'après avoir connu la vie, et dans toute force du jugement on rencontre l'âme que l'on avait cherché, l'imagination est subjugée par la vérité et l'on a raison d'être malheureux" [1]).

По словамъ Бартенева, гр. А. В. Адлербергъ, знавшій хорошо Воейкову, не иначе какъ съ умиленіемъ говорилъ о ней и воодушевлялся при одномъ имени Свѣтланы [2]).

Графиня Блудова [3]) разсказываетъ намъ, что императоръ Александръ I съ большимъ уваженіемъ относился къ Александрѣ Андреевнѣ и нерѣдко въ Царскомъ Селѣ подолгу проводилъ время въ бесѣдѣ съ нею. Извѣстно, что императоръ Николай I, а главное императрица Александра Феодоровна также очень благоволили къ ней, какъ къ другу Жуковскаго и любили ея общество. Изъ переписки Свѣтланы съ Козловымъ мы видимъ, что она бывала во дворцѣ совершенно запросто, а ея дѣти проводили вечера въ играхъ съ великими княжнами.

На всѣхъ знавшихъ ее, Свѣтлана производила впечатлѣніе какой-то неземной, какой-то духовной, свѣтоточивой красоты. Она умѣла своей отзывчивой и чуткой душою понять чужое горе, утѣшить и ободрить пришедшаго къ ней со своими сомнѣніями и горестями ближняго, очаровать его своей ласковой и лучезарной улыбкой.

Въ своихъ воспоминаніяхъ графиня А. Д. Блудова, знавшая Александру Андреевну въ первые годы послѣ ея замужества, рисуетъ намъ такъ „поэтическій образъ А. А. Воейковой“: „Молодая, прекрасная, съ нѣжно-глубокимъ взглядомъ ласковыхъ глазъ, съ легкими кудрями темнорусыхъ волосъ и черными бровями, съ болѣзненнымъ, но свѣтлымъ видомъ всей ея фигуры, она осталась для меня такимъ неземнымъ видѣніемъ изъ времени моего дѣтства, что долго я своего ангела-хранителя воображала съ ея чертами“...

Какая-то тихая, затаенная грусть видна въ большихъ, глубокихъ глазахъ „Свѣтланы“ на приложенномъ здѣсь ея портретѣ работы Олешкевича (1821 г.). Какъ будто тайное предчувствіе злого недуга, подстерегающаго свою жертву, свѣтится въ этихъ глубокихъ, печальныхъ глазахъ, составлявшихъ удивительный контрастъ съ ея заразительно веселымъ смѣхомъ,

---

[1]) Первая любовь не бываетъ неизгладимой; она происходитъ изъ потребности любить. Когда уже познавши жизнь и въ полной силѣ сужденія мы встрѣчаемъ душу, которую искали, воображеніе подчиняется истинѣ и тогда мы вправѣ быть несчастными.

[2]) „Р. Арх.“, 1911 г., 8.

[3]) Извѣстная писательница Антонина Дмитріевна (1812—91). См. ея „Записки“ въ „Русск. Архивѣ“ 1872 г.

и, по словамъ поэта, говорившихъ не о земныхъ радостяхъ, не о здѣшнихъ печаляхъ...

Очарованье красоты
Въ тебѣ не страшно намъ
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ.

Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь ты въ край иной
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

(Боратынскій).

Чрезвычайно трогательными рисуются намъ отношенія Свѣтланы къ слѣпому поэту Козлову, съ которымъ такъ много общаго имѣла ея мечтательная, романтическая душа.

Всѣ ея письма къ нему дышатъ какою то особою нѣжностью, сердечною заботливостью, искреннимъ и теплымъ участіемъ, жалостью къ несчастному, больному поэту, къ этому, по выраженію Екатерины Афанасьевны Протасовой [1]), „Богомъ избранному мученику".

Она совершенно искренно страдала сама его страданіями и переносила свою нѣжность къ нему на его жену и дѣтей.

Свѣтлана называла поэта кузеномъ, братомъ и другомъ, какъ и онъ ее Сашей или сестрой. Она подписывалась въ письмахъ къ нему „votre amie de coeur et d'âme", или „de coeur et d'âme votre soeur et amie". Дружба къ нему, по ея собственнымъ словамъ — „большая часть того малаго счастья, что досталось ей на землѣ" [2]).

Свое отношеніе къ Свѣтланѣ Козловъ высказалъ во многихъ стихахъ, всегда цѣня высоко ея дружбу и считая себя созданнымъ ею для поэзіи. Графъ Е. Е. Комаровскій, въ письмѣ къ Козлову отъ 25 декабря 1825 года писалъ о блаженствѣ поэтическаго вдохновенія, которое долженъ переживать поэтъ: „любой счастливецъ нашего вѣка, если бы умѣлъ цѣнить какъ слѣдуетъ такія чувства, отдалъ бы всѣ свои сокровища за эти минуты восторговъ, эти порывы блаженства, эти видѣнія безсмертія, столь часто при мнѣ переполнявшіе вашу душу. И когда послѣ этихъ воздушныхъ полетовъ вы снисходите опять на землю, васъ ожидаетъ Ангелъ-женщина, столь дорогая нашимъ музамъ (Свѣтлана), и могущая легко примирить васъ съ жизнью" [3]).

„Вотъ тебѣ стихи слѣпого къ Свѣтланѣ, писалъ А. И. Тургеневъ, Вяземскому, еще въ 1821 году; онъ недавно и грамотѣ

[1]) См. переписку съ Козловымъ, ч. II.
[2]) См. тамъ же.
[3]) „Р. Арх." 24, 177, 314.

Сонетъ

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую;
Но все отраву пьемъ мы въ ней;
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.

Огонь любви — огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ разрушительный
Онъ душу объятую имъ!

Кто заглушитъ воспоминанія
О дняхъ блаженства и страданія,
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь!
Тогда я ожилъ бы для радости,
Для сновъ златыхъ цвѣтущей младости
Тебѣ предаться могъ бы вновь!

Баратынской

Автографъ Баратынскаго, изъ альбома А. А. Воейковой.

русской выучился, но несчастье (слѣпота) и Свѣтлана были его вдохновителями и онъ поэтъ". Рѣчь идетъ здѣсь о стихотвореніи „Къ Свѣтланѣ", напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества" 1821 г., со слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „это первый опытъ страдальца, въ цвѣтущихъ лѣтахъ лишившагося ногъ, а потомъ зрѣнія, но сохранившаго весь жаръ сердца и силу воображенія" [1]).

Съ Козловымъ познакомилась Александра Андреевна, вѣроятно, около 1818 года, въ первое время его болѣзни, когда онъ, въ самомъ расцвѣтѣ своей блестящей свѣтской карьеры былъ пораженъ сперва параличемъ ногъ, а потомъ и болѣзнью глазъ, приведшей въ 1821 году къ окончательной слѣпотѣ. Новый путь въ безцвѣтной и мрачной жизни, путь поэтическаго вдохновенія, давшій ему новую цѣль и смыслъ существованія, указала ему Свѣтлана, побуждавшая его къ поэтическимъ трудамъ, ободрявшая его первые опыты и разбиравшая ихъ со всею строгостью истиннаго друга. Ей, своей музѣ, и посвятилъ поэтъ первый стихотворный опытъ, появившійся въ печати.

Какъ вводишь радость ты съ собой,
То сердце будто разсмѣется,
Въ немъ на привѣтный голосъ твой
Родное что то отзовется.

Подвластна грудь моя тебѣ,
Ее ты услаждать умѣешь,
Но ты Свѣтлана обо мнѣ,
Ты слишкомъ много сожалѣешь.

Далѣе поэтъ хотя и жалуется на свою участь, на судьбу, лишившую его зрѣнія, но находитъ утѣшеніе въ сохранившемся въ груди „жарѣ чувства", благодаря которому онъ „еще любитъ, еще мечтаетъ". Сознавая это, онъ чувствуетъ какъ:

И скоро исчезаетъ страхъ,
Молитва сердце согрѣваетъ
И вдругъ на радужныхъ лучахъ
Надежда съ вѣрою слетаетъ.
И ты, и ты ночная тѣнь
Разсѣешься, пройдутъ туманы
И расцвѣтетъ мой ясный день
День свѣтлый, какъ душа Свѣтланы.
И въ оный часъ, какъ у Него
Прощенья книга разогнется,

Быть можетъ благостью Его
Въ ней имя и мое найдется;
И я соединю въ одно
Все то, что столько сердцу мило,
Всѣ чувства вмѣстѣ, чѣмъ оно
Страдало, радовалось, жило.
Съ какою радостью тогда
Мы насладимся счастьемъ вѣчнымъ
И ты, Свѣтлана, навсегда
Тамъ будешь другомъ мнѣ сердечнымъ!

---

[1]) 21 февраля 1822 г. Тургеневъ писалъ ему же: „вотъ газета и стихи слѣпого въ album ангела-Воейковой". (Напечатаны въ „Новостяхъ Литературы", подъ назв. „Къ С-ѣ". Позднѣе они назывались „Въ альбомъ ***" и представляютъ собою переводъ изъ Байрона).

Въ стихотвореніи „Къ другу В. А. Жуковскому“, по случаю его возвращенія изъ-за границы, онъ говоритъ:

Свѣтлана добрая твоя
Мою судьбу перемѣнила
Какъ ангелъ Божій низлетя
Обитель горя посѣтила.
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случалось ли когда, что вдругъ
Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ, — тогда мой другъ
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать
Своимъ то сердцемъ отгадала.

Козловъ боготворилъ Свѣтлану и чтилъ ее какою-то святою любовью, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ Тургеневу, въ письмѣ, которое тотъ показалъ Сашѣ [1]). Ей посвятилъ онъ кромѣ приведенныхъ стиховъ — „Насъ семеро“, „Разбойникъ“, „Шотландскій вечеръ“ и прекрасное стихотвореніе, написанное по поводу годовщины ея смерти „Воспоминанія 14 февраля“.

Въ салонѣ Воейковой къ Козлову относились съ особымъ почтеніемъ, благодаря его несчастьямъ, и Блудова писала такъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Вотъ на своихъ низкихъ подвижныхъ креслахъ слѣпой поэтъ Козловъ, на котораго смотрѣли мы съ такимъ глубокимъ почитаніемъ, что умолкали въ самомъ разгарѣ нашихъ игръ, когда катился онъ въ креслахъ въ гостинную Александры Андреевны“.

Свѣтлана сама признавалась въ письмахъ къ поэту, что его горести она принимаетъ близко къ сердцу, и что одинъ почеркъ несчастнаго слѣпого способенъ трогать ее до слезъ.

Она сидѣла у его постели, во время его болѣзни, читала ему вслухъ, и просила его въ письмахъ не начинать безъ нея новаго чтенія.

Посвященіе ей поэтомъ стиховъ всегда радовало и трогало ее и за стихотвореніе „Къ Свѣтланѣ“, она благодарила его слѣдующими строками: „Cher cousin, combien je suis sensible à ce que vous me dites dans vos vers! [2]) Отъ всего сердца, полнаго дружбою и участіемъ подаю вамъ руку на вѣчную дружбу“. Она просила его непремѣнно своею рукою написать ей въ альбомъ, и бѣдный слѣпецъ, ощупью, царапалъ ей свои стихотворенія.

---

[1]) См. переписку съ Козловымъ.

[2]) Дорогой Кузенъ какъ меня трогаетъ то, что вы говорите въ вашихъ стихахъ.

Н. М. Языковъ. Рисунокъ карандашемъ А. А. Воейковой.
Изъ альбома

Какъ трогательна кажется намъ молитва религіозной женщины за бѣднаго страдальца, въ которой она выражаетъ желаніе быть настолько праведной, чтобы Богъ услышалъ эту ея молитву.

Вообще, полная поэзія переписка Свѣтланы съ Козловымъ раскрываетъ намъ всю ея прекрасную душу и рисуетъ лучезарный образъ женщины, у которой, по ея собственнымъ словамъ, „le moral fait toujours oublier le physique“ [1]).

Знакомство Свѣтланы съ Языковымъ возникло позднѣе, когда въ 1823 году она снова очутилась въ Дерптѣ, безъ мужа, живя у матери, послѣ смерти Маши Мойеръ.

Молодой поэтъ, на котораго сперва обратилъ вниманіе А. Ф. Воейковъ въ Петербургѣ, пріѣхалъ въ Дерптъ съ его рекомендательными письмами къ тамошнимъ профессорамъ, и конечно познакомился тамъ и со Свѣтланой.

Вліяніе ея на его поэзію было огромно и онъ самъ писалъ объ этомъ въ своихъ извѣстныхъ стихахъ:

Забуду ль Васъ когда нибудь,
Я, Вами созданный? Не Вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили
Мнѣ свѣтлый указали путь,
И сердце биться научили [2]).

„Воейкова, говорилъ онъ позднѣе, имѣетъ полное право называться пробудительницею, звѣздою моего таланта поэтическаго, ежели онъ у меня имѣется“ [3]).

Характеръ поэзіи Языкова, поэзіи буйныхъ радостей жизни, разгульной молодости, любовныхъ похожденій, обусловливался его необузданной, страстной натурой, и въ этомъ смыслѣ, непосредственнаго поэтическаго вліянія Свѣтланы надо искать въ немногихъ, но за то лучшихъ его произведеніяхъ: „Баянъ“, „Пловецъ“, „Ливанія“, „Воспоминаніе о А. А. Воейковой“ и др. По его словамъ она замалчивала его любовныя и легкомысленныя, или, по его выраженію „неучтивыя“ стихотворенія, разбирая лишь остальныя [4]). Свѣтлана облагородила своимъ вліяніемъ талантъ Языкова и, по его собственнымъ словамъ, вложила въ его душу все то свѣтлое и хорошее, что онъ еще сохранилъ [5]).

---

[1]) Нравственное всегда заставляетъ забывать физическое.

[2]) На стр. 18 нами приведено неизданное стихотвореніе Языкова, въ которомъ онъ также называетъ себя созданнымъ ею.

[3]) См. Язык. Архивъ, т. I, стр. 201.

[4]) См. тамъ же, письмо 14 апр. 1825 г.

[5]) Язык. Арх., письмо 21 апр. 1827 г.

„Воспоминаніе о А. А. Воейковой“ написанное уже послѣ ея смерти едва ли не лучшее изъ всего написаннаго поэтомъ, характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучше всего значеніе Воейковой для его поэзіи и потому не лишнее привести его здѣсь цѣликомъ:

Ея ужъ нѣтъ, но рой воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она:
Вонъ чуждый брегъ и мирный храмъ познаній,
Каменами любимая страна;
Тамъ смѣлый гость свободы просвѣщенной,
Пѣвецъ вина и дружбы и прохладъ,
Настроилъ я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный ладъ —
И вторились напѣвы удалые
При говорѣ фіаловъ круговыхъ!
Тамъ грудь моя наполнилась впервые
Волненьемъ чувствъ завѣтныхъ и живыхъ,
И трепетомъ, томительнымъ и страстнымъ,
Божественной и сладостной любви,
Я счастливъ былъ: мелькали дни мои
Летучимъ сномъ, заманчивымъ и яснымъ
А вы, пѣвца внимательные други,
Товарищи, какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ нѣмецкіе досуги,
Спѣсивый хмѣль ученой головы
И праздникъ тотъ, шумящій ежегодно,
Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,
Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводный
Зеленый скатъ лѣсистыхъ береговъ?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефиръ весны струилъ ночную тѣнь,
Костеръ пылалъ — мы долго пировали
И бурные привѣтствовали день!
Товарищи! не правда ли? на пирѣ
Не рознилъ вамъ лирическій поэтъ?
А этотъ пиръ не наобумъ воспѣтъ,
И вы моей порадовались лирѣ!
Нѣтъ не для васъ!—Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами
Радушная, преслѣдовала ихъ;
Когда она веселыми устами,
Мой счастливый произносила стихъ.
Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа и гдѣ была душа моя!
О! прочь мои грядущія созданья,
О! горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ ліющемся кристалѣ разговора.
Ея ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла
Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
Есть на землѣ! есть цѣлый міръ труда,
И въ немъ надеждъ и помысловъ отвага,
И бытіе привольное всегда!
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ...
Она всего поэта понимала —
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье
И радостно, во имя божества
Сбирались въ хоръ созвучныя слова,
Какъ фиміамъ, горѣло вдохновенье.

Если Козловъ былъ привязанъ къ Свѣтланѣ чувствами святой преданности и дружбы, то молодой и жизнерадостный Языковъ питалъ къ своей красивой Музѣ чисто земныя чувства,

Молитва.

Молю святое провидѣнье!
Оставь мнѣ тягостные дни;
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени!
Путь неизмѣненъ — жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовой
Доходитъ цѣлый къ берегамъ

Н. Я.

1825.
Апрѣля 12.

Автографъ Н. М. Языкова. Изъ Дерптскаго альбома А. А. Воейковой.

несмотря на то, что цѣломудренная Свѣтлана относилась къ нему какъ къ талантливому мальчику, и, по его же собственнымъ словамъ, дѣлала видъ, что не понимала его многочисленныхъ любовныхъ признанiи въ стихахъ [1]).

Отношенiя его къ Александрѣ Андреевнѣ выясняются намъ теперь по его письмамъ къ братьямъ, опубликованнымъ въ первомъ томѣ Языковскаго Архива [2]).

Любовь его зарождалась постепенно. Еще до прiѣзда Воейковой въ Дерптъ, онъ предупреждалъ брата въ письмѣ отъ 20 декабря 1822 г., что она скоро должна прiѣхать въ Дерптъ, и что, по слухамъ, „всякiй, кто ее видѣлъ хоть разъ вблизи, непремѣнно въ нее влюбляется".

23 февраля онъ познакомился съ ней, но о впечатлѣнiи, произведенномъ ею, написалъ братьямъ только 2 iюня, по случаю посѣщенiя Воейковой у нея на дачѣ въ Камби, гдѣ она проводила лѣто. Фривольный духъ юноши сказался и здѣсь:

„Кстати, или не кстати о Воейковой, пишетъ онъ. Это такая женщина, какой я до Дерпта не видывалъ: прекрасно образована а лицо — какого должно искать съ фонаремъ, между потомками ребра Адамова. Мнѣ кажется, что въ ней есть одинъ только недостатокъ, и то только для волочащихся молодцовъ — недостатокъ тотъ самый, какой имѣютъ Русскiе глаголы, тотъ, что она не имѣетъ сослагательнаго наклоненiя".

Около того же времени Свѣтлана отзывалась о Языковѣ въ письмѣ къ Козлову, называя его „преинтереснымъ юношей", который желаетъ познакомиться съ Козловымъ и „восторгается его посланiемъ къ Жуковскому".

Позднѣе Языковъ характеризовалъ Свѣтлану такъ [3]):

„Прекрасная женщина, какъ образована, какъ умна, и какъ чисто очаровательна — даже для самаго разборчиваго вкуса! Ты вѣрно знаешь, каковъ ея мужъ; подлецъ, сквернавецъ, и гадкой; не смотря на это, никто отъ нея не слыхалъ ни слова о томъ, что она его не любитъ, что вышла за него поневолѣ: а между тѣмъ это всѣмъ извѣстно: не правда ли прекрасная, божественная женщина! Жаль только, что судьба съ нею такъ глупо распорядилась: какъ жить вмѣстѣ подлости и благородству, черту и Ангелу, красотѣ и безобразiю!"

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ сообщаетъ брату, что обѣдаетъ почти ежедневно у Воейковой и сидитъ у нея съ

---

1) Язык. Арх. I, 174.
2) Изд. 1914 г.
3) Язык. Арх. I, 160.

часу до четырехъ часовъ дня. При этомъ онъ старается разувѣрить брата въ его предположеніяхъ о влюбленности.

26 августа 1823 года онъ писалъ: „у меня съ В. теперь весьма сильная дружба... Я ей показываю и даже вписываю въ альбомъ мои стихи“.

Постепенно онъ уже откровенно сознается въ своей любви къ „божественной“ Воейковой, его „отвлекательной отрадѣ“ [1]), вдохновляющей его поэтическую фантазію.

По поводу ея просьбы объ окончаніи стихотворенія „Баянъ“, онъ писалъ брату: „Я увѣренъ, что употреблю все стараніе исполнить требованіе особы во всѣхъ смыслахъ прекрасной. Не знаю, успѣю ли въ этомъ, но ты самъ согласишься, что существуютъ такія уста и такой очаровательный взглядъ, которымъ ни въ чемъ настоящемъ и будущемъ отказать не возможно“.

Въ извѣстномъ стихотвореніи „Къ А. А. Воейковой“, написанномъ по поводу ея ожидаемаго пріѣзда въ Дерптъ (1825 г.), онъ говоритъ:

Клянусь моими божествами
Я непритворно васъ зову;
Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу молящемуся вамъ
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ — любимецъ музы!
Я только трубадуръ безъ васъ.

А. Н. Вульфу онъ писалъ:

Мы другъ другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки
Въ честь Воейковой потомъ
Пили, били мы бутылки
У пруда передъ костромъ?..

А. Н. Вульфъ въ своихъ запискахъ [2]) пишетъ: „бывало недѣли въ 2 разъ придетъ къ намъ дикарь Языковъ, заберется въ уголъ, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, выпьетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то бывало не промолвитъ“.

По его собственному признанію, онъ благоговѣлъ передъ Свѣтланой и въ присутствіи ея перерождался. Онъ ждалъ ея пріѣзда для „пріободренія“ своей музы, въ отсутствіе ея терявшей

---

[1]) Яз. Арх. I, 121.
[2]) Р. Арх. 1867. 5. 6. 720.

3

Автографъ Н. М. Языкова съ припиской А. А. Воейковой.

свое вдохновенiе. Въ альбомы Воейковой онъ писалъ множество стиховъ и строгая и требовательная къ поэту Свѣтлана сопровождала ихъ иногда своими примѣчанiями [1]).

Но легкомысленный и любившiй легкiя похожденiя поэтъ не удовлетворялся чистымъ поклоненiемъ предмету своей страсти. Строгость и недоступность Свѣтланы порой сердили самоувѣреннаго юношу, какъ это можно было видѣть и изъ приведеннаго выше его письма. Въ эти моменты его отзывы о ней полны колкости и злобы, и выраженiя порой достаточно вульгарны. То онъ осуждаетъ ее, что она при своемъ влiянiи на него еще мало изъ него сдѣлала, то даже намекаетъ на вымогательство у него стиховъ, для журнала мужа, издававшаго тогда „Литературныя Новости“, въ которыхъ А. А. дѣятельно сотрудничала и, дѣйствительно, нерѣдко пересылала мужу стихи Языкова.

Вотъ что писалъ онъ въ минуту раздраженiя (14 апрѣля 1824 г.): „Я не понимаю поступки В. со мною: въ обрашенiи она чрезвычайна холодна со мною, а непрестанно проситъ стиховъ моихъ — можетъ быть послѣднее дѣлается въ пользу мужа. 1 апрѣля именины Дириной [2]); на этотъ случай я написалъ пространное поздравленiе имянинницѣ, думая возбудить соревнованiе въ ея побѣдительницѣ: на другой день получилъ альбомъ В — ой и нашелъ въ немъ вышеупомянутые стихи, ею переписанные и нѣкоторые изъ нихъ подчеркнутые — такiе, притомъ, которые на ея счетъ были сказаны [3]). Я написалъ ей довольно много разнаго рода стихотворенiй — и хмѣльныхъ, и любовныхъ и неучтивыхъ; первыя — она хвалила, вторыхъ — будто не понимаетъ, ни слова о нихъ не говоритъ, какъ и о послѣднихъ. Стихи о перчаткѣ [4]), написаны мною тоже въ ея альбомѣ; она спросила меня, не переводъ ли это; я отвѣчалъ, что удивляюсь, почему она не понимаетъ, что это подлинникъ, и дѣло кончено [5]). Теперь я вижу, и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлiю только выманить у меня стиховъ: она успѣла, каналья! — впрочемъ, надѣюсь, въ послѣднiй разъ. Мнѣ жаль только времени, нѣсколькихъ вече-

[1]) См. ч. II. Бумаги А. А. Воейковой.

[2]) Марiя Николаевна Дирина, впослѣдствiи въ замуж. ф. Рейцъ. За ней ухаживалъ Языковъ. См. Язык. Арх. 174.

[3]) Вотъ эти подчеркнутыя Свѣтланою слова:

Предъ нимъ, въ оберткѣ божества,
Однѣ бездушныя слова!
Одно холодное участье!
Кого-жъ ему любить? мечты...

[4]) См. ниже.

[5]) Т. е., она сдѣлала видъ, что не понимаетъ, что это стихотворенiе написано на нее.

ровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала отъ меня альбомъ свой съ новыми стихами — и затѣмъ же снова его ко мнѣ присылала. Послѣднія пьесы могли бы, кажется, ясно показать, что я объ ней думаю — не тутъ-то было. Не помню всего, много вздора, это естественно. Вотъ примѣръ:

Не часто-ль тягостною мукой
За откровенныя слова,
Души простой и близорукой,
Платилъ мнѣ слѣпокъ божества?
Не часто-ль послѣ вдохновенья
Отрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
Заранѣ чуялъ наслажденья,
Заранѣ сердцемъ ликовалъ —
И только знаки отверженья
Въ глазахъ красавицы читалъ?

Любовь, любовь! я помню живо
Щастливый день, какъ въ первый разъ
Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
Въ моей груди самолюбивой:
Тогда всѣ чувства бытія
Въ одно прекрасное сливались:
Онѣ свѣтлѣли, возвышались
И гордо радовался я.

Желчный тонъ этого письма, полнаго несправедливыхъ выходокъ къ предмету своей страсти, объясняется легко оскорбленнымъ самолюбіемъ влюбленнаго юноши, котораго строгая Свѣтлана третировала немного свысока, не позволяя ему „забываться“. Обѣщаніе больше не писать ей стиховъ въ альбомъ онъ, конечно, скоро забылъ и уже черезъ нѣсколько недѣль (25 мая) жалѣлъ объ отсутствіи „воспламенительницы“ своей музы, „по заказу“ которой онъ бы хотѣлъ писать стихи. Не разъ еще онъ писалъ свои произведенія и на листочкахъ ея альбома.

Много страдалъ Языковъ и отъ ревности, совершенно безпричинной, при чемъ ея главнымъ объектомъ былъ товарищъ его, А. Н. Тютчевъ [1]), также бывавшій у Александры Андреевны и писавшій стихи въ ея альбомѣ. По этому случаю и написаны стихи „Перчатка“, о которыхъ онъ упоминаетъ въ приведенномъ письмѣ.

„Вотъ тебѣ анекдотъ поэтическій, писалъ онъ брату 1 апрѣля 1825 года. В—а, не знаю, какимъ изъ духовъ подземнаго царства возбужденная, подарила въ знакъ памяти Тютчеву, котораго ты знаешь заочно, перчатку; къ моему солюбовнику написалъ я слѣдующіе стихи:

Какимъ восторгомъ ты пылаешь,
Какъ сладостны твои мечты
Когда подарокъ красоты
Устами жадными лобзаешь.

Душа кипитъ, душа полна
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья
И возвышается она;

---

[1]) Александръ Николаевичъ, товарищъ Языкова по Дерптскому университету, малоизвѣстный поэтъ. (1805 — 1831). См. „Р. А.“ 1867, 731.

А я — напрасно я Кипри̇ду
Моей богиней называлъ
Одну печаль, одну обиду
Мнѣ подарилъ мой идеалъ.

Дай руку: съ гордостью спокойной
На побѣдителя смотрю
И, стиснувъ зубы, говорю
Обѣть, измѣнницы достойный [1]).

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 5 апрѣля) онъ выражается еще рѣзче:

„Ну, братъ, видно мнѣ не вкусить отъ В—ой плода запрещеннаго. Она на слѣдующей недѣлѣ отсюда уѣзжаетъ, а до сихъ поръ я ничего рѣшительно не сдѣлалъ, даже не притворился влюбленнымъ и разсѣяннымъ“.

Затѣмъ идутъ слѣдующіе стихи:

Напрасно я любви Свѣтланы
Надежно, пламенно искалъ;
Напрасно пьяный и непьяный
Ее хвалилъ, ее пѣвалъ.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —

Во мнѣ утихнулъ жаръ опасный
И не кружится голова!
И сердце вольность сохранило,
За холодъ, холодомъ плачу;
Она res publica [2]) мой милой,
Я съ ней бороться не хочу.

Впрочемъ, не далѣе, какъ черезъ два дня, онъ уже сообщаетъ, что писалъ ей въ альбомъ элегію [3]), совершенно различную отъ приведеннаго, довольно-таки рѣзкаго стихотворенія.

Она меня очаровала,
Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.
Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ
И миръ души и сердца волю
Какъ драгоцѣнности хранилъ.
Любви торжественная сила,
Какъ искра Зевсова огня

Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.
Пускай не мнѣ ея награда,
Она — мой рай, моя звѣзда
Въ часы вакхической отрады,
Въ часы покоя и труда.
Я безкорыстно повинуюсь
Порывамъ страсти молодой,
И восхищаюсь и любуюсь
Непобѣдимой красотой.

Слова его, прибавленныя при сообщеніи брату этихъ стиховъ: „видишь, какъ я умѣю притворяться“, кажутся простой рисовкой, передъ искреннимъ тономъ самого ~~стиха~~. [illegible]

Ближайшія страницы альбома также полны прекрасными стихами поэта, уже забывшаго свои огорченія и желавшаго принести Свѣтланѣ, передъ ея отъѣздомъ, новые „дары музы“. На послѣдней страницѣ альбома Языковъ написалъ:

---

[1]) Въ альбомѣ Свѣтланы къ этимъ стихамъ написано ея примѣчаніе. „0 (нуль) за то что переводъ“. Рукою Языкова приписано: „Ошибка переписчика, это подлинникъ“. Стихи помѣчены 2 апрѣля 1825 г.

[2]) Этотъ каламбуръ онъ уже писалъ брату въ письмѣ отъ 11 марта. См. Язык. Арх., стр. 161 и 167.

[3]) Въ альбомѣ Свѣтланы это стихотвореніе записано 1-го апрѣля, и показанныя разрядкою слова подчеркнуты самимъ Языковымъ.

Эпилогъ.

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листамъ, —
Гдѣ сердца радости и муки
Я безкорыстно славилъ вамъ,
Гдѣ жаромъ страсти небывалой
Я пѣсни сонныя живилъ,
Когда мнѣ чувствъ недоставало
А умъ и въ умъ неприходилъ. —

* *
*

Надъ безобразными строками
Вы было вспомните о мнѣ,
Поэтѣ созданномъ — лишь вами
Въ непоэтической странѣ —
Прошу стихи мои — улыбкой
Ихъ нечитая, — наградить:
Въ нихъ музы нѣтъ, не можетъ быть;
Они написаны ошибкой.

* *
*

Теперь прощайте — богъ дороги
Пусть васъ покоитъ и хранитъ
И лошадей чухонскихъ ноги
Проворнымъ бѣгомъ одаритъ;
Не видя тучъ, не слыша грома,
Стрѣлой неситесь по полямъ
И будьте веселы, какъ дома —
А впрочемъ, какъ угодно вамъ [1]).

Впрочемъ, въ день самый отъѣзда Воейковой изъ Дерпта, онъ просидѣлъ весь день дома, и не пошелъ ее провожать, находясь, вѣроятно, снова въ состоянiи ревности, противъ провожавшихъ ее до первой станцiи „многихъ кавалеровъ“ [2]). Отъѣздъ Воейковой изъ Дерпта, въ общемъ, не прекратилъ ея влiянiя на поэзiю Языкова, и онъ всегда съ нетерпѣнiемъ ждалъ ея прiѣздовъ, для „подогрѣванiя“ своей музы, признавая, что она „можетъ располагать движенiями моихъ помышленiй, какъ господинъ рабомъ, какъ магнитъ желѣзомъ“. Каждое ея появленiе повергало его въ прахъ, несмотря на все его старанiе насмѣшками маскировать свое истинное чувство. 21 апрѣля 1827 г. онъ писалъ: „В — а, какъ слышно, скоро будетъ здѣсь, этотъ случай, конечно, оживитъ мою жизнь, музу и вообще все мое хорошее...“

Уѣзжая заграницу, Свѣтлана оставила Языкову альбомъ, который онъ долженъ былъ заполнить стихами [3]), но увы, ей не суждено было ихъ прочитать.

Извѣстiе о ея смерти отмѣчено въ его письмѣ къ брату довольно сухо, но зато написанное вскорѣ стихотворенiе на ея смерть, приведенное нами выше [4]), является вполнѣ достойнымъ вѣнкомъ на ея могилу.

Влiянiе Свѣтланы на поэзiю Жуковскаго признавалось всегда имъ самимъ. Онъ называлъ ее своею музою, вдохно-

[1]) Написано по случаю отъѣзда Саши изъ Дерпта и не было издано.
[2]) См. письмо отъ 10 мая. 183'
[3]) Онъ писалъ брату, что нѣкоторыя изъ этихъ альбомныхъ стихотворенiй, онъ не предназначаетъ къ печати. (См. Яз. Арх. I).
[4]) Стр. ~~14~~. 104.

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты!
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты!
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой!
И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
Что нашъ міръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душею говоритъ!
А когда жъ насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Кто васъ знаетъ тому знакомъ и Геній чистой красоты. Сколько вы были для того зажглась навсегда прекрасная утѣшительная звѣзда и эта звѣзда поможетъ не утратить своего милаго Генія.

1821 г. Декабря 29.

Автографъ В. А. Жуковскаго. Изъ альбома А. А. Воейковой.

влявшею его на поэтическое настроеніе, въ то хорошее Муратовское время, „золотой вѣкъ", когда для него жизнь и поэзія была одно, и когда, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: „то была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ"[1]). Въ ней видитъ онъ своего „самого сходнаго" съ нимъ „товарища", своей гармоническою душой отзывавшагося его поэтическому настроенію.

Въ стихахъ, написанныхъ по поводу Сашиной свадьбы[2]), онъ говоритъ, что воспоминаніе о ней для него связано съ воспоминаніемъ о томъ, „что вдохновеніемъ всю душу зажигало". О ней же, вѣроятно, говоритъ и стихотвореніе „Къ мимо пролетѣвшему генію"[3]), который обладаетъ способностью призывать его вдохновеніе и вносить покой въ его волнующуюся душу.

Въ „Письмѣ къ ***"[4]) онъ говоритъ:

Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разсудокъ мой,
О, сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей...

Въ письмѣ къ Тургеневу онъ называлъ Сашу своимъ „геніемъ", которому записалъ въ альбомъ слѣдующія строфы изъ Лалла Рукъ съ любопытной припиской:

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты!
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты!
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой.

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
Что нашъ миръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говоритъ!
А когда-жъ насъ покидаетъ
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

„Кто Васъ знаетъ, тому знакомъ и геній чистой красоты! Съ кѣмъ вы были, для того зажглась навсегда прекрасная, утѣшительная звѣзда, и эта звѣзда никогда не утратитъ своего милаго блеска". 1821 (5?) декабря 29"[5]).

---

[1]) См. Веселовскаго, „В. А. Жуковскій", стр. 382. Письмо къ г-жѣ Моро де Мельтьеръ 1826 г.

[2]) „Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны".

[3]) См. Сочиненія, изд. 1894 г., т. II, стр. 74. 1819 г.

[4]) Сочиненія, т. I, стр. 318.

[5]) Какъ извѣстно, стихотвореніе „Лалла Рукъ" посвящалось имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и слова эти относились къ ней; здѣсь Жуковскій примѣняетъ ихъ къ Сашѣ.

Грустно сложившіяся обстоятельства любви поэта къ Машѣ вносятъ элементъ меланхоліи въ стихотворенія, ей посвященныя. Наоборотъ, вліяніе Свѣтланы выражается въ бодрыхъ, жизнерадостныхъ, веселыхъ по своей формѣ стихахъ („Свѣтлана", предисловіе къ „Громобою" и др.). Цѣлый рядъ шутливыхъ стиховъ Жуковскаго также связанъ съ веселой Свѣтланой, вдохновительницей его поэтической фантазіи на радостный и смѣхотворный ладъ.

Печально развивавшіяся обстоятельства замужней жизни Свѣтланы нашли откликъ въ стихотвореніи Жуковскаго „Жизнь", написанномъ въ августѣ 1819 года, очевидно, по поводу особенно обострившихся отношеній съ Воейковымъ и рѣшенія его поселиться вмѣстѣ съ крестницей.

Поэтъ вспоминаетъ въ началѣ какъ:

Было время, былъ день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны
Были зелены луга.

И за ней вились толпою
Свѣтлокрылыя друзья:
Юность легкая съ мечтою
И живыхъ надеждъ семья.

Затѣмъ все пропало, наступила угрюмая, унылая жизнь. Друзья разлетѣлись, на небѣ мгла и туманъ, она одна въ ладьѣ, среди безбрежной пучины, плыветъ, послушная велѣньямъ рока.

Но вотъ откуда-то повѣялъ вѣтерокъ, пролетѣло что-то свѣтлое, въ небѣ зажглись звѣзды:

И въ нее проникла радость
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ upованьемъ отдана.

Послѣдняя строфа намекаетъ на новаго спутника, самого поэта, который готовъ сдѣлать жизнь друга счастливой.

Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье
Добрый спутникъ при тебѣ.

Лучшія воспоминанія молодости, зари поэтическаго вдохновенія, остались для Жуковскаго навсегда связанными съ мыслью о Свѣтланѣ, его „геніи" и его „ясной надеждѣ" [1]).

---

[1]) См. письмо его къ А. И. Тургеневу, по случаю смерти Саши. Переписка съ Тургеневымъ, стр. 253.

В. А. Перовскій. Рисунокъ карандашемъ А. А. Воейковой.

Глава VII.

Душевное состоянiе Свѣтланы.—Увлеченiе мистицизмомъ. — Выписки изъ ея альбомовъ. — Отношенiя къ Жуковскому и Перовскому. — Разрывъ съ Тургеневымъ. — Его письма.

Литературныя занятiя и новые интересы къ искусству и поэзiи наполнили собою душу Свѣтланы, придали новую цѣль и смыслъ ея жизни, а искренняя привязанность и трогательная заботливость друзей привлекли ея нѣжное сердце и создали ей если не счастливое, то, по крайней мѣрѣ, относительно спокойное существованiе.

Душевное состоянiе Саши въ это время выясняется намъ изъ ея записей въ альбомы, чрезвычайно важныхъ для ея характеристики, раскрывающихъ предъ нами всѣ интимныя стороны ея души. Вотъ что писалъ Перовскiй Жуковскому по поводу альбомовъ Саши, уже послѣ ея смерти, посылая ему сдѣланныя имъ изъ нихъ выписки. „Товарищъ! взгляни сколько въ этихъ выпискахъ такого, что теперь къ намъ можно приноровить! сколько такого, чему подражать должно! Чувствую, дай Богъ исполнить. До сихъ поръ je me sens encore trop indigne d'elle...“[1]).

Прежде всего, мы знакомимся по этимъ альбомамъ съ тѣмъ кругомъ чтенiя, который составила себѣ Свѣтлана, кругомъ весьма обширнымъ и разнообразнымъ, включавшимъ въ себя такихъ авторовъ, какъ Руссо, Жанлисъ, Сталь, Эджвортъ, Паскаль, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Кантъ, Шопенгауеръ, Сисмонди и многiе другiе.

Одинъ перечень этихъ именъ указываетъ, что уму Свѣтланы, основательно подготовленному Жуковскимъ, были доступны серьезныя сочиненiя философскаго характера, которыя интересовали ее наравнѣ съ произведенiями всемiрной литературы и модными романами сентиментальнаго характера.

Большое мѣсто удѣляетъ она въ альбомахъ разсужденiямъ о Богѣ, религiи и молитвѣ, которая являлась всегда утѣшительницей въ ея печальной жизни. „Молитва небомъ намъ дана, замѣна счастiю она“, перефразировываетъ Саша извѣстный

[1]) „Я чувствую себя слишкомъ недостойнымъ ея“. Почти всѣ эти выписки сдѣланы на французскомъ языкѣ и приводятся въ переводахъ. Они записаны Перовскимъ въ особую тетрадку, которая находится въ нашемъ распоряженiи и напечатана въ приложенiи.

стихъ Пушкина. „Душа женщины, говоритъ она также, сдѣлалась бы льдомъ, или сгорѣла бы отъ страсти, безъ помощи молитвы. Она одна вноситъ нѣкоторое успокоеніе, нѣкоторое равновѣсіе между жизнью, какъ она есть, и мечтою о возможномъ, или вѣрнѣе о невозможномъ, такъ какъ счастье болѣе невозможно, чѣмъ мы воображаемъ"... „Нѣжная душа имѣетъ потребность въ молитвѣ, также какъ и въ любви".

Глубокая религіозность Свѣтланы, ея искренняя вѣра, съ годами приняли нѣсколько мистическій характеръ, который мы уже отмѣтили когда-то у ея сестры. Извѣстную роль въ этомъ, кромѣ общаго вліянія эпохи, должно было сыграть и знакомство Саши со знаменитой Ю. Криденеръ, находившейся въ 1821 году въ Петербургѣ и имѣвшей большое вліяніе при дворѣ императора Александра, увлекавшагося ея ученіемъ и проповѣдями. Близкая ко двору, Свѣтлана, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ познакомилась съ нею и мистическое ученіе новой пророчицы не могло не оставить слѣда въ душѣ Саши, столь подготовленной обстоятельствами жизни и воспитаніемъ для его воспріятія.

О близости Саши къ Крюденеръ свидѣтельствуетъ записка къ Козлову, въ которой Саша отъ имени ея даетъ поэту позволеніе посѣтить одно изъ собраній, происходившихъ у проповѣдницы [1]).

Въ альбомѣ Саши сохранился засохшій цвѣтокъ, подаренный ей Юліею Криденеръ, ровно какъ и литографированный портретъ послѣдней, данный ею Свѣтланѣ. Тамъ же записано владѣлицею альбома разсужденіе о Христѣ, съ заголовкомъ „Société biblique", можетъ быть навѣянное проповѣдями Криденеръ.

Неудачно сложившаяся семейная жизнь заставила жизнерадостную Свѣтлану постепенно придти къ убѣжденію въ невозможности для нея счастія на этомъ свѣтѣ. Другъ и учитель ея Жуковскій давно уже указывалъ ей на другой, невѣдомый міръ, куда и она устремляла теперь все больше и больше свои духовныя очи. Жалобы на судьбу мы отъ нея не услышимъ, она слишкомъ покорна во всемъ Провидѣнію, но тѣ чувства, что переживала она, порою выливались на страницахъ ея альбома горькими и безотрадными строками.

„Страдать и умереть—вотъ все, что мнѣ осталось, по волѣ судьбы; теперь, когда смерть стала ближе, я смотрю на нее безъ ужаса, я никому не сдѣлала зла".

„Бываютъ въ жизни моменты, когда испытываемая радость похожа на солнце, среди покрытаго облаками неба. Оно не такъ

---

[1]) См. ч. II.

товарищъ! Выпиши сколько въ этихъ выпискахъ
такого что теперь къ намъ можно принаровить!
только такого, чему сообразоваться довольно! — чувствую;
Дай Богъ исполнить — до сихъ поръ je me sens
encore trop indigne d'elle!
прилагаемое сохрани у себя; изъ агенды начну для
другую тетрадку.
Скажи что это нынче бываешь? Я весь день
дома
Поправиться прошу нынче; cela vous fera du bien: —
пришли мнѣ привязи мои, оставленныя у
тебя рисунокъ пальмурчика.

Автографъ В. А. Перовскаго (см. стр. 113).

тепло, чтобы согрѣть и не такъ свѣтло, чтобы освѣтить, но это всетаки солнце и тучи всетаки пронизываются его лучемъ. Мое солнце не освѣтитъ меня никогда".

Сколько здѣсь горькаго разочарованія, сколько безнадежной увѣренности въ невозможности измѣненія къ лучшему ея судьбы! Не даромъ Свѣтлана когда то писала въ альбомѣ, что въ 25 лѣтъ для женщины уже нѣтъ будущаго, что все что совершилось съ нею—совершилось безповоротно.

Земная жизнь вся для нея была въ прошломъ, настоящаго у ней не существовало, будущее принадлежало небу, и свѣтлая надежда на это будущее поддерживала все ея существованіе и сохраняла ее отъ отчаянья.

„Жуковскій сдѣлалъ сегодня, писала она 19 мая 1825 г., восхитительное сравненіе между слѣдомъ, который лебедь оставляетъ на водѣ и жизнью человѣка, которая должна всегда протекать безшумно, оставляя за собою свѣтлый и сіяющій слѣдъ, взирая на который отдыхаетъ душа. Я хочу записать также прекрасное сравненіе, сдѣланное Жуковскимъ, жизни съ натянутымъ на рамѣ полотномъ, на которомъ искусный живописецъ готовъ начертать хорошую картину—существующую только въ будущемъ и съ помощью этого будущаго. Освѣщенная точка, придающая жизнь всей картинѣ, это несчастье. Жизнь — рядъ нулей, несчастье ставитъ имъ цифру, иногда сзади, иногда спереди".

И всетаки, несмотря на все разочарованіе въ своей жизни, Свѣтлана, всегда болѣвшая душою за другихъ, больше чѣмъ за себя, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ находитъ, что ея судьба еще можетъ считаться завидной, въ сравненіи съ положеніемъ другихъ, приводя при этомъ въ примѣръ сестру Машу, которая не смѣетъ даже вспомнить о своей любви къ Жуковскому, будучи связана навсегда бракомъ съ Мойеромъ.

Безкорыстная и незлобивая Свѣтлана считаетъ свою судьбу лучшей уже потому, что ей ни вспоминать, ни мечтать не о комъ[1]).

Смиреніе Саши такъ велико, что она иногда благодаритъ судьбу за пріятно проведенный день, спрашивая себя, какой непріятностью она за него заплатитъ.

Иной разъ она не въ силахъ справиться съ собою, очевидно въ дни особо бурныхъ сценъ, устраиваемыхъ мужемъ, и хочетъ найти забытье хотя бы во снѣ. „Вечеръ, единственное ожиданіе за весь день. Пробужденіе, снова тяжелый ударъ, напоминающій каждое утро вамъ ваше горе".

---

[1]) См. ея записи 1822 г., стр. 92—93.

Бѣдная женщина, „воспитанная въ несчастьи“ [1]), даже не знаетъ въ чемъ можетъ состоять ея счастье: „И что такое счастье? Даже когда счастье стоитъ олицетворенное передъ вами, то душа чего-то еще хочетъ. Кажется, душа легче умѣетъ сносить несчастіе, чѣмъ счастье. Созданные страдать мы дѣлаемъ себѣ un point d'honneur переносить съ постоянствомъ и въ самихъ себѣ горести, которыя намъ посылаетъ судьба, и не предаваться отчаянію, между тѣмъ какъ мы создаемъ себѣ родъ удовольствія тѣмъ, что омрачаемъ наше счастье сомнѣніями, подозрѣніями и другими грустными мыслями, которыя нерѣдко примѣшиваемъ къ своему счастью. Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана,
Замѣна счастію она.

а я бы хотѣла измѣнить:

Молитва небомъ намъ дана,
Замѣна счастію она.

Гораздо позднѣе она сознавалась матери съ горечью (1826): „Я на свѣтѣ не для радости и счастья“ [2]).

Воспоминанія счастливой юности не могли не усугублять горя бѣдной женщины, которая въ дѣтствѣ своемъ могла ждать такъ много радостей, отъ измѣнившаго ей послѣ рока. Въ приведенныхъ выше словахъ о поѣздкѣ Маши въ Муратово мы видѣли эти грустно-свѣтлыя воспоминанія [3]). Въ другомъ мѣстѣ она писала: „Я не знаю ничего равнаго той полнотѣ жизни, тому покою и удовлетворенію, которую я испытывала въ эпоху 15 лѣтъ, эпоху невинности и ученья“. „Съ тѣхъ поръ счастье кончилось“, говорила она.

„Когда въ теченіе нашей жизни явятся обстоятельства, предоставляющія намъ выборъ двухъ путей и мы предпочитаемъ изъ нихъ тотъ, который сулитъ намъ наибольше лишеній, возможно, что это наша заслуга. Но этой заслуги у меня нѣтъ— я не имѣла выбора моего жизненнаго пути“ [4]).

Мысли о смерти въ головѣ Саши нераздѣльны съ размышленіями о своей судьбѣ. Только въ будущемъ мірѣ она мнитъ найти себѣ забвеніе и награду за то, что переноситъ здѣсь.

---

[1]) Elevée dans le malheur, какъ писалъ Тургеневъ Бонштетену про нее. См. ниже, глава X.

[2]) См. ч. II, переписка съ матерью.

[3]) См. стр. 92—93.

[4]) Выписка изъ альбома А. А. Воейковой.

Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой.
О други, смерть не все возьметъ
Есть жизнь и за могилой.

Французскія стихотворенія о смерти наполняютъ альбомъ вмѣстѣ съ выписками прозой и собственными изреченіями.

„Какъ непонятна идея смерти; человѣкъ приходитъ въ міръ, страдаетъ и радуется, немного пробѣга́етъ по свѣту, и кончено — онъ умираетъ, его забываютъ даже тѣ люди, которые ему дѣлали наибольшее зло, или наибольшее добро. Самая любящая душа, та которая имѣла наиболѣе силы, исчезаетъ безъ всякаго слѣда — не возвращаясь никогда къ человѣку, котораго она любила больше всѣхъ! Забывается ли та́мъ все, что было здѣсь, или та́мъ существуетъ новое дѣтство для души, послѣ смерти? И можетъ быть могила служитъ ей новой колыбелью?“.

Смерть Маши еще болѣе настроила Свѣтлану на печальный ладъ. Теперь, кромѣ счастья, она надѣется найти на небѣ и свою любимую сестру, своего нѣжнаго и преданнаго друга. Она съ какою то радостью стремится умереть. „Какъ смерть моего ангела-сестры меня примирила со смертью вообще, говоритъ она, она стала для меня менѣе таинственной и гораздо менѣе чуждой чѣмъ жизнь“.

„Я только что сдѣлала прелестную прогулку въ 5 часовъ утра, совершенно одна, пишетъ она въ началѣ іюня 1823 г. въ Camby [1]), черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти сестры, мнѣ казалось, что гуляя, я могу зайти невѣдомо куда, гдѣ мнѣ будетъ хорошо. Въ настоящее время нѣтъ мѣста, гдѣ бы я чувствовала себя хорошо, кромѣ могилы моей сестры! Тамъ мое будущее, котораго я не боюсь! будущее, которое неотвратимо, и которое я буду чувствовать все время, пока я существую!

Каково будетъ будущее дѣтей? Я имѣю основаніе опасаться за него, спокойствіе въ этомъ отношеніи для меня немыслимо!

Небо стало теперь для меня какъ бы домомъ, обитаемымъ любимыми существами, но въ который я не знаю, когда я войду. Тамъ я найду тогда мою сестру“.

Свѣтлана не проситъ себѣ у Бога долгой жизни, и какъ бы предугадывая свою раннюю кончину, подчеркиваетъ послѣднія строки французскаго стихотворенія:

[1]) Имѣніе бар. Кнорринга, гдѣ лѣтомъ жила Воейкова.

Ma vie est un orage affreux,
Qui ne peut être un longue orage [1])

Словами другого французскаго писателя она говоритъ далѣе: „Въ самомъ дѣлѣ, для чего желать долгой жизни? Что можно получить отъ нея, развѣ только исчерпать до конца удары существованія и испытать въ полномъ объемѣ всѣ горести, которыя составляютъ удѣлъ человѣчества“.

Въ чемъ же находила себѣ утѣшеніе бѣдная Свѣтлана, что скрашивало хотя немного ея тяжелую и безпросвѣтную жизнь, кромѣ религіи и молитвы, которыми она хотѣла замѣнить себѣ счастье?

Съ одной стороны, какъ мы видѣли выше, она заинтересовалась вопросами литературы, поэзіи и искусства, много читала и любила разсуждать на тему прочитаннаго со своими друзьями, съ другой стороны ея радостью въ жизни были дѣти, заботы объ ихъ воспитаніи и здоровьѣ.

„Занятія съ моими дѣтьми, моя единственная, реальная рарость“, сознавалась Саша и, молила Бога позаботиться о судьбѣ ея дѣтей, быть ихъ Отцомъ и поддержать ихъ физическое и моральное существованіе.

Она хочетъ постараться сдѣлать юность своихъ дочерей счастливой, хотя саманоситъ „въ душѣ страхъ за ихъ будущее“.

Но истиннымъ утѣшеніемъ для души Свѣтланы была та свѣтлая дружба, которую она нашла среди окружающихъ ее лицъ. Дружбу цѣнила Свѣтлана съ дѣтства выше всего на свѣтѣ и ставила ее всегда неизмѣримо выше любви.

Альбомы ея полны выписокъ въ прозѣ и стихахъ о цѣнности дружбы, о ея значеніи и утѣшеніи въ жизни. И съ этой стороны она могла быть вполнѣ удовлетворена, имѣя такихъ друзей, какъ Жуковскій, Перовскій и Тургеневъ.

„Ничто такъ не тяжело, писала она, какъ чувствовать себя безполезной людямъ, которыхъ любишь больше всего! Сознавать, что не можешь ничего сдѣлатъ для ихъ радости, не говоря уже о счастьи! Это всегда было наиболѣе тягостной стороной моей судьбы! Я не могу сказать себѣ: въ жизни много прекраснаго и безъ счастья — но отъ друзей, ни кому столько прекраснаго не бываетъ, какъ мнѣ; и это прекрасное еще лучше собственнаго — милѣе“.

„Человѣкъ безъ друзей, записываетъ она изреченіе нѣмецкаго писателя, все равно что лѣвая рука безъ правой“.

[1]) Моя жизнь — ужасная буря, которая не можетъ быть продолжительна.

„Дружба! — все есть средство, она одна только цѣль!“

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ, конечно, Жуковскій, къ которому такъ нѣжно и трогательно относилась Свѣтлана, какъ къ поэту, крестному и другу. Мы видѣли выше ея радость по поводу пріѣзда его изъ-за границы; о немъ же она писала въ альбомѣ: „сколькихъ горестей мнѣ бы не пришлось избѣгнуть, если бы Жуковскій не былъ подлѣ меня. Его добродѣтель — лучшая религія въ мірѣ!“

„Я провела утро въ разговорѣ съ Жуковскимъ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — часъ бесѣды съ нимъ возвышаетъ душу, почти до его высоты!“

„Я не могу припомнить ни одного сколько-нибудь возвышеннаго ощущенія, ни одного добродѣтельнаго дѣйствія или мысли, безъ того, чтобы къ нимъ не примѣшивалась идея о Жуковскомъ. Всѣ событія моей жизни, всѣ движенія моего сердца соединяются съ памятью о немъ. Съ тѣхъ поръ какъ я размышляю — это мой идеалъ добродѣтели и я вознаграждена его дружбою“.

Дружбою къ Перовскому Свѣтлана замѣнила свою дружбу съ Тургеневымъ, отъ котораго она, по разнымъ причинамъ, постепенно стала отдаляться. Самый характеръ отношеній перваго, чисто братскій и идеальный, привлекалъ ее болѣе, чѣмъ реальная и бурная страсть Тургенева, постепенно развившаяся изъ его поклоненія своему „Ангелу“.

1 ноября 1823 года она писала Перовскому; „Права, которыя св. крещеніе дало вамъ надъ моимъ сыномъ [1]) до такой степени успокаиваютъ меня на его счетъ, что я не могу вамъ описать. Я увѣрена, что умирая я не оставлю его одного, предоставленнаго самому себѣ. Другъ мой! приказываю его вамъ! Какъ весело думать о счастливыхъ предзнаменованіяхъ, при которыхъ онъ родился, быть такъ любимымъ и такими хорошими существами!“

„Мнѣ кажется, писала она въ другой разъ, что я люблю Андрея еще больше потому, что онъ вашъ крестникъ, потому что онъ привязанъ къ вамъ и потому что существуютъ между нами родственныя связи. Если Господь дастъ мнѣ счастье прежде покинуть эту обитель страданья, надо чтобы вы ему замѣнили мать! Какъ бы я хотѣла умереть съ этой идеей!“

„Спасибо, мой братъ, писала она ему въ томъ же 1823 году, за эти слова, разувѣряющія меня въ непостоянствѣ друзей, я увѣрена въ моемъ добромъ братѣ — и я не могу себѣ вообра-

[1]) Перовскій былъ крестнымъ отцомъ Андрея Воейкова.

зить, что бы могло перемѣнить васъ по отношенію ко мнѣ! Тѣмъ не менѣе я была ими (словами) очень тронута и повторяю ихъ съ удовольствіемъ. Горе тому, кто вѣритъ въ непостоянство дружбы, которая исчезнетъ только вмѣстѣ съ нравственнымъ чувствомъ человѣчества. Вы мои друзья, моя ходячая добродѣтель. — Вѣрю вамъ, покуда себѣ буду вѣрить. Я сознаю, что я не заслуживаю всей дружбы моихъ друзей, но я чувствую также, что я ее не недостойна! И вы мой горячо любимый братъ! Я буду достойна всегда, чтобы вы желали быть моимъ братомъ! Никто насъ не раздружитъ! Я увѣрена въ васъ, какъ и въ моемъ Жуковскомъ и обѣщаю вамъ жизнью своей стоить этой милой увѣренности, существующей въ васъ обоихъ. — Заслужу ее!" [1]).

Это письмо, этотъ настоящій дифирамбъ дружбѣ, характеризуетъ то дѣйствительное утѣшеніе, которое имѣла Саша въ общеніи съ друзьями, умѣвшими утѣшать ее въ ея горестяхъ и предотвращать многія изъ нихъ, своимъ вліяніемъ на ея мужа. Мы видимъ, что въ этомъ гимнѣ Свѣтлана не удѣлила мѣста своему недавнему вѣрному другу, Тургеневу, котораго она когда то ставила рядомъ съ Жуковскимъ [2]); теперь его замѣнилъ всецѣло Перовскій. „Ты знаешь, писала она Жуковскому, что послѣ тебя всѣхъ больше ему (П — му), рада?" О своей привязанности къ Перовскому писала она и матери [3]); „Это милое твореніе ужасно дорого душѣ". „Другъ мой. что они оба для меня дѣлаютъ (Жуковскій и Перовскій) это право люди не могутъ дѣлать, а только два ангела".

Въ отношеніяхъ къ себѣ Перовскаго Свѣтлана не обманулась. Онъ дѣйствительно остался ей вѣренъ и за могилой, принимая участіе въ устройствѣ судьбы ея дѣтей, которая всегда такъ безпокоила Сашу въ связи съ предчувствіемъ ранней кончины, и боязнью оставить ихъ на рукахъ порочнаго и жестокаго отца.

На отношеніяхъ Саши къ Тургеневу приходится остановиться нѣсколько дольше.

Приведенныя выше обстоятельства перваго знакомства ихъ, а также письма Тургенева и Саши къ Жуковскому, даютъ полную возможность предположить существованіе въ нихъ обоихъ чувства взаимнаго влеченія. Отношеніе къ этому во-

---

[1]) Оба письма находятся въ выпискахъ, сдѣланныхъ Перовскимъ. Они написаны частью по французски, частью по русски.
[2]) См. выше, гл. IV, письмо 13 фев. 1821 г.
[3]) См. ч. II, письма къ Жуковскому и матери.

просу Жуковскаго, не сразу подмѣтившаго родъ чувства Тургенева, намъ уже извѣстно. Онъ мечталъ соединить ихъ узами идеальной дружбы и не могъ допустить мысли объ иномъ характерѣ ихъ отношеній; 31 января 1825 года онъ писалъ Тургеневу [1]): „пора бы твоему чувству дать иное направленіе, пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу". Онъ желалъ бы вернуть „старое время со всею его простотою, какъ мы втроемъ, ты, я и Саша еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ. Но то что у тебя въ сердцѣ, несбыточное невозможное (т. е. любовь къ Сашѣ) все будетъ портить и мы, достойные другъ друга, будемъ только рознить сами себя съ собою".

Жуковскій всѣми силами старался не допустить сближенія Тургенева съ Сашей, видя въ этомъ опасность для нея. О его поступкахъ въ этомъ направленіи не разъ упоминаетъ Тургеневъ въ приводимыхъ ниже письмахъ и глубоко терзается отношеніемъ къ нему своего лучшаго друга. Конечно, Жуковскій не опускалъ случая вліять въ этомъ смыслѣ и на Сашу, стараясь отдалить ее отъ Тургенева и покровительствуя идеальной дружбѣ съ Перовскимъ.

Глубокое сознаніе чувства долга передъ семьею, религіозность и нравственная чистота Саши помогли ей скоро справиться съ возникшимъ въ ней, было, чувствомъ. Привыкшая жертвовать собою для счастья другихъ, она и въ этомъ случаѣ сумѣла совладать съ собою быстро и безповоротно.

Она сохранила къ Тургеневу хорошія, благодарныя чувства, приписывая ему всегда долю своего умственнаго развитія, понимая вмѣстѣ съ тѣмъ и свое значеніе для него. Еще въ 1823 году она записала: „Въ продолженіи долгаго времени онъ считалъ что моя дружба была для него его жизнью; онъ наслаждался ею не замѣчая; онъ не спрашивалъ у меня ни интереса къ себѣ, ни вниманія, онъ зналъ хорошо, что говоря мнѣ о себѣ онъ говорилъ обо мнѣ: прелесть такого довѣрія можетъ вамъ все замѣнить, даже само счастье!"

А между тѣмъ серьезное чувство Тургенева къ Свѣтланѣ прогрессивно росло. Пріѣздъ Жуковскаго, котораго онъ увѣрялъ въ письмахъ въ чистотѣ чувствъ своихъ, имѣлъ слѣдствіемъ устройство совмѣстнаго житья поэта со Свѣтланой и начало ея литературныхъ и художественныхъ связей. Открытая жизнь, которую вели теперь Воейковы, дала возможность Тургеневу видать свою Свѣтлану очень часто. Въ первое время

[1]) См. Веселовскій, 241.

онъ занималъ въ ея гостиной положенiе друга, равное положенiю Жуковскаго и Перовскаго. Однако, уже вскорѣ начинаютъ возникать какiя-то недоразумѣнiя, въ которыхъ мы склонны видѣть указанное выше влiянiе Жуковскаго, выводившее Тургенева изъ себя и вызывавшее иногда рѣзкiя сцены въ присутствiи Саши. Къ этому времени, очевидно, и относятся слѣдующiя, не совсѣмъ для насъ ясныя письма, намекающiя на какiя то событiя, связанныя очевидно съ рожденiемъ Андрюши (лѣто 1822 г.), которое онъ привѣтствовалъ приведеннымъ раньше письмомъ [1]). Теперь онъ писалъ слѣдующее:

„Увѣдомь меня о здоровьѣ А. А. и малютки.—Я провелъ ужасную ночь, послѣ вчерашняго пьянства. Сдѣлай милость скажи мнѣ лучше ли ей? Никогда не имѣлъ я такой нужды и въ ея прощенiи, въ ея прежней дружбѣ и въ твоей, какъ теперь. Ночью собрался писать къ ней, но не могъ. Скажи ей, что я еще не убiйца, хотя сумашествiе и вело къ нему; но страдаю ужасно. Любовь къ ней не усмиряетъ угрызенiя совѣсти.—Неужели я ошибался въ ея сердцѣ. Теперь пришло время тебѣ говорить въ мою пользу. У меня голова разстроена; а душа ни на минуту не спокойна!!“.

„Благодарю мой милый другъ. Я началъ писать къ тебѣ и просить тебя не откладывать наше свиданiе. Я боюсь второго письма не болѣе перваго. Я не огорчу ее свиданiемъ и чѣмъ далѣе отложено будетъ, тѣмъ тягостнѣе для меня оно будетъ. Покажи ей мои записки. Я и къ ней начиналъ писать; но у меня голова, грудь и душа болитъ. Не желаю огорчать ее; но прошу вспомнить что мы хотѣли жить другъ для друга. Ей, ей. Не отъ оскорбленнаго самолюбiя; не отъ эгоизма—мой ужасный поступокъ.—Кромѣ любви, ничего не было; но къ ней присоединялось чувство отчаянiя, и вотъ источникъ изступленiй. Другого нѣтъ: ей ли меня наказывать! Кто болѣе меня страдалъ за малютку? Я и теперь страдаю и никакое будущее его—совѣсть мою не успокоитъ. Скажи ей это.

Когда она ѣдетъ? Неужели она минуту только увидитъ меня! Пусть перестанетъ смотрѣть на меня съ укоромъ, пусть опять привыкнетъ ко мнѣ по прежнему. У меня еще много нещастiя и послѣ останется. У меня цѣлая жизнь—впереди, и воспоминанiе объ обманѣ въ прошедшемъ. Я еще не отжилъ для нещастiя. Наказанiе будетъ. Жить съ мыслiю что не могъ жить для нее. Вотъ мое будущее. Что любилъ ее—и едва не убилъ ее и того, который былъ у ея сердца. Малютка

[1]) Стр. 93.

будетъ напоминать мнѣ меня въ 22-мъ году. Прошу со слезами, у ногъ ея прощенія. Пусть возвратитъ она себѣ спокойствіе; а себѣ прошу и самъ не постигаю чего. Выведите изъ этого положенія. Вотъ 16 часовъ, какъ прошу Бога усмирить мою душу. Такая безнадежность и отяготѣніе противъ себя въ сердцѣ. Неужели я долженъ еще провести этотъ день безъ нее — и зачѣмъ одно наказаніе, а не любовь, а не милость?"

„Ты меня опять не понялъ, чего я требую. — Не любви, которой она имѣть не можетъ, а требую спокойствія души, для ея же успокоенія, ибо она рано или поздно ужаснется моимъ положеніемъ и слѣдствіемъ его. — Меня оскорбила ея записка, потому что она написала, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось, изъ милости ко мнѣ. Что же развѣ я до . . . . былъ злодѣемъ и награды ея требовалъ и теперь заслужилъ. — Дѣла мои — дѣлаются для того, чтобы что нибудь дѣлать, въ ужасной пустынѣ, въ которой я живу, и чтобы не рѣзать себя и васъ двоихъ и братьевъ, коихъ все люблю, т. е. и васъ двоихъ также, какъ и ихъ. Для тебя искалъ случая сдѣлать, чтобы успокоить волненіе души моей при твоемъ взглядѣ на тебя (меня?) и отмстить тебѣ. Это черное чувство, но натуральное въ моемъ положеніи. Я не могъ еще съ нимъ разстаться, не въ силахъ былъ, ибо я не вынесъ своего нещастія, а она не помогла мнѣ вытти изъ него, ибо и она не понимала меня. Говоря ей у Карам(зиныхъ) развѣ я такъ говорилъ, что изъ словъ моихъ можно было заключить хвастовство. — Тогда бы это было преступленіе: а иначе нещастіе, болѣзнь, которую все увеличивало. — Я вамъ говорю: простите, спасите, а вы меня лѣчите прежнимъ лѣкарствомъ которое было для меня ядомъ".

Изъ дальнѣйшихъ писемъ Тургенева къ Жуковскому въ Дерптъ видны намеки на какія то „исторіи", на столкновенія съ Воейковымъ, которыя приводили бѣднаго Александра Ивановича положительно въ отчаяніе [1]).

---

[1]) Вотъ какъ разсказываетъ Гречъ объ отношеніяхъ А. Ф. къ этому вопросу: „Воейковъ торговалъ и промышлялъ не прелестями, а кротостью своей жены. Напримѣръ, пріѣдетъ Александръ Тургеневъ и идетъ по обычаю въ ея кабинетъ. Двери заперты.

— Что это? спрашиваетъ онъ у Воейкова.

— Она заперлась, отвѣчаетъ Воейковъ, — плачетъ.

— Плачетъ? О чемъ?

— Какъ о чемъ? Въ домѣ ни копейки нѣтъ, не на что обѣдать завтра. Заплачешь съ горя.

— Пусти меня къ ней.

— Не пущу, дай мнѣ 500 рублей.

— Возьми!

Отпираютъ дверь кабинета. Тургеневъ находитъ Александру Андреевну дѣйствительно въ слезахъ, но вслѣдствіе огорченій, претерпѣнныхъ ею отъ мужа".

Пріятель Воейкова, писавшій о немъ воспоминанія въ Русской Старинѣ [1]) разсказываетъ, какъ однажды Тургеневъ поправилъ локонъ у Свѣтланы и какъ взбѣшенный Воейковъ хотѣлъ вызвать Тургенева на дуэль. Уладилъ дѣло, какъ всегда, Жуковскій.

О спорѣ Воейкова съ Тургеневымъ и примиреніи ихъ снова съ помощью Жуковскаго разсказываетъ и Колбасинъ въ своихъ „Литературныхъ Характеристикахъ". Очевидно, несмотря на приведенный анекдотъ Греча, Воейковъ сильно ревновалъ жену и мучалъ ее своими сценами.

Тургеневъ же намекалъ и на сплетни, которыми „святыня наша довольно уже осквернена" и которыя, дѣйствительно, довольно упорно ходили по городу, по свидѣтельству Греча, по поводу ухаживаній Тургенева за Александрой Андреевной. „Бѣдствія ея чрезвычайны", говоритъ Тургеневъ подразумѣвая, очевидно, сцены ревности и столкновенія съ мужемъ, которыя дошли до такихъ предѣловъ, что заставили Сашу рѣшиться на отъѣздъ въ Дерптъ къ матери и сестрѣ, чтобы немного хотя поправить свое разстроенное здоровье и отдохнуть отъ мужа. Туда она предполагала выписать и дѣтей. Въ обществѣ отъѣздъ этотъ былъ понятъ, какъ окончательный разъѣздъ супруговъ, о чемъ писалъ въ своихъ запискахъ тотъ же пріятель Воейкова.

Очевидно, въ связи со всѣми этими „исторіями" и сплетнями и началось охлажденіе Саши къ Тургеневу, то равнодушіе, на которое такъ жалуется онъ въ письмахъ, упрекая ее въ томъ, что она сама раньше увѣряла его въ своей дружбѣ.

„Скажи А. А., писалъ онъ Жуковскому, чтобы она перестала на меня жаловаться кому-то ни было ни въ письмахъ, ни на словахъ. Ежеминутно ей доказываю, что никто въ этомъ мірѣ болѣе ее не любитъ; а она все слѣдуетъ разсчетамъ эгоизма, потому только для меня и убійственнаго, что это эгоизмъ и въ ея сердцѣ, въ которомъ я прежде другое видѣлъ. Я прошу ее не для себя же и давно не для себя; ибо любви моей у меня никто не отниметъ; но къ этому нещастію не надобно и безчеловѣчно привязывать другое, всю душу мою безпрестанно развращающее. Но моя честь мнѣ дорога. Я это ей доказалъ и буду доказывать, пока жизни станетъ; но для этого нужны ея подкрѣпленія; а не безпрестанныя оскорбленія. Пусть она мнѣ самому — на меня жалуется; лучшаго и понятнѣйшаго судьи не найдетъ для себя, какъ въ моемъ сердцѣ; другіе не въ правѣ

[1]) Томъ XII.

и не могутъ судить насъ. Не бѣшенство, а любовь въ моемъ сердцѣ; слѣд. опасаться ей нечево и охранять себя пріятельскимъ конвоемъ не нужно; а спасать себя въ ихъ мнѣніи — на щетъ мой — и еще менѣе ея достойно. Опять говорю: я не за себя стою; и ничего не вижу кромѣ ее и ея души. И для себя только бы душу ея спасти желалъ; но чистую и на мой щетъ, и опять не для себя, а для нее-же!

Ты знаешь, что переписка всякая съ ея стороны — подвержена опасности; даже и ея пріятельницъ. Право не за честь свою, а за душу вступаюсь. — Она измучена и душевно болѣе упадаетъ".

Всѣ уговоры Жуковскаго, приводившаго въ примѣръ свою собственную судьбу, заставившую его отказаться отъ женитьбы на любимой женщинѣ, для Тургенева были неубѣдительны. Онъ принуждалъ себя не думать о Сашѣ, не перечитывать ея писемъ, но, видимо, ему это было не подъ силу, и онъ забылъ все: и службу, и литературу, и всѣ свои дѣла, предаваясь только одному своему горю.

Его оскорбляло каждое холодное слово Свѣтланы, каждый взглядъ ея, дышащій равнодушіемъ къ нему. Даже въ обращеніи съ нимъ дѣтей ея, къ которымъ онъ былъ такъ искренно и нѣжно привязанъ, онъ чувствовалъ умышленную холодность и невнимательность. Временами онъ въ письмахъ озлобляется на свою Сашу, и грозитъ ей Божьимъ наказаніемъ въ лицѣ ея дѣтей, но сейчасъ-же съ ужасомъ раскаивается въ своихъ словахъ и молитъ ее заочно о прощеніи. Не только Жуковскій старался исцѣлить его отъ его страсти, о томъ же хлопотали и его братья, понимавшіе, что дальше продолжать эти отношенія было нельзя. Конечно Тургеневъ не могъ не сердиться на Жуковскаго за его противодѣйствіе его чувству, и изъ письма его написаннаго 13 марта 1823 г. тотчасъ послѣ возвращенія поэта изъ Дерпта, куда онъ проводилъ Сашу, видно, что давно подготовленный разрывъ между друзьями долженъ былъ наконецъ наступить. Въ рѣзкомъ и несдержанномъ письмѣ Тургеневъ обвинялъ Жуковскаго и въ предательствѣ, и въ содѣйствіи Воейкову, и въ пристрастіи къ Перовскому и объявлялъ другу „прости навсегда".

„Конечно, намъ нечево сказать новаго другъ другу; я повторю только старое; я не измѣнилъ ни любви, ни дружбѣ и не старался успокоить свою совѣсть на щетъ другого; поступки мои, дурные и хорошіе, принадлежатъ глубокому чувству; — оно есть единственный ихъ источникъ, такъ какъ и всѣхъ бѣдствій моихъ, или лучше нашихъ, настоящихъ и будущихъ.

Я ввѣрилъ тебѣ это чувство, ни одной минуты не думая о послѣдствіяхъ этой довѣренности. Какъ употребилъ ты эту довѣренность—суди самъ по послѣдствіямъ. Я могъ бы не обманывать тебя, какъ Перовскій; но и при теперешней опытности, не поступилъ бы въ отношеніи къ тебѣ иначе; ибо ввѣрилъ тебѣ только одну свою тайну, и ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ ни холодности въ минуты страданій, какой бы . . . . они не были, ни тебя содѣйствующаго Воейкову и измѣняющаго данному слову, вопреки тайному гласу совѣсти. — Пріѣздъ твой снова возмутилъ мою душу; хотя убійственное для меня равнодушіе А. А. въ Дерптѣ и даже твое не оставляло и прежде меня въ покоѣ. Что будетъ съ ея возвращеніемъ не знаю. Богъ найдетъ виноватаго. Въ отсутствіе твое еще болѣе убѣдился въ своей обязанности. Это убѣжденіе свято и ненарушимо.

Мнѣ лучше видѣть тебя съ Пер. и Вое. которому открыто все, чего онъ бы знать не долженъ былъ, ни въ какомъ случаѣ. — Есть что-то отвратительное въ твоемъ положеніи. Говорю только для того это тягостное для насъ наблюденіе, что и теперь еще прежняя связь наша для меня священна. Я бы отъ всего сердца желалъ тебѣ лучше своего нещастія, нежели тѣхъ отношеній, въ коихъ вижу тебя. Будешь ли и впередъ искать успокоенія совѣсти въ тѣхъ минутныхъ наслажденіяхъ, кои ты доставлялъ ей, такъ какъ и въ томъ, что не старался явно отчуждать отъ меня ея сердца? — Помни только, что преступники противъ совѣсти, любви и дружбы — судятся предъ другимъ судилищемъ и другими законами, нежели тѣ, которыми караютъ явныхъ нарушителей щастія и спокойствія людей. Проси у нее прощенія; я знаю, что она, при всей Ангельской добротѣ своей, не всегда прощать умѣетъ. — Я давно простилъ тебѣ и прощаю заранѣе все что бы ни случилось.

Для приличія будемъ по прежнему встрѣчаться при другихъ и у тебя. Тамъ гдѣ содѣйствіе наше нужно будетъ для другихъ — мы не перемѣнимся. Прости навѣки“.

13 Марта.

Въ одной Маріи Андреевнѣ, съ которой онъ былъ знакомъ только по перепискѣ, Тургеневъ думалъ найти себѣ поддержку, и поэтому смерть ея поразила его не меньше, чѣмъ Сашу и Жуковскаго.

Съ чувствомъ глубокой благодарности принялъ онъ ея загробный привѣтъ, листокъ съ изрѣченіями изъ Евангелія, который она завѣщала передать ему передъ смертью, вмѣстѣ съ

теплыми, дружескими словами. Смягчился онъ и къ Жуковскому, сочувствуя тяжелому горю своего давнишняго друга и забывая свое недавнее, рѣзкое и жестокое письмо.

Письма Тургенева къ Жуковскому въ Дерптъ [1]) рисуютъ намъ душевную трагедію, которую переживалъ первый въ это время.

? Марта [1823].

„Я собирался все утро писать къ тебѣ, мой милый другъ, въ этотъ святой день для меня, но твой подарокъ и ея утѣшеніе, которыя ты ошибкою ли, или нарочно приложилъ къ нему, предупредили меня. Я хотѣлъ весь этотъ день посвятить воспоминанію о ней [2]), но оно неразлучно съ мыслію и съ чувствомъ къ А. А. которое душитъ меня по сіе время и часто сильнѣе прежняго, ибо не вижу утѣшенія и надежды, а самъ безъ вѣры. Есть ли бы ты могъ видѣть сердце мое, очищенное, освященное страданіями и за нее и за себя, то ты бы пересталъ полагаться во всемъ на одно дѣйствіе времени и не имъ, а довѣренностью лечилъ меня; всякая нѣжность, или доказательство дружбы съ твоей стороны меня трогаетъ неизъяснимо, но я не могу согласить моего къ тебѣ стариннаго чувства ни съ недавнопрошедшимъ, ни съ нашимъ положеніемъ, которое какъ будто безпрестанно обновляющееся, безпрестанно мѣшаетъ мнѣ думать о тебѣ и о ней. Я не могу вздумать безъ содраганія, о ея возвращеніи. Что опять съ нами будетъ. Я ничѣмъ не могу насладиться. Чувствую ничтожность всѣхъ непріятностей по службѣ и даже неудачъ въ добрыхъ замыслахъ, но не могу возвыситься надъ бѣдствіемъ души моей, надъ сиротствомъ, въ которомъ она меня оставила. Вчера увидѣвъ дѣтей ея, я точно не зналъ, что съ собою дѣлать.—Это отчужденіе и отъ нихъ, которое вы съ такой преступною, жестокою легкостью мнѣ опредѣлили, питаетъ къ вамъ чувство [3]), котораго твоимъ сердцемъ постигнуть нельзя.—Если она во всемъ меня обманывала, естьли она могла зарѣзать меня, и забыть, что зарѣзала друга, самаго вѣрнаго, единственнаго друга своего, этимъ словомъ, и ты не долженъ оскорбляться, то она и съ дѣтьми можетъ поступить какъ съ нею и съ М. А. поступила Кат. Аѳан. [4]). Слова, сказанныя ею о дѣтяхъ глупой А. (?) гремятъ въ

[1]) Жуковскій уѣхалъ снова въ Дерптъ на похороны Маши.

[2]) Рѣчь идетъ о передачѣ Жуковскимъ Тургеневу листочка, который ему умирая, оставила Маша, съ записаннымъ ею изрѣченіемъ изъ Св. Писанія.

[3]) Очевидно, А. А. кому то выразила нежеланіе, чтобы Т. посѣщалъ въ ея отсутствіе ея дѣтей и это крайне обидѣло его.

[4]) Намекъ на запрещеніе Жуковскому жениться на Машѣ, и на бракъ Саши съ Воейковымъ.

Voici la romance de Chateaubriand, comme je l'ai dans mon recueil; j'allais vous l'envoyer quand j'ai reçu les livres, mille grace de ce que vous n'oubliez rien de ce qui peut me faire plaisir. Je desirerais bien pouvoir continuer aujourd'hui la lecture d'Egmont, mais je ne sais si je le pourrai. Combien vos vers m'ont touchée, et comme je suis desolée de ne pouvoir les lire dans l'originale — Demain je vais peut être à Zarsko Selo, et aujourd'hui je suis rentrée à 1½ du matin, de chez Mad. Mouravieff, ou j'ai beaucoup dansé, on dit que je suis fatiguée, et cela me desole! — Quel plaisir de voir Serge Tourgueneff! je ne puis encore me faire à ~~cette~~ l'idée qu'il est a Petersbourg sans eprouver beaucoup d'emotion. — J'embrasse votre charmante famille, toujours cher cousin.

Alexandrine.

Catiche embrasse avec amitié son petit modèle.

Письмо А. А. Воейковой къ И. И. Козлову.

душѣ моей. Это меня, конечно, не менѣе всего другого огорчаетъ. По нещастію я все помню, обо всемъ думаю безпрерывно, всякою минутою въ жизни вѣренъ ей душою, люблю дѣтей ея, какъ любилъ ихъ въ минуты вѣры и щастія, которыми въ присутствіи ея и ихъ наслаждался.

Случайно встрѣтилъ я глазами примѣчанія твои о батюшкѣ и о братѣ. Это меня растрогало и я всю ночь послѣ Карам(зиныхъ) провелъ съ мыслію о тебѣ и о нихъ, но я и о нихъ съ нею думалъ и чувствовалъ, и чувствуя такъ сладко, съ такою благодарностью за все любилъ ее. Она не оставила ни одного помышленія, ни одного движенія сердца, котораго бы настоящія отношенія не отравляли. Она и ты можетъ быть, не знаете, что я вѣчно живу, болѣе другихъ, душею и сердцемъ, а вы такъ безчеловѣчно со мною поступили. Судили меня какъ другія, по милой вѣтренности и легкости, и такъ легко успокоили себя на щетъ мой.

Жаловаться на нее не могу, ибо никого не люблю болѣе ея, а носить въ себѣ то чувство и встрѣчать ее безмолвное равнодушіе не въ натурѣ моей. Ты все примѣняешь меня къ себѣ и требуешь отъ меня невозможнаго[1]). — Не убьешь того, что такъ живо въ душѣ моей, а убьешь другое, чего убивать не должно, что мы должны всѣ трое хранить другъ для друга, а не осквернять легкомысліемъ и недовѣрчивостью. Святыня наша довольно уже осквернена чужими руками[2]). И ее, т. е. А. А. хранить и любить намъ должно. Не истощима нѣжность и попечительность моя о ней, но я боюсь, чтобы натура сердца моего не перемѣнилась, въ немъ и прежде гнѣздилось часто презрѣніе къ человѣчеству, но все чистое и святое слагалось моимъ чувствомъ къ ней, такъ какъ нѣкогда моею дружбою къ тебѣ и къ братьямъ, и право не знаю къ кому еще болѣе, по крайней мѣрѣ не такъ, какъ къ вамъ. Она все въ себѣ вмѣстила, все себѣ взяла — и теперь я нищій, и нищій, ограбленный другомъ, нѣжнѣйшимъ другомъ моимъ, т. е. ею. По крайней мѣрѣ такъ думалъ я, такъ увѣряла меня она сама. Что и съ нею будетъ, когда она увидитъ дѣла свои на мнѣ. Легкомысленность не всегда насъ спасаетъ.—Часто въ иступленіи своемъ говаривалъ я самъ себѣ: накажетъ ее Богъ въ дѣтяхъ. Теперь содрагаюсь самъ при этой мысли и отъ того самаго люблю ихъ еще болѣе,

[1]) Т. е. чтобы А. И., также, какъ въ свое время Жуковскій, добровольно отказался отъ своей страсти.

[2]) Очевидно, намекъ на сплетни, ходившія въ обществѣ на счетъ его отношеній къ А. А.

винюсь передъ ними, желалъ бы цѣлою жизнію, имъ посвященною загладить безумныя слова мои. Съ такою нѣжностію смотрю на нихъ, невниманіе и холодность ихъ ко мнѣ оскорбляетъ меня, какъ будто она не дѣтская. Я и забылъ благодарить тебя за книги. — Не знаю какъ смотрѣть на нихъ. Они вышли въ свѣтъ безъ моего участія, все было чуждо мнѣ: И изданіе, и ты́ въ это время. Что-то такое постылое въ душѣ. Одинъ листокъ съ Евангельскими словами влечетъ меня къ себѣ болѣе. Но и этого друга [1]) воспоминаніе — для меня отравлено послѣднимъ годомъ. И ей она нажаловалась на меня, и принудила унести въ гробъ уже не то чувство, которое она имѣла прежде и къ моей любви, и къ моему безумію, въ то время, когда была издалека моимъ Ангеломъ-утѣшителемъ. — Я не выдумываю для себя горестей, но питаю ими воображеніе и сердце, но все отравлено, все въ желчь и въ страданіе души обращается, а между тѣмъ любовь, нѣжность моя къ ней все та же, только святѣе, очищеннѣе невыразимыми и часто самыми гнусными для души страданіями. — Я увѣренъ, что тамъ она снова возвратила мнѣ свою жалость и свою дружбу — и что она скорѣе проститъ мнѣ, нежели вамъ за меня.

Еще разъ благодарю за листокъ, который на вѣки сохраню. Онъ для меня тѣмъ дороже теперь, что до всего прежняго, даже и до ея писемъ я не смѣю дотрагиваться. Я берегу себя, сколько могу, но сердца и памяти не вырвешь".

28 Апрѣля. [1823] Въ (Дерптъ).

„Я получилъ въ среду письмо твое по отправленіи уже своего....

Я почти все помню, что писалъ къ тебѣ въ послѣдній разъ и во всемъ почти раскаиваюсь, но къ нещастію помню и все, что ты отвѣчалъ мнѣ, хоть одинъ разъ прочелъ письмо твое, но оно врѣзалось въ сердце, стараюсь забыть — не могу [2]). Много несправедливаго, ужаснаго, много такого, что изъясняетъ прежнее поведеніе твое со мною иначе, нежели я понималъ его тогда. Ты мнѣ не такъ говорилъ о В., какъ написалъ ко мнѣ. Я бы не допустилъ униженія. Теперь все прошло. Оскорбленіе твое ужасное. Надобно всю дружбу мою, чтобы перенести его. Ты отнялъ у меня единственное сердце, которое ты не отдавалъ мнѣ. Сестра ея — другъ мой умеръ и она слѣдуетъ приличію. Лучше не трогать прошедшаго, вся моя

[1]) Т. е. Маріи Андреевны.
[2]) См. предыдущее письмо; отвѣтъ на него Жуковскаго неизвѣстенъ.

вѣра въ гробу. Положеніе души моей ужасное. На сумасшедшаго ты жаловался Блудову — и говорилъ ему о томъ, что бы и намъ забыть должно было. Ты истощилъ въ отношеніи ко мнѣ всѣ роды сердечнаго оскорбленія. Она также. Нѣтъ злобы въ моемъ сердцѣ. У васъ прошу о всемъ прощенія. Не могъ встрѣтить праздника безъ тоски душевной, все снилось, чтобы отравить самое святое воспоминаніе. Я о тебѣ всегда думалъ, какъ о какомъ-то утѣшеніи на всю жизнь. Теперь люблю тебя по прежнему, ибо я и тогда любилъ, когда видѣлъ и чувствовалъ твою холодность ко мнѣ, прежде всѣхъ исторій, какое то охлажденіе съ твоей стороны, но ей-ей не съ моей: доказательство тому есть то, что всегда сердечно огорчался, когда видѣлъ тебя съ другими, а не съ собою, но я все вознагражденіе и за все находилъ въ ней. Она была мнѣ всѣмъ въ мірѣ. Ее любилъ и люблю выше всего — и ужасаюсь своею противъ нее виною. Она передъ нами невинна. Бѣдствія ея чрезвычайны [1]). Есть ли бы тѣнь вины лежала на ней — она ими очищена. Намъ должно хранить ее, и не перемѣнять ежеминутно системы охраненія. Съ нею неразлучны и дѣти. Я люблю ихъ нѣжнѣйшею любовью, вижу одну ее въ нихъ. Ко всему, что было со мною присоединяется смерть нашего друга. Она переродила меня, но и съ нею ты невольнымъ образомъ и въ послѣднія минуты разлучилъ меня, хотя послѣднія слова ея ко мнѣ были исполнены дружбы неперемѣнившейся. Я нашелъ было въ ней прибѣжище съ уязвленнымъ сердцемъ моимъ, съ обманутымъ сердцемъ, и послѣднее отнято, а тебѣ жаловаться не могу, — во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни, самыхъ деликатныхъ, къ тебѣ еще прибѣгну, какъ къ другу самому вѣрному, но въ этомъ твое сердце на мое не отзывается, а что мнѣ все другое, въ сравненіи съ этимъ.

Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ, что въ хлопотахъ и съ безпрерывною помѣхою отъ приходящихъ написалъ къ тебѣ это письмо. Нужно бы иначе расположить его и яснѣе все выговорить, но хочется отвѣчать и на твое сегодня, — прочиталъ еще твои строки: „хочу чтобы ты пересталъ быть въ заблужденіи — тогда все кончено — и сердце по старому“, — въ какомъ, мой другъ, заблужденіи? — Чему кончиться должно. — Я никого не заблуждалъ, никого не обманывалъ, ни себя, ни другихъ, а ее всѣхъ меньше. Я все тотъ же, но только съ могилою Маши въ придачу.

---

[1]) Очевидно, намекъ на ея семейную жизнь и огорченія, связанныя съ ревностію мужа къ нему.

Она примирила меня съ вами, но не съ собою, т. е. не со мною. Я люблю и тебя, и А. А. по старому. — И теперь образъ ея, слова ея живы въ душѣ моей“...

Возвращеніе Саши изъ Дерпта въ Петербургъ въ концѣ 1824 года ясно показало Тургеневу, что всякая связь съ нимъ у нея была порвана.

„Увидала снова Тургенева, записала она въ альбомъ около этого времени. Онъ сдѣлалъ со мною то, что судьба сдѣлала съ Максомъ Пикколомини [1]). Это чувство, такое прекрасное въ душѣ моей. Онъ пробудилъ въ ней глубокое чувство. Я ему простила, это не было мое лучшее чувство“.

Съ Тургеневымъ она видалась теперь рѣдко, и одна изъ случайныхъ встрѣчъ въ домѣ Карамзиныхъ привела къ давно назрѣвавшей катастрофѣ и заставила кроткую Сашу рѣшиться на несвойственный ей рѣзкій поступокъ — отказъ Тургеневу отъ дома. Очевидно, при этой встрѣчѣ съ нею онъ сталъ обвинять ее въ холодности и равнодушіи къ нему, на что получилъ взаимные упреки въ эгоизмѣ, и въ томъ, что по его винѣ ея положеніе „дома ужасно“ (намекъ на новыя сцены ревности мужа). Это сознаніе, что онъ является главною причиною ея несчастій, доводило Тургенева до крайняго предѣла отчаянія и онъ умолялъ Жуковскаго увѣрить Сашу въ томъ, что онъ въ полной мѣрѣ понимаетъ ея горе и не хочетъ быть причиною его. Въ свою очередь онъ упрекалъ ее за то, что она: „ищетъ спокойствія цѣною его жизни“ и „думаетъ расчитываться съ нимъ своими несчастіями“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соглашался избѣгать ее теперь, чтобы она даже случая не имѣла встрѣтить его и просилъ, „чтобы ея Ангелъ Хранитель спасалъ ее вездѣ отъ него“.

Полное безнадежнаго отчаянія, безсвязное письмо его къ Жуковскому рисуетъ намъ ярко его душевное состояніе.

(Безъ года и числа).

„Я читалъ письмо ея и теперь мучусь раскаяніемъ, не смѣю даже роптать на Провидѣніе. Я всего лишился, не только любви ея, но и уваженія. Сдѣлалъ нещастіе всѣхъ, кого люблю больше всего на свѣтѣ: ея, братьевъ, можетъ быть и твое. Сережа, вчера ночью, по возвращеніи отъ К(арамзиныхъ), укорилъ меня за нее, я начиналъ и въ немъ видѣть, какъ въ тебѣ, палача для себя, а не друга, и съ симъ чувствомъ провелъ ночь и

[1]) Изъ Шиллеровской трагедіи „Валленштейнъ“. См. приложеніе.

проснулся. Теперь читалъ письмо ея. Я бросаюсь къ тебѣ, какъ къ другу, говорю, изливаю передъ тобою всѣ чувства мои, прошу, заклинаю тебя передать ей тоже все вѣрно, ты кажется слушаешь, но она видитъ во мнѣ совершенно противное тому, что въ моемъ сердцѣ, видитъ во мнѣ упреки ей за мое нещастіе, а я то ли тебѣ говорилъ вчера, что ты сдѣлалъ съ моимъ чувствомъ, съ моею довѣрчивостью, съ моими кровавыми просьбами заступиться за меня, умолить ее о прощеніи, представить не упреки мои, не несщастіе мое, не безчестіе, а любовь, все побеждающую. Если я вчера въ разговорѣ съ нею упомянулъ о безчестіи моемъ, то это отъ замѣшательства въ мысляхъ и отъ принужденной разсѣянности, въ которой обыкновенно говорю съ нею, когда мы не наединѣ. Гдѣ мнѣ взять силы, взять хладнокровіе, виноватъ ли я такъ много, что встрѣтивъ ее, не могу сладить съ собою [неразобрано] и исторгнуть изъ меня слова, которыхъ (сдержать) силы нѣтъ въ сердцѣ моемъ (?) Ее положеніе дома ужасное, говоритъ она. А я изгнанъ, я не долженъ быть съ нею, я виновникъ увеличившагося нещастія: гдѣ же взять силы перенести это. На что думаетъ она, что я не знаю этого? Что я не знаю, что она меня нещастнѣе? Неужели эгоизмъ мною управляетъ? Гдѣ я, когда она страдаетъ? Знаю ли, что она страдаетъ? Могу ли облегчить муку ея? — Нуженъ ли ужъ я ей [неразобрано]? Вотъ тайна моего бѣшенства, моего страданія неизъяснимаго. Я тебѣ давно ввѣрилъ ее... Развѣ не это и вчера я говорилъ тебѣ, развѣ не разсказывалъ тебѣ, что безчестіе мое для меня было и есть ничто, это ея нещастіе, мною нераздѣленное, отъ меня отторженное, есть верхъ муки моей, что я не въ силахъ переносить одинъ, ни себя, ни ея ожесточеніе противъ меня. Ты долженъ былъ передать ей всего меня, главное мое чувство, а ты передаешь свое обо мнѣ мнѣніе, ложное, убійственное; всякій разъ, думая найти облегченіе, отраду въ душевныхъ страданіяхъ, изліяніями передъ тобою всего сердца моего, думаю, что ты изобразишь меня такъ, какъ я въ лучшія, а не въ раздраженныя минуты съ тобою; и всякій разъ послѣ твоего съ нею объясненія обо мнѣ — я долженъ видѣть увеличивающееся ожесточеніе ея ко мнѣ. Когда хотя разъ подалъ ты мнѣ помощь при ней? Гдѣ успокоеніе отъ дружбы твоей? Думалъ ли быть отверженъ безпрестанно повторяемыми тобою словами: что же мнѣ дѣлать. Спасти меня, а спасти меня иначе нельзя, какъ въ ея сердцѣ, въ которомъ ты погубилъ меня, вмѣстѣ съ другими, и не желая, или не изобрѣтая средствъ къ моему спасенію въ

ея сердцѣ. Зачѣмъ она думаетъ расчитываться со мною своими несщастіями! Когда я ихъ сравнивалъ? Когда нещастія ея были не моими? Была ли минута съ тѣхъ поръ, какъ знаю ее, въ которую бы ея бѣдствіе не было вдвое, вполнѣ моими? Чувствовалъ ли за себя, за брата Сергѣя, во время его опасности, болѣе нежели за нее? И теперь не убиваетъ ли меня одна мысль, что она нещастнѣе, а я этому виною, а не раздѣляю, не плачу съ нею и ей всякой милѣе моего присутствія; я ей въ тягость. Думаетъ ли она, что перенесу, что въ силахъ перенести это нещастіе, это чувство, съ которымъ встаю и ложусь, и весь день провожу, съ которымъ, не облегченный тобою, и вчера увидѣлъ ее. Вотъ и причина и обязанность ея — простить мнѣ, плакать обо мнѣ, а не называть меня неблагодарнымъ и низкимъ эгоистомъ. — Пусть свободно и спокойно ищетъ всегда и вездѣ разсѣянія и даже спокойствія, щастіе нигдѣ не встрѣтитъ меня [неразобрано]; виноватъ ли я такъ много передъ судомъ ея сердца — которое, я надѣялся, будетъ должно судить иначе, что терзаюся, думая о своемъ положеніи. Изъ ежеминутной, болѣе года, продолжающейся муки — сколько (разъ) въ присутствіи ея вырывались у меня упреки, прозьбы; — убитый душевно, разслабленный въ головѣ и во всемъ, что давало силы стремиться къ высокому; въ минуты страшнаго одиночества — видѣла ли она меня, могла ли осудить меня за порывы, которыхъ удержать не могъ. — Эгоизмъ ли это — я не только желалъ и желаю щадить ее, — я братьевъ убѣгаю. И прошу васъ пощадить Сережу. И онъ начнетъ презирать меня, какъ она презираетъ. И онъ уже страдалецъ за меня, онъ убитъ во мнѣ и мною. — Еще разъ: прощенія прошу — изъясни ей меня, а не свое мнѣніе обо мнѣ передай ей. Будь хоть разъ, хоть въ послѣдній другомъ, а не палачемъ, а не холоднымъ истолкователемъ и обвинителемъ въ томъ, что было — и чего бы не было, естьли бы въ тебѣ была вѣра ко мнѣ, а не къ негодяямъ, которые радовались моимъ униженіямъ. — Не изливай гнѣва моего на меня. Я все еще люблю тебя, ибо прошу быть тебя моимъ заступникомъ. Не сердись и за то, что не отдѣляю тебя въ этомъ дѣлѣ отъ нее. Ближе къ сердцу братьевъ и тебя не было. Ожесточеніе къ судьбѣ удаляетъ васъ всѣхъ. [Неразобрано]. Я это тебѣ всегда толковалъ. У меня нѣтъ нещастія, кромѣ ея, а мое нещастіе, мой развратъ и ея. Она ищетъ спокойствія на щетъ мой, на щетъ моей жизни. Это отсутствіе участія, сожалѣнія, — это обвиненіе ея въ моемъ эгоизмѣ, когда такъ страдаетъ душа, а не оскорбленное самолюбіе, какъ ей

втолковали и она сама, не зная о моихъ страданіяхъ, могла думать — вотъ мое бѣдствіе; вы знали, она знала, что я боленъ душою, что я безъ помощи валяюсь и мучаюсь въ своей комнатѣ, въ ужасъ меня приводящей; вмѣсто помощи, что вы мнѣ дали. Письма ея убійственныя, ожесточенныя, и твои разсужденія, результатъ ихъ въ двухъ словахъ твоихъ: „что же мнѣ дѣлать“? Прежде спасти меня, а потомъ доказывать мнѣ, что я виноватъ. — Я самъ ежеминутно это чувствую. Самъ рву себя за свое бывшее поведеніе, но я не въ силахъ одинъ возвыситься духомъ. Я упалъ самъ въ себя отъ ея ко мнѣ равнодушія, отъ ея презрѣнія къ моимъ страданіямъ, отъ ея мнѣнія обо мнѣ — отъ всего, что слышалъ, читалъ и въ безуміи своемъ придумалъ къ своей погибели. Любовь моя возрастала вмѣстѣ съ моимъ нещастіемъ. Пусть она будетъ спокойнѣе. Пусть Ангелъ Хранитель спасаетъ вездѣ ее отъ меня. Я его же, и тебя, и всѣхъ прошу о томъ же, и всегда просилъ васъ спасти меня отъ нее же. Вы не понимали меня, а только презрѣніе оказывали къ моему бѣшенству, къ моему безумію, заглушивъ жалость къ одинокому, нераздѣленному нещастію. Согласіе въ мѣрахъ къ общему спасенію было нужно, а вы думали спасти ее, отдѣливъ отъ меня. За то, что объ ней ты думалъ, прощаю тебѣ, люблю тебя и теперь позволяю тебѣ сими словами и прошу не щадить меня. Но не развращай и ея сердца безжалостнымъ эгоизмомъ на щетъ мой. Ты проси и Бога за нее, если можешь. Я не могу, у меня все убито. Дышу къ ней любовію вѣчною, но уже для меня не живительною, а съ муками сердца неразлучною. Естьли подавлено все доброе, естьли для того хватаюсь за благія дѣла, чтобы не убивать ни себя, ни ее, то въ этомъ нѣтъ вины моей, а вина моей слабости душевной, не могущей возвыситься, сохраниться безъ ея помощи. Поцѣлуй священную ея руку за меня, и еще разъ простите моему нещастію. Я долго не могъ рѣшиться (тебя) поздравить сегодня, опасаясь напомнить о себѣ, но жестокое чувство, съ которымъ встрѣтилъ этотъ день, заставило меня опять къ тебѣ прибѣгнуть. Пусть она подумаетъ, чего она меня лишила на всю жизнь и что со мною дѣлаетъ ежеминутно и тогда, изъяснивъ вину непрерывнымъ страданіемъ проститъ ее. Утѣшилъ бы ее своимъ равнодушіемъ къ ея обращенію со мной, но это не въ силахъ моихъ, — и я не обманывалъ ее никогда и умру съ тѣмъ же чувствомъ, но съ большимъ нещастіемъ. Она требовала отъ меня чего не въ силахъ былъ выполнить, это она знала, въ этомъ и должна найти силу

къ прощенію, если въ сердцѣ ея ничто не говоритъ моему спасенію“.

„Благодарю, милый другъ, за утѣшеніе, писалъ онъ въ другомъ письмѣ. Сердцу все также тяжело, и совѣсти не легче. Я многое обдумалъ ночью. О себѣ право ни одной мысли. Первое чувство и теперь единственное: все въ жертву ей. Люблю ее неизъяснимо и люблю по прежнему и сильнѣе прежняго. Всегда желалъ ей блага — и въ ея благѣ только находилъ собственное. Ошибался, мучился, сходилъ съ ума; многова она не знала — и худо судила меня; обвиняла въ сердцѣ своемъ и я нещастливъ такъ, какъ никогда не бывалъ. Любовь спасается и спасетъ меня для нее. У ногъ ея прошу прощенія, если любовь можетъ быть виновата. Покажи ей это письмо. Къ ней писать не могу. Когда вспомню, что она сказала въ письмѣ своемъ; то право голова мутится. Буду любить и помнить ее до гроба, любилъ какъ никогда и никто ее не любилъ. Не осердись милый за это. И ты ее любишь; но отдай мнѣ одно утѣшеніе, что никто ее такъ не любилъ — и по нещастію не убилъ такъ какъ я. — Есть ли бы я не любилъ ее, то былъ бы извергъ, былъ бы достоинъ письма ея. Нещастіе и самое ужасное — не преступленіе. Прошу ее погребить чувство въ сердцѣ своемъ, — которое диктовало ей письмо. — Есть ли она не возвратитъ мнѣ прежняго мнѣнія обо мнѣ, то кто возвратитъ мнѣ спокойствіе! Поцѣлуй ея руку.

Сію минуту прислалъ Сережа въ третій разъ за (неразобрано)“.

Но нѣжныя заботы убитаго горемъ Тургенева о своемъ „Ангелѣ“ не прекратились и послѣ этого разрыва. Привязанность его къ Свѣтланѣ еще долго сохраняла свою силу, и заботы его объ ея слабомъ здоровьѣ не прекращались и заочно. Узнавъ о новой предполагаемой беременности Саши, Тургеневъ встревожился чрезвычайно, хорошо зная слабость ея силъ и понимая, какія послѣдствія можетъ имѣть для нея это положеніе. И онъ не ошибся, послѣдніе роды Александры Андреевны оказались для нея роковыми и приблизили и такъ неизбѣжную чахотку [1]).

---

[1]) Вотъ письмо его къ Жуковскому по этому поводу:
Письмо Алекс. Иван. Тург.
Tibi et igni (Тебѣ и потомъ сжечь).

Изъ нѣкоторыхъ словъ В-а заключаютъ, что А. А. будто бы снова беременна. Я не вѣрю этому. Сердце мое возмущается при одной мысли о семъ, но оно имѣетъ (неразобрано) въ совершенномъ успокоеніи. Не скрывай отъ меня ничего. Узнай отъ нея всю правду и скажи ей что болѣзнь Саши и В-а должны устрашить ее совѣсть, что она приготовитъ гибель, своею слабостію, не только дѣтямъ, но ему самому. Сдѣлай милость, дай знать скорѣе о томъ, что узнаешь. До тѣхъ поръ не

Еще трогательнѣе были два письма Александра Ивановича къ Жуковскому, написанныя имъ передъ отъѣздомъ за границу (8 іюня 1825 г.), явившимся, повидимому, отчасти слѣдствіемъ именно того невыносимаго положенія, которое создалось для него послѣ ссоры съ Воейковыми и перенесенныхъ имъ душевныхъ страданій. Письма эти показываютъ намъ всю прекрасную душу А. И., умѣвшаго искренно и преданно любить, всецѣло отдаваясь тому человѣку, который былъ ему дорогъ. Необычайно трогательна его заботливость объ Александрѣ Андреевнѣ, объ ея матеріальномъ положеніи, за которое онъ, зная расточительность Воейкова, имѣлъ полное основаніе безпокоиться, объ ея дѣтяхъ, даже о такихъ мелочахъ, какъ составленіе ея библіотеки, въ которомъ онъ, хотя заочно, хотѣлъ принять участіе, какъ выборомъ книгъ, такъ и ихъ покупкой. Конечно, все свое добро онъ хотѣлъ дѣлать втайнѣ и просилъ объ этомъ же и Жуковскаго. Портретъ Свѣтланы и ея послѣднія строки, очевидно, строки прощенія, онъ носилъ всегда на груди, и умолялъ ее и Жуковскаго забыть тяжелые для нихъ всѣхъ послѣдніе два года, и помнить только первые два, время ихъ безмятежной тройственной дружбы.

8 іюня 1825 г.

„Еще хочется поблагодарить тебя и прижать тебя къ сердцу васъ любящему. Прости мнѣ послѣдніе два года моей жизни и люби такъ, какъ бы ихъ не было. Я отравилъ навсегда жизнь мою, оскорбивъ тебя. Скажи тоже и Сашѣ. Сердце мое чисто, но страданія мои были сильнѣе меня. Пусть помнитъ она два первые года и въ нихъ одно лучшее. Скажи, чтобы она совсѣмъ простила и берегла себя для дѣтей. Обними ихъ. Говорите имъ иногда обо мнѣ. Буду думать объ васъ на гробѣ въ Дерптѣ [1]).

Прости, мой милый братъ. Еще разъ прижимаю васъ къ любящему сердцу, которое никогда не участвовало въ винѣ моей, а только страдало и вѣчно страдать и любить васъ будетъ.

Простите. Не забывайте вашего друга.

Будь ея хранителемъ. Другъ мой, не забывай меня.

За нѣсколько минутъ передъ отъѣздомъ“.

будетъ для меня ни одного мгновенія, которое не отравлено бы было ужаснымъ сомнѣніемъ. Что я теперь люблю въ ней? Одно ея благо, одно будущее благо дѣтей ея, одну чистоту ея совѣсти передъ ними. — Неужель любовь наша не заслуживаетъ отъ нея сей жертвы. Неужели. — Но хоть бы остановилась она при мысли, что онъ первый погибнетъ отъ ея слабости.

[1]) Т. е. на могилѣ М. А. Мойеръ, умершей въ 1823 г.

29 іюня 1825 г.

„Второе завѣщаніе Жуковскому, которое, вѣроятно, онъ также будетъ беречь, какъ и первое.

Естьли А. А. (Воейкова) останется въ томъ же положеніи относительно финансовъ ея какъ теперь, то она можетъ обойтись безъ новыхъ расходовъ, по крайней мѣрѣ пока дѣти не подрастутъ. Естьли же обстоятельства ея перемѣнятся, или деревенскіе доходы приходить не будутъ, или для воспитанія дѣтей потребуется сумма, превышающая доходы А. А., то прошу Жуковскаго меня о семъ увѣдомить, дабы я могъ немедленно назначить откуда и сколько онъ можетъ получить на расходы для А. А.: это останется вѣчною тайною между нами. Никто о семъ знать не долженъ, по многимъ причинамъ, но главная та, чтобы сохранить неприкосновенною прелесть и сладость исключительной дружбы между нами тремя, которая для меня была и будетъ какимъ-то священнымъ и горькимъ утѣшеніемъ, естьли уже и не можетъ быть, какъ бы желало сердце, цѣлію жизни, для васъ давно уже безплодной, слѣдовательно и для меня почти несносной. Жуковскій долженъ думать о составленіи для А. А. библіотеки, не большой, но избранной и необходимой какъ для собственнаго ея употребленія, такъ и для дѣтей ея. Онъ долженъ увѣдомить меня о выборѣ книгъ, который онъ для сего сдѣлаетъ. Я бы постарался сперва самыя нужныя, а потомъ мало по малу — и всѣ другія имъ назначенныя доставить ему. Сіи книги будутъ собственностію А. А. и дѣтей ея, но я бы желалъ нѣкоторое время сохранить право собственности, только для того, чтобы она могла имѣть справедливую причину отказывать другимъ въ раздачѣ книгъ и сохранить ихъ отъ растраты, ибо скорѣе скупца Мольерова можно сдѣлать щедрымъ, чѣмъ удержать А. А. отъ раздачи ей принадлежащаго.

Я не пишу ни слова о томъ, чего я и выговорить ни въ силахъ, но ты долженъ понимать меня и безъ словъ моихъ, иначе истинная разлука наша начнется съ того времени, когда узнаю о твоемъ равнодушіи къ жизни и къ дружбѣ моей — время ничего не перемѣнило, и не перемѣнитъ".

„6-го Іюля. Теперь прибавлю только, что послѣднія строки А. А. вѣчно останутся на груди моей, вмѣстѣ съ ея изображеніемъ, впрочемъ ея недостойнымъ. Естьли со временемъ обстоятельства опять сблизятъ меня съ нею, жизнь наша можетъ еще продлиться и бытіе мое не будетъ для нея безполезнымъ, то я, воспользовавшись бѣдственнымъ опытомъ, сохраню только

то чувство, которое переживетъ меня. — До конца жизни буду любить васъ и дѣтей ея. — Не забудьте и вы меня въ вашемъ братскомъ кругу. Не помню, что говорю, но вы меня поймете".

Впрочемъ, путешествіе за границу, съ его новыми впечатлѣніями и переживаніями, которыя такъ подробно описалъ намъ Александръ Ивановичъ въ своемъ дневникѣ, повидимому, довольно быстро исцѣлило его отъ его страсти.

Упоминаній о Сашѣ въ этомъ интимномъ дневникѣ довольно мало, и всѣ они крайне отрывочны и кратки, при чемъ называетъ Тургеневъ ее вездѣ холодно по фамиліи, забывая свои прежнія ласковыя названія, которыми онъ осыпалъ своего „ангела". Переписка, однако, между ними существовала, и о безпокойствѣ по этому поводу Жуковскаго, снова испугавшагося за чувство Тургенева, намъ придется еще говорить ниже.

М. А. Мойеръ. Рисунокъ карандашемъ А. А. Воейковой, 1823 г.

Глава VIII.

Смерть Маши. — Впечатлѣніе Свѣтланы. — Жизнь въ Camby. — Снова Петербургъ. — Встрѣчи съ императоромъ. Снова семейныя сцены. Отъѣздъ Жуковскаго и письма къ нему. - Матеріальные недостатки. Рожденіе дочери. — Болѣзнь. — Отъѣздъ въ Берлинъ.

Спокойствіе, возникшее въ семьѣ Воейковыхъ съ переселеніемъ въ Петербургъ, какъ мы видѣли уже, продолжалось недолго. Поведеніе Воейкова, хотя и сдерживаемаго Жуковскимъ и Перовскимъ, скоро сдѣлало жизнь Саши невыносимой, и всѣ эти непріятности совершенно расшатали ея и безъ того слабое здоровье. Съ помощью тѣхъ же друзей ей удалось уѣхать съ Жуковскимъ въ Дерптъ къ матери и любимой сестрѣ, чтобы тамъ хотя немного отдохнуть отъ мужа и поправить свое здоровье. Здѣсь постигъ ее новый ударъ, неожиданная смерть Маріи Андреевны Мойеръ, послѣдовавшая послѣ неудачныхъ родовъ, 17 марта 1823 года. Отчаянію Саши не было предѣла. Она вмѣстѣ съ Жуковскимъ безутѣшно оплакивала своего обожаемаго друга-сестру и еще ближе сдружилась со своимъ крестнымъ, соединенная съ нимъ однимъ общимъ горемъ. Жуковскій писалъ вскорѣ послѣ похоронъ Маши Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской, описывая ей смерть ихъ друга, и сообщалъ что „Сашѣ Богъ далъ силъ и ея здоровье не потерпѣло. Можно сказать, что у ней на рукахъ ея спаситель; она кормитъ своего малютку“ (Андрея, родившагося 16 іюля 1822 г.).

Сама Саша писала Кирѣевской слѣдующія отчаянныя строки! „Ахъ Дуняша! Все кончено! Все прекрасное изъ жизни вонъ! Будущее такъ ужасно! Боже мой сжалься! Катичка здорова. Мойеръ тоже. Для меня все кончилось, что я могла называть счастьемъ и спокойствіемъ. Не знаю что еще со мною будетъ!“ [1]).

Черезъ нѣсколько дней она писала ей же, очевидно, посылая переписанное ею письмо Маши:

„Мой ангелъ! Не могу нонче писать къ тебѣ, потому что не смѣю тою же рукою сама къ тебѣ писать, которой пе-

[1]) См. „Утк. Сборн.“, стр. 38.

реписала Машино письмо. Береги свою жизнь! Хотя немного времени поживи, чтобы о ней достойно плакать! И въ этомъ есть что то похожее на наслажденіе! Это одно прекрасное, что намъ въ жизни осталось безъ счастья, безъ Маши! Другъ мой! Найдетъ ли тебя письмо съ нами? Не съ Машей ли и ты? Боже мой! Дай хоть разъ Дуняшу увидать. Прощай!"

Зная нѣжную привязанность Саши къ сестрѣ, которую она когда-то такъ вѣрно и восторженно характеризовала [1]), мы можемъ себѣ вообразить тотъ ударъ, который испытала она, не видавшая и безъ того въ жизни ничего, кромѣ горя. Приведенныя нами выше [2]) записи ея въ альбомъ этого времени свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ разочарованіи въ жизни, которое охватило теперь всегда веселую Свѣтлану. Она не только не боится смерти, она желаетъ ее, чтобы соединиться тамъ со своимъ „ангеломъ-сестрою", воспоминаніе о которой, по ея поэтическому выраженію, она чувствуетъ, какъ нѣжный ароматъ прекрасной розы [3]).

На лѣто 1823 года Саша со своими дѣтьми, матерью и сироткой Катей, которая, по словамъ Жуковскаго, привязалась къ ней какъ къ родной матери, поселилась въ имѣніи бар. Кнорринга, Camby, Лифляндской губерніи, гдѣ она, несмотря на свое новое горе, отдыхала вполнѣ душой отъ своихъ семейныхъ непріятностей. Она сама говоритъ въ письмахъ къ Козлову о спокойствіи своей жизни среди красивой природы. Здѣсь утѣшалась она своими дѣтьми, занималась литературой, вдохновляла и наставляла Языкова, много читала и размышляла и усиленно переписывалась съ Жуковскимъ и Перовскимъ, изъ которыхъ первый не разъ наѣзжалъ къ ней изъ Петербурга и среди дачныхъ развлеченій занимался рисованіемъ и гравированіемъ Лифляндскихъ видовъ.

Вѣроятно, объ этомъ времени записала Свѣтлана:

„Все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону. Я должна признаться, что я никогда такъ плодотворно не пользовалась своимъ временемъ. Я много читала и размышляла, даже среди своего горя. Я имѣла дни, которыми была довольна. Люди впрочемъ тутъ не принимали участія, я сама себѣ доставляла это удовольствіе, пользуясь дружбой К. [4]); ея довѣріе и ея нѣж-

[1]) См. выше, стр. 73.
[2]) См. выше, стр. 117.
[3]) Выписки Перовскаго, см. приложеніе.
[4]) Очевидно, Катя Мойеръ.

ныя отношенія ко мнѣ увеличиваются съ каждымъ днемъ! Это еще большое счастье!"

Объ этой послѣдней въ ея жизни счастливой эпохѣ она вспоминала и позднѣе, будучи за границей, какъ о чемъ-то свѣтломъ радостномъ и прекрасномъ.

Съ начала 1824 года мы уже снова видимъ Свѣтлану въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ мужемъ, который около этого времени сломалъ себѣ ногу и довольно долго пролежалъ въ постели, оставшись на всю жизнь хромымъ [1]).

Здѣсь она снова возобновила свои литературныя связи и знакомства и снова ея гостиная наполнилась толпою новыхъ и старыхъ ея поклонниковъ. Возобновила она свои занятія и по участію въ журналахъ мужа, который издавалъ теперь „Новости литературы".

Лѣто этого года Саша провела съ дѣтьми въ Царскомъ Селѣ, куда занятой Воейковъ наѣзжалъ только изрѣдка.

Здѣсь Александра Андреевна снова сблизилась съ Дворомъ, который всегда благоволилъ къ ней, и подолгу проводила время въ паркѣ въ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ, обаяніе котораго производило на нее всегда неотразимое впечатлѣніе. Вотъ рядъ ея замѣтокъ объ этихъ встрѣчахъ [2]).

25 май (1824 г.) „Гуляя съ Катишь встрѣтила императора, болтала съ нимъ, онъ поцѣловалъ мою руку".

17 іюня. „Видѣла императора въ паркѣ. Подъ какимъ новымъ обликомъ предсталъ онъ мнѣ сегодня. Несчастный, мучимый опасеніями потерять ту, кого онъ любитъ больше всего на свѣтѣ! Мое сердце разрывалось на части! И не осмѣлиться даже дать ему понять, что его страданье есть пытка для меня! что я знаю, почему онъ печаленъ! Какъ многообразно можетъ мучить горе любящую душу! Софія [3]) умираетъ въ 18 лѣтъ, не знавши горя и не причинивши его никому, кромѣ того горя, которое принесетъ ея кончина; любимая такимъ отцемъ! съ мыслью, что ея жизнь могла бы быть счастливой, что она могла бы принадлежать человѣку по своему выбору! Она была сама добродѣтель! Съ душою и чертами Ангела! Отнялъ ли Богъ у нея жизнь, чтобы избавить ее отъ страданій, или это Немезида для ея несчастнаго отца?!

[1]) См. „Р. С." XII 575.

[2]) Выписки Перовскаго.

[3]) Софія, побочная дочь имп. Александра I отъ Маріи Антоновны Нарышкиной, рожд. кн. Четвертинской. Умерла отъ чахотки.

Будущее кажется всегда покрытымъ тучами, и моя душа бываетъ всегда тѣмъ болѣе смущена, чѣмъ болѣе я чувствую привязанность".

3 іюля. „Встрѣтила императора въ паркѣ, говорили о Софіи, много плакалъ, дорогой императоръ! Болѣе тронута и болѣе привязана къ нему, чѣмъ когда либо. Молюсь, чтобы Богъ его сдѣлалъ не счастливымъ, но покойнымъ" (non heureux, mais parfait).

Въ этихъ трогательныхъ и теплыхъ словахъ участія къ страдающему императору во всей своей красотѣ видна прекрасная душа нѣжной Свѣтланы, горькимъ опытомъ научившейся понимать чужое горе и искренно ему сочувствовать.

О личности императора Александра Свѣтлана отзывалась всегда крайне восторженно, не разъ помѣщая въ своихъ альбомахъ отзывы о немъ и замѣтки.

„Обаяніе, которымъ онъ обладаетъ, говоритъ она, неописуемо! Его ротъ очарователенъ, его манера говорить удивительно интересна! Если онъ говоритъ bonjour, то чувствуется, что онъ искренно желаетъ Вамъ добраго дня" [1]).

На первой страницѣ одного изъ альбомовъ ею тщательно наклеенъ маленькій гравированный портретъ императора.

Очень привязана была Саша и къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, будущей императрицѣ, весьма благоволившей къ ней. „Видѣла мою дорогую великую княгиню, замѣчаетъ Саша, мой прекрасный идеалъ".

Но близкая ко Двору, Свѣтлана не извлекала для себя изъ этого никакихъ выгодъ и осталась навсегда чуждой придворнымъ сплетнямъ и интригамъ. Придворную льстивость и низкопоклонство она осудила въ своей замѣткѣ объ Уваровѣ, который, по ея словамъ, не замѣчалъ ее до тѣхъ поръ, пока императоръ не привѣтствовалъ ее по имени въ его присутствіи. Послѣ этого обращеніе Уварова съ нею сразу измѣнилось. Замѣтка по этому поводу сопровождается разсужденіемъ о нравахъ придворныхъ вообще.

Свѣтлана была часто приглашаема на придворные балы и празднества, и нерѣдко самъ императоръ танцовалъ съ нею „польскій", а великая княгиня удостаивала ее разговорами по два и по три часа въ вечеръ, какъ объ этомъ писалъ Воейковъ, тщеславію котораго весьма льстили придворныя связи жены [2]).

[1]) Все это выписки Перовскаго.
[2]) См. его письмо къ кн. Волконской отъ 5 авг. 1825 г. въ Щукинск. Сборн., V.

Нѣсколько позднѣе Свѣтлана записала о проектѣ воспитанія ея дочери Кати вмѣстѣ съ великими княжнами, почему-то не осуществившемся [1]).

Съ началомъ осени Саша переѣхала въ Петербургъ и для нея снова началась тягость ежедневныхъ свиданій съ мужемъ, усугубленное отсутствіемъ Жуковскаго, который теперь жилъ отдѣльно отъ нея.

Долгая болѣзнь Воейкова еще болѣе повліяла въ дурную сторону на его безъ того желчный характеръ. Обращеніе его съ женой и дѣтьми стало хуже обыкновеннаго и бѣдная Свѣтлана чувствовала себя дома совершенно одинокой и чужой.

19 декабря: „Я сдѣлалась чрезвычайно молчалива дома, потому что во всемъ, вплоть до фасона моего платья или манеры ѣсть мой хлѣбъ, В. (Воейковъ), Софья [2]) и миссъ П. [3]) даютъ мнѣ уроки и дѣлаютъ замѣчанія по два часа, если я имъ не слѣдую. Когда мы достигли извѣстнаго возраста, надо чтобы лицо, берущее на себя давать намъ уроки, было значительно выше насъ, для того чтобы его совѣты производили иное впечатлѣніе, кромѣ скуки, или желанія надсмѣяться.

NB. Буду помнить объ урокахъ сегодняшняго утра, если меня обуяетъ желаніе давать совѣты“.

Мы видимъ, въ какое унизительное положеніе ставилъ безвольную Сашу Воейковъ, заставляя ее выслушивать замѣчанія даже отъ наемныхъ лицъ.

Присутствіемъ постороннихъ Воейковъ вообще стѣсняться не умѣлъ, и тотъ же Гречъ разсказываетъ намъ о случаѣ возмутительно-циничной выходки его по отношенію къ женѣ, доведшей ее до слезъ и истерики при постороннихъ. Не помѣшало этому случаю и присутствіе Жуковскаго [4]).

А между тѣмъ, терзая жену Воейковъ дѣлалъ видъ, что онъ ее любитъ, и нерѣдко упоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ Перевощикову [5]), Маркевичу и др. Въ этомъ

[1]) 10 авг. 1824 Joukoffsky m'a parlé du projet de La Genlis (графини Блудовой) de proposer ma fille comme compagne d'éducation à la petite G. D.

[2]) Неизвѣстное лицо, можетъ быть экономка, о которой Саша записала еще разъ слѣдующее: 23 сентября она пишетъ: „Рѣшилась поговорить съ Софьей, по поводу ея дерзостей моему мужу. Въ сердцѣ всегда есть гордость, мѣшающая просить у людей, которыхъ мы презираемъ, то малое счастье, что они могутъ намъ дать, и предпочитающая лучше терпѣть отъ нихъ муки, чѣмъ быть имъ чѣмъ либо обязанными“. Въ письмахъ дѣтей къ отцу съ разсказами о смерти матери, упоминается о какой-то Софіи Нейманъ, о которой Саша вспоминала передъ смертью. См. ч. II.

[3]) Миссъ Паришь, гувернантка дѣтей.

[4]) См. Зап. Греча, стр. 494.

[5]) В. М. Перевощиковъ, преемникъ его въ Дерптскомъ университетѣ.

же были убѣждены и нѣкоторые друзья его, которыхъ, впрочемъ, у него было немного [1]).

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщены замѣтки его пріятеля, въ которыхъ тотъ увѣряетъ, что Воейковъ пламенно любилъ Сашу и писалъ о ней въ своемъ дневникѣ: „О радость, о восторгъ, сегодня я получилъ письмо отъ Сашеньки, и такое милое“ [2]).

Конечно, во всемъ этомъ болѣе лицемѣрія и рисовки, и въ его любовь намъ вѣрить трудно, однако сама Александра Андреевна записала въ альбомѣ своемъ слѣдующія слова мужа:

„Я тебя увѣряю, что я былъ очень счастливъ все время моего супружества“. „Это меня сперва разсмѣшило, прибавляетъ она, а затѣмъ порадовало; это паспортъ на тотъ свѣтъ, такъ какъ кромѣ всего, я живу на этомъ свѣтѣ для воспитанія своей души, а не для моего счастья, и если воспитатель даетъ хорошій аттестатъ, Отецъ встрѣчаетъ ребенка съ одобреніемъ! конфекты послѣдуютъ за урокомъ! Правда, что эти немногія слова доказываютъ, что урокъ будетъ всегда суровымъ, что ничего нельзя отъ него ожидать! Я знала, впрочемъ, что онъ бывалъ несчастенъ только тогда, когда онъ этого очень желалъ“ [3]).

Несомнѣнно къ нему же относятся и ея слѣдующія слова: (1823) „Какая странная связь съ человѣкомъ, котораго опасаешься. Я не знаю, что ему сказать, какъ говорить. Вѣрить ему, какъ прежде — невозможно! Показывать ему презрѣніе — я боюсь сдѣлать ему непріятное, его обидѣть. И въ силу необходимости взвѣшивать слова, я остаюсь сосредоточена, мнѣ кажется, что я боюсь даже чувствовать въ его присутствіи, и я останавливаю свое дыханіе, такъ какъ я не имѣю вѣры въ него [4])“.

Это время было расцвѣтомъ журнальной дѣятельности Воейкова, издававшаго „Русскій Инвалидъ“, „Новости Литературы“ и „Литературныя прибавленія“. Первый давалъ ему (въ 1824 г.) до 73 тысячъ ассигнаціями дохода; въ „Новостяхъ Литературы“ участвовали Пушкинъ, Жуковскій, Дельвигъ, Вяземскій и другіе лучшіе литераторы того времени. Свѣтлана, по-старому, помогала своимъ трудомъ и во время частыхъ отъѣздовъ въ Дерптъ старалась привозить мужу новые стихи Языкова, который осо-

---

[1]) „Р. Ст.“ XII, 575 и „Современникъ“ 1853 г., № 12.
[2]) „Р. Ст.“ XII, 575.
[3]) Выписки Перовскаго.
[4]) Тамъ же.

бенно много ей написалъ въ альбомъ въ 1825 году. Но низость характера Воейкова и его дурная слава не дѣлали популярными его изданія, съ каждымъ годомъ терявшія число своихъ подписчиковъ. Доносы и извѣты его на Булгарина и Греча, всевозможные пасквили, которыми онъ наполнялъ страницы своихъ журналовъ, оттолкнули скоро отъ него всѣхъ порядочныхъ людей, а съ 1827 г. у него предположено было отнять и право на изданіе „Русскаго Инвалида“, какъ газеты официальной [1]). Боязнь потери имъ главнаго источника дохода, вызвала его лицемѣрныя сѣтованія на судьбу и неискреннія слезы за будущее своихъ дѣтей и жены. Н. А. Полевому онъ писалъ 3 января 1827 г. о своемъ горѣ, прося его рекламировать его новое изданіе „Слявянинъ“:

„Если я не имѣю права на ваше состраданіе, что жена моя, родная племянница Карамзина и Жуковскаго, то ребятишки мои, родные внуки великаго нашего исторіографа и славнаго пѣснопѣвца, имѣютъ право полное на ваше пособіе [2]).

Къ сожалѣнію, дневники Воейкова, о существованіи которыхъ знали современники, „Мои поденныя замѣтки“, „Памятныя книжки“, и „Книга хваленій или Псалтирь на россійскомъ языкѣ“, не сохранились для потомства. Среди тьмы лжи, ханжества и лицемѣрія, мы могли бы всетаки найти въ нихъ цѣнные факты и черты его характера и его времени.

Въ связи со слухами объ отнятіи отъ Воейкова официальнаго изданія, начались его хлопоты объ мѣстѣ директора Царскосельскаго Лицея, которыя, впрочемъ, не привели къ положительному результату. Противодѣйствія этому проекту со стороны Тургенева и Жуковскаго особенно выводили изъ себя Воейкова и вызвали рядъ желчныхъ выходокъ въ его замѣткахъ, отрывки изъ которыхъ намъ привелъ г. Колбасинъ въ своей извѣстной книжкѣ [3]).

„Всѣ бѣгутъ, всѣ оставляютъ меня! писалъ онъ, только и нахожу отраду и поддержку въ домѣ Карамзина. Онъ одинъ, одинъ не отталкиваетъ отъ себя несчастнаго и убитаго Воейкова“. Затѣмъ онъ упоминаетъ о какомъ то „оскорбительномъ“ письмѣ отъ А. И. Тургенева, „жестокомъ“ отъ жены [4]) и „убійственномъ“ отъ Жуковскаго. По поводу перваго онъ замѣчаетъ: „можно много терпѣть, но всякому терпѣнію человѣческому

[1]) Впрочемъ, ему все-таки удалось оставить за собой это изданіе до самой своей смерти, до 1839 г.
[2]) „Р. С.“ 1886 г., 556.
[3]) „Литературные дѣятели прежняго времени“. Спб. 1859 г.
[4]) Вѣроятно, изъ Дерпта.

есть границы. Кто не объявляетъ своего права на опекунство надо мной? Кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже подкрѣпи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе"!

Зима 1825—26 г.г. не принесла Сашѣ успокоенія. Разрывъ съ Тургеневымъ не могъ не повліять на ея нѣжную душу, потрясенную къ тому же декабрьскими событіями и огорченную смертью императора Александра I.

Вмѣстѣ со всѣмъ Петербургомъ она пережила много тревожныхъ дней, безпокоясь не столько за себя, сколько за своихъ дѣтей и ихъ будущее. Воейковъ писалъ объ этомъ Перевощикову: „многіе изъ насъ, даже моя терпѣливая, полная надежды на Бога и вѣры въ Бога Александра Андреевна сказали: „Il n'y a pas d'avenir pour nos enfants" (Нѣтъ болѣе будущаго для нашихъ дѣтей).

Все это вмѣстѣ съ отъѣздомъ Жуковскаго за границу, окончательною ссорою съ Тургеневымъ и смертью Карамзина, не могло не повліять сильнѣйшимъ образомъ на настроеніе Свѣтланы, оставшейся теперь почти одинокою, съ однимъ Перовскимъ около себя, который также скоро долженъ былъ уѣхать въ Италію лѣчиться. Въ письмѣ къ матери отъ 10 августа 1826 года, она отъ полноты души скорбной и печальной восклицала: „но я на свѣтѣ не для радости и счастья!" Козлову она тогда же жаловалась, какъ новыя несчастья все прибавляютъ вѣсу тяжести, лежащей на ея душѣ, и горько иронизировала надъ своими неудачами, надъ которыми она собиралась смѣяться въ будущей жизни [1]).

Высоко поэтичны ея грустныя письма вслѣдъ уѣхавшему другу Жуковскому. Ихъ надо перечесть въ оригиналѣ не одинъ разъ [2]), чтобы понять и оцѣнить всю красоту и поэзію лучезарной души Свѣтланы. Саша проявляетъ въ нихъ много нѣжности къ своему „несравненному", „безподобному Жучку", говоря, что „въ ея жизни прекрасное безъ счастья (выраженіе Жуковскаго)", это именно ея друзья, и въ частности онъ, котораго она любитъ „какъ все, что есть прекраснаго въ свѣтѣ и душѣ". Чрезвычайно трогательны ея прощанья въ письмахъ, въ которыхъ она высказываетъ всю свою привязанность къ другу. „Будь Богомъ хранимъ для моего счастья", говоритъ она въ одномъ письмѣ, „Прощай душа! Милый! Христосъ съ тобой! Будь Богомъ хранимъ и возвратись здоровый", восклицаетъ она въ другомъ.

[1]) См. письма къ Козлову, ч. II.
[2]) Они написаны частью по русски, частью по франц. См. ч. II.

Въ письмахъ она разсказывала Жуковскому о своей жизни въ Царскомъ Селѣ, о свиданіяхъ съ молодымъ императоромъ, о долгихъ бесѣдахъ съ нимъ и съ новой царицею, которую она такъ любила и у которой часто обѣдала запросто, со всѣми дѣтьми. Она разсказывала Жуковскому, какъ его любитъ Наслѣдникъ и всѣ царскія дѣти, всегда съ радостью вспоминающія о немъ. Вообще, описанію придворнаго быта она удѣляла довольно много мѣста, разсказывая мельчайшія подробности о своихъ посѣщеніяхъ дворца, описывала коронацію Николая I и т. п., зная, что все это можетъ интересовать ея крестнаго.

Описывала она ему и свои собственныя чувства, въ связи съ приближеніемъ родовъ, весьма сдержанно сообщая о состояніи своего здоровья, которое въ то время было уже очень слабо.

18 іюля 1826 г. Воейковъ писалъ Перевощикову изъ Царскаго Села: „Моя Александра Андреевна часто хвораетъ. Въ началѣ іюля сдѣлала тяжкую болѣзнь, а въ іюлѣ даже опасную. Теперь опять какъ будто ни въ чемъ не бывало: румяна и весела и рѣзва и неосторожна и издерживаетъ свое здоровье, какъ мотъ деньги". Послѣдняя беременность Саши, о которой съ такой тревогою узналъ Тургеневъ, сыграла дѣйствительно для нея роковую роль: 11 іюня 1826 года родилась у нея дочь Маша, и Свѣтлана долгое время не могла оправиться отъ болѣзни. Сильнѣйшая слабость, лишавшая ее иногда возможности ходить безъ посторонней помощи, новыя боли въ боку и груди, на которыя она жаловалась Козлову, явились грозными признаками надвигавшейся чахотки.

Еще раньше, въ письмахъ къ Козлову, она сама не разъ сообщала о своихъ болѣзняхъ, жалуясь на спазмы въ груди, боли въ спинѣ, слабость въ боку, заставлявшую ее иной разъ по недѣлямъ вылеживать въ постели. Она, впрочемъ, не обращала много вниманія на физическія боли и просила Козлова о ней не безпокоиться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ радость материнства дали ей нѣкоторое забвеніе, о которомъ она писала Жуковскому, сожалѣя объ его отсутствіи и о томъ, что онъ только крестный ея, а не мужъ, чтобы она могла быть спокойной за будущее своихъ дѣтей. Она горевала о томъ, что поэту приходилось отложить свое возвращеніе домой, по случаю болѣзни, и называла себя за это гореванье „эгоистка Свѣтлана".

Тутъ же она вспоминаетъ и о какихъ то новыхъ „фарсахъ" Воейкова по поводу кормленія новорожденной.

А „фарсы" эти стали скоро напоминать собою прежніе

скандалы дерптской эпохи. Наступившій 1827 годъ, послѣдній, на который была Воейкову оставлена аренда „Русскаго Инвалида“, совершенно подточилъ матеріальное благосостояніе семьи, особенно благодаря его мотовству.

Саша писала крестному, что она уже продала лошадей, распустила людей и сократила расходы. Даже чуткія дѣти, по своему почину отказались отъ елки, чѣмъ несказанно тронули обожавшую ихъ Свѣтлану. Отпустила она и получавшую 1000 р. въ годъ гувернантку миссъ Паришъ, которую очень цѣнила, и которую неохотно проводила въ Москву, въ семейство кн. Черкасова, взявъ съ нея обѣщаніе вернуться къ ней по первому зову [1]).

Впервые въ письмахъ къ Жуковскому мы видимъ нѣкоторую жалобу Саши на мужа, котораго она называетъ Громобоемъ и сѣтуетъ на его ссоры съ Гречемъ. А между тѣмъ, раздраженный неудачами, самолюбивый Воейковъ, конечно, вымещалъ свой гнѣвъ на женѣ, которая, вспоминая, какъ у нея было мало въ жизни счастья, начинала завидовать даже умершей сестрѣ.

„Ахъ Боже мой, писала она Жуковскому, какъ мало знали мы красивыхъ дней! и какъ сердце смущалось для грядущаго дѣтей, глядя на мое, на наше протекшее. Сколько она (Маша) настрадала въ свою жизнь прежде чѣмъ пошла на покой. А я и просить не смѣй его“ [2]).

Въ связи съ новыми волненіями, ухудшеніе ея здоровья шло прогрессивно. Саша похудѣла до неузнаваемости, кашляла не переставая по получасу и кровь горломъ шла у нея очень сильно. Самъ Воейковъ называлъ ее въ это время „еле дышущей“ [3]). Врачи Арендтъ и Штофрегенъ тревожно и настоятельно требовали ея отъѣзда въ Ниццу, на два года.

Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10 іюня [4]) 1827 года она извѣщаетъ его объ этомъ, въ первый разъ откровенно сознаваясь ему въ своей болѣзни, и прося его благословенія на отъѣздъ. Она при этомъ совершенно спокойно относится къ своему положенію, понимая вполнѣ всю его опасность.

Письмо это, очевидно, до крайности обезпокоило и взволновало Жуковскаго, уже давно подозрѣвавшаго болѣзнь Саши.

---

[1]) См. въ ч. II. Письма дѣтей къ miss Parish съ приписками самой Свѣтланы.

[2]) См. ч. II.

[3]) Письмо къ Н. Маркевичу. „Современникъ“ 1853 г., № 12.

[4]) На лѣто, изъ той же экономіи, Воейковы не поѣхали на дачу, чѣмъ была даже недовольна императрица, привыкшая встрѣчать Сашу въ Царскомъ Селѣ. (Письма дѣтей къ миссъ Паришъ, см. ч. II).

3 15 іюля 1827 года онъ изъ Эмса писалъ Козлову, что получилъ отъ Саши извѣстіе объ ея отчаянномъ состояніи и объ отъѣздѣ въ Италію. Онъ требовалъ отъ Козлова всѣхъ подробностей ея болѣзни и приговоръ докторовъ, и безпокоился о томъ, хватитъ ли у нея денегъ на дорогу. Получивши, очевидно, требуемыя извѣстія, черезъ мѣсяцъ (8 20 авг.) онъ уже радовался, что Саша ѣдетъ: „Это сохранитъ ея жизнь, писалъ онъ Козлову, если только угодно будетъ Богу. Надобно же ей имѣть нѣсколько минутъ спокойныхъ и беззаботныхъ. 2 года тихой жизни въ Италіи будутъ ей благодатными“ [1]).

Получивши согласіе Жуковскаго, Свѣтлана стала готовиться къ отъѣзду и, согласно условію, вызвала къ себѣ миссъ Паришъ. Въ началѣ іюля она съѣздила въ Дерптъ, чтобы приготовить мать къ разлукѣ съ нею, при чемъ застала ту опасно больною и лежащею въ постели [2]). Остаться долго съ матерью ей, однако, не пришлось. Доктора настаивали на немедленномъ отъѣздѣ, такъ какъ путь ей предстоялъ большой и только до Берлина, ей надо было ѣхать цѣлыхъ 17 дней, ибо по причинѣ слабости, она должна была отдыхать по ночамъ, а ѣхать только днемъ.

Передъ отъѣздомъ Свѣтлана прощалась и съ царскою семьею, при чемъ особенно подробно описывала Жуковскому свое свиданье съ императрицею [3]), которую она называла „Королевой воздуха, весны и розъ“ (La reine de l'air, du printemps et des roses). Объ этомъ свиданіи писала тогда же Жуковскому императрица, предупреждая его, чтобы онъ не пугался, увидя худобу и истощеніе бѣдной Свѣтланы [4]).

Уговорить Воейкова отпустить отъ себя свою мученицу и жертву было не легко, и едва ли бы слабая и безвольная Саша могла этого добиться безъ помощи Перовскаго. Какъ бы то ни было, отъѣздъ былъ назначенъ, и Свѣтлана писала Жуковскому, что она, несмотря на свою слабость, беретъ съ собою всѣхъ дѣтей, чтобы оставя ихъ на рукахъ бабушки и Мойера, не поставить послѣднихъ этимъ въ непріятную для нихъ необходимость имѣть сношенія съ Воейковымъ.

А онъ, какъ свидѣтельствуетъ Гречъ, сумѣлъ отравить Сашѣ и самый отъѣздъ, единственно изъ безцѣльнаго желанія сдѣлать ей непріятность, какъ бы въ отмщеніе за то, что она, наконецъ, освобождалась отъ его власти.

---

[1]) „Р. Ст.“. Письма къ Козлову.

[2]) Любопытно, что для того, чтобы уѣхать къ матери, она должна была выдумать мужу отъѣздъ въ Ревель. (См. письмо къ миссъ Паришъ).

[3]) См. ч. II. Письма къ Жуковскому.

[4]) См. „Р. А.“ 1897, I, 497.

По словамъ Греча, наканунѣ отъѣзда Саши онъ послалъ ее въ свой кабинетъ, принести листъ бумаги со своего письменнаго стола; пришедшая туда Свѣтлана нашла на столѣ написанную имъ эпитафію на ея смерть... [1]).

21 августа 1827 года Саша съ дѣтьми выѣхала въ Берлинъ, чтобы тамъ встрѣтиться съ Жуковскимъ и оттуда отправиться на югъ Франціи, гдѣ она предполагала остаться 5 лѣтъ [2]).

Вотъ что писалъ лицемѣрный Воейковъ Маркевичу по поводу ея отъѣзда, который онъ сумѣлъ сдѣлать такимъ непріятнымъ: „Вы найдете меня одинокимъ, писалъ онъ, грустнымъ отшельникомъ, еле дышущая моя жена и всѣ мои дѣти уѣхали въ чужіе края 21 августа. На долго ли? Одному Богу извѣстно. По крайней мѣрѣ на 5 лѣтъ!“

„Но не на 5 лѣтъ, прибавляетъ Маркевичъ отъ себя, Свѣтлана покинула свое отечество, не на 5 лѣтъ она простилась въ Петербургѣ, съ мужемъ и въ Берлинѣ съ дядею. Она минутной гостьей была въ раю земномъ и направила путь въ обитель небесную, въ страну вѣчной любви и вѣчнаго свиданія. Тамъ только суждено было добродѣтельному утѣшителю грустныхъ, незабвенному Жуковскому встрѣтить свою прелестную племянницу, свою восхитительную Свѣтлану“ [3]).

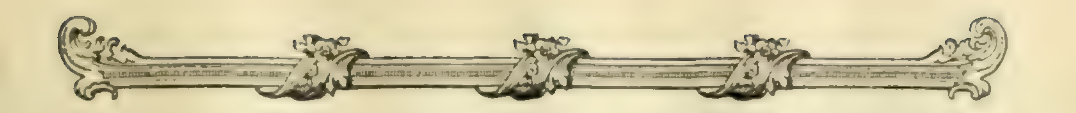

[1]) См. записки Греча, стр. 496.
[2]) Или, по другимъ извѣстіямъ, 3 года.
[3]) См. „Современникъ“ 1853 г., № 12.

Merci pour votre intérêt et soutien, mon cher et bon Cousin ! Ma santé va très bien, et j'espère demain vous demander ma chère Alinka pour la conduire au Spectacle; comme je désirerai qu'Tschinka soit aussi des nôtres. Ne pourroit-on pas obtenir cette faveur de Monsieur son maître? — De grace ne vous inquiettez pas pour ma santé, et ne vous exposez pas au mauvais tems. Vous trouverez mon billet plus mal écrit et plus decousu qu'à l'ordinaire, la faute en est à la charmante Madame Weydemeier qui me donne des distractions. Adieu, mon cher Cousin, que Dieu vous benisse. Alexandrine Woyeikoff.

Ma charmante Themire Weydemeier vous demande la permission de se présenter chez vous, un de ces jours, et je m'en fais une fête de cela.

Автографъ А. А. Воейковой, письмо къ И. И. Козлову.

Глава IX.

Путешествіе. — Дорожный дневникъ. — Берлинъ. — Свиданіе съ Жуковскимъ. — Характеръ писемъ Саши. — Болѣзнь Андрея. — Ліонъ.

Томимая тяжелыми предчувствіями, исполненная тревоги и безпокойства, не столько за себя, сколько за дѣтей, выѣхала Свѣтлана за границу 21 августа 1827 г., со всѣми своими дѣтьми, провожаемая однимъ Перовскимъ. Кромѣ четырехъ дѣтей съ ней ѣхала гувернантка miss Parish, и трое слугъ: Лиза, Лизетта и Лукьянъ. Легко себѣ представить, какъ трудно было такое путешествіе для больной и слабой Саши. Въ денежномъ отношеніи помогъ опять Жуковскій, котораго Свѣтлана извѣщала изъ-за границы часто о полученіи денегъ. Впрочемъ, видно, что деньги ей высылалъ и мужъ и Е. А. Протасова. Въ Берлинѣ Саша должна была проѣздомъ свидѣться въ послѣдній разъ съ Жуковскимъ, которому объ ея отъѣздѣ писала императрица Александра Өеодоровна: 30 августа: „предполагаю что вы увидите тамъ г-жу Воейкову, которая испугаетъ васъ своимъ ужаснымъ видомъ. Да исцѣлитъ ее Господь и сохранитъ для ея дѣтей".

Жуковскій, въ свою очередь обезпокоенный болѣзнью Саши, спѣшилъ приготовить ей полезное для ея здоровья мѣстопребываніе. О ней онъ писалъ графинѣ Генріеттѣ Разумовской въ Парижъ [1]).

„Госпожа Воейкова покидаетъ Петербургъ 22 августа. Она остановилась, согласно моимъ письмамъ, на Гіерѣ. Но докторъ Pizzati, который сопровождаетъ княгиню Волк(онскую), настаиваетъ на ея отъѣздѣ въ Ollegis, гдѣ находится княгиня, чтобы ѣхать въ Пизу. Это меня очень прельщаетъ, такъ какъ тамъ она будетъ съ вами и Алиной. Что думаете вы объ этомъ?

[1]) См. дневники Тургенева, приводящаго эти письма въ копіяхъ. Графиня Генріетта Разумовская, о которой уже не разъ здѣсь упоминалось, урожд. Мальсенъ, была женою гр. Григорія Кирилл. Разумовскаго, съ которымъ состояла въ разводѣ, сохраняя его фамилію. Жила всегда въ Парижѣ, окруженная виднѣйшими представителями литературной и ученой Франціи. Другъ семьи Тургеневыхъ и Жуковскаго. Скончалась 17 дек. 1827 года.

Александрина точное подобіе (pendant) Николая [1]). Я вамъ ее довѣряю. Я ее увижу въ Берлинѣ и оттуда напишу вамъ что будетъ для нея рѣшено“ (переводъ).

Графиня, впрочемъ, совѣтовала Жуковскому отправить Сашу въ Ниццу, гдѣ она знала примѣры излѣченія.

Жуковскій чрезвычайно огорчался болѣзнью Саши и писалъ Разумовской, что онъ не хочетъ болѣе „charme“ въ своей жизни, которая теперь, послѣ этого новаго удара, будетъ состоять исключительно изъ исполненія долга.

Выѣхавъ 21 августа изъ Петербурга, Саша пріѣхала 31 числа въ Ригу, гдѣ съ ней произошла какая-то непріятность, которую она сочла за дурное предзнаменованіе, утѣшая себя только тѣмъ, что оно случилось еще въ Россіи.

Вотъ сохранившіеся отрывки изъ ея дорожнаго дневника:

„1827. Рига 31 авг.

Жестокое разочарованіе [2]) въ Ригѣ, очень несчастна, очень грустна, радуюсь только тому что испытала это горе еще въ Россіи, а не переѣхавъ границу, это было бы слишкомъ ужасное предзнаменованіе. Я приближаюсь къ ней съ сжатымъ сердцемъ и крупными слезами, что я буду чувствовать переѣзжая ее, я замѣчу изъ суевѣрія.

6 сентября. Я ожидала эффекта, который на меня произведетъ граница, я ее переѣхала весело, въ сопровожденіи казака. — Тильзитъ — красивый городъ, также какъ и Кенигсбергъ. Огорченная тѣмъ, что не могу ходить, я въ 4-й разъ писала въ Россію.

Отъ Кенигсберга прекрасное шоссе обсаженное итальянскими тополями. Великолѣпный закатъ солнца въ Фришгафѣ. 8 сент. Маріенбургъ — очень больна, именины моей дорогой Маши. Пресвятая Дѣва, защити ее! Дѣти ходили смотрѣть развалины замка тевтонскихъ рыцарей.

Диршау, грязный маленькій городъ на рѣчкѣ Вислѣ, черезъ два рукава которой надо переѣзжать на лодкѣ. — Какъ пріятно жить съ умнымъ человѣкомъ, какъ дѣлается жизнь легка и какъ посредственность утомляетъ.

10-е. Между Deutschkrone и Ruschendorf видѣла цвѣты, которые мнѣ посылали въ Камби. [3]) — Счастье прошлаго, прекрасные дни, возвратитесь ли вы? Или передо мною будетъ только смерть.

[1]) Н. И. Тургенева.
[2]) Неизвѣстно, на что намекаетъ здѣсь Саша.
[3]) Имѣніе бар. Кноррингъ, Лифл. губ., гдѣ Воейкова жила лѣтомъ 1823 г.

11-е. Первые виноградники à Hochzeit. — ни одного живого существа на дорогѣ внѣ городовъ и деревень, не видно ни одной человѣческой фигуры на дорогахъ, самое большее если увидишь одного рабочаго на шоссе, и уже никогда двухъ или трехъ сразу. — Ночью проѣхали мостъ черезъ Одеръ, около Кюстрина, чудное звѣздное небо, колышущееся въ водѣ, очень темная ночь, прохожіе, снующіе передъ фонарями нашего экипажа. Пріѣхали на ночь въ Кюстринъ".

Лишь 12 сентября Саша добралась до Берлина, гдѣ остановилась въ гостиницѣ „Лейпцигъ", не зная, очевидно, раньше, что Жуковскій живетъ въ другой гостиницѣ. О томъ, какъ она волновалась, не имѣя возможности сразу же увидать крестнаго, который въ это время былъ въ Потсдамѣ, свидѣтельствуютъ ея двѣ записки на французскомъ языкѣ, посланныя одна вслѣдъ за другою къ нему въ гостиницу „Петербургъ".

„Я пріѣхала дорогой другъ, но нахожусь въ Hotel de Prusse [1]) и я васъ жду съ нетерпѣніемъ, пропорціональнымъ долгому отсутствію".

„Дорогой другъ! Развѣ вы еще не возвратились, или вамъ не передали моей записки? Я жду васъ съ нестерпимымъ нетерпѣніемъ".

Лишь на другой день Свѣтланѣ удалось встрѣтиться съ крестнымъ, который нашелъ ее по наружному виду не такъ плохой, какъ онъ ожидалъ, судя по письмамъ друзей и императрицы; по крайней мѣрѣ такъ онъ писалъ Тургеневу, говоря, впрочемъ, о ея сильномъ кашлѣ и боляхъ въ боку.

Императрицѣ онъ писалъ слѣдующее: [2])

„Александрина наконецъ пріѣхала 13/25 сентября. Она проведетъ здѣсь 5 или 6 дней отдохновенія. Я прошу позволенія провести съ нею это короткое время: мы разстаемся на цѣлые годы [3]). Слава Богу, я нашелъ ее лучше, чѣмъ предполагалъ. Она путешествуетъ не уставая, и повидимому переѣзды ей приносятъ пользу. Теперь тяжелая половина пути совершена, всякій день будетъ удалять ее отъ Сѣвера и приближать къ прекраснымъ, южнымъ странамъ. Несмотря на то, что я въ ней теряю свой домашній бытъ, но я отъ глубины души радуюсь, что ей удалось уѣхать. Южный воздухъ, спокойствіе,

[1]) Въ дневникѣ названъ Hotel Leipzig. Вѣроятно, двойное названіе.
[2]) „Р. А.", XII.
[3]) Жуковскій въ это время уже занималъ должность воспитателя Наслѣдника и считался въ отпуску для леченія.

которымъ она еще никогда не пользовалась, спасутъ ее. Сердце ея преисполнено милостями, которыхъ Ваше Императорское Величество ее удостоило. Она не иначе говоритъ о Васъ, какъ со слезами. Воспоминаніе о Васъ будетъ служить благодѣтельнымъ спутникомъ ея поѣздки".

Вмѣсто пяти дней, Саша пробыла въ Берлинѣ цѣлыхъ 10, оттягивая разлуку съ Жуковскимъ и заинтересовавшись жизнью новаго города.

Крестный водилъ ее и дѣтей по Берлину, показывалъ достопримѣчательности, возилъ въ Потсдамъ и Шарлоттенбургъ. Впрочемъ, слабая Свѣтлана не всегда участвовала въ этихъ поѣздкахъ и сама жаловалась Козлову въ письмахъ на свою апатію, помѣшавшую ей, несмотря на всю ея любовь къ музыкѣ, итти на концертъ извѣстной пѣвицы Зонтагъ.

Въ дневникѣ она пишетъ [1]):

„Берлинъ, 12 сент. Гостинница Лейпцигъ — радость. Записка Жуковскаго, разочарованіе, что нельзя помѣститься въ одной съ нимъ гостинницѣ, онъ въ Потсдамѣ. Съ удовольствіемъ увидѣла прусскаго солдата, по цвѣту мундира это совершенно наша гвардія, только пруссаки не имѣютъ такого подчиненнаго вида передъ своими начальниками. Солдаты не стрижены, отчего они кажутся гораздо красивѣе. Видѣла Hufeland [2]); „Россія, сказалъ онъ, имѣетъ высокое призваніе перенести культуру изъ Европы въ Азію" и также: „магнетизмъ есть дополненіе души, но человѣкъ не долженъ никогда терять нравственной свободы, а онъ ее теряетъ, такъ какъ мысль подчиняется магнетизму".

Наконецъ наступило всетаки время проститься поэту со своей любимой крестницей и обнять въ послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ прекрасную Свѣтлану...

Послѣднее путешествіе А. А. Воейковой составляетъ одинъ изъ наиболѣе подробно для насъ освѣщенныхъ періодовъ въ ея недолгой жизни. Очутившись вдали отъ своихъ друзей, къ которымъ была такъ привязана ея нѣжная душа, она находила теперь единственное утѣшеніе въ перепискѣ съ матерью, Жуковскимъ и Перовскимъ. Писемъ къ послѣднему мы не имѣемъ, но, вѣроятно, и въ нихъ, какъ въ письмахъ къ первымъ двумъ, она изливала всю свою душу, ограничиваясь въ короткихъ запискахъ къ мужу сухими и краткими свѣдѣніями.

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Знаменитый нѣмецкій врачъ, 1762 — 1836. О немъ см. дневники В. А. Жуковскаго.

Слогъ Саши, писавшей частью по французски, всегда образцовый. Писать она любила и умѣла и — по словамъ И. В. Кирѣевскаго [1]) — Жуковскій всегда говорилъ: „Саша писала прекрасно. Il y avait du genie dans son style“ [2]).

Образованная, наблюдательная и впечатлительная Свѣтлана, по словамъ крестнаго, умѣла изъ своихъ писемъ создавать цѣлое литературное произведеніе, настоящій романъ.

„Начинай свой романъ“, писалъ ей за границу Жуковскій, въ отвѣтъ на одно изъ ея писемъ, прибавляя что описываемыя ею лица „точно изъ романовъ г-жи Жанлисъ“. „Ты описываешь ихъ очень мило, безъ фразъ, съ натуры“. Въ другомъ письмѣ онъ самъ поощряетъ ее къ писанію этого „романа“ [3]).

При чтеніи писемъ Саши передъ нами проходитъ цѣлая галлерея характеровъ и типовъ, описанныхъ живымъ и образнымъ языкомъ. Наряду съ этимъ, мастерское перо Свѣтланы, унаслѣдовавшей литературный даръ крестнаго-поэта, даетъ намъ прекрасныя описанія природы, рисуетъ полныя поэтической красоты картины. Все это придаетъ неизъяснимую прелесть этимъ письмамъ, прочтеніе которыхъ необходимо для того, чтобы понять и въ полной мѣрѣ оцѣнить душу Свѣтланы.

Мы приведемъ ниже эти письма, рисующія исторію послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Саши, ея собственными словами. Они писаны къ Жуковскому, матери и Воейкову и всѣ имѣютъ свой особый, своеобразный характеръ.

Тонъ писемъ къ Жуковскому, какъ и тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше, чрезвычайно нѣжный, дружескій.

Никто кромѣ него не былъ въ состояніи такъ близко понять ея душу, полную горести по разлукѣ съ друзьями, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю охваченную какой-то невѣдомою радостью, всю заполненную роемъ новыхъ, неожиданныхъ впечатлѣній, представшихъ предъ нею, при ея первомъ соприкосновеніи съ Европой.

Художественно-поэтическія струны вдохновенной души Свѣтланы зазвучали, сливаясь въ ея сознаніи возвышенной и небесной гармоніей. Красоты природы прекрасной Швейцаріи, художественныя сокровища Милана, приводили въ трепетъ больную тѣломъ, но духомъ здоровую Сашу. И все это выражала

---

1) „Р. А.“ 1906, III.
2) Въ ея стилѣ былъ виденъ талантъ.
3) См. II ч., письма Жуковскаго.

она на страницахъ своихъ писемъ къ поэту-другу, умѣвшему понять и ея восторгъ, и ея страданія.

Цѣлымъ рядомъ нѣжныхъ названій осыпаетъ поэта его крестная дочь. „Прощай мой славный, прекрасный Жуковскій“, пишетъ она. „Милый, несравненный Жуковскій“, восклицаетъ въ другомъ письмѣ, заканчивая его словами „цѣлую твое сердце“. Портретъ его всегда при ней: „Твоя милая рожа такъ ласково глядитъ на меня. Всякій день твой портретъ больше люблю. Помнишь, я ребенкомъ всегда звала тебя „папка“, это было предчувствіе; твоя дружба, et votre sollicitude [1]) pour moi, милой отецъ“.

Не мало мѣста удѣляетъ она въ этихъ письмахъ и описаніямъ своихъ новыхъ знакомствъ, встрѣчъ и впечатлѣній, стараясь дать поэту тотъ „романъ“, котораго онъ просилъ.

Въ письмахъ къ матери Саша все та же нѣжная, любящая дочь, какою была и въ дѣтствѣ. Къ ней она пишетъ много про дѣтей, про мелочи обыденной жизни, про то какъ она устроилась на новомъ мѣстѣ, и какъ устроила свои денежныя дѣла. Про здоровье она пишетъ матери мало, очевидно, не желая волновать ее и безпокоить.

Переписка съ мужемъ носитъ сухой, холодный и офиціальный характеръ. Самыя выраженія этихъ писемъ кратки и лаконичны, и они, за малымъ исключеніемъ, не имѣютъ ни обращенія, ни подписи. Мужу Саша сообщаетъ кратко о дѣтяхъ, посылаетъ замѣтки для журнала и свои переводы и указываетъ любопытныя статьи въ иностранныхъ журналахъ. Она простила ему все уже давно и старается даже быть ему полезной, но холодный тонъ чувствуется вездѣ, за исключеніемъ послѣдняго письма, въ которомъ звучитъ нотка теплаго участія.

Путевой журналъ Саши начинается съ Виттенберга: [2]) — „Въ Виттенбергѣ посылала дѣтей почтить могилу Мартина Лютера. Начиная съ Виттенберга самыя красивыя мѣста — въ Лейпцигѣ ярмарка, — прекрасный Weissenburg, — долина рѣки Saale съ фабрикою соли — восхитительна. Съ восторгомъ наслаждалась видомъ замка Eckardstadt, видомъ прямой дороги, къ нему ведущей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаю, я сохранила желаніе вернуться въ Россію даже изъ этихъ красивыхъ мѣстъ; но какъ должны сожалѣть обитатели этой прекрасной страны, покидающіе ее для Россіи.

[1]) Попеченіе.
[2]) Переводъ съ французскаго.

Франкфуртъ н. М., 28 сент. 10 окт. Восхитительные берега Майна. Сборъ винограда утромъ во Франкфуртѣ. Услышала прекрасную церковную музыку — встала, чтобы посмотрѣть — это былъ похоронный кортежъ, остановившійся передъ церковью Екатерины, и органъ привѣтствовалъ шествіе — 7 часовъ вечеръ. Дѣти на уборкѣ винограда. Прекрасный голосъ поетъ „ti rivedro!" и ружейные выстрѣлы веселыхъ и привѣтливыхъ сборщиковъ винограда напоминаютъ о ихъ невинной радости. Катя въ двухъ словахъ высказала сегодня утромъ свой характеръ. Она поручила Андрею подарить Сашкѣ куклу, которую она купила ей на именины и сказала мнѣ: „я такъ люблю дѣлать подарки, но мнѣ такъ стыдно ихъ отдавать".

1 октября семейство Воейковыхъ переѣхало французскую границу, направляясь въ Гіеръ [1]), а 3 октября, въ Страсбургѣ, заболѣлъ скарлатиною Андрюша. Новый ударъ для бѣдной больной и безпомощной Свѣтланы былъ крайне тяжелъ. Воейковъ писалъ объ этомъ: „каково было жалкой моей страдалицѣ, въ трактирѣ, гдѣ по ея собственнымъ словамъ „гадко, холодно, въ чужомъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни печей, ни двойныхъ рамъ, климатъ Петербургскій, а домы итальянскіе" [2]).

О болѣзни Андрюши Жуковскій узналъ уже въ Петербургѣ, и спѣшно просилъ Тургенева, бывшаго тогда въ Парижѣ, навести о Сашѣ справки черезъ графиню Разумовскую. Самого Тургенева онъ просилъ не писать ей, все еще боясь возврата его страсти, и опасаясь возможности ихъ встрѣчи за границей, внѣ его вліянія. „Узнай объ ней, писалъ онъ, но прошу тебя, будь остороженъ, чтобы ей не сдѣлать никакого безпокойства. Твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться. На этотъ счетъ я былъ очень недоволенъ тобою въ Эмсѣ, за то, что ты говорилъ объ Сашѣ, и съ кѣмъ же? Съ Козловскимъ. Тогда я этого тебѣ не сказалъ. Теперь говорю съ тѣмъ, чтобы ты, если захочешь ей быть полезнымъ, выключилъ самого себя изъ этого и дѣйствовалъ черезъ другихъ. И такъ, о томъ что у тебя съ нею было — ни слова никому! Это обязанность твоя и передъ собою и передо мною. Заставь написать къ ней графиню и не выпускай ее изъ виду. Но самъ будь въ сторонѣ. Загладь старое" [3]).

[1]) См. письмо Воейкова къ Маркевичу. Современникъ 1853 г., № 12.

[2]) Болѣзнь Андрея, какъ извѣстно, осложнилась для него впослѣдствіи и отразилась на умственныхъ способностяхъ веселаго, смышленнаго и красиваго въ дѣтствѣ мальчика. Къ счастью, Сашѣ не пришлось дожить до этого новаго для нея удара.

[3]) См. письма Жуковскаго къ Тургеневу, 224.

Сашѣ немного позднѣе онъ писалъ о томъ же: „Какъ бы ни желалъ помочь его горю, но вручить тебѣ его нельзя: опять голова его заколобродитъ, а тебѣ нуженъ покой, покой и покой. Я не желаю чтобы между вами была бы какая нибудь переписка. Его несчастье, что онъ лишилъ себя прежними глупостями той подпоры, которую бы могъ найти теперь, но поправить нечѣмъ“ [1]).

Свѣтлана старалась исполнить завѣтъ друга, по возможности избѣгая переписки съ Тургеневымъ и лишь извѣстіе о смерти Сергѣя Тургенева вызвало у нея горячее письмо сочувствія къ бывшему другу, за которое она сейчасъ же винится передъ строгимъ крестнымъ. Нѣсколько позднѣе, другая смерть, смерть графини Разумовской, заставила ее, чисто по практическимъ причинамъ, вступить въ переписку съ Александромъ Ивановичемъ, о чемъ она, снова оправдываясь, сообщила Жуковскому слѣдующими любопытными строками [2]):

„Спасибо, что рѣшилъ меня на счетъ Жеркура [3]), у насъ завязалась переписка отъ комиссій, которыя бѣдная гр. Разумовская взялась для меня сдѣлать, а такъ какъ здѣсь ничего нельзя имѣть, то я просила ее о многомъ, а потомъ и Жеркура, но такъ какъ письмо его въ благородномъ тонѣ, то я не боялась отвѣчать, хотя гораздо рѣже, чѣмъ получала отъ него. Мнѣ кажется ужасно глупо бояться вѣчно влюбить въ себя — надобно же оставить это преимущество красавицамъ. — Понимаю, или лучше не понимаю, а вѣрю и вижу, что можно меня любить, вы доказали — что даже можно желать associer sa vie à la mienne (соединить свою жизнь съ моей), но чтобы играть влюбленнаго, теперь уже не вижу никакой возможности“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она даже посылала Жуковскому Тургеневскія письма для цензуры.

Болѣзнь Андрюши задержала Воейковыхъ въ Страсбургѣ, и лишь въ половинѣ ноября Саша съ семьею выѣхала въ Гіеръ, отправивъ по дорогѣ изъ Ліона слѣдующее коллективное письмо Жуковскому, Перовскому и графинѣ Толстой [4]).

„Ліонъ. Площадь Белькуръ. Hôtel de Provence. 14/26 ноября 1827 адресовано Перовскому [5]).

---

[1]) См. ч. II, письма Жуковскаго. См. также „Письма къ Тургеневу“, 236.

[2]) Письма изъ Гіера, см. ниже.

[3]) Шуточное названіе, которымъ Саша и Жуковскій называли Тургенева. Очевидно, Саша благодарила крестнаго за разрѣшеніе писать къ Тургеневу.

[4]) Подруга Саши. Урожденная Прасковья Васильевна Барыкова, жена полковн. гр. Андрея Андреевича Толстого. У нея было 3 дочери и 3 сына († 1844 г.).

[5]) Переводъ съ французскаго.

„Дорогой другъ, вотъ я и въ отелѣ Провансъ, хотя еще и не въ Провансѣ. Вмѣсто трехъ дней, какъ мы разсчитывали, мой дорогой Жуковскій, я пріѣхала сюда только на восьмой вечеромъ, т. е. вчера, въ воскресенье. Снѣгу въ горахъ такъ много, что мы ѣдемъ черепашьимъ шагомъ и такъ какъ въ 4½ часа дня уже темно, мы должны иногда останавливаться уже въ 3 часа. Никогда никто не видалъ Франціи въ такомъ печальномъ видѣ. Все покрыто снѣгомъ, обстоятельство, котораго не запомнятъ старики; необходимо мое особое счастье чтобы это случилось именно теперь. Гостинницы такъ холодны и такъ дороги, что трудно повѣрить. Вязанка дровъ въ два раза большая этого листка бумаги, стоитъ 30 су, — картофель погибъ — и встрѣчаешь только нищихъ. Красивыя французскія крестьянки (т. к. всѣ молодые, и мужчины и женщины, красивы) имѣютъ теперь карикатурный видъ, такъ какъ холодъ ихъ заставляетъ закутываться во все, что попадаетъ подъ руку. Часто (на нихъ надѣты) голубыя или бѣлыя рубашки, какъ наши крестьянскія, безъ поясовъ, круглая соломенная шляпа съ множествомъ лентъ, или черная суконная съ блондами, посаженными впереди головы, какъ на гравюрахъ, изображающихъ Шарлотту на могилѣ Вертера, — нельзя на нихъ смотрѣть безъ смѣха, особенно, когда онѣ дѣлаютъ реверансы. Ліонъ — городъ, который мнѣ нравится болѣе всего, что я видѣла, что же касается до путешествія, то оно гораздо пріятнѣе по Германіи, чѣмъ по вашей любимой Франціи, мой дорогой Жуковскій. Ліонъ великолѣпенъ. Церковь св. Іоанна заставила меня, не знаю почему, заплакать, когда я туда вошла. Представь себѣ, Полина [1]), огромную церковь съ громадными сводами, поддерживаемыми колоннами, цвѣтныя стекла и въ глубинѣ, за алтаремъ, громадная стеклянная розетка. Когда я вошла, служили вечерню, было много народу и органъ игралъ. Большой алтарь былъ освѣщенъ множествомъ факеловъ и священникъ съ совершенно бѣлой головой стоялъ на ступеняхъ алтаря съ двумя красивыми мальчиками, которые держали толстыя свѣчи, — вся толпа на колѣняхъ. Я не забуду никогда Ліонъ. (Далѣе по русски) Жуковскій, помнишь ты мнѣ разъ въ альбомъ написалъ чьи то стихи: „Ce jour sombre et ces vitraux gothiques, ce peuple prosterné au pied de l'Eternel.“ Прочти ихъ мнѣ въ честь, мнѣ бы хотѣлось прочесть, да не знаю чьи. Мы всѣ здоровы и это чудо! Андрей мой славно оправился и похорошѣлъ. У меня

[1]) Гр. Толстая.

спазмовъ давно не было. Вообще мнѣ лучше, чѣмъ было въ Германіи, только слабость такая же, двухъ шаговъ не могу сдѣлать, чтобы не задыхаться. Прощайте дѣти, не сердитесь, что пишу мало и ко всѣмъ вмѣстѣ. Пишу сколько есть силы. (Дальше снова по французски) Друзья мои, какъ я васъ люблю! Мой добрый Перовскій, что дѣлаете вы? Я надѣюсь что для меня будутъ письма въ Гіерѣ? Берегитесь если вы лѣнивы! О какъ мнѣ нужны письма, моя душа такъ же слаба, какъ моя рука. Прощайте. (Конецъ по русски) Мнѣ сейчасъ принесли газеты. Господи! Дерптъ сгорѣлъ! что дѣлаетъ моя бѣдная маминька — не могу опомниться отъ мысли объ ея страхѣ. Бога ради напишите мнѣ правду живы ли они? Руки и ноги дрожатъ".

Можно себѣ вообразить, въ какомъ состояніи ѣхала Свѣтлана до Гіера, волнуемая полученными изъ газетъ извѣстіями о пожарѣ Дерпта, сильно, по обыкновенію, преувеличенными. Любящая Саша не могла не безпокоиться объ оставленной тамъ матери, и съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій съ родины.

Докторъ Зейдлицъ, рисунокъ карандашомъ, изъ альбома.

Глава X.

Гіеръ. — Литературныя занятія. — Ухудшеніе здоровья. — Женева. — Благодѣтельное дѣйствіе воздуха. — Бонштетенъ и Женевское общество. — Счастливая жизнь. — Разрывъ съ Бонштетеномъ. — Миланъ. — Пиза. — Зейллицъ, Хлюстина и гр. Ксавье де Местръ. — Письма Свѣтланы.

20 ноября 2 декабря 1827 года пріѣхала семья Воейковыхъ въ Гіеръ, который такъ описала Свѣтлана въ письмѣ къ мужу: „Hyères, на югѣ Франціи, въ двухъ миляхъ отъ Тулона, въ 15-ти отъ Ниццы, на Средиземномъ морѣ. Рай земной, окруженный рощами масличными, лимонными, померанцевыми; и нѣтъ зимы“.

По рекомендаціи графа С. Строганова, живавшаго здѣсь часто, Саша наняла два этажа въ старинномъ домѣ (бывшая „Римская башня“), у маркизы Борегаръ, съ садомъ, съ превосходнымъ видомъ на море и чудесныя оливковыя рощи, которыми такъ восхищалась обожавшая природу Свѣтлана.

Первое время здоровье ея очень поправилось, и она не скучала. безпокоясь только тогда, когда по неисправности почты рѣдко получала письма отъ друзей, которымъ сама писала часто и охотно. Кромѣ занятій съ дѣтьми она посвящала свое время литературѣ и просила мужа высылать ей стихотворенія Пушкина, „Онѣгина“, „Цыганъ“, которыми она очень увлекалась. Отъ матери Саша получала новые стихи Языкова, а Жуковскій посылалъ ей всѣ свои новыя произведенія.

Въ дорожномъ альбомчикѣ Свѣтланы сохранился списокъ книгъ, которыя она взяла съ собой за границу и которыя доказываютъ намъ, что не смотря на свою болѣзнь и житейскія заботы Саша не забывала и интересовъ духовныхъ.

Тутъ опять знакомыя имена Фенелона, Монтеня, Байрона, Гете, Шиллера, Шекспира, Робертсона, Эджвортъ, и мн. др. Конечно, здѣсь и сочиненія Жуковскаго, и его Für Wenige и альбомъ съ его гравюрами, и модные альманахи: Памятникъ Отечественныхъ Музъ, Полярная Звѣзда, Уранія. Сѣверные Цвѣты, Минерва и другія памятныя книжки, русскія и нѣмецкія.

Цѣлые дни Свѣтлана занималась чтеніемъ и въ иностранныхъ журналахъ старалась почерпнуть матеріалъ для журнала своего мужа, указывая ему интересныя, по ея мнѣнію, статьи, и

переводя ихъ иногда сама. Она съ жадностью читала газеты и выписывала изъ нихъ свѣдѣнія о Россіи. „Я по̀ уши въ политикѣ“, писала она мужу, приводя слова какой то французской газеты о императорѣ Николаѣ I и участіи Россіи въ греческомъ вопросѣ. Она живо интересовалась политической и общественной жизнью Франціи, высказывая по этому поводу нерѣдко весьма мѣткія и остроумныя сужденія. Французовъ вообще она не любила, упрекая ихъ въ лѣни, бездѣятельности и легкомысліи [1]). Всегда и во всемъ она высказывала свой искренній патріотизмъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ консерваторомъ и крѣпостницей. Въ свободѣ (политической) населенія Прованса видѣла она корень его нищеты, находя залогъ благосостоянія русскаго мужика въ опекѣ надъ нимъ его помѣщика. Она иронизировала надъ клерикальнымъ духомъ маленькаго городка и забавно разсказывала о попыткахъ мѣстнаго curé обратить ее въ католичество.

Саша мало выѣзжала изъ дому, хотя знакомство въ маленькомъ городкѣ завязалось у нея довольно большое. Въ письмахъ къ Жуковскому она чрезвычайно интересно описываетъ намъ и мѣтко характеризуетъ своихъ новыхъ, немного забавныхъ и провинціальныхъ знакомыхъ.

Въ связи съ состояніемъ здоровья успокоилось и ея душевное состояніе. Она иногда даже добродушно и кротко иронизировала надъ своими неудачами въ жизни, которыя ее преслѣдуютъ, и которыя, какъ она шутила, она привезла съ собою во Францію.

Доброе сердце Свѣтланы побуждало ее и здѣсь благотворить ближнему, хотя она объ этомъ и не любила разсказывать. То она хоронитъ подкинутаго ребенка, то хлопочетъ передъ Жуковскимъ о какомъ-то чахоточномъ Финляндцѣ, нуждавшемся въ разрѣшеніи на переѣздъ въ Италію.

Жуковскаго и Перовскаго ей здѣсь замѣнялъ, отчасти, Зейдлицъ [2]), пріѣхавшій за-границу кончать свое образованіе и нерѣдко пріѣзжавшій въ Гіеръ къ Свѣтланѣ. Съ нимъ она не разъ заговаривала о своей возможной смерти, прося его взять на себя заботу о ея дѣтяхъ.

Съ наступленіемъ весны, совпадавшей съ наступленіемъ сухого вѣтра — мистраля, здоровье Саши стало значительно

[1]) Характерно ея замѣчаніе, что въ Германіи на каждыя пять лавокъ приходится по одной книжной лавкѣ, а во Франціи по одному кафе.

[2]) Карлъ Карловичъ, впослѣдствіи проф. Мед. Акад. 1798 — 1885. Авторъ воспоминаній о Жуковскомъ. См. о немъ раньше.

хуже. Климатъ Гіера не оказалъ ей пользы. Къ этому присоединилась тоска по родинѣ и нервы Саши окончательно разстроились. „Духъ бодръ, писала она Жуковскому, да плоть немощна".

Въ концѣ марта она уже сообщаетъ, что кровь изъ горла у нея идетъ цѣлые дни, а испарина по ночамъ лишаетъ ее послѣдней бодрости и силъ.

Леченье доктора Аллегри, состоявшее изъ питья ослинаго молока и спанья въ стойлѣ для коровъ, не помогало. Скоро стало измѣнять Свѣтланѣ и спокойствіе духа. „Le physique ne me peine pas tant que le moral", писала она.

У ней начали слабѣть слухъ, память, зрѣніе; чтеніе и письмо стали ей почти не подъ силу, и въ письмахъ ея вообще стало проглядывать разочарованіе въ возможности выздоровленія. По поводу своего рѣшенія ѣхать въ Швейцарію, она пробуетъ шутить въ письмѣ къ Жуковскому: „Сердце хочетъ вѣрить, а умъ не велитъ, но какъ ты знаешь, что у меня умъ капитанъ, а сердце полковникъ, то полкъ пойдетъ за послѣднимъ".

Безпокоили и тревожили Сашу и денежныя затрудненія. Дороговизна жизни, и особенно переѣздовъ большою семьею грозили ей тѣмъ, что ассигнованной на трехлѣтнее путешествіе суммы могло не хватить. Очевидно, часть этой суммы далъ на поѣздку крестницы Жуковскій, такъ какъ въ письмахъ она упоминаетъ о полученіи отъ него 2000 р. передъ отъѣздомъ изъ Гіера, и постоянно старается, по своей деликатности, оправдаться передъ нимъ въ своихъ расходахъ [1]). Всю свою жизнь прожившая для другихъ, Свѣтлана боится показаться эгоистичной, пользуясь этими деньгами для своей поѣздки въ Швейцарію и увѣряетъ крестнаго, что поѣздка дѣйствительно нужна для ея здоровья, такъ какъ она чувствуетъ себя очень худо, а ей „такъ хочется un peu de bien être" [2]).

Временами, отчаяніе беретъ верхъ, и она проситъ у Жуковскаго разрѣшенія вернуться домой, говоря о безполезности пребыванія за границей.

Особенно разстроила Сашу болѣзнь, постигшая весь ихъ домъ, захворавшій повальною лихорадкой. Захворали всѣ дѣти, прислуга и даже пріѣхавшій Зейдлицъ.

Только 9/31 мая, почувствовавъ себя немного лучше, въ сопровожденіи Зейдлица, выѣхали Воейковы изъ Гіера, провожаемые своими новыми знакомыми, успѣвшими уже полюбить

[1]) Впрочемъ, деньги высылалъ ей и мужъ, какъ это видно изъ писемъ.
[2]) Немного здоровья.

русскую семью. У Свѣтланы, по ея словамъ, на душѣ были „черныя кошки“, а между тѣмъ, чтобы не безпокоить друзей, въ письмахъ своихъ она еще пыталась шутить, подмѣчая юмористическія черточки гіерскихъ обывателей, передавая смѣшной эпизодъ сватовства мѣстнаго юноши за ея старшую дочь.

До Женевы Воейковы ѣхали цѣлыхъ 16 дней, на лошадяхъ, и бѣдная Свѣтлана добралась до мѣста совершенно разбитой и больной. Дѣти и Зейдлицъ также не оправились вполнѣ отъ постигшей ихъ въ Гіерѣ лихорадки, и Саша горько упрекала себя въ эгоизмѣ [1]), считая, что ея путешествіе было причиною болѣзни дѣтей и добраго Зейдлица, оказавшаго ей такъ много дружескаго участія. Она раскаивается въ томъ, что вызвала его къ себѣ для сопровожденія ея въ Женеву, такъ какъ, по ея словамъ, она должна была помнить, что ея обычное несчастье „сообщается“ другимъ.

Въ Женевѣ Саша сняла маленькій домикъ съ садомъ, съ превосходнымъ видомъ изъ оконъ на Монбланъ. Городъ произвелъ на ея поэтическую душу обаятельное впечатлѣніе. Саша была совершенно очарована красотами Швейцаріи и говорила черезъ нѣкоторое время, что она „въ Женевѣ полюбила жизнь, но и какъ будто примирилась съ смертью. Что же тамъ, если здѣсь, на землѣ такъ хорошо“? Ея письма къ матери и Жуковскому полны прекрасныхъ описаній картинъ окружающаго и природы, которая всегда производила на нее неотразимое впечатлѣніе.

Вскорѣ по пріѣздѣ Саша познакомилась съ извѣстнымъ ученымъ и писателемъ Карломъ Бонштетеномъ [2]), которому ее рекомендовали Жуковскій, знавшій его лично [3]), и Тургеневъ.

Старый, 84-хъ лѣтній идеалистъ-ученый сразу привязался къ красивой, умной и образованной женщинѣ, и какъ родной полюбилъ всю ея семью. Свѣтлана въ свою очередь любила общество этого старца съ 18-лѣтнею душою, веселаго, увлекающагося и живого, своими бесѣдами умѣвшаго захватить умную Свѣтлану. Они читали вмѣстѣ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, она переводила ему стихотворенія Жуковскаго, заставлявшія его иногда ронять слезы, онъ, въ свою очередь, давалъ ей для перевода свои юношескія посланія къ отцу.

---

[1]) См. ниже, письмо къ матери.

[2]) Извѣстн. госуд. дѣятель и писатель. 1745 — 1832. Род. въ Бернѣ.

[3]) Жуковскій познакомился съ Б. во время своего пребыванія въ Женевѣ въ 1821 г. Они произвели другъ на друга прекрасное впечатлѣніе, и Б. не могъ никогда забыть интересныхъ бесѣдъ со своимъ русскимъ другомъ, котораго онъ называлъ, по словамъ Свѣтланы, „метеоромъ“ или „Юк[illegible]ски[illegible]“.

Саша перевела нѣкоторыя изъ нихъ для журнала мужа и послала ему, смѣясь по этому поводу въ письмѣ къ Жуковскому, что она „подлаживается“ къ мужу, и прибавляя, что „ежели они (письма) не хороши, то у него въ журналѣ будутъ дома“.

Цѣлые дни старый Бонштетенъ проводилъ въ семьѣ Воейковыхъ, показывая дѣтямъ и Сашѣ достопримѣчательности Женевы, катаясь съ ними по озеру, или дѣлая большія прогулки.

Здоровье Саши окрѣпло не столько отъ леченья, сколько отъ воздуха и прогулокъ. Она, по собственнымъ словамъ, посвѣжѣла и физически и морально.

Бонштетенъ ввелъ ее въ среду интеллигентнаго общества Женевы и познакомилъ со многими видными учеными и писателями, которые съ большимъ вниманіемъ относились къ умной и интересной иностранкѣ. Ей этотъ новый кругъ напоминалъ, по ея словамъ, общество, собиравшееся когда-то у Карамзиныхъ. Сисмонди [1]), Дюмонъ [2]), Кандоль [3]) и др. охотно посѣщали Сашу въ ея хорошенькомъ уголкѣ, и любили подолгу съ нею бесѣдовать. Она сама, окрѣпши здоровьемъ, душою полюбила общество, и почти каждый день была приглашаема въ различные семейные дома Женевы. Благодаря Бонштетену, кругъ ея знакомства былъ очень обширенъ, и всѣ ея новые знакомые относились къ ней съ искреннею любовью. Даже на улицахъ, или на пароходѣ, по ея словамъ, съ ней охотно вступали въ разговоры, и старались услужить ей чѣмъ могли. Она сама писала, что въ Женевѣ ее „на рукахъ носятъ“ и что съ нѣкоторыхъ поръ тамъ сдѣлалось „моднымъ“ ее любить. Тутъ сказалась всегдашняя способность Свѣтланы привлекать къ себѣ симпатіи людей съ перваго раза. Услужить ей было пріятно для всѣхъ, и она съ умиленіемъ разсказывала Жуковскому какъ мало знакомые ей люди, узнавъ объ ея отъѣздѣ изъ Женевы и замѣчая скромное состояніе ея финансовъ, предлагали ей неограниченный кредитъ [4]).

Въ Женевѣ Сашу покинула совершенно апатія послѣдняго времени; это была опять прежняя веселая, остроумная, жизнерадостная Свѣтлана. Она интересовалась всѣмъ, что давала незнакомая страна: и стрѣлковыми праздниками, и народными гуляньями и особенно любимыми ею прогулками на

[1]) Швейцарскій историкъ и публицистъ, 1773—1842.
[2]) Швейцарскій писатель, въ 1782 г. былъ священникомъ французской церкви въ Петербургѣ. 1759—1829.
[3]) Знам. ботаникъ. 1778—1841.
[4]) См. ниже.

лодкѣ по озеру. Прогулки эти радовали ее, какъ ребенка, и она сама сознавалась друзьямъ, что она „веселится“. Это была послѣдняя радость бѣдной „воспитанной въ несчастьи“, какъ писалъ Тургеневъ Бонштетену, Свѣтланы [1]).

Изъ соотечественниковъ въ Женевѣ она сошлась больше всего съ В. И. Хлюстиной, урожденной Толстой [2]), жившей тамъ вмѣстѣ съ дочерью; съ нею Саша проводила все то время, которое не занималъ своими поѣздками и затѣями Бонштетенъ. Свѣтлана, какъ всегда, занималась много съ дѣтьми, которые доставляли ей неизъяснимую радость въ жизни. Съ помощью того же Бонштетена, она наняла имъ нѣсколькихъ учителей, и учила ихъ, кромѣ наукъ, и музыкѣ и рисованью. Впрочемъ, сына Андрюшу она отдала въ Женевскій пансіонъ, не умѣя совершенно сладить съ упрямымъ и непослушнымъ мальчикомъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, влекшій за собою разлуку съ нимъ на предстоящую зиму, любящая мать долго колебалась, и только по совѣту друзей сдѣлала это, старательно оправдываясь передъ бабушкой и Жуковскимъ.

Саша чувствовала себя счастливою, окруженная любовью дѣтей, среди прекрасной природы, но само это счастье наводило ее на грустныя мысли, и навѣвало ей мрачныя предчувствія какого-то удара. Слишкомъ она не привыкла къ тому, чтобы чувствовать себя счастливой, здоровой и покойной.

Уже съ осени она снова почувствовала боли въ груди, холодный осенній воздухъ не давалъ ей дышать, и она поспѣшно стала собираться къ отъѣзду въ Пизу, гдѣ было рѣшено провести зиму.

Къ концу пребыванія въ Женевѣ произошелъ разрывъ между нею и Бонштетеномъ. Отеческая привязанность къ Сашѣ стараго ученаго мало-по-малу стала принимать совершенно иной, мало соотвѣтствующій его возрасту характеръ. Сама скромная Свѣтлана писала Жуковскому, что Бонштетенъ, кажется, претендуетъ на роль Жеркура [3]), т. е. ухаживателя. Хотя она въ припискѣ къ этому письму и отказывается отъ этихъ словъ, боясь напрасно его оклеветать, тѣмъ не менѣе ея подозрѣнія скоро оправдались. Уже изъ Пизы она писала Жуковскому о какой-то страстной запискѣ Бонштетена, на которую она сумѣла такъ холодно и отрезвляюще отвѣтить влюбленному старцу, что тотъ,

[1]) См. ниже слова Бонштетена въ письмѣ Саши.
[2]) Жена шт.-ротм. Хлюстина, ум. около 1832 г., сестра гр. Ѳ. И. Толстого (американца).
[3]) Такъ называли они съ Жуковскимъ Тургенева.

Рисунокъ перомъ изъ альбома А. А. [illegible]

сочтя себя оскорбленнымъ, прервалъ съ нею всякое знакомство, и даже при случайныхъ встрѣчахъ спѣшилъ исчезать.

8 октября новаго стиля Свѣтлана писала матери и Жуковскому изъ Милана, полная восторга отъ прекрасной Италіи, и чуднаго путешествія черезъ Симплонъ, и мимо итальянскихъ озеръ, которое привело ее „въ какое то волшебное расположеніе". Но увы, около 20 октября она добралась до Пизы, совершенно ослабшею, едва живою, съ больными ногами и опухолью въ боку. Къ физическимъ болямъ присоединилось безпокойство за покинутаго въ Женевѣ сына и опасеніе за здоровье Перовскаго, раненаго въ сраженіи при Анапѣ. Скудность свѣдѣній о немъ волновала Сашу до чрезвычайности, а письма приходили въ Пизу только на 30-й день. Въ своемъ волненіи она не находила даже обычнаго утѣшенія въ дѣтяхъ, которыя, по ея словамъ „въ горѣ не товарищи". Относительно Андрюши она успокоилась скоро, узнавъ о томъ, какъ его всѣ любятъ въ Женевѣ, въ память ея.

Вообще, послѣ пріятнаго и полнаго разнообразія пребыванія въ Женевѣ, жизнь въ Пизѣ не могла не показаться Свѣтланѣ очень скучной. Она почти не могла ни ходить, ни рисовать, книгъ для чтенія имѣла очень мало, а общество, за немногимъ исключеніемъ, было не интересно. Не мало волненія доставляли ей снова денежные разсчеты, и она наконецъ рѣшилась просить Жуковскаго выслать деньги на имя Зейдлица, который теперь поселился вмѣстѣ съ нею, и котораго она сдѣлала своимъ кассиромъ.

Въ Пизѣ Свѣтлана нашла своихъ петербургскихъ знакомыхъ: друга Жуковскаго графа Ксавье де Местра [1]) съ женою, съ которыми очень сблизилась, равно какъ и съ В. И. Хлюстиной, пріѣхавшей за нею и сюда, чтобы погоревать вмѣстѣ о постигшемъ ее горѣ. Одинъ сынъ ея былъ убитъ на войнѣ, о другомъ она не имѣла никакихъ извѣстій. Впрочемъ, опасенія за послѣдняго были, къ счастью, напрасными, и вскорѣ она получила отъ него письмо, которое такъ обрадовало и ее, и сочувствовавшую ей душою добрую Свѣтлану [2]).

По пріѣздѣ въ Пизу, безутѣшная мать привязалась душою къ дѣтямъ Свѣтланы, и занималась съ ними какъ со своими родными дѣтьми, замѣняя имъ слабую и больную Сашу.

За послѣдней она также ухаживала какъ могла, стараясь скрасить ея невеселые дни.

---

[1]) 1764 — 1852 г., изв. французскій писатель. Во время революціи поступилъ на русскую военную службу, почти все время жилъ въ Россіи.

[2]) См. письмо Зейдлица къ Мойеру. Ч. II.

Письма Саши изъ Пизы носятъ печальный и безотрадный характеръ. Только изрѣдка она пробуетъ вернуться къ прежнему беззаботному и жизнерадостному тону, стараясь забавить крестнаго своими мѣткими характеристиками встрѣчныхъ и знакомыхъ.

Несмотря на свою слабость и плохое настроеніе, она постоянно старалась баловать и развлекать своихъ дѣвочекъ. Наканунѣ новаго года (по заграничному стилю), увы, для нея послѣдняго, она устроила имъ елку, и всѣмъ приготовила свои послѣдніе подарки. Праздникъ этотъ напомнилъ ей ея далекое, счастливое дѣтство, единственное свѣтлое время въ ея жизни, а радость не ожидавшихъ сюрприза дѣтей, доставила ей неизъяснимое удовольствіе. Она была грустна и молчалива, по словамъ Зейдлица, описавшаго намъ этотъ праздникъ. Гаданье наканунѣ русскаго Новаго года, во время котораго вылитое олово ей предсказало долгій путь, невольно разстроило суевѣрную и мистически настроенную Свѣтлану, съ этихъ поръ не перестававшую думать о близкой смерти. По словамъ того же, Зейдлица, отнынѣ всѣ ея мысли были направлены на это послѣднее путешествіе т у д а, хотя она и не подавала виду своимъ друзьямъ, а съ дѣтьми даже старалась казаться веселою. По вечерамъ къ ней приходили Местры, Хлюстина, Зейдлицъ, и всѣ проводили время въ долгихъ бесѣдахъ съ нею, удивляясь ясности ума и свѣтлости духовнаго взгляда здоровой душою, но страдающей тѣломъ женщины. Она еще имѣла силы читать Вальтеръ Скотта, и занималась работою, вышивая бисеромъ кошелекъ.

Много непріятности доставлялъ Свѣтланѣ постоянный холодъ въ комнатахъ, съ плохими „итальянскими“ печами, который заставлялъ всѣхъ сидѣть дома, закутанными въ салопы и пледы.

Въ самый новый годъ Саша поздравляла съ Ангеломъ Жуковскаго, и впервые сообщила ему объ ухудшеніи своего здоровья, написавъ, что у нея снова пошла кровь горломъ. Впрочемъ, въ этомъ же письмѣ она еще пробовала шутить и писать о постороннихъ предметахъ, какъ бы стараясь успокоить друга, и не дать ему понять терзавшихъ ее грустныхъ предчувствій. Отъ 24 января сохранилось ея послѣднее письмо къ крестному, въ которомъ она уже сообщаетъ, что цѣлую недѣлю не встаетъ съ постели.

„Прощай, мой ангелъ Жуковскій, устала до смерти“, заканчиваетъ она свое предсмертное посланіе нѣжно любимому другу-поэту. Черезъ три дня она написала коротенькую, но характерную

записку мужу. Это ея послѣднее письмо къ виновнику тяжкихъ страданій ея замужней жизни, дышитъ какой-то непривычной для ея писемъ къ нему теплотою и участіемъ. Это не прежнія сухія дѣловыя письма, писанныя подъ диктовку долга.

Она какъ бы предугадывала, что больше писать ему не будетъ, и хотѣла ободрить, утѣшить его, сказать ему, что она христіанской, всепрощающей душой простила ему все.

Это читается между строкъ этой послѣдней записки, въ которой она благодаритъ его за ласковое письмо, за деньги, безпокоится о его здоровьѣ и „всѣхъ благодаритъ за воспоминаніе".

Наканунѣ смерти, она еще разъ написала ему дрожащей рукою теплыя слова: „люби дѣтей".

Этимъ прекращается полная интереса переписка Свѣтланы. Дальнѣйшую судьбу ея мы знаемъ изъ разсказовъ Зейдлица и Ксавье де-Местра [1]), которымъ суждено было провести у постели Свѣтланы ея послѣдніе земные дни. Первый изъ нихъ самоотверженно ухаживалъ за ней и какъ докторъ и какъ другъ, и старался хотя отчасти замѣнить ей отсутствовавшихъ Жуковскаго и Перовскаго.

Письма А. А. Воейковой.

I.

Гіеръ.

Къ А. Ѳ. Воейкову.

Hyères, 20 Ноября / 2 Дек. 1827 г.

Начну вѣстью что мы живы и въ Іерѣ — наше вшествіе въ сіе знаменитое Царство Небесное случилось сего 2-го Декабря или по нашему 20 Ноября. Ежели кто здѣсь боленъ, тотъ уже глупъ будетъ, ежели ненадѣется на выздоровленіе. Я пишу у открытаго окна, въ которое пахнетъ апельсинами, которыхъ 5 тысячъ деревъ подъ моими окнами — а за ними оливковые и виноградники до самаго моря. — Мы живемъ въ римской башнѣ — каково? и занимаемъ два этажа, но оба установятся очень просторно въ нашей залѣ, на Литейной и еще мѣсто останется помѣстить всего Инвалида [2]) — но всѣ довольны, у всякаго свой уголъ, а у меня диванъ, столъ и окно. Въ домѣ все есть, мебель, посуда, даже бѣлье для постелей. Садъ съ апельсинными деревьями, хотя только ихъ десять, и съ бесѣдкой изъ розановъ и ясминовъ, гдѣ дѣтямъ позволено копаться,

[1]) См. ниже.
[2]) Т. е. комплектъ „Русскаго Инвалида".

терасса съ платаномъ напоминаетъ Тали барона Шиллинга, — однимъ словомъ рай и кромѣ дороговизны, все хорошо. Францiя ужасна дорога, дровъ охапка — 4 франка. Отъ души благодарю за вѣсти, пожалуйста всегда пиши. Поздравь хорошенько любезнаго Кавелина [1]), онъ стоитъ счастiя и вѣрно Богъ ему даетъ его. Очень обрадовалась этой вѣсти. — Мы еще не совсѣмъ устроились, но уже дома и всѣ довольны, Лукьянъ [2]) пришелъ меня благодарить, что я не осталась жить въ отелѣ, а то говоритъ: „со скуки умираетъ, ни лампъ не чистить, ни стола накрыть". — Дай Богъ здоровья Строгонову, по его милости со мной здѣсь обошлись какъ съ родной Fauchier и маркиза de Beauregard. Маркиза со мной какъ мать, она больше о моихъ нуждахъ хлопочетъ, чѣмъ я сама. Я наняла ея домъ въ саду. Благодарю за обѣщанiе выслать книгъ обрадуюсь имъ какъ русскимъ, Онѣгина пришли всего и Цыганъ. Здѣсь русскихъ никого нѣтъ, обѣщаютъ какую то вдову, которая въ прошломъ году жила въ Ниццѣ.

Къ Е. А. Протасовой.

Iеръ, 23 Ноября / 5 Декабря 1827 г.

Другъ мой! Ангелъ мой! Пишу къ вамъ на балконѣ, съ безподобнымъ солнцемъ — вокругъ меня цвѣтущiе лимоны, апельсины, лавры въ грунту, — передо мною море et la chapelle de Notre Dame de Consolation, на прекрасной зеленой горѣ — у ногъ безконечный садъ померанцевъ M-me de Beauregard — а вы тоскуете, безпокоитесь — и еще 20 дней будете мучиться обо мнѣ. — Мы прiѣхали сюда 2-ого Декабря въ часъ. Отобѣдавъ, послала я къ M. Fauchier письмо гр. Строгонова и ко мнѣ явился маленькiй мужчина, лѣтъ въ 50 — онъ былъ эмигрантъ, учился покуда медицинѣ и жилъ ею, все потерялъ и доживаетъ у сестры свой добрый вѣкъ. Онъ хлопочетъ обо мнѣ, какъ о родной; мы тотчасъ пошли смотрѣть домъ маркизы de Beauregard, не тотъ гдѣ она живетъ, а маленькiй, который въ наймы отдается, въ 4 этажа, но по три комнаты въ этажѣ, что для меня слишкомъ много, и она послѣ многихъ разговоровъ отдала мнѣ два этажа въ наймы; въ первомъ, или rez de chaussée, столовая, — прямо съ терассы, — устланной кафелями, изъ столовой комнаты miss Parish [3]), за ней Лизеты [4]), маленькiй кабинетецъ и

[1]) Рѣчь идетъ о женитьбѣ Д. А. Кавелина.
[2]) Камердинеръ, сопровождавшiй Воейкову.
[3]) Гувернантка.
[4]) Горничная.

еще меньше комната для поклажи, сзади кухня, всѣ комнаты войдутъ въ вашу гостинную. Съ лѣстницы входъ въ гостинную въ одно окно, но съ широкими простѣнками, — противъ окна каминъ, у стѣны du fond, софа — уголъ между софа и окномъ занятъ учебнымъ столомъ, — уголъ между софа и каминомъ занятъ моимъ письменнымъ столомъ, 4-ая стѣна оставлена для фортопіанъ, о которыхъ добрый Fauchier уже писалъ въ Тулонъ. Мои покойныя кресла стоятъ у окна, и маленькій столикъ. — Дверь за моими креслами ведетъ въ комнату съ двумя кроватями, однимъ окномъ и каминомъ, тутъ спятъ Катя и Саша; оттуда дверь въ комнату такую же, тутъ спитъ Андрей и я, въ третьей Машка съ няней. — Все такъ чисто и опрятно, камины бѣлые, мебель новая, посуда прекрасная, постели съ бѣльемъ. Все это стоитъ 1200 фр. pour la saison. — Но я надѣюсь изъ Іера не уѣзжать на лѣто, во первыхъ, потому что изъ болотъ, о которыхъ пишутъ сдѣлались виноградники и этимъ прекратились лихорадки; во вторыхъ, по тому что я не въ городѣ, а въ предмѣстьѣ и вокругъ меня померанцевые сады, сзади дóма утесы и на нихъ развалины, дѣти какъ козы по нимъ ползаютъ. За 20 шаговъ ферма M-me de Beauregard, въ которой она мнѣ обѣщала даже постель устроить, чтобы я жила въ стойлѣ. Но третье и главное скука и разоренье вояжа! — Не можете вообразить какъ Францiя дорога, Германія вдвое дороже Россіи, а Францiя вдвое Германіи, а ночлеги въ десятеро хуже, а главное чистота!! Въ Германіи нельзя не нарадоваться ею, а во Францiи точно также какъ и въ матушкѣ Россіи! M. Fauchier уговорилъ меня пойти вчера сдѣлать визитъ маркизѣ въ этомъ домикѣ, который она прибирала, pour éviter le céremoniel; она умомъ и добротой похожа на графа Штакельберга, а наружностью на Наталію Ѳеодоровну Плещееву, приняла меня какъ бы добрая родная приняла больную родную. Дочь ея, которая лицомъ старѣе матери, дѣлала опись вещамъ въ домѣ, и мы пошли все осматривать. Маркиза сама не только носила стулъ для меня, чтобы я не устала и не стояла, но даже скамейку подъ ноги. Здѣсь вездѣ каменные, или кафельные красные полы, что довольно красиво, она писала въ Тулонъ, чтобы прислали коверъ въ мою гостинную; дала мнѣ ключь отъ большого сада и велѣла въ немъ наставить стулья de distance en distance, чтобы я могла садиться, наконецъ увидя, что я была безъ шляпы принесла свою; не могу вамъ описать всю ея заботливость и ласки ко мнѣ. Она очень любитъ Строгоновыхъ и ихъ рекомендательное письмо

сейчасъ расположило ее ко мнѣ. — Двѣ уже не молодыя дочери, женатый сынъ, другой военный, — всѣ живутъ вмѣстѣ. Она непремѣнно настояла, чтобы я пришла къ ней со всѣми дѣтьми, что я и сдѣлала. Тамъ была M-me de La Coste съ 9-и лѣтней дочькой, которую маркизѣ хотѣлось съ моими познакомить. Я нашла у нихъ много гостей, убоялась премудрости и ушла домой. Больше я не хочу дѣлать знакомствъ и объявила это маркизѣ, но ихъ домъ, особливо она сама, очень пріятный. — Одно мое наслажденье, это ваши письма. Какъ вспомню что въ Дерптѣ былъ пожаръ такъ духъ захватываетъ! — Какъ ваши письма милы, какъ вы безподобно все описываете, продолжайте моя несравненная маменька! — О деньгахъ вотъ что думаю; берегите ихъ къ моему возвращенію изъ Франціи. Это будетъ авось 3/т. рублей. Въ Германіи можно будетъ сдѣлать приданое Кати на эти деньги, — т. е. столовое бѣлье и постельное. Въ Германіи это все дешевле, чѣмъ во Франціи, — здѣсь все дорого. — Ежели бы я возвратилась во время Лейпцигской ярмарки, то за полцѣны все бы купила. — Благодарствуйте за стихи Языкова и поблагодарите его, пришлите мнѣ пожалуйста тѣ, которые онъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ написалъ, чудесное описаніе ночи и ручья, кажется они въ альбомѣ — тутъ какъ то дѣва съ другомъ и кажется все для неё. Ахъ ежели бы онъ посидѣлъ на моей терассѣ, посреди которой яворъ лѣтъ 50-и, посмотрѣлъ бы на мое синее море, на утесы, на зеленыя горы, на пальмы, на развалины счастливой Ольбіи[1]) (изъ остатковъ одной башни построенъ домъ мой), на безконечные померанцевые сады, понюхалъ бы цвѣтущіе лавры, жасмины, гіацинты, розы, — послушалъ бы шумъ моего ручья, который подъ моими окнами не умолкаетъ, — посмотрѣлъ бы на Chapelle de Notre Dame de Consolation, къ которой всякій день ходятъ здѣшнія провансалки въ своихъ большихъ черныхъ соломенныхъ шляпахъ и красныхъ корсетикахъ, — онъ бы живо описалъ всѣ эти красоты, для которыхъ хотѣлось бы быть живописцемъ, или такой какъ Языковъ. Онъ сказалъ бы все, что я не умѣю. — Милая, какое благодѣяніе мнѣ сдѣлалъ Хрипковъ, давши вашъ портретъ. Мнѣ кажется что вы и Жуковскій не сводите съ меня глазъ и это такое утѣшеніе, ахъ ежели бы я еще имѣла моего милаго Перовскаго. Другъ мой, что они оба для меня дѣлаютъ съ Жуковскимъ, этого право люди не могутъ дѣлать, а только два ангела хранителя. Милая,

[1]) Гіеръ построенъ на развалинахъ древняго города Olbia, разрушеннаго сарацинами.

сколько можно быть хорошо и покойно на чужой сторонѣ, столько мнѣ хорошо. Дѣти здоровы, Машка сдѣлала дорогой 5 зубовъ. Прощайте ангелъ безподобный, благословите насъ; о кабы получить отъ васъ письмо послѣ пожара, какъ бы я была счастлива. —

Къ В. А. Жуковскому [1]).

Hyères, 14 20 Decembre 1827.

Другъ безцѣнный! меня такъ огорчила вѣсть которую сей часъ получила отъ бѣднаго Тургенева [2]), что не могу еще прійти въ себя! Мой добрый, милый Жуковскій, не могу глядѣть на твой милый портретъ, кажется и на немъ грустное стало лицо. Посылаю тебѣ письмо Тургенева, я ему отвѣчала. Можетъ дурно сдѣлала? можетъ впередъ будетъ мнѣ des desagrements — но не могла объ нихъ теперь думать. Онъ мнѣ такъ жалокъ, потерять такого друга и быть совсѣмъ одинокимъ, ужасно. При первомъ несчастіи [3]) былъ ты съ нимъ, ангелъ утѣшитель, теперь то же горе и никого нѣту. — Я здорова, здоровѣе чѣмъ давно, давно не была. Кромѣ кашля ничего не осталось. Докторъ увѣряетъ что въ февралѣ кашель пройдетъ самъ собой. Не лечитъ меня ничѣмъ, держитъ на молочной діэтѣ и на молчаніи, безъ движенія, на ночь дѣлаетъ въ моей комнатѣ травяные пары, которые дѣлаютъ изъ спальни русскую баню, но не горячую, и я поправляюсь невѣроятнымъ образомъ. — Прощай другъ. Грустно до смерти. Пошли мое письмо Пашинькѣ [4]) и Тургенева тоже. Я не пишу къ ней нонче отъ того что грустно. Жаль мочи нѣтъ и Разумовскую и бѣднаго, жалкаго Тургенева — Обнимаю тебя мой Жуковскій и тебя моя милая душа Паша — Жуковскій, je te la recommande.

Къ В. А. Жуковскому.

Hyères, le $\frac{\text{29 Decembre}}{\text{11 Janvier}}$ 1827 / 8.

Милый, несравненный Жуковскій, твои безподобныя письма вдвойнѣ утѣшеніе потому что трогаютъ меня, не могу сказать какъ! — тѣмъ что ты, для меня, побѣдилъ свою лѣнь. Не открывая еще письма, увидя только твою руку на пакетѣ, мнѣ хочется тебя уже благодарить за письмо, потому что знаю каково тебѣ было рѣшиться его писать. Ты угадалъ, я къ Воейкову адресовалась съ просьбой объ вѣрномъ извѣстіи о по-

[1]) Отвѣты на эти письма В. А. Жуковскаго, будутъ помѣщены во 2-й части.
[2]) Алекс. Ив. Тургеневъ сообщилъ о кончинѣ графини Генріэтты Разумовской.
[3]) „Первое несчастіе“ — смерть брата А. И. Тургенева Сергѣя Ивановича.
[4]) Гр. П. В. Толстой.

жарѣ Дерпта и послѣдствіяхъ его для маменьки. Le coup [1]) de hache ne m'a pas épargnée, я превесело пріѣхала въ Ліонъ, отдохнувъ поѣхала въ фіакрѣ смотрѣть городъ, безподобнаго St. Jean, памятникъ Лудовика XIV, котораго всѣ зовутъ le cheval потому что королевскую фигуру посадили на лошадь, приготовленную для императора, и король малъ въ пропорціи. — Смотрѣла la place des Terreaux, — хотѣла взять ложу въ театрѣ, но выборы, которые шумѣли въ café напротивъ испугали меня и чтобъ успокоиться я спросила la Gazette de Lion — nouvelles de Russie: la ville de Dorpat, fameuse pour son université, a eu le sort d' Abo, elle a brulé de fond en comble [2]); какъ Черкасовъ [3]) говоритъ: небо съ овчинку показалось. — Теперь Слава Богу душа на мѣстѣ. Но дорога изъ Ліона въ Hyéres, гдѣ я могла ожидать письма, была маленькій purgatoire. Скоро ѣхать нельзя было, въ 3 часа надобно останавливаться, потому что темно, и кромѣ того часто приходилось стоять отъ боли въ груди — слава Богу все кончено. — Радзивиллъ въ Ниццѣ, о чемъ очень жалѣю ибо здѣсь никого пріятнаго нѣту. Добрѣйшая гр. Beauregard сама предобрая, а семейство ея препошлое. Старшая дочь, точно беззубая католическая парка, m-me La Coste, милая, вѣтренная парижанка. Умнаго, ученаго мущины ни одного. Une conversation instructive et agréable [4]) не съ кѣмъ имѣть. — Есть еще Talleyrand, двоюродные братья знаменитаго, — интересная M-me Duchalhett, пойду къ ней завтра, она знаетъ множество русскихъ, Віельгорскихъ, Потемкину, графиню Лаваль и пр. — Не могу тебѣ сказать какъ мнѣ грустно о Разумовской. Ея доброе письмо меня съ мѣста съ ней сблизило, не собираясь быть въ Парижѣ, мысль что я нашла бы въ немъ ея ласковый пріемъ, была мнѣ очень мила. — Я тотчасъ отвѣчала Тургеневу, но отъ него не получила отвѣта, ни отъ Николая [5]). Я очень безпокоюсь, онъ въ послѣднемъ письмѣ писалъ, что о братѣ ничего не знаетъ. — Какъ Катя мила, это я тебѣ сказать не умѣю, какъ учится, какъ за мной ухаживаетъ, разливаетъ чай и кофе, точно большая. Дѣтскими уроками я совсѣмъ не въ силахъ заниматься. Учитель музыки очень хорошій, а рисованья нѣтъ, но Бонштетенъ обѣщалъ. — Твое письмо отъ 4 Декаб., нонче 21 с. ст., а мнѣ кажется что я уже года два въ Hyéres. Благодарствуй что

[1]) Я не избѣгла удара.

[2]) Новость изъ Россіи: Городъ Дерптъ, знаменитый своимъ университетомъ, постигла судьба Або: онъ сгорѣлъ до тла.

[3]) Баронъ Иванъ Петр. Черкасовъ, сосѣдъ Бунинымъ и Протасовымъ по имѣнію около Бѣлева.

[4]) Полезной и пріятной бесѣды.

[5]) Ник. Ив. Тургеневъ. 1789 — 1871.

акуратно будешь писать; я бы каждый день писала да боюсь Васъ разорить [1]). — Журналы меня очень забавляютъ и я съ какимъ то прекраснымъ незнакомцемъ, котораго я имени не знаю, подписалась на Constitutionnel и Gazette de France, и забавляюсь какъ первый ругаетъ Villèle [2]), — La Ferronnage занимаетъ его мѣсто. — Въ послѣднемъ номерѣ было описанiе польской армiи, которая идетъ на турецкую границу — и письмо изъ Варшавы „que les polonais vont faire cette guerre d'autant plus volontiers qu'ils croient voir dans cela leur propre emancipation et ne doutent pas que l'Empereur Nicolas et le Roi de Prusse ne leur rendent le même liberté qu'ils vont conquérir pour la Grèce. Le mariage du P-ce Guillaume avec la P-sse Radzivill fortifie leur croyance à cet égard parce qu'elle est une Jagelone“ [3]). Вотъ тебѣ политическая пилюля. — Всѣ рескрипты Государя переводятъ въ газетахъ и я какъ будто съ умиленiемъ читаю Инвалида, радуюсь побѣдамъ, и представляю себѣ какъ ключи и знамена ѣздятъ по Литейной. — Читалъ ты Chronicles of the Canongate? Какъ не кстати Walt. Scott объявилъ себя авторомъ, выбравъ самое свое дурное произведенiе для этого. — Въ Парижѣ, пишутъ къ M-me Lacoste, три sujets de conversation: Islamie, сумасшедшее произведенiе d'Arlincourt — Жирафа — и M. Walewsky, сынъ Наполеона, съ громаднымъ состоянiемъ, лицомъ Адониса et une vogue que ne lui dispute pas même la girafe [4]). Всѣ головы вскружилъ. — Сюда прiѣзжаетъ иногда англiйское семейство у котораго собственная парусная яхта и проводитъ лѣто въ катаньѣ по берегамъ, выходя во всякомъ достойномъ примѣчанiя мѣстѣ Францiи и Италiи. Ежели Богъ ихъ пришлетъ нонче, то познакомлюсь и присосѣдюсь. — Вообрази удовольствiе безъ всякой опасности et à peu de frais [5]). побывать въ Antibes, Nice. Gênes, Naples, Livourne и пр., и какая бы мнѣ польза была отъ морского воздуха. Не надѣюсь чтобы удалось — что то обыкновенное счастье и мои удачи со мной во Францiю прiѣхали! — Но влiянiе доброй Разумовской осталось, она рекомендовала меня марсельскому

[1]) За доставку заграничныхъ писемъ, приходилось платить получателю.

[2]) Премьеръ-министръ Карла X-го.

[3]) Что поляки идутъ на войну съ тѣмъ большею охотой, что они думаютъ, что имп. Николай и король прусскiй имъ дадутъ ту свободу, которую они хотятъ завоевать для Грецiи. Свадьба принца Вильгельма съ принцессой Радзивилъ усиливаетъ ихъ вѣру на этотъ счетъ, такъ какъ она изъ рода Ягеллоновъ.

[4]) Т. е., три темы для разговоровъ: Новый романъ д'Арленкура, привезенныя впервые въ Европу въ этомъ году жирафы, имѣвшiя громадный успѣхъ и вызвавшiя даже подражанiя въ модѣ и гр. Валевскiй, побочный сынъ Наполеона. Онъ участвовалъ въ возстанiи поляковъ 1831 года, при Наполеонѣ III былъ министромъ иностр. дѣлъ (1810—1868). „Шумный успѣхъ его не могли затмить и жирафы“.

[5]) И съ небольшими издержками.

нашему консулу, котораго очень хвалятъ, онъ protégé de la famille de Wurtemberg et de l'Impératrice mère [1]), M. Laland, который не только предлагаетъ мнѣ свои услуги, но хочетъ пріѣхать сюда со мной знакомиться. Ежели мнѣ надо будетъ морскія ванны брать, то можетъ быть переѣду на лѣто въ Марсель, здѣсь 1½ мили до моря, и 6 фр. стоитъ каждый разъ экипажъ т. е. кабріолетъ въ одну лошадь, и никакихъ Badeanstalten, какъ въ Ревелѣ. Въ 1820 году было 4½ гр. мороза въ Гіерѣ, и всѣ оливы и померанцы вымерзли, пальмы тоже — теперь весь нашъ садъ не выше нашихъ померанцевыхъ деревъ, которыя выставляютъ въ Царскомъ Селѣ на галерею, на которой мы ждали скачки, что не украшаетъ моего Гіера. Деревьевъ съ тѣнью есть 5 или 6. — Я еще нигдѣ не была кромѣ у M-me de Beauregard, которая отъ меня черезъ домъ, или черезъ часть ея сада и мнѣ говорятъ что здѣсь никто не достаточно богатъ, чтобы жертвовать, такъ какъ она, столько мѣста въ саду на дорожки, а у нея ихъ четыре! и въ этихъ аллеяхъ въ шляпѣ ходить нельзя, цѣпляется за вѣтки. Но всѣ эти неудобства пропадутъ, когда зацвѣтутъ апельсины и соловьи въ нихъ начнутъ пѣть — это будетъ въ Апрѣлѣ — жду съ нетерпѣніемъ. — Теперь всѣ дрожатъ, боятся снѣга и мороза. Пока еще мороза не было, но благодаря постройкѣ домовъ я больше зябну, чѣмъ въ Россіи въ 10 и 15°; безъ капота на ватѣ и теплыхъ сапогъ нельзя быть, вотъ уже четыре недѣли, т. е. мнѣ больной. Дѣти гуляютъ въ однихъ платьяхъ и изрѣдка надѣваютъ большіе платки. — Прощай другъ. Чтобы я дала, чтобы пожать твою руку и посмотрѣть въ твои глаза, такъ какъ смотрю на милый портретъ. — Попроси мнѣ у Козлова позволенье литографировать его портретъ, писанный Кипренскимъ и очень похожій. Я бы его послала въ Парижъ къ Бове черезъ Лакоста и мнѣ бы это славно сдѣлали. Скажи M-lle Вильдермутъ [2]) что я её до смерти люблю. — Назови меня Царицѣ; ея портретъ всѣхъ прельщаетъ, онъ виситъ у меня надъ портретомъ Jeanne d'Albret, [3]) — j'espère que vous en acceptez l'Augure, — à propos de portrais, ты мнѣ долженъ портретъ Н. Тургенева. — Ежели найдешь маленькой Государыни, хорошій, утѣшь и пришли, выпроси у нея. Пришли съ курьеромъ въ какую нибудь миссію для доставленія à Mad. Woevekoff à Hyères Dép. du Var. — Здѣсь всѣ другъ друга знаютъ, Hyères въ половину меньше Бѣлева.

[1]) Онъ любимецъ Вюртембергской семьи и Императрицы матери.
[2]) Фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны.
[3]) Матери Генриха IV, Бурбона; т. е. символъ того, что Россія выше Франціи.

Акварель - сепія работы А. А. Воейковой. Изъ альбома.

Къ А. Θ. Воейкову.

Іеръ, 14/26 Января 1828.

30 град. тепла на солнцѣ и 17½ въ тѣни.

Сейчасъ получила письмо твое и всѣмъ вамъ тотчасъ по полученіи буду всегда отвѣчать — и по пунктамъ.

1-й. Не бойтесь Алжирцевъ — всѣ острова Іерскіе укрѣплены, на всѣхъ солдаты и на рейдъ не пустили даже англичанъ, не только алжирцевъ; въ Тулонѣ большія приготовленія, какъ говорятъ, противъ нихъ. Когда французы сожгли Алжиръ во время послѣдней войны, то Бей спросилъ что имъ стоила война и узнавъ что 10 милліоновъ сказалъ посланнику: „Дайте мнѣ 5 милліоновъ и я, въ какое время хотите берусь сжечь и Алжиръ и Тунисъ". Торговля совершенно спокойна съ тѣхъ пор какъ военныя суда крейсируютъ. Но что должно быть для тебя успокоительнѣе, это то, что я сижу на диванѣ и ни куда не двигаюсь, какъ было въ Петербургѣ, — что здѣсь нѣтъ и лодки, не только кораблей, (одна всего лодка таможенная), — что до моря надобно проѣхать 7½ верстъ и экипажъ стоитъ 24 франка, а я ихъ тратить не намѣрена. — 2-й пунктъ. Здоровье мое иногда очень хорошо, иногда опять по старому, три дня какъ опять идетъ сильно кровь горломъ, я не сплю по ночамъ но боли не чувствую. — Отъ дѣтей не жди писемъ часто, они заняты и хорошо заняты:

Всему свой часъ — труду бездѣлью,
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья придаетъ.

Музыка идетъ прекрасно, съ скрипкой и въ четыре руки — но беретъ много времени, итальянскіе уроки идутъ „con amore" и также занимаютъ около двухъ часовъ въ день, танцы часъ. Англійское, русское и французское нельзя же бросить. У старшихъ на рукахъ ихъ платья, шляпы, ленты и пр., у Кати большой порядокъ, вообще я ими очень довольна. — Погода чудесная, миндальныя деревья покрыты цвѣтами и ежели бы персиковыя, вишневыя и другія не стояли безъ листьевъ, то не возможно бы вѣрить, что лѣтомъ бываетъ иначе. — Твоихъ писемъ я получила 14, — не дивись ежели ни мои, ни дѣтскія письма не будутъ интересны, съ тѣхъ поръ что мы въ Іерѣ, ничего и никого интереснаго не видимъ — les peuples les plus heureux sont ceux dont l'histoire est insipide [1])! У насъ кромѣ этого ничего нѣтъ: 9, урокъ итальянскій, 10, переводы съ русскаго, стихи

[1]) Самые счастливые народы тѣ, у которыхъ исторія ничтожна.

учить, — 12 исторія, ½ 2-го гулять, 3 обѣдъ и такъ далѣе и въ 9 спать! — Gazette de France и Constitutionnel наполнены войной Россіи противъ Турокъ, но по моему мнѣнію одной Россіи безъ Франціи. Вотъ что Constitutionnel и Gaz. de France послѣднее т. е. отъ 19-го Генваря: — Après le depart de M. de Ribeaupierre, M. Franchini fit enlever les armes russes des deux hôtels de Péra et de Buyukdéré, ce qui fait d'autant plus de sensation, que les ambassadeurs français et anglais avaient laissé sur leurs hôtels les armes de leurs souverains [1]). Constitutionnel говоритъ: „En supposant et même en accordant que la Russie est une puissance ambitieuse, qui désire, sous tout prètexte possible protéger la Grèce et enlever quelque chose à la Turquie, le traité de pacification est un acte de saine politique et d'humanité. En même temps si la Russie est orgueilleuse et puissante, le grand but à se proposer était de lui ôter tout prètexte d'agression et de se préparer des alliés fermes en cas d'agression sans prètexte. - Nous avions dans cette supposition deux choses à faire: ou bien d'agir séparément sur la prudence de la Porte par force ou par raison; ou de nous unir avec d'autres grandes puissances pour essayer de parvenir au même but, et en faisant ainsi, de forcer la Russie à declarer á nous même et à l'Europe qu'elle ne prendrait aucune mesure sèparément et que, dans aucun cas, elle ne ferait pas de son intervention un pretexte pour agrandir son territoire“ [2]). Выписываю только для того этотъ article, что мнѣ кажется все ихъ опасеніе состоитъ въ одномъ, que la Russie n'agrandisse pas son territoire. Всѣ газеты этимъ наполнены. Я получаю le Globe, прекрасный литературный журналъ издаваемый Guizot. Не знаю имѣешь ли ты его, и ежели нѣтъ, то совѣтовала бы подписаться — статью о Бонштетенѣ хотѣла перевести и прислать тебѣ, не сдѣлала отъ того что ты за пересылку ея одной дороже заплотишь, чѣмъ за весь журналъ, да и можетъ быть онъ у

[1]) Послѣ отъѣзда М. де Рибопьера, М. Франчини велѣлъ снять русскій гербъ съ двухъ зданій посольствъ въ Пера и Буюкдере, что произвело тѣмъ большую сенсацію, что французскій и англійскій послы оставили на своихъ посольствахъ гербы своихъ государей.

[2]) Предполагая и даже признавая, что Россія, держава дорожащая своимъ достоинствомъ, которая во всякомъ случаѣ хочетъ покровительствовать Греціи и кое-что отнять отъ Турціи, мирный договоръ есть актъ здоровой политики и гуманности. Въ то же время, если Россія горда и могущественна, важною цѣлью явилось бы отнять отъ нея всякій предлогъ къ нападенію, и приготовиться въ тѣсномъ союзѣ, въ случаѣ нападенія безъ предлога. Въ этомъ предположеніи мы должны сдѣлать двѣ вещи: или дѣйствовать отдѣльно, надѣясь на осторожность Порты, вынужденную или разумную, или соединиться съ другими Великими Державами, чтобы попробовать достичь той же цѣли, и дѣйствуя такъ, заставить Россію заявить намъ самимъ и всей Европѣ, что она не приметъ самостоятельно никакихъ мѣръ, и что ни въ коемъ случаѣ она не сдѣлаетъ изъ своего вмѣшательства предлога для увеличенія своей территоріи.

тебя, или у Булгарина уже есть. Также рекомендую Voyage de Joubert en Persa, прекрасное описаніе Абасъ-Мирзы — что теперь могло бы быть интересно, я его еще всего не прочла. Miss Parish велитъ тебѣ сказать, что сильно интересуется войной и радуется коалиціи ея двухъ отечествъ, Россіи и Англіи. — Напиши отъ меня доброму, любезному Колокольцову дружескій поклонъ и большое спасибо, что онъ насъ не забываетъ, мы ему съ процентами платимъ. Скажи ему также, что его шарфъ восхищаетъ моихъ француженекъ; въ Ліонѣ мнѣ сказали qu'il ne pourrait pas parvenir à une telle beauté de tissu [1]), и я горжусь національной гордостью! Попроси мнѣ Зонтагъ [2]) прислать боченокъ икры, меня такъ ласкаютъ здѣшніе, что хотѣлось бы имъ тоже сдѣлать любезное. —

Къ В. А. Жуковскому.

16/28 Января 1828 г., Hyères.

Спѣшу прибавить къ твоей коллекціи новой портретъ, покуда еще впечатлѣніе, имъ произведенное, не изгладилось изъ памяти моей новымъ какимъ либо предметомъ. Вчера M-me de La Coste просила у меня позволенья познакомить меня съ chevalier de Bouligny и мужъ ея привелъ его ко мнѣ. Это худенькая, старинькая, беззубая фигурка, съ большимъ и длинно повѣшеннымъ крестомъ, Донъ Кихотъ всѣхъ пріѣзжихъ въ Гіеръ; безмѣрно болтливый и презирающій все, что не принадлежитъ къ эмигрантамъ и къ феодальному старому времени. „Человѣкъ стариннаго времени“ значитъ на его языкѣ: честный человѣкъ. Какъ блаженной памяти Ив. Алексѣев. Обресковъ, онъ отличается множествомъ визитовъ которые въ день сдѣлаетъ — но какъ колибри, онъ нигдѣ долго не сидитъ, il glisse et ne se pose pas [3]). Услужливость его къ пріѣзжимъ простирается до того, что онъ никогда не запираетъ своего сада, никогда не продаетъ въ немъ апельсины и даже сѣетъ, цѣлыя грядки cerfeuil [4]) чтобы его посылать для бульона больнымъ. — Онъ мѣшается во все что дѣлается въ городѣ, разсказываетъ анекдоты о Бурбонахъ, съ тѣхъ поръ что они взошли на престолъ и самъ читалъ въ хроникахъ Aix en provence, что въ 15 столѣтіи была тамъ дѣвка рыбачка, въ которой поселился чортъ. — Монахи ее почти годъ экзорсизировали — и наконецъ выгнали большого чорта, который на прощанье съ ней назвалъ себя Наполеономъ!! —

[1]) Не возможно достигнуть такого достоинства матеріи.
[2]) Мужа Анны Петровны Юшковой.
[3]) Онъ скользитъ и не останавливается.
[4]) Кервель, пахучій корень.

Впрочемъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ. — Вчера просилъ онъ меня прійти читать въ его саду девизы, которые онъ написалъ на всѣхъ столбахъ сада и особливо на солнечныхъ часахъ, и которые онъ мнѣ покуда разсказалъ. 1-й: soyez utile à votre semblable [1]), прочіе въ томъ же духѣ. Никакъ нельзя его слушать безъ смѣха, дѣти всегда убѣгаютъ, чтобы ихъ не бранили за смѣхъ. — Вчера была свидѣтелемъ d'une scène de comédie. Моя умная, любезная M-me de La Coste прекрасно поетъ, она живетъ въ одномъ отелѣ съ гр. [неразобрано] о которомъ я тебѣ писала, онъ весь день проводитъ у нея, или съ ней и съ ея мужемъ; что ни дѣлали чтобы ее заставить пѣть, ничего не удавалось, она боится графа. Вчера она сѣла за фортопьяны и начала пѣть „потому что мы одни". Опасный графъ пришелъ и сталъ за ширмы, а она его не слышитъ и продолжаетъ, наконецъ онъ не вытерпѣлъ и въ восторгѣ захлопалъ въ ладоши. Она заохала, захлопнула фортопьяно, убѣжала въ уголъ и стала бранить мужа, кончилось тѣмъ, что она часа два еще пѣла всѣ какія знаетъ романсы! — Комедіи и романы такъ часто описываютъ сцены подобныя этой, что я не ожидала увидать ихъ на яву, потому что этотъ способъ, мнѣ казалось, никто не употребитъ за его ветхость. О женщины! — Прошу мнѣ не напоминать что я женщина; первое, потому что я уже стара, а старая женщина есть родъ средній — второе, ежели бы я въ молодости хотѣла кокетничать, то по натуральнѣе это сдѣлала. — 4/16 Февраля. Другъ милый вотъ тебѣ престарое письмо, ждала твоего, но не дождалась. Теперь не могу вытерпѣть чтобы не обнять тебя мой Ангелъ — за удовольствіе А. Тург., съ которымъ онъ мнѣ пишетъ, что ты ему выпросилъ разрѣшеніе ѣхать въ Лондонъ, куда онъ уже и поѣхалъ 7-го. Жуковскій, ты точно Ангелъ дружбы. Каждый день тебя больше люблю. Твоя милая рожа дѣлаетъ мое счастье, гляжу на нее съ моими чувствами и нахожу на ней отвѣтъ. Прощай мой славный прекрасный Жуковскій. Вотъ письмо къ Козлову, тоже старое.

Къ В. А. Жуковскому.

Hyères. 3/15 Февраля 1828 г.

Милый Другъ! Твои письма — геройство дружбы. Не писавши мѣсяцъ, ты извиняешься — бывало ежели въ годъ два раза напишешь, то бранился что тебя часто заставляютъ браться за

[1]) Будьте полезны вашимъ ближнимъ.

перо. — Другъ мой! ты видно знаешь, что чѣмъ больше я проживаю молодость и ея милыя незамѣнимыя надежды, тѣмъ мнѣ дороже твоя рука, твоя нѣжная подпора, которая во всю мою жизнь была моимъ утѣшеніемъ, и безъ которой старость, которая подходитъ, была бы страшилище. — Благодарю за новости — точно чудная новость, что ты ихъ пишешь, но и чудная судьба твоя и Мещерскаго. Мало людей меньше схожихъ какъ вы двое — и вотъ другая твоя невѣста идетъ за него замужъ. Дай Богъ счастья Катеньки [1]), но признаюсь первая мысль не въ пользу этого счастья. — Первая жена Мещерскаго была ангелъ кротости и доброты, но имѣя умъ, un esprit cultivé et agréable, elle ne l'avait ni brillant ni très étendu, mais un caractère angelique et une douceur à toute épreuve [2]). — Катинька имѣетъ умъ острый, быстрый, qui aime l'éclat, — un coeur d'or mais un caractère entier dans le genre de sa mère. Le prince est simple, sa première femme avait plus d'esprit que lui, mais était toujours à sa portée, la seconde voudra-t-elle s'y mettre? J' en doute et le supportera-t-elle s'il se croira à sa hauteur? et fera, si non le maitre, du moins l'égal? J' en doute encore plus [3]). Вотъ что я думала читая твое письмо и отъ этого и княжество и деньги не совсѣмъ меня порадовали. Дай Богъ чтобы я ошибалась, mais pour un mariage de convenance il est impossible de mieux trouver [4]). Софи [5]) была бы счастливѣе съ нимъ и онъ съ нею. Tout bien pesé je suis bien aise, puisque vous n'avez pas 2 m paysans, que je retrouverai Катинька princesse Мещерскій. — Sans vous monter la tête en aucune manière, donnez moi des nouvelles de M-lle Батюшковъ [6]), la soeur de Constantin [7]). — Очень рада что твои уроки начались, потому что увѣрена что ты теперь покойнѣе чѣмъ когда приготовлялся, мельница пошла а

---

[1]) Екатерина Николаевна Карамзина, дочь исторіографа. Вышла замужъ за кн. Петра Ивановича Мещерскаго, который 1-мъ бракомъ былъ женатъ на воспитанницѣ графа Сергѣя Петровича Румянцева, Екатеринѣ Сергѣевнѣ Кагульской. Любопытно письмо объ этомъ Жуковскаго къ Сашѣ, въ которомъ, онъ сознается объ увлеченіи имъ Е. Н. Карамзиной. См. ч. II. См. также письма къ Тургеневу, стр. 236.

[2]) Умъ развитой и пріятный, но не слишкомъ глубокій и блестящій, зато у нея былъ ангельскій характеръ и испытанная нѣжность.

[3]) Который любитъ блескъ. Золотое сердце, но характеръ, совершенно въ духѣ своей матери. Князь — простой, его первая жена была умнѣе его, но всегда умѣла быть на его уровнѣ. Захочетъ ли этого вторая? Я сомнѣваюсь, и потерпитъ ли онъ это, если будетъ считать себя на равной высотѣ? Сдѣлается ли если не главою, то хотя равнымъ? Я еще болѣе сомнѣваюсь.

[4]) Но, какъ бракъ по положенію (какъ партія), трудно найти что нибудь лучше.

[5]) Софья Николаевна Карамзина, сводная сестра Кати.

[6]) Александра Николаевна, жившая съ душевно больнымъ братомъ за границей.

[7]) Хорошо все взвѣсивъ, я довольна, что найду Катеньку княгиней Мещерской, такъ какъ вы не имѣете 2 т. душъ. Сообщите мнѣ новости о M-lle Батюшковой, сестрѣ Константина, и не подымайте кверху головы (т. е. не чваньтесь).

за водой дѣло не станетъ, а покуда еще готовилось всегда больше ажитаціи. Намедни мнѣ было грустно, я отправляла нѣкоторыя мелочи для маменьки, Пашиньки и Перовскаго, а тебѣ нечего было послать и какъ разъ въ твои имянины это случилось, я знаю что ты этимъ ничего не потерялъ, но мнѣ было грустно. — Не могу не возвратиться къ Катенькѣ, какъ она могла довольствоваться мужемъ, надъ которымъ не можетъ не видѣть своего превосходства? Qu'il y a-t-il au monde de plus insipide qu'une société où on se sent supérieur à tous les convives? et de plus délicieux que celle où votre âme sent le besoin de s'élever pour atteindre à la hauteur des autres; et d'autant plus que dans une société aussi intime et aussi constante que celle de mari et femme, peut on se condamner à rester vis à vis de soi, à garder ses sentiments pour soi, parcequ'on sait que celui qui devrait les étendre, avec lequel on serait si heureux de les discuter, — чтобы чужой умъ помогъ ихъ отчистить отъ всякаго альяжа, — celui la n'est pas capable de les comprendre! Je connais assez M. pour avoir vu en lui un brave et honêt homme, mais sans une idée de ce qui fait le charme de la vie; les idées, les sentiments [1]) и прелесть возвышенной мысли, ему также неизвѣстны какъ арабскій языкъ. — Боже мой, неужели блестящій экипажъ, нарядный домъ и титулъ могутъ уберечь отъ скуки, а какова жизнь со скукой дома? Какъ я рада что меня нѣтъ въ Петербургѣ, я бы все это не вытерпѣла и сказала бы ей что думаю, потому что я ее люблю и потому что въ 20 лѣтъ можно радоваться каретой и шалью, а въ 30 уже нельзя, а 20 отъ 30-ти гораздо ближе чѣмъ это думаютъ. — Я къ маминькѣ писала что мнѣ гораздо лучше, но что при перемѣнѣ погоды, особливо когда вѣтеръ, кровь горломъ идетъ; я признаюсь писала это для того что и она и Мойеръ мою поѣздку въ чужіе краи сочли за coup de tête, а страхъ Арендта, что ежели я проведу зиму въ Петербургѣ я ее не перенесу, за выдумку съ моей стороны, — если въ климатѣ, гдѣ еще ни разу не было 1 град. мороза, грудь при всякой перемѣнѣ погоды становится хуже, чтобы было въ 24°, какъ у васъ! —

[1]) Что можетъ быть въ мірѣ болѣе пошлаго, какъ то общество, въ которомъ чувствуешь себя выше всѣхъ присутствующихъ, и болѣе восхитительнаго, какъ то, среди котораго ваша душа чувствуетъ потребность подняться, чтобы достигнуть высоты другихъ; а тѣмъ болѣе въ такомъ интимномъ и постоянномъ обществѣ, какъ общество мужа и жены; можно ли себя принудить остаться наединѣ съ собою, прятать свои чувства для себя, потому что знаешь, что тотъ, кто долженъ бы ихъ (понять), съ которымъ было бы такъ пріятно ихъ обсудить — тотъ не способенъ ихъ понять! Я достаточно знаю М., чтобъ видѣть въ немъ порядочнаго и честнаго человѣка, но не имѣющаго понятія о томъ, что придаетъ прелесть жизни; мысли, чувства.

Спасибо что рѣшилъ меня на счетъ Жеркура [1]), у насъ завязалась переписка отъ комиссій, которыя бѣдная гр. Разумовская взялась для меня сдѣлать, а такъ какъ здѣсь ничего нельзя имѣть, то я просила ее о многомъ, а потомъ и Жеркура, но такъ какъ письмо его въ благородномъ тонѣ, то я и не боялась отвѣчать, хотя гораздо рѣже чѣмъ получала отъ него. Мнѣ кажется ужасно глупо бояться вѣчно влюбить въ себя, надобно же оставить это преимущество красавицамъ. — Понимаю, или лучше не понимаю а вѣрю и вижу, что можно меня любить, вы доказали, — что даже можно желать associer sa vie à la mienne [2]), — но чтобы играть влюбленнаго, теперь уже не вижу никакой возможности. — Еще тамъ покуда былъ живъ покойный Государь, тамъ лѣтомъ, можно это было играть, теперь понять не могу, — и всегда вспоминала слова тетушки Елис. Ѳед. которая говорила Вадбольской: „Vous avez toujours l'air de défendre une vertu que personne ne met à l'épreuve" [3]). Вотъ отчего четыре раза писала Жеркуру, теперь баста! — Ежели можно, спиши когда нибудь письмо Разумовской. Прошу какъ дружбы, пришли письма Импер. Елизаветы, со мной ихъ нѣтъ, Мар. Вас. вѣрно не откажется ихъ списать.

5 17 Февраля. Le bon Dieu prend à tache de me donner des démentis — il suffit que je dise une chose sur mon compte, pour qu'il arrive l'opposé le lendemain. Voila trois jours que j'ai la fièvre [4]) и посажена на сыворотку надѣюсь что не будешь безпокоиться отъ этой реляціи. Виноватъ всему вѣтеръ, съ нимъ и пройдетъ, но обдумавъ не пошлю это письмо прежде чѣмъ поправлюсь.

11 23 Февраля. Другъ милый, я съ солнцемъ поправилась; — всѣ эти дни, т. е. съ 20-го былъ у меня добрый Зейдлицъ, онъ много толковалъ обо мнѣ съ Алегри, особливо хочется ему, чтобы меня на лѣто хоть въ Марсель послали, ежели не для свѣжаго воздуха, то для душъ, для которыхъ здѣсь нѣтъ никакихъ приспособленій. Мы съ Зейдлицомъ уговорились ѣхать вмѣстѣ въ Россію, онъ увѣряетъ что за эту цѣну мы и коляску купимъ и доѣдемъ. Они съ Толстымъ отъ Курска до Парижа въ 4 лошади, проѣхали 3000. Онъ будетъ 2 года слоняться по университетамъ и сообщать мнѣ гдѣ находится,

[1]) Т. е. А. И. Тургенева.
[2]) Соединить свою жизнь съ моей.
[3]) Вы всегда имѣете видъ, что вы защищаете свою добродѣтель, на которую никто не посягаетъ.
[4]) Господь Богъ старается давать мнѣ разочарованія (противорѣчія); достаточно мнѣ что либо сказать на мой счетъ, чтобы на другой день случилось обратное. Вотъ уже 3 дня, какъ у меня лихорадка.

а когда мнѣ надо будетъ, я ему напишу и онъ тогда меня повезетъ куда слѣдуетъ, а между тѣмъ не будетъ терять изъ виду коляски и ежели найдетъ въ Парижѣ, Вѣнѣ или Аугсбургѣ, то водой пришлетъ мнѣ, или съ фурманами, что очень дешево. Исподволь оно дѣлается гораздо лучше, чѣмъ купить au moment du besoin [1]); коляски парой возятся, вещи пошлю водой, а ежели Господу Богу угодно будетъ и буду умирать, то онъ клялся свято дѣтей довести домой — ce qui est un grand sujet de tranquillité et de contentement pour moi, гора съ плечь [2])! — Я на дняхъ умирала со смѣху, глядя на сыновей M-me de Beauregard; это необтесанные фаты, не только не съ меланхолическими глазами, но скорѣй безъ глазъ, или скорѣй des yeux sans regard [3]). Одинъ кавалеристъ, объѣзжаетъ въ день по три дикихъ лошади и ходитъ въ красныхъ штанахъ, другой морякъ, очень доволенъ своей толстой женой и собой. — M. le Curé, съ круглыми, красными щеками, съ большимъ пузомъ, хохочетъ такъ, что стеклы дрожатъ и обращаетъ меня въ католичество. — До сихъ поръ я нашла здѣсь одно интересное творенье, это Филемонъ и Бавкида, около 60-ти лѣтъ оба, мужики, были богатые фермеры, но революцiя ихъ лишила всего, т. е. сожгла ихъ домъ за то, что жена, съ опасностью жизни, прятала въ горахъ во время terreur священниковъ, которые здѣсь скрывались. Она завела въ своемъ домѣ кроликовъ, и подъ предлогомъ искать имъ траву носила ѣду своимъ протеже въ горы. — Дочь ихъ пошла въ монастырь, а старуха содержитъ мужа своей работой, т. е. часто они ложатся спать не ѣвши, но никогда не поблагодаривши Бога за жизнь! — Прощай Другъ прекрасный.

Къ А. Ѳ. Воейкову.

Iеръ, 25 Февр. /9 Марта 1828 г.

Сейчасъ получила письмо твое и благодарю за вѣсти. Миссъ Паришъ скачетъ какъ юная серна отъ радости, что Анетъ Комаровская будетъ Анетъ Шипова, дай Богъ ей счастья. Поклонись отъ меня милой графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ [4]), я къ ней писала въ Веймаръ, но незнаю получила ли она мое письмо. Какъ я огорчилась, узнавъ что проѣхала мимо нея въ Веймарѣ, лишила себя такого большаго удовольствiя Богъ знаетъ отъ чего! — Ты хочешь подробныхъ свѣдѣнiй о моемъ здоровьѣ —

[1]) Въ моментъ нужды.
[2]) Что является большимъ успокоенiемъ и удовлетворенiемъ для меня.
[3]) Глаза безъ взгляда.
[4]) Орловой?

ничего новаго, кашляю, кровь идетъ горломъ всегда когда вѣтеръ, а съ тѣхъ поръ какъ Мартъ насталъ вѣтеръ не перестаетъ, и какой вѣтеръ! такой сильный, какой былъ въ день наводненія, дулъ здѣсь три дня и три ночи; здѣсь и морозы по ночамъ. Нонче погода хороша и я такъ здорова, что готова плясать. Такого сильнаго вліянія погоды я не чувствовала въ Петербургѣ надъ собой.—Андрей учится грамоти, пожалуйста пришли мнѣ азбуку русскую. Онъ молится: Голубчикъ Богъ дай чтобы миленькая Мама не умерла.—Самъ это выдумалъ.—Надѣюсь что ты и мнѣ пришлешь всѣ ваши новости, Пушкина, Баратынскаго, а ты и Козловъ отъ меня получите по Страсбургскому пирогу,—все что могла послать.—Іеръ мой точно Муратово, ничего въ немъ нѣтъ, не совѣтую больнымъ, которымъ надобно развлеченіе, сюда ѣздить.—Какъ хороши стихи Пушкина, надѣюсь на продолженіе и жду съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь также что онъ на escapade [1]) сестры что нибудь напишетъ, напиши ея новое имя.—Цѣны здѣсь невѣроятныя и не въ пропорціи съ мѣстомъ. Строгоновъ платилъ 10 т. за свой домъ, а одинъ англичанинъ 12, а главное что здѣсь никто круглый голъ не остается, какіе нибудь 7 мѣсяцевъ.—Давно ли у васъ Константинъ Павловичъ? [2]) правда ли что вся пѣшая гвардія уже вышла изъ Петербурга на границу Турціи?—Твои пророчества насчетъ Перовскаго бросили меня въ жаръ и холодъ!—По англійской исторіи Goldsmith 3 тома мы увезли, а 9-й томъ „Hume" не знаю зачѣмъ пропалъ, будешь умница ежели купишь. Скажи Пашинькѣ [3]) чтобы чаще писала и помнила, что у меня ни развлеченья, ни утѣшенья никакого нѣтъ, кромѣ писемъ.

Къ В. А. Жуковскому.

Hyères, 6 Марта н. с., 1828 г.

Милый Другъ, вотъ тебѣ письмо къ M-lle Вильдермутъ [4]), я здорова и очень довольна хорошей погодой. Дѣти утѣшаютъ и радуютъ, здоровы и хороши. Алегри сейчасъ вышелъ, нашелъ у меня превосходный пульсъ, и объявилъ, что ежели кровь не будетъ идти горломъ, то пошлетъ меня въ Пиренеи въ Іюлѣ. Еще долга пѣсня, но ежели поѣду, то, такъ какъ это будетъ на 6 недѣль, можетъ оставлю подъ покровительство моей доброй Маркизы, меньшихъ дѣтей — дешевле будетъ и

[1]) Шалость. Ольга Серг. Пушкина тайно вышла замужъ за Павлищева.
[2]) Вел. Князь.
[3]) Графинѣ Толстой.
[4]) Фрейлина Императрицы Александры Ѳеодоровны.

меньше хлопотъ. Но все это говорю потому что люблю все тебѣ говорить, что меня занимаетъ—а до Іюля еще Богъ знаетъ что будетъ. Душка не лѣнись писать и описывать, право твои благодатныя письма такое большое удовольствіе, что ты, ежели узнаешь его полноту, не захочешь меня его лишить.—Неужели Катинька вышла уже замужъ? [1])—Какъ буду счастлива, какъ узнаю что милый Перовскій возвратился, какъ мнѣ его Екатеринодаръ не нравится.—Такъ иногда къ вамъ хочется, что кажется съ силой воли должна бы перелетѣть.—Я познакомилась съ M-me du Chatelet, милая женщина, она была дружна съ княг. Гагариной, знаетъ Віельгорскихъ и множество русскихъ.—Боже мой Жуковскій! какая нонче погода! Какъ хорошо синее море и русскій корабль, который нагружается для Петербурга! Персики еще безъ листьевъ, но покрыты розовыми цвѣтами, прелесть. Утѣшь меня подари Пашинькѣ éducatiton domestique de M-me Guizot, jamais livre d'éducation ne m'a fait autant de plaisir et j'ai envie qu'elle le partage [2]).

Къ В. А. Жуковскому.

1/13 Марта.

Благодарствуй за записочку! Но какже тебѣ нечего писать? Напиши пожалуйста вышла ли Катинька замужъ и какъ ты ее поздравлялъ, напиши всю правду очень ли ты краснѣлъ и заикался, требую полную исповѣдь.—Поблагодари Марью Васильевну [3]) за письмо, буду отвѣчать, но для этого надо по крайней мѣрѣ недѣлю безъ мистраля, а въ Мартѣ это рѣдко.—Я теперь точно такая, какую ты меня видѣлъ въ Берлинѣ, нервы мои отказываются служить, дни въ которые я бываю здорова, это тѣ, въ которые отъ васъ есть письма, тогда совсѣмъ оживаю и—невѣроятно какъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ совсѣмъ становлюсь другая.—Нонче, ежели бы я не была такая слабая, то могла бы имѣть по крайней мѣрѣ эпизодъ для твоего романа. Сегодня театръ и балъ! Молодой Талейранъ влюбился въ дочь бельгійской дамы, которой имени не помню, и играетъ съ ней на театрѣ, разумѣется онъ le premier amoureux она jeune première. Весь городъ въ тревогѣ, одни не званы, другіе званы да постъ. Le curé въ прошедшее Воскресенье объявилъ въ проповѣди, что тѣ кто играютъ на театрѣ, служатъ дьяволу—а

[1]) См. предыдущее письмо къ Жуковскому.

[2]) „Домашнее воспитаніе", M-me Гизо; никогда книга о воспитаніи не доставляла мнѣ столько удовольствія и я бы хотѣла, чтобы она его раздѣлила.

[3]) Гр. Адлербергъ. О ея письмѣ писалъ Сашѣ Жуковскій. См. ч. II.

кто въ постѣ играетъ,—тѣ сами уже почти черти, и совѣтовалъ посмотрѣть въ лорнетъ на ихъ ноги и—подъ фраки!! Отъ этого многіе не хотятъ идти въ театръ, но не знаю смотрѣли ли въ лорнетъ, или вѣрятъ попу на слово. Я не могу привыкнуть къ здѣшнимъ обычаямъ, или лучше къ тому, что бѣдность заставляетъ здѣсь дѣлать. Вообрази, вчера, подлѣ моего сада, на мосту положили ребенка мертваго, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, зажгли фонарь надъ головой и покрыли его полевыми цвѣтами—почти нагого—и всѣ ушли. Старушка, которая проситъ всегда на этомъ мосту милостыни, сказала мнѣ очень хладнокровно: это крестьяне изъ деревни у которыхъ неначто похоронить его! Весь городъ проходилъ мимо, чтобъ идти въ аукціонъ, который съ другой стороны моего дома, и никто не спросилъ даже что это за ребенокъ. А похороны обошлись мнѣ съ гробомъ въ 3 франка и были роскошны, такъ какъ здѣсь обыкновенно берутъ гробъ на прокатъ въ гошпиталѣ, чтобъ донести до кладбища, гдѣ закапываютъ просто въ яму рѣдко глубже трехъ вершковъ.—Я не могла вообразить той бѣдности, которую нахожу въ этой счастливой Франціи, гдѣ земля даетъ 4 урожая въ годъ. Уже не разъ видѣла людей которые падали на улицѣ, потому что не ѣли нѣсколько дней.—M. le curé даетъ индульгенціи ѣсть мясо во время поста, богатымъ даромъ,—а бѣднымъ за одинъ су, но такъ какъ онъ ѣздитъ черезъ день въ Тулонъ, то онъ поручилъ эту работу сестрѣ, а когда сестры дома нѣтъ, то она передаетъ это дѣло кухаркѣ.—Разскажи это Шеміоту. Французскія поповскія кухарки также infaillible [1]) за грошъ какъ Папа за сотни франковъ. Слушая эти дѣла мнѣ ужасно хочется сдѣлаться католичкой!!—Пріѣхалъ Гартманъ и разсказывалъ со слезами на глазахъ, что ему писали изъ Финляндіи, что Царскіе дѣти послали 25 франковъ погорѣвшимъ въ Або и что никакая мѣра правительства не могла болѣе привязать Финляндцевъ къ Царскому дому, какъ этотъ подарокъ дѣтей.—Теперь анекдотъ объ Андрюшкѣ. Онъ вчера со мной гулялъ и я велѣла Лукьяну отвести его домой, онъ сталъ барахтаться и закричалъ: „cochon". Я его спросила что это значитъ, и онъ отвѣтилъ: „это мальчикъ въ шапкѣ, который вчера проходилъ мимо другихъ мальчиковъ и всѣ ему говорили cochon". Какъ видишь, онъ дѣлаетъ успѣхи во французскомъ языкѣ!—Прощай другъ, устала. Поцѣлуй всѣхъ кто дастся.—Какой прекрасный рисунокъ гроба Сергѣя прислалъ мнѣ Тургеневъ.

[1]) Непогрѣшимы.

Къ В. А. Жуковскому.

20 Марта н. с.

Другъ мой только два слова чтобъ отвѣчать на твое письмо. Не пишу нонче потому еще слаба, третьяго дня сильно шла кровь горломъ, но скоро уняли—теперь здорова но боюсь уставать. Вчера ужасно испугалась, Машка дышала со свистомъ, я думала крупъ, но Алегри божится, что его здѣсь никогда не бываетъ, онъ далъ ей рвотнаго и кажется все прошло, но мнѣ это силы не придало. Хотя я здорова, но ужасно слаба. Сижу и даже читать устала съ 9 до 3-хъ часовъ, коли буду еще глупѣе чѣмъ была, не дивись другъ милый. Поклонись всѣмъ и не наказывай за то что мало пишу, духъ бодръ, да плоть немощна!—Не можешь вообразить какъ добрый Зейдлицъ готовъ все бросить для меня, какъ онъ преданъ! такого добраго нѣмца свѣтъ не производилъ.—Коли увидишь Арендта и Штофрегена обними за меня.

Къ Е. А. Протасовой.

4 Марта 1828 г. Іеръ.

Другъ мой, вотъ уже мѣсяцъ какъ отъ васъ ни слуху, ни вѣсточки—18-е Марта—Милый другъ! Начала свое письмо въ такой тоскѣ о томъ, что объ васъ ничего такъ давно не знаю, что и сама никакъ писать не могла. Знаю, что когда вы не пишете, то или вы нездоровы, или уже вамъ слишкомъ грустно. А изъ этихъ двухъ выбрать мудрено.—Наконецъ, слава Богу, отъ 8 февраля ваше милое, длинное письмо—и ваша Сашка ожила. Буду отвѣчать по пунктамъ. Первый у васъ всегда мое здоровье. Я гораздо лучше, боли никакой и ежели бы кашель не мѣшалъ спать, то скоро бы окрѣпла. Лечусь точно воздухомъ, даже ваннъ д'Алегри мой боится мнѣ давать, потому что я подвержена воспаленіямъ. Не ѣмъ ничего, кромѣ молока ослинаго и овощей, изрѣдко рыбы. Я мой Ангелъ очень рада, что сдѣлала то, что вы приказали, добрая моя M-me de Beauregard, нашла мнѣ купить ослицу за 120 франковъ (франкъ тоже что рубль, имѣетъ 100 сантимовъ или 20 су. Сантимъ стоитъ по векселю копѣйку, а ежели бы можно сюда привезти нашу мѣдь, то копѣйка ходила бы за су и можно бы выиграть 30 на 100). — Ослица моя живетъ на фермѣ M-me Beauregard и я за неё плачу 18 фр. въ мѣсяцъ, за кормъ и чистку; её три раза въ день приводятъ ко мнѣ доить у моего порога и я пью теплое молоко. — Домá здѣсь страшно дороги. Я наняла на годъ за 2700 фр., т. е. 1800 на зиму и 900 на лѣто а другіе и даже не цѣлые дома идутъ по 6 и 7000. — Г. Депинъ очень честный

человѣкъ и любитъ русскихъ, но свой карманъ еще больше. у него живетъ Гартманъ, финляндецъ, прекрасный человѣкъ съ деверомъ и лакеемъ и занимаетъ 2 комнаты за 600 ф. въ мѣсяцъ съ содержаніемъ, и это не въ городѣ, а на дачѣ, и къ тому же умираетъ съ голоду. Депинъ сладилъ Строгонову другую дачу M-me de Beauregard за 6000. — Другъ мой, первая персона въ Іерѣ это моя M-me de Beauregard. Съ Talleyrand я отъ того не познакомилась, что тамъ надобно быть нарядной умомъ и тѣломъ. Ежели бы она не такъ скоро уѣзжала, то я бы непремѣнно послушалась вашего приказанья, — но она уѣзжаетъ черезъ недѣлю, а не познакомившись 3 мѣсяца пойти наканунѣ отъѣзда надобно выдумать резонъ. — Но обѣщаюсь вамъ, на будущій годъ она возвратится и M-me de Gouvion S-t Cyr, и я съ обѣими познакомлюсь, у неѐ тоже все комедіи и прочія радости, а M. le curé все на нихъ гремитъ въ проповѣдяхъ. Писала ли я вамъ, что онъ меня хочетъ обращать въ католическую религію? И ваша бѣдная Сашка, которой небо отказало въ краснорѣчіи, должна спорить по цѣлому часу и доказывать красоты своей вѣры, но такъ какъ я не желаю ему ничего сказать грубаго и всегда говорю что его вѣра прекрасная, то онъ вздумалъ, что я только боюсь васъ и мужа, безъ того бы сейчасъ окрестилась. Намедня онъ приходилъ когда я получила отъ Воейкова письмо, которое случайно кончается словами: „Будь здорова и не забывай русскаго Бога". — Я это ему сказала. „Madame", s'est il écrié, „savez Vous les paroles de l'Evangile: qui ne déteste pas son pére et sa mère à cause de moi, n'est pas digne de moi!" И ждалъ эфектъ своихъ словъ, думая, что я тотчасъ выберу между Богомъ и семьей. — Я очень хладнокровно ему отвѣтила: Je le sais, mais pour détester faut-il encore être d'une opinion diférente, tandis que je suis persuadée qu'ils sons les bien pensants. Ie ne juge pas et ne condamne pas votre culte, mais j'adore le mien! [1]) Не можете вообразить его удивленіе, точно какъ бы на него вылили холодной воды, онъ который уже готовился меня крестить, вдругъ съѣхать такъ глубоко. — Никогда не была такъ далеко отъ желанія сдѣлаться католичкой, какъ теперь и никогда не видала такъ красоты нашей святой религіи. Здѣсь все для глазъ и для попа — у насъ все для того, кто молится; всѣ здѣшнія конгрегаціи въ томъ духѣ, какъ у насъ единственный

[1]) Madame, вскричалъ онъ, знаете ли Вы слова Евангелія: „кто не презритъ отца своего и мать свою ради меня, нѣсть достоинъ меня"!

Я это знаю, но чтобы презирать, надо еще имѣть различные взгляды; тогда какъ я увѣрена, что ихъ взгляды правильны. Я не осуждаю и не хулю вашей вѣры, но я обожаю мою.

Фотій [1]). Украшать церкви и дарить M. le Curé — милостыню грѣхъ давать, на это есть другія заведенія. Отъ этого часто видать людей, которые по среди улицы падаютъ отъ голода. — На дняхъ мужики изъ деревни вынесли полуголаго ребенка мертваго и положили на мосту, потому что не на что хоронить! и весь городъ проходилъ мимо, даже не спросивъ что это значитъ. — О мой другъ! чтобы вылечить нашихъ либераловъ, надобно послать ихъ въ Провансъ. Этотъ рай, этотъ садъ Франціи, въ которомъ круглый годъ земля работаетъ и приноситъ плоды, въ немъ половина народа проситъ милостыни, и нѣтъ такого богатства, которое бы могло помочь напримѣръ семейство, состоящее изъ девяти человѣкъ, и ни одного работника! Ежели бы эти несчастные принадлежали барину, онъ бы ихъ и лечилъ и кормилъ, — теперь волей не волей они всѣ умираютъ съ голоду. — Что меня еще удивляетъ, это апатія здѣшняго народа. Напримѣръ земля круглый годъ приноситъ всякія овощи и они не боятся мороза, — мы ѣли 25 Декабря зеленый горохъ, который купили у мужика, даже не у садовника, намедни я просила еще достать, а мнѣ отвѣтили что погода слишкомъ дурна, чтобъ пойти собрать горохъ. А погода такая, что даже гуляли. — Когда русскій нашъ мужикъ откажется выиграть рубль изъ за дурной погоды! Какъ нашъ милый русскій народъ лучше, какъ онъ менѣе лѣнивъ; а говорятъ что Франція ничего, противъ Италіи.

Къ Е. А. Протасовой.

Безъ даты.

Другъ мой, не писала эти дни отъ того что такъ была испугана, слава Богу, совсѣмъ понапрасно. Машка пришла разъ домой и дышетъ съ такимъ свистомъ, что я обмерла, думала что круппъ, но мой добрый d'Алегри говоритъ, что на югѣ круппъ не бываетъ, что здѣсь это совершенно неизвѣстная болѣзнь. Теперь слава Богу все прошло. Я такого Ангела въ жизни не видывала, теперь позавтракала и ложится спать. Ходила, играла и такъ на Машу [2]) будетъ походить. Прощайте, благословите насъ, теперь хотя и покойна, а не пишется.

Къ А. Ѳ. Воейкову.

12/24 Марта 1828 г. Іеръ.

Я думаю что ты во всю свою жизнь написалъ однажды письмо безъ числа — и это случилось, когда я хотѣла высчитать

[1]) Извѣстный церковный дѣятель, Александровскаго времени, архимандритъ Юрьевскаго монастыря, сотрудникъ Аракчеева. (1792 — 1838).
[2]) Т. е. на покойную М. А. Мойеръ.

по немъ нашу Пасху; мы никто не знаемъ, когда праздновать нашъ Свѣтлый Праздникъ. Благодарю очень за Онѣгина, очень, очень одолжишь ежели всего такимъ образомъ перешлешь, какіе прелестные стихи! — Я по уши въ политикѣ, здѣсь газеты уже отправили Государя въ Одессу, а Армію нашу перевели черезъ Прутъ съ мѣсяцъ назадъ. — Теперь узнала что въ Тулонъ телеграфомъ пришелъ contre-ordre pour l'armement des vaissaux qui devaient partir pour la Grèce [1]) — все остановлено и Франція объявляетъ миръ Туркамъ, а газеты кричатъ contre l'affreuse ambition du jeune Tsar [2]). — Къ вамъ ѣдетъ (скажи это Козлову) M. le duc de Mortemart, en remplacement de M. de La Ferronnays, et devant accompagner S. M. l'Empereur de Russie partout et ne pas quitter son auguste personne [3]), такъ говорятъ газеты, а дамы говорятъ qu'il réunit la grâce et la beauté de M-me de Montespan à tout l'esprit des Mortemart [4]). Я рада для M-lle Wildermutth, онъ говорятъ необыкновенно любезенъ. Хочешь еще свѣдѣній о моемъ здоровьѣ? № 1-й, оставила ли лихорадка? оставила нонче, а завтра возвратится съ вѣтромъ. № 2-й, не сплю иногда и трехъ часовъ отъ кашля, иногда сплю и 6 и 7 часовъ; ѣсть почти не могу и устаю очень. Велѣли мнѣ ѣсть цыплячій бульонъ и я 6 ложекъ и циплячью ножку съѣмъ, вотъ и весь мой обѣдъ. 4-ое, силы никакой нѣтъ, почти всегда дурно дѣлается если пройду изъ комнаты въ комнату. 5-ое, сравнительно съ послѣдними петербургскими недѣлями я точно въ томъ же положеніи—но всему этому причиной безпрестанный мистраль, который всегда во время экинокса дуетъ. Д'Алегри божится что въ Іюлѣ буду здорова и крѣпка, жду и надѣюсь. —

Къ В. А. Жуковскому.

15/27 Марта.

Милый другъ, радовалась какъ ребенокъ твоему письму, милому, доброму, въ которомъ ты хочешь, чтобы я доказала что я умна! А я тебѣ стану доказывать мой разсудокъ: вотъ тебѣ письмо Зейдлица, признаюсь что я его не хладнокровно читала. Когда онъ уѣхалъ, то я поручила ему искать мнѣ купить коляску. Мнѣ докторъ велитъ кататься, а здѣсь не въ чемъ, кромѣ

[1]) Приказъ объ отмѣнѣ вооруженія судовъ, которыя должны были выйти въ Грецію.

[2]) Противъ ужаснаго властолюбія молодого царя.

[3]) Герцогъ de Mortemart на мѣсто г. La Ferronnays обязанный сопровождать вездѣ Русскаго Императора и не покидать его августѣйшую особу.

[4]) Что онъ соединяетъ грацію и красоту г-жи Монтеспанъ съ умомъ г. Мортемара.

одного кабріолета безъ рессоръ, во всемъ городѣ нѣтъ ничего, а безъ рессоръ кататься, на то груди нѣтъ, и такъ я хотѣла купить коляску въ Парижѣ. Теперь непремѣнно куплю, чтобъ имѣть готовую возницу, вояжъ даже въ Ниццу въ дилижансѣ не вынесу. — Перечла твое милое письмо и оно угомонило мою голову, которую Зейдлицево встревожило. — Какъ ты можешь говорить что у тебя только Яковъ и Федоръ передъ глазами? Не лѣнись только замѣчать — я думаю, что нигдѣ нѣтъ столько интереснаго, новаго, оригинальнаго, не подражаемаго, какъ въ Петербургскомъ обществѣ н. пр. что милѣе Тутолминой которая говоритъ мужу: „ты сегодня хочешь ѣхать къ гр. Нессельроде". „Нѣтъ мой другъ я и не думаю". „Нѣтъ, нѣтъ ты я знаю навѣрное хочешь ѣхать и я карету заказала". — „Но я клянусь Вамъ, я боленъ отъ усталости". — „Мой другъ стыдно въ ваши годы мѣнять свое мнѣніе, поѣзжайте сейчасъ какъ вы это желали". „А это вѣрно, нельзя мѣнять свое мнѣніе" и вотъ Т. ѣдетъ чтобъ не мѣнять того, чего онъ вовсе не желалъ. — Въ Гіерѣ не найдешь и четверти оригиналовъ, которые на всякомъ шагу у насъ встрѣчаются. — Le caractère d'ici c'est de ne pas en avoir. Les beaux arts n'existent dans l'existence des français comme ils entrent si bien dans celle des allemands [1]). Ты говоришь у нихъ болѣе жизни? Но въ чемъ ихъ жизнь? Я еще не могла найти ее. Кромѣ комеражей, которые гораздо злѣе нашихъ, потому что это единственное занятіе, единственная цѣль дня (нонѣшняго, о завтрашнемъ успѣютъ думать) все прочее не интересно, кромѣ еще нарядовъ, и въ городкѣ въ которомъ нѣтъ ни театра, ни общественнаго гулянья, нельзя вообразить, какъ мудрено вести интересный разговоръ. — Правда что все на партіяхъ, но тѣ кто готовы глаза выцарапать за Виллела [2]), въ восторгѣ отъ моей газеты гдѣ на каждой строкѣ остроты на его счетъ, et tout en promettant de me jeter le journal à la tête [3]), всегда его читаютъ; тутъ уже нѣтъ даже patriotisme, а просто всё въ жертву лишь бы скуку прогнать хоть на минуту. — Народъ въ сѣверной Франціи мнѣ больше нравится чѣмъ здѣсь; небо Прованса сдѣлало его лѣнивымъ и въ немъ нѣту ничего острого — карнавалъ его просто глупъ, не только ничего замысловатаго, но даже и ничего смѣшного, бѣгаютъ и кабенятся. Забавляютъ меня только старухи, которыя ходятъ къ фонтану, и по часу бранятся, кто

[1]) Характеръ здѣшнихъ людей, это отсутствіе всякаго характера. Искусства отсутствуютъ въ жизни французовъ, тогда какъ они входятъ въ само существованіе нѣмцевъ.

[2]) Villèle, первый министръ Карла X съ 1822 по 1828 г.

[3]) И обѣщая бросить мнѣ газету на голову.

Акварель сепія, работа А. А. Воейковой, изъ альбома

прежде возметъ воды (фонтанъ можетъ наполнить заразъ только одинъ кувшинъ) и на это надо 5 минутъ, а онѣ прохлопочатъ цѣлый часъ. Надняхъ одна старуха затыкала руками фонтанъ, чтобы другая не могла брать воду, та подставила свой кувшинъ и схватила ту за руки. Чтоже выдумала моя старуха? Она заткнула его носомъ! Я въ жизни ничего смѣшнѣе не видала, вода смыла съ неё чепчикъ, платокъ, а она всетаки держала носъ у крана. — Впрочемъ Гіеръ счастливъ и на прiѣзжихъ оригиналовъ. Miss Parish познакомилась съ ирландскимъ семействомъ, мужъ, жена и невѣстка, онъ Г-нъ Келли женатъ на Макъ-Дермотъ, отецъ его пэръ Ирландіи. — M. Duchatelet въ разговорѣ съ нимъ назвалъ революцію. „Ah! Monsieur dites moi donc qu'est ce que c'est que cette révolution dont j'entends si souvent parler et dans quel pays a-t-elle eu lieu?“ [1]). Семь часовъ дня онъ проводитъ на охотѣ, остальное время бьетъ жену и невѣстку, которыя просили у Miss Parish книгъ, она въ торопяхъ послала имъ твои сочиненія вмѣсто Th. Moore, который въ одинаковомъ переплетѣ, и черезъ двѣ недѣли получила ихъ обратно съ большой благодарностью, онѣ и не замѣтили что книги русскія, а не англійскія. Не кажется ли тебѣ, что я тебѣ описываю тамбовскаго барина? Когда онъ свищетъ и хлопаетъ арапникомъ своихъ собакъ, то меня переноситъ въ деревню Арбенева гдѣ я видала его сосѣдей! — Кланяйся Перовскому. Перовскаго душу для дружбы, для всего благороднаго прекраснаго, не составишь и изъ 1000 душъ, такихъ какихъ Господь Богъ создаетъ pour peupler le monde [2]). Право его письма не человѣкомъ писаны, въ человѣкѣ есть всетаки un peu du moi [3]), этотъ весь для друга. — Здоровье, съ послѣдняго кровохарканья, свихнулось, но Д'Аллегри не хмурится на мое здоровье, слѣдственно и ты не хмурься, лѣто всё поправитъ. Прощай другъ, не пускай письмамъ залежаться, это одна моя отрада. — Газеты, и этотъ твой другъ Гизо, наполнены похвалой Робеспьера и анекдотами на Людовика XIV и даже нашли на Генриха IV. Мой Globe, который мнѣ такъ нравился, теперь пугаетъ меня! A propos de Cromwell il dit: „Cromwell ne pouvait connaitre le remord, car le régicide est un crime, tout au plus ennuyeux à la longue“ [4]). Это называется пользоваться liberté de la presse [5]).

[1]) А, Monsieur, скажите мнѣ, что это такое революція, о которой я такъ часто слышу и въ какой странѣ она происходила.

[2]) Чтобы населить міръ.

[3]) Т. е. немного себялюбія.

[4]) По поводу Кромвеля, онъ говоритъ: Кромвель не могъ чувствовать упрековъ, такъ какъ цареубійство — преступленіе въ концѣ концовъ только скучное.

[5]) Свобода печати.

Экой народъ! Прости другъ, дѣти тебя очень цѣлуютъ это ихъ выраженіе.

В. А. Жуковскому [1]).

Hyères, le 27 Mars/8 Avril.

«...de Joukoffsky, quand tu écriras au dernier tu m'obligeras en le rappelant à la lettre que je lui ai adressée il y a un an au sujet du B-on Otton Stackelberg [2]) et dans laquelle je le priai de s'intéresser à ce compatriote distingué et qui fait honneur à sa patrie; il vient de publier un ouvrage sur le temple d'Apollon à Phigalia en Grèce. Cette publication l'a entraîné à de grandes dépenses et il serait juste que l'Empereur lui aida en ayant accepté la dédicace. Tu me rendras un service d'ami en ecrivant tout exprès à Joukoffsky au sujet de St. qui est toujours ici [3]). — Вотъ что пишетъ Юлія Мантейфель. — Другъ милый Христосъ воскресъ! Давно отъ тебя нѣту вѣсточки, это вмѣстѣ съ Nord-Ouest вѣтромъ засушиваетъ меня. Мое здоровье все хуже, не знаю годится ли мнѣ этотъ сухой Гіерскій воздухъ. Кровь горломъ идетъ уже днями, ночью испарина ужасная и слабость такая, что не могу встать безъ обморока. Всѣ здѣшніе чужестранцы уговариваютъ уѣхать, — жители всѣ говорятъ оставайтесь, а кто два дня меня не видалъ находитъ страшную въ лицѣ перемѣну. Д'Алегри говоритъ „попробуй жары, до сихъ поръ былъ холодъ". Д'Алегри хочетъ устроить леченіе на мѣсяцъ или два въ стойлѣ для коровъ. Не хотѣлось всего этого вамъ писать, да думаю сюрпризы въ этомъ случаѣ еще хуже, а ежели оживу, то вмѣстѣ порадуемся, однако Пашинымъ [4]) не сказывай! — Ежели дѣти воротятся, то пожалуйста Miss Parish никакъ при нихъ не оставляй. Въ Петербургѣ, для знакомыхъ, въ надеждѣ на взглядъ Царицы или Велик. Княженъ она ихъ будетъ любить, но здѣсь, гдѣ ничего такого нѣтъ, она довольно показала, что никого не любитъ. — Не думай что я дѣлаю уже мою духовную, нѣтъ еще. а хотѣлось это во

---

[1]) Начало письма оторвано.

[2]) Бар. Отто—Магнусъ Штакельбергъ, 1787—1837. Ивѣстный археологъ. Долго жилъ въ Греціи и много писалъ о ея древностяхъ, былъ въ плѣну у пиратовъ. Государь Николай Павловичъ выкупилъ его за 18 т драхмъ. Оставилъ богатую коллекцію въ своемъ имѣніи Фена около Ревеля.

[3]) ...„Отъ Жуковскаго, когда ты будешь писать послѣднему, ты меня обяжешь напомнивъ ему о письмѣ, которое я ему послала годъ тому назадъ по поводу барона Оттона Штакельберга, и въ которомъ я его просила обратить вниманіе на этого почтеннаго патріота, который дѣлаетъ честь своему отечеству; онъ только что издалъ сочиненіе о храмѣ Аполлона въ Phigalia, въ Греціи. Это изданіе привело его къ большимъ расходамъ, и было бы справедливо, если бы императоръ помогъ ему принявъ его посвященіе. Ты мнѣ окажешь дружескую услугу, если нарочно напишешь Жуковскому по поводу Шт., который постоянно ~~кажется~~ здѣсь".

[4]) Т. е. семьѣ графини П. В. Толстой. находится

всякомъ случаѣ съ души долой. Это никому, кромѣ тебѣ. - Прощай душа, устала очень, обнимаю тебя.

В. А. Жуковскому.

Hyères, 31 марта 12 апрѣля.

Жуковскій, уже вѣкъ цѣлый безъ писемъ! Вѣрно дороги виноваты, но это не утѣшаетъ, потому что еще долго продолжится. Съ тѣхъ поръ какъ писала тебѣ у меня произошло важное рѣшеніе; д'Алегри мой какъ ни спорилъ что мнѣ лучше, когда увидѣлъ, что кровохарканье все сильнѣе, а я все слабѣе, рѣшился признаться, что для меня не хорошъ здѣшній воздухъ и даже признался что мнѣ лучше стало отъ того что я перестала зимой кататься, а легла отдыхать въ тепломъ климатѣ, слѣдственно тутъ постель больше помогла, чѣмъ климатъ; а я такъ засушена, что если безпрестанно не пью, то ротъ совсѣмъ заливается. Лѣстницы уже не могу сойти безъ Лукьяновой помощи. Но жару нѣтъ, велятъ этому радоваться — и я радуюсь. Но вотъ въ чемъ дѣло, рѣшено ѣхать на лѣто въ Ліонъ, тамъ свѣжѣе воздухъ и теплые туманы. Я рада какъ тонущій, переставшій надѣяться на спасенье, радъ doскѣ. Сердце хочетъ вѣрить, а умъ не велитъ, но какъ ты знаешь что у меня умъ капитанъ, а сердце полковникъ, то полкъ пойдетъ за послѣднимъ. Признаюсь, чувствовать себя все хуже да хуже — не имѣть лекарства кромѣ воздуха, — который меня душитъ, — это состояніе безъ всякой надежды на исходъ меня совершенно уничтожало. Милый другъ! Не думай что я капризничаю, или катаюсь даромъ, чтобы деньги бросать, — право нѣтъ. Прожила бы не тронувшись ежели бы хоть крошечку было лучше, но право все хуже, а уже столько проѣхавъ и сдѣлавъ такую огромную жертву, т. е. васъ не видать, и чувствовать что все это напрасно — не можешь вообразить какъ это тяжело; особливо въ этой католической странѣ гдѣ еще и похоронить не позволятъ. Говорятъ Ліонъ не дороже Провансы ежели не дешевле, покуда не устроились будетъ много лишняго расхода, все это меня мучаетъ, а такъ хочется un peu de bien être[1]), что думаю хорошо дѣлаю что ѣду. Написала доброму Зейдлицу, чтобы онъ пріѣхалъ меня вести. Такой готовности все бросить, чтобы быть мнѣ полезнымъ представить нельзя; все одно твердитъ: „Будь здѣсь Жуковскій, или Перовскій, или Моіеръ, я бы и не показывался, теперь это мой долгъ". Когда Зейдлицъ пріѣдетъ заставлю его написать къ тебѣ, его мнѣніе всегда было, что мнѣ здѣсь не годится быть лѣтомъ. Когда онъ

[1]) Немного здоровья.

здѣсь былъ то мнѣ совсѣмъ не хотѣлось уѣзжать, что онъ ни говорилъ, но теперь тамъ худо! Прощай, буду ждать l'arrêt de mort ou le pardon[1]).

В. А. Жуковскому. 5/17 апрѣля.

Милый другъ, мучившись всякій день до безсонницы объ этихъ несносныхъ деньгахъ, вотъ что я выдумала. Вы мнѣ положили ѣздить три года, но не все ли равно ежели проѣзжу два? Ежели въ двѣ зимы на югѣ я не выздоровѣла, то уже третья ничѣмъ не поможетъ. По несчастью мнѣ все приходится ѣздить, а насъ ужасно много и выходитъ ужасно дорого, теперь въ Швейцарію, но далѣе октября тамъ быть нельзя, потомъ въ Пизу, въ маѣ въ Эмсъ, нельзя ли мнѣ, ежели буду жива, изъ Эмса возвратиться въ Россію и деньги положенныя на три года употребить на два?! Позвольте возвратиться черезъ два года?! — Чтобы прибавить мнѣ удовольствія моя кухарка въ скарлатинѣ, не знаю спасутъ ли дѣтей отъ нея. — Пишите мнѣ пока въ Іеръ. Кажется поѣду въ половинѣ мая, La France ne m'a pas porté bonheur, je repasserai volontiers sa frontière je n'y ai eu que quinze jours de bienêtre et six mois d'affaiblissement graduel, — le physique ne me peine pas tant que le moral. Je me sens tellement baisser pour la mémoire, la vue, l'entendement, qui j'en ai peur. Ce qui je pouvais encore faire sans me fatiguer c'était lire et écrire, depuis la semaine passé je ne le puis plus et je reste seule sur une chaise longue les bras croisés à penser à Vous et à me demander, sans recevoir de reponse, même de l'espérance, si je Vous reverrais? — Il y a ici une famille suisse, d'Espiné, fixée et proprietaire à Hyéres, ils ont donné beaucoup de renseignements sur la Suisse, pour la maniére d'y vivre. Le mari m'avait même proposé de m'y conduire. Hier son excellente femme est venue me voir aprés deux semaines d'absence, elle m'a trouvée tellement changée qu'elle n'a pu retenir ni même cacher ses larmes[2]). — Дѣти здоровы, хороши и

[1]) Смертный приговоръ или пощады.

[2]) Францiя мнѣ не принесла счастья. я охотно вновь переѣду ея границу. я чувствовала себя тамъ хорошо не долѣе 15 дней, а 6 мѣсяцевъ слабость увеличивалась. — физическая (боль) не мучаетъ меня такъ, какъ моральная. Я чувствую себя такъ ослабѣвшей со стороны памяти, зрѣнія, слуха, что я боюсь. Единственное, что я еще могла дѣлать не уставая, это читать и писать, начиная съ прошлой недѣли я и этого больше не могу и я остаюсь одна, на моей кушеткѣ со скрещенными руками, и съ мыслью объ васъ и съ вопросомъ, остающимся безъ отвѣта, даже безъ надежды, увижу ли я Васъ? Здѣсь есть одна швейцарская семья d'Espiné, живущая и даже владѣющая собственностью въ Гіерѣ, они даютъ много указаній о Швейцаріи и о тамошнемъ образѣ жизни. Мужъ даже предлагалъ меня туда сопровождать. Вчера его добрая жена пришла навѣстить меня послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, она нашла меня настолько перемѣнившейся, что не могла удержать, или даже скрыть своихъ слезъ.

Катя и Саша Воейковы, рисунки А. А. Воейковой. Собств. гр. Н. А. Бреверн де ла Гарди.

добры, Катя очень стройна, а Сашка ловчѣе и граціознѣе. Машка и Андрей два бѣсенка но съ предобрыми сердцами. Прощай другъ, устала.

А. Ѳ. Воейкову и В. А. Жуковскому. 14/26 апрѣля.

Вотъ Вамъ, т. е. тебѣ и Жуковскому письмо моего д'Алегри къ Зейдлицу, гдѣ онъ всю меня теперешнюю описываетъ; и по которому вы увидите зачѣмъ онъ хочетъ, чтобы я ѣхала въ Швейцарію. Уже съ недѣлю, какъ у меня перестала идти кровь горломъ и я стала посвѣжѣе и покрѣпче. Мой добрый Зейдлицъ отправился въ Тулонъ искать экипажъ, или, можетъ быть, нанять долгихъ, ежели это будетъ дешевле. Мы себѣ во всемъ отказываемъ, но Франція такъ дорога, особливо путешествіе! Пишите мнѣ Poste restante въ Женеву. — Жуковскій, вотъ тебѣ двѣ комиссіи которыя прошу тебя исполнить. Первая, спроси у Строгонова, получилъ ли онъ литографіи портрета дюка де Ришельё [1]), которыя ему послалъ d'Espiné? [2]) и отвѣчай мнѣ непремѣнно въ Женеву. — Вторая, кланяйся Полетикѣ [3]) отъ Miss Marguerite Sheldon, которая сдѣлавшись M-me Duchastelet, находится въ Іерѣ, и очень его помнитъ и любитъ; и отъ меня ему дружескій поклонъ. Мы съ ней часто говорили о любезномъ Полетикѣ и Велеурскихъ [4]), которыхъ она также знала. — Нашъ царь безподобный! Награда Екатерины, добро и благородно! Дай Богъ имъ счастья и долгаго вѣку. Никакъ здѣшнія феодальныя глаза не могли удержать слёзъ, читая что по Ливенъ трауръ надѣлъ Дворъ! [5]) и завидуютъ весьма народу у котораго Царь имѣетъ и сердце и душу. — Ихъ Карлъ извѣстенъ тѣмъ Франціи, qu'il a chassé au bois de Neuilly ou de Rambouillet [6]). Прощайте устала. Перешлите письмо д'Алегри Перовскому.

Е. А. Протасовой. 23 Avril, vendredi saint. 1828.

Другъ мой! какъ рада, что нашъ милый свѣтлый праздникъ вмѣстѣ съ католическимъ. Знаю, что вы нонче дѣлаете. Грустно, что у самой нѣтъ силъ хотя бы въ здѣшнюю церковь пойти, но молюсь съ вами, а вы помолитесь за меня лучше, чѣмъ я сама умѣю. Когда будете пѣть Христосъ Вос-

[1]) Одесскій ген.-губернаторъ.
[2]) См. предыдущее письмо.
[3]) Петръ Ивановичъ Полетика, 1778—1849, дипломатъ; былъ близокъ къ Карамзинскому кружку. Членъ Арзамаса, съ кличкою „Очарованный Челнъ".
[4]) Віельгорскихъ.
[5]) Свѣтл. княг. Шарлотта Карловна Ливенъ, статсъ-дама, б. воспитательница дѣтей Имп. Павла I; † 24 февр. 1828.
[6]) Что охотился въ лѣсу Нельи или Рамбулье.

кресъ на милой нашей могилѣ [1]), душой буду съ вами, потому, что всегда душой съ вами! — Катю [2]), мою милую дочку обнимите; ни меня, ни Перовскаго нѣтъ въ Петербургѣ, чтобъ прислать ей яицъ! Милый нашъ Жуковскій вспомнитъ ли? А мнѣ это грустно. — Дѣвочки здѣшнія здоровы и милы. Вчера цѣлый вечеръ читали мнѣ Евангеліе и я вспоминала Бѣлевъ, когда мы были на ихъ мѣстѣ, а вы мой другъ на моемъ! Съ тѣхъ поръ счастье кончилось! — Здоровье мое гораздо лучше, кромѣ кашля и слабости, думаю, что еще не привыкла къ воздуху, особливо къ весеннему, всегда вѣтреннему, задуваетъ меня. Мы въ нашей Россіи идеи не имѣемъ, чтобы такой вѣтеръ такъ долго дулъ. Вообразите бурю, какъ у насъ лѣтомъ бываетъ часа два, здѣсь продолжается двѣ, три недѣли, съ жарой и безъ дождя. — Вчера новое знакомство сдѣлала. Мой добрый компатріотъ Хартманъ [3]) наговорилъ обо мнѣ видимо-невидимо голландскому семейству Van Dedel, которые дѣлаютъ здѣсь la pluie et le beau temps, и они вчера явились ко мнѣ съ визитомъ, кажется очень добрые, le coeur sur la main [4]) и признаюсь мнѣ было жалко ихъ видѣть. У M-me Dedel три дочери, двѣ большія, старшая больная нервами, обѣ очень хорошенькія, молодой Talleyrand волочился за второй, вмѣстѣ гуляли и комедію играли и вы вообразить не можете, что нашъ мерзкій городишко сталъ о ней говорить. Дерптскіе Комеражи [5]) всетаки передъ чѣмъ нибудь останавливаются, здѣсь ничего нѣтъ святого, ничего невозможнаго. M. Van Dedel, который былъ въ Амстердамѣ, возвратился и справился у отца Таллейрана, что значитъ видѣть его сына и любезности къ его дочери? Старикъ отвѣчалъ, что очень натурально искать общества такой дѣвушки, но что онъ понять не можетъ чего желаетъ Ванъ Дедель отъ его сына, что въ 23 года и не имѣя состоянія независимаго, ничего нельзя искать другого, какъ весело провести время. Дѣвушка плачетъ, Таллейранъ пожелтѣлъ какъ лимонъ и уѣзжаетъ завтра въ полкъ, въ Баварію. — Съ М-мъ Дедель пришелъ маленькій мальчикъ ростомъ съ Катю, въ шароварахъ, въ рубашкѣ въ родѣ русской и я сказала, что жаль, что Андрея нѣтъ съ нимъ поиграть, на что мать мнѣ говоритъ, что это ея младшая дочь, которая только что пріѣхала изъ Амстердама съ отцомъ, который нашелъ для

[1]) Могила М. Ан. Мойеръ.
[2]) Екат. Ив. Мойеръ (Елагина), дочь Маши.
[3]) Финляндецъ, см. о немъ ниже.
[4]) Т. е. съ открытой душою.
[5]) Сплетницы.

путешествія удобнѣе одѣть её мальчикомъ. Вообразите мое удивленіе. -- Разскажи Катѣ, что Андрюшка ѣздилъ въ Тулонъ одинъ, съ Лизой, покупать себѣ бѣлый картузъ, здѣсь такая жара на солнцѣ, что ничего чернаго нельзя носить. Андрей такъ гордъ, всѣмъ разсказываетъ: Moi seul la bas loin, Maman à la maison [1]). Онъ такой шалунъ проворный, что не успѣешь усмотрѣть за нимъ. Я разъ пошла съ дѣтьми гулять, мы встрѣтили стадо барановъ, я остановилась, чтобъ ихъ пропустить, а Андрей уже сидѣлъ верхомъ на самомъ большомъ и погонялъ его. Я кричу Андрей, Андрей, ожидая, что онъ свалится, а онъ уже спрыгнулъ и обнималъ маленькую дѣвочку, которая гнала барановъ. Не могу вамъ описать какъ это все было смѣшно. — Прощайте Ангелъ мой. Христосъ Воскресъ. Добрый милый Зейдлицъ всегда пишетъ, чтобы у васъ за него ручки цѣловала и Мойера обнимала.

Къ этому письму приложена записка на имя графини Прасковьи Васильевны Толстой.

Мой милый Ангелъ! ты удивишься моему письму, но поступи по немъ, ежели возможно и заставь добрую кроткую Кроткову помочь себѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: здѣсь финляндецъ Гартманъ, онъ проситъ отсрочки своему позволенію быть въ чужихъ краяхъ. Онъ опасно боленъ въ лёгкомъ, но не знаетъ того, докторъ говоритъ sans un miracle il n'ira pas loin [2]). Уговорите Закревскаго [3]) излить источникъ своей милости на него. Гартманъ прекрасный, благомыслящій человѣкъ, vrai patriote sans être entrainé par des idées exagérées [4]). Ему непремѣнно надобно ѣхать въ Пизу, или ему скоро станетъ совсѣмъ плохо. Fais en sorte à intéresser Zakrewsky pour ce digne homme, qui ne se doute pas que je t'écris et ne sais pas que je sais qu'il est très mal — il ne le croit pas lui même c'est le docteur qui me l'a dit [5]). Вели Жуковскому за него хлопотать у Царя; вижу отсюда гримасу Жуковскаго и какъ онъ меня будетъ ругать — но пусть вспомнитъ каково ему было до Эмса и особливо пусть вспомнитъ каково видѣть человѣка presque condamné à mourir et méritant de vivre [6]). Безъ Пизы онъ умретъ, а ежели откажутъ отсрочку, то уже некогда ѣхать въ Пизу. Прощай Ангелъ.

---

[1]) Я одинъ такъ далеко, мама дома.
[2]) Безъ чуда онъ не поправится.
[3]) Гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій (1786—1865) финл. ген.-губ., мин. вн. дѣлъ.
[4]) Настоящій патріотъ, не охваченный преувеличенными идеями.
[5]) Постарайся заинтересовать Закревскаго этимъ достойнымъ человѣкомъ, который не предполагаетъ, что я тебѣ пишу, и не знаетъ, что мнѣ извѣстно, что онъ очень плохъ; впрочемъ, онъ и самъ не вѣритъ этому, это мнѣ сказалъ докторъ.
[6]) Почти приговореннаго къ смерти, но заслуживающаго жить.

В. А. Жуковскому.

22 апр./4 мая.

Admirez madame guignon mon ami! [1]) Весь домъ въ лихорадкѣ, Лизета, Лукьянъ и наконецъ Катя! Мы вытерпѣли три сильные пароксизма съ нею, а д'Алегри говоритъ, что онъ съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, 15 лѣтъ, и не слыхалъ о повальныхъ лихорадкахъ, у меня и мои здѣшніе люди переболѣли, я держусь, только кашляю ужасно. Зейдлицъ послѣ сильнаго пароксизма отправился въ Марсель, увѣряетъ, что дилижансъ лучше.

Зейдлицъ тебя обнимаетъ и спрашиваетъ не будутъ ли его бранить, что онъ у меня?

В. А. Жуковскому.

2/14 мая, Hyères.

Милый другъ! Сейчасъ получила твое милое присланное въ Пашинькиномъ письмѣ отъ 10-го Апрѣля и письмо отъ Воейкова отъ 25 Марта. Надѣюсь что мы съ моимъ добрымъ Зейдлицомъ сладимъ на возвратномъ пути изъ Женевы такъ, чтобы поѣхать въ такое мѣсто которое не нужно покидать на лѣто или на зиму. Все это будетъ зависѣть отъ моего здоровья. На душѣ у меня черныя кошки; а хочется тебя развеселить. Я описала тебѣ наши танцклассы и описала тебѣ здѣшняго богача M-r Stull, бывшаго англійскаго портного, у котораго теперь 700 тысячъ годового дохода. Его племянникъ, и вѣроятно наслѣдникъ, глупѣйшій Schneidergesell [2]) какого я только видѣла, англичанинъ, повадился холить танцовать, хотя ему лѣтъ 25. Miss Parish, которой онъ носитъ англійскія газеты, таяла какъ молодая свѣчка, тѣмъ болѣе, что онъ съ ней много разговаривалъ и любезничалъ. Она видѣла въ немъ курмахера, а можетъ быть......! чѣмъ чертъ не шутитъ. Miss Parish стала послѣ танцевъ звать его ко мнѣ чай пить, я рѣшилась ей сказать, что это общество мнѣ не нравится, что онъ тривіяленъ и глупъ. Тутъ вышла бѣда!!! Miss Parish упрекала что я его не люблю потому что онъ ея компатріотъ. — Но вотъ въ день своего отъѣзда, приходитъ ко мнѣ милая моя голланочка, скромное, жирное творенье, добрая, себя всегда забывающая и говоритъ (а у меня сидитъ старикъ Fauchier) ne prenez pas pour un commérage ce que je vous dirai, M. Bellami (это имя англичанина) nous a fait ses confidences, il est amoureux de M-lle Catherine et espére faire sa conquête [3]). Мой старый Fauchier

---

[1]) Т. е. удивляйтесь нашей бѣдѣ, мой другъ.

[2]) Подмастерье портного.

[3]) Не примите за сплетню то, что я вамъ скажу. M. Bellami открылся намъ, онъ влюбленъ въ M-lle Cathérine и надѣется имѣть успѣхъ.

вдругъ говоритъ: „Mais si son oncle lui donne un million, ce n'est pas un parti à dedaigner" [1]). Тутъ твоя покорная крестница прыснула: „Monsieur, les russes n'ont pas l'habitude le vendre leurs filles à des tailleurs anglais" [2]). Но ты не можешь постигнуть всего mal à propos du propos de Fauchier [3]), потому что не знаю съ кѣмъ его можно сравнить; одинъ Герньскій землемѣръ немного подходилъ и то больше лицомъ, чѣмъ умомъ, тотъ пилъ воду и вралъ quand on le provoquait [4]) и молчалъ остальное время, а этотъ вѣчно вретъ, потому, что богатъ. И такъ моя Катя сдѣлала уже первую побѣду, но довольно несчастную, ежели ей судьба лучше не припасетъ, то радости не много. Прощай другъ. Дѣти и Зейдлицъ цѣлуютъ тебя. Это стереотипный артикль говоритъ Зейдлицъ.

В. А. Жуковскому. **8/20 мая Іеръ.**

Другъ мой безцѣнный, мнѣ мочи нѣтъ, горько съ больными! Завтра въ 9 часовъ надѣюсь поѣдемъ. Д'Алегри тѣмъ болѣе требуетъ чтобы мы ѣхали, что Сашка, которая долго держалась, тоже слегла. Дрожу за меньшихъ. Можетъ должна буду остановиться въ Марселѣ, но по крайней мѣрѣ воздухъ уже другой. Если бы не горе, то надо бы со смѣху умереть надъ нашимъ путешествіемъ. Вообрази карету Дагоберта и 3 мула и насъ 10 человѣкъ они должны потащить. Думаю что вы и Константинополь возьмете, и Вел. Кн. Марія Ник. замужъ выйдетъ, и на шарахъ станутъ летать, а мы все будемъ ѣхать, и наконецъ довезутъ въ Женеву старыхъ барышень Воейковыхъ, а въ Іерѣ будутъ по преданію помнить что русское семейство было въ лихорадкѣ. — Ежели нигдѣ до Женевы жить не будемъ, то до Женевы не напишу. Здѣсь уже 25 гр. жары.

2.

Женева.

Е. А. Протасовой. **Женева, 26 Мая/17 Іюня.**

Наконецъ, мой ангелъ, ваша дочь доѣхала до Женевы. Хоть устала какъ собака, но прежде чѣмъ спросить свой но-

---

[1]) Но если его дядя ему дастъ мильонъ, эта партія достойна вниманія.
[2]) Сударь, русскіе не имѣютъ привычки продавать своихъ дочерей англійскимъ портнымъ.
[3]) Т. е. ты не можешь оцѣнить весь ужасъ предложенія Fauchier.
[4]) Когда его вызывали на это.

меръ гостинницы, послала на почту и ваше милое, длинное письмо отъ 21 апрѣля, утѣшило меня за мѣсяцы ожиданія и страха объ васъ. — Моя милая, прекрасная Катя [1]) любезная моя дочка, цѣлую тебя мой ангелъ. Зачѣмъ твои матери [2]) лишены счастья быть подлѣ тебя въ святую минуту твоей исповѣди! Ты теперь другъ Бабушки — замѣняй меня у неё; ты моя крошка одна изъ всѣхъ насъ настолько счастлива, что можешь утѣшать ея старость; бóльшаго счастія въ жизни не будешь имѣть, какъ то, что услышишь отъ нея, что она тобой довольна. — Буду вамъ разсказывать акуратно свою докучную сказку. Я уже писала вамъ, что выѣхала изъ Іера съ Сашкой въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, у Кати было два наканунѣ, у Зейдлица черезъ сутки такая сильная, что онъ и безъ жара отъ слабости бредилъ. Всю эту кутерму я должна была переносить одна, или лучше полуодна, потому что такъ слаба, что ежели посижу безъ подушекъ, то кашляю цѣлый часъ. На миссъ Паришъ нельзя положиться, слишкомъ глупа! Наконецъ отправились мы въ путь, — дорогой все шло хорошо. Думали о васъ на всякой горѣ; ежели-бы можно, купила и послала бы вамъ пару лошаковъ, сильные, большіе, надежные, идутъ мѣрнымъ шагомъ и если ихъ заставляютъ бѣжать, то они это дѣлаютъ съ такимъ размышленьемъ, что бояться никакъ нельзя. Въ шестьнадцатый день добрели мы до Женевы. Два раза боль въ боку заставляла заживаться въ дорогѣ, а слабость терять по полъ дня на остановкахъ. Послѣдній день передъ Женевой у Зейдлица возвратилась лихорадка! Ваша дочь забыла насколько ея несчастіе сообщается — я надѣялась быть спокойной, имѣя его при себѣ, Богъ наказалъ за эту самонадѣянность! не могу себѣ простить, что его выписала, я была слишкомъ эгоистична. — Разскажу еще что видѣла дорогой. Въ Нимѣ амфитеатръ, построенный при Августѣ, такое чудо, 14000 человѣкъ могли помѣститься въ немъ; дѣти влѣзли по ступенькамъ на самый верхъ и ихъ голоса на этой ужасной вышинѣ, гдѣ они сами казались такъ далеко, напомнили мнѣ исторію Ивикова журавлей, даже тихо сказанныя слова можно слышать отовсюда. Еще la maison carrée, совершенно сохранившееся, прекрасное строеніе; кажется будто живешь за тысяча лѣтъ. — Какъ я обрадовалась, увидавъ деревья, рощи; южная часть Провансы совсѣмъ голая, сѣрые утесы, а внизу кустарникъ или

[1]) Е. И. Мойеръ.

[2]) Рѣчь идетъ о первой исповѣди Кати Мойеръ, дочери покойной Маши. Свѣтлана считала себя второй матерью ея.

низенькія померанцовыя деревья — тѣни нигдѣ. Когда мы пріѣхали къ Греноблю и какъ начались каштановые, дубовые лѣса, тополи до небесъ, то право душа разцвѣла, глазамъ стало легко не видѣть больше эту грустную пустыню; хотя и знаешь, что это самая богатая страна, но не вѣришь. — Около Гренобля всѣ горы покрыты прелестными рощами. Дорога извивается лентой на полъ горѣ, а въ низу течетъ прелестная Изера, которой берега усѣяны домиками, деревнями, садами, старыми рощами и мы восхищались этимъ чуднымъ зрѣлищемъ съ настоящимъ наслажденіемъ, сами мы ѣхали въ настоящей рощѣ. — Нашъ кучеръ былъ премилый, такъ какъ отъ жары всѣ окны кареты были открыты, то ему было видно все, что въ ней дѣлалось; разъ всѣ пошли пѣшкомъ и я воспользовалась чтобы лечь, противъ меня Сашка. Мы съ ней разговорились, вдругъ кучеръ повернулся къ намъ и запѣлъ: Dormez, dormez mes chères amours, pour vous je veillerai toujours! [1]) — Дѣти такъ съ нимъ подружились что Андрюшка плакалъ когда съ нимъ разставался. — Теперь мы въ Женевѣ, первый день ничего не могли сдѣлать, потому что Зейдлицъ былъ въ лихорадкѣ, на другой день мы сѣли въ экипажъ и поѣхали по всѣмъ дачамъ; одна восхитительнѣе другой. Монбланъ, озеро, горы, все это несравненно; какіе сады, какія деревья, какъ самъ городъ хорошъ, — не могу вамъ все это описать, но вездѣ стараюсь покупать виды тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ была, чтобы съ вами послѣ на нихъ радоваться, ежели когда буду на милой родинѣ. Особливо одинъ домъ меня плѣнилъ, вообразите, что при немъ галерея, которая стоитъ на водѣ. Когда подъѣзжаешь, то не видно озера, я сперва осмотрѣла всѣ комнаты, потомъ хозяйка отворила дверь изъ гостинной и показываетъ мнѣ галерею, вхожу и вижу озеро подъ собою, Монбланъ напротивъ во всей своей красотѣ. — Не могла не помолиться, такъ сильно эта чудесная картина потрясла душу. — Мы наняли домъ въ городѣ за 360 руб. въ мѣсяцъ, рядомъ съ château Eynard, изъ всѣхъ оконъ видна зелень, такъ какъ онъ между двумя садами. C'est le fameux Eynard [2]) qui fait tant pour les grecs [3]). Нашъ домъ на rue Beauregard, au Calabrais. D'un coté nous avons la belle promenade de la treille, de l'autre le jardin botanique. Les chambres sont charmantes, petites mais propres, la maitresse de maison s'appelle

[1]) Спите, спите, мои дорогіе, я буду бодрствовать за васъ.

[2]) Jean Gabriel Eynard. 1775 — 1863. Извѣстный женевскій банкиръ, другъ гр. Каподистрія, былъ главою всѣхъ греческихъ союзовъ для освобожденія Греціи.

[3]) Это знаменитый Eynard, который такъ много сдѣлалъ для грековъ.

M-me S-t Georges [1]). — Вчера не кончила письма потому что у Сашки опять лихорадка. Не можете вообразить до чего грустно, самой нигдѣ не находить облегченія, и думать, что отъ моего путешествія дѣти страдаютъ. Они не знали что такое болѣзнь — теперь то тотъ, то другой боленъ, право иногда не знаю что дѣлать съ горя, — такъ одна — некому сердце облегчить сказавъ сколько оно страдаетъ и за присутствующихъ и за отсутствующихъ, теперь еще эта война! За милаго нашего Перовскаго душа страдаетъ. — Всѣ тяжести путешествія, всѣ его не пріятныя стороны имѣю и лишена всѣхъ его удовольствій. Видѣть ничего не могу. Такъ рѣдко удается выглянуть изъ кареты, посмотрѣть на что нибудь прекрасное, да и отъ этого устаю. Впрочемъ, Милая, не думайте что я грустна, стараюсь крѣпиться и не роптать сколько могу, покуда всѣ мои живы, я очень счастлива. Прощайте, мой ангелъ, благословите своихъ дѣтей и молитесь объ вашей Сашкѣ. Обнимите Мойера. Поздравьте все милое семейство Дириныхъ [2]); особливо молодую маминьку и поклонитесь Скобелеву [3]), я его очень люблю и скажите, что я ему васъ очень рекомендую, онъ долженъ васъ забавлять. Все забывала вамъ сказать, что въ Іерѣ апельсины дороже чѣмъ Петербургѣ и ихъ ѣдятъ только кислыми, потому что срываютъ не спѣлыми, въ іюнѣ и іюлѣ ихъ ужъ ни за какую цѣну нельзя имѣть. Разница, которую я замѣтила между Германіей и Франціей—это что въ Германіи на 5 — 6 разныхъ лавокъ, одна книжная, во Франціи, на двѣ лавки одинъ кафе и ни одного книжнаго магазина.

А. Ѳ. Воейкову.

Женева, 1828, 26 Мая 7 Іюня

Въ Женевѣ получила твое письмо отъ 25 апрѣля, благодарю душевно, всякой вѣсти изъ Россіи рада, и не можешь мнѣ довольно ихъ писать. — Мои вѣсти плохія: насилу дотащилась до мѣста, была почти всю дорогу больна, боль въ правомъ боку часто даже заставляла останавливаться, а лѣвый не выздоровѣлъ. Теперь слава Богу на мѣстѣ. Вчера весь день протаскалась, искала домъ, загородный съ садомъ, но мы наняли въ самомъ городѣ и съ одной стороны садъ славнаго Ейнара, за которымъ большой, прекрасный ботаническій пу-

[1]) Съ одной стороны у насъ красивая Аллея des Treilles, съ другой — Ботаническій садъ. Комнаты пріятны, маленькія, но чистыя. Хозяйка дома зовется M-me S-t. Georges.

[2]) Дерптскіе знакомые Свѣтланы, вдова полковника А. С. Дирина и ея дочь, Марья Николаевна, въ которую былъ, когда-то, влюбленъ Языковъ.

[3]) Вѣроятно, Иванъ Никитичъ Скобелевъ, 1778 — 1849, генералъ, писатель, подъ псевдонимомъ „Русскій Инвалидъ“.

Маша Воейкова, рисунокъ художника Боджіо.
Собств. гр. Н. А. Бреверпъ де ла Гарди.

бличный садъ, — съ другой la belle promenade de la treille, и тамъ и тутъ дѣтямъ цѣлый день можно быть въ тѣни. Окрестности Женевы восхитительны, я не могла никогда представить себѣ прелести подобной берегамъ озера и виду на Монбланъ. — Не знаю, буду ли когда нибудь спокойна, теперь у Саши жаръ, Катя лежитъ съ головной болью, а Зейдлицъ, котораго выписала для своего успокоенія, въ лихорадкѣ. — Ежели ты не получилъ послѣднее мое письмо изъ Іера, то повторяю, что 2000 получила и благодарю. — Ежели Кайсаровы и Лихачевъ еще не поѣхали въ Іеръ, то посовѣтуй отъ меня не ѣздить. Декабрь и Генварь въ Іерѣ хороши, но прочіе мѣсяцы нестерпимы, не мнѣ одной но всѣмъ кто были больны въ Іерѣ, безпрестанный вѣтеръ, пыль и жара, — ѣсть нечего, лѣтомъ даже молока нѣтъ коровьева, тѣни нигдѣ, ни одного большого дерева, все семилѣтніе апельсины которые похожи на наши фруктовыя сады въ деревняхъ и между которыми нѣтъ дорожекъ. Когда мы подлѣ Гренобля увидѣли рощи и аллеи и разбросанныя деревья, то право какъ друзьямъ обрадовались. Я думаю нѣтъ ничего грустнѣе юга Провансы, голыя горы и кой гдѣ кустарникъ. Кто можетъ жить для однихъ цвѣтовъ — тому рай, чудо а не цвѣты.

В. А. Жуковскому.

Женева, 10/22 Іюня.

Перечла твои письма о Швейцаріи, и горевала что ты такъ мало времени пробылъ въ Женевѣ, Милый Другъ! Не для удовольствія твоего — а моего собственнаго; ты даже изъ Женевы и Фернэ ни слова не сказалъ о Mont Blanc — ни слова о Sismondi [1]) — такъ мало о моемъ безцѣнномъ Bonstetten [2]), который однако помнитъ „cet intéressant M-r Ukousk, qui a des yeux qui expriment tout ce que sa bouche dit, et qui lui a passé comme un météor!“ [3]) Добрый милый старикъ полюбилъ меня кажется, мы всякій день видимся. Начало знакомства была его инвитація на вечеръ, онъ хотѣлъ меня угощать Сузой, господаремъ бѣжавшимъ изъ Валахіи. Но мои силы для званаго вечера не очень велики, и я утромъ пошла къ нему изви-

[1]) Sismondi р. въ Женевѣ въ 1773 г., гдѣ и умеръ въ 1842. г. Историкъ и публицистъ.

[2]) Карлъ Бонштетенъ, 1745 1832. Ему было 83 г., когда А. А. Воейкова съ нимъ познакомилась. Извѣстный ученый и государственный дѣятель Швейцаріи. Родился въ Бернѣ, много путешествовалъ и поселился въ Женевѣ; имъ написаны „Письма о Швейцаріи“ „L'homme du Midi et l'homme de Nord“, „Etudes sur l'homme“ и пр. Б. былъ другомъ историка Іогана Мюллера, который жилъ у него, когда писалъ исторію Швейцаріи.

[3]) Этотъ интересный M-r Юкуски, у котораго глаза выражаютъ все, что говоритъ его ротъ, и который промелькнулъ какъ метеоръ.

няться—теперь у насъ установились ежедневные billets doux, и я ихъ всѣ берегу тебѣ, — намедни онъ возилъ меня къ Сизмонди, какой умный, интересный человѣкъ, прекрасно говоритъ и простодушный какъ Бонштетенъ. Тутъ мнѣ представили M. Dumont, sous le titre de celui de tous les hommes de Genève auquel M-me de Staël trouvait le plus d'esprit[1]). — Уѣзжая я хотѣла имъ сказать что я не раздѣляю мнѣніе M-me de Staël, такъ какъ нахожу, что они оба лучше говорятъ, чѣмъ M. Dumont, хотя и меньше. Нонче Бонштетенъ везетъ меня къ Rigaut, le chef de la république[2]).

13/25 Іюня. Пресильная боль въ боку помѣшала мнѣ всѣ дни писать и вообрази какъ она кончилась; вчера Бонштетенъ входитъ ко мнѣ avec les petites affiches á la main и говоритъ: „M. de Ukousky me rêclamait par la voie des gazettes“[3]). Добрый Зейдлицъ въ минуту сбѣгалъ и принесъ отъ M-r Жу твои два милыя письма — и я принялась плакать читая ихъ, и до того доплакалась, что бокъ совершенно пересталъ болѣть. Катя хочетъ просить, чтобы ты прислалъ письмо и для моей груди. Въ самомъ дѣлѣ, нервная боль въ боку кончилась сильнымъ нервнымъ припадкомъ и слезами. Ты мой другъ лучшій для меня докторъ. Твоя милая рожа такъ ласково глядитъ на меня, всякій день твой портретъ больше люблю. Помнишь, я ребенкомъ всегда звала тебя „папка“, это было предчувствіе, твоя дружба et votre sollicitude pour moi[4]), милый отецъ! Чѣмъ больше чувствую какъ мало стою этой дружбы, тѣмъ болѣе цѣню ее. — Мой безцѣнный другъ описанье твое дома Дурасовой всю душу потрясло, какое милое воспоминанье! Какъ тамъ весело было, какъ жилось спустя рукава! Sans aucune crainte ni arrière pensée[5]). Кажется съ самаго замужества — такого беззаботнаго, веселаго времени не было. Люблю Васъ такъ живо, такъ ясно, что когда отъ мыслей о васъ возвращаюсь въ жизнь, такъ точно изъ свѣта въ тѣнь. — Благодарю другъ милый за работу о моемъ благоденствіи. — Я поселилась въ Женевѣ, — всѣ, и между прочимъ M. Joux, который былъ у меня, увѣряютъ что кромѣ наема дома, разницъ въ цѣнѣ нѣтъ, развѣ скорѣй въ пользу Женевы, а въ Ніонѣ, въ Коппэ никакихъ учителей я

[1]) Съ репутаціей человѣка, въ которомъ M-me де-Сталь нашла наиболѣе ума изъ всѣхъ жителей Женевы.

[2]) Глава республики.

[3]) Съ маленькими записками въ рукѣ. M. de Юкуски рекламировалъ меня путемъ газетъ.

[4]) Ваше попеченіе обо мнѣ.

[5]) Безъ всякаго опасенія, или задней мысли.

бы не нашла. — Я совсѣмъ въ восхищенiи отъ Женевы, и это благодаря Бонштетену. Онъ мнѣ сдѣлалъ премилыя знакомства, а самъ ихъ всѣхъ лучше, и хлопочетъ обо мнѣ кажется съ дружбой. Сердится когда я больна и не могу съ нимъ ѣхать, говоритъ: „j'ai pris mon parti sur vos habitudes de poules, je vous laisse vous coucher à 10 heures, mais je ne veux pas être privé de vous tout à fait" [1]). Какая свѣтлая голова и чистое сердце. Какъ онъ любитъ весь мiръ; зла ни въ чемъ не предполагаетъ, не вѣритъ почти ему, ребенокъ съ размышляющей головой. Онъ принесъ мнѣ свои „pensées du bien public" [2]), а тебѣ маленькую брошюру о воспитанiи. Ты въ нашемъ разговорѣ или le charmant météor [3]), или Юкуски. — Теперь я морально и физически свѣжѣе. Беру всякiй день au saut du lit [4]) ванну, пью по шести стакановъ сыворотки и ѣмъ какiе то порошки. Что мнѣ тоже очень помогло, это то, что я могу выѣзжать, вѣдь здѣсь есть экипажи. Вчерашнiя слезы кончились только прогулкой въ колясқѣ, воздухъ возвратилъ мнѣ возможность дышать не рыдая. — Стихи прелестнаго Атамана [5]) — прелестные, и мнѣ весело было видѣть какъ мой Бонштетенъ вертѣлся на стулѣ и пряталъ слезу, когда я ему ихъ переводила, велѣлъ мнѣ написать для него изъ слова въ слово переводъ, что я и сильно исковеркала. Сегодня привозитъ мнѣ своего Суза [6]), котораго кажется наравнѣ со мной протежируетъ. Вчера въ Коппэ встрѣтила моихъ Iерскихъ голланочекъ, которыя также проживаютъ въ Женевѣ. Младшей лучше, ея бѣленькiя щечки покрылись маленькимъ румянцемъ; вотъ въ комъ Gemüth [7]) и недовѣрчивость къ себѣ съ большой довѣрчивостью къ другимъ. Какъ бы я желала, чтобы Катя на нее была похожа. — Что ты мнѣ пишешь о княгинѣ, мнѣ не понятно и совсѣмъ понятно, это все vanité [8]). Ежели не будетъ счастья, то будетъ титулъ! — Здѣсь Хлюстина [9]), рожд. Толстая, скажи это моей Пашинькѣ, покуда я ей сдѣлаю подробное описанiе. Мать и дочь знаютъ тебя наизусть и видѣвши тебя разъ въ Церкви въ Парижѣ, узнали портретъ. Милый, я тебѣ еще не сказала, что Андрей въ пансiонъ ходитъ, — начала для своего спокойствiя, онъ кромѣ меня никого

[1]) Я уже примѣнился къ вашимъ привычкамъ (ложиться съ курами) и позволяю вамъ ложиться въ 10 час., но я не хочу совсѣмъ лишиться васъ.
[2]) Мысли объ общественномъ благѣ.
[3]) Милый метеоръ
[4]) При вставанiи съ постели.
[5]) Неизданные стихи Жуковскаго „Атаманскому полку отъ Атамана" написанные поэтомъ какъ бы отъ лица Наслѣдника, — шефа полка. См. приложенiя.
[6]) Суццо, молдавскiй господарь.
[7]) Добродушiе.
[8]) Гордость.
[9]) См. выше, стр. 164.

не слушалъ. Ежели бы имѣла куражу оставить его на зиму, кажется бы хорошо было. Говорю себѣ это, чтобы въ 4 мѣсяца привыкнуть къ мысли. Пансіонъ M. Privat, всѣ очень хвалятъ, это полу-пансіонъ, т. е. онъ тамъ отъ 8-ми до 8-ми и обѣдаетъ, все за 45 фр. въ мѣсяцъ. Прощай другъ, устала.

Е. А. Протасовой. Женева, 25 Іюня/7 Іюля 1828 г.

Другъ безцѣнный, когда пишу на письмѣ день и гдѣ нахожусь, то право кажется сонъ, что пишу изъ Женевы. Ваша милая записочка въ письмѣ Жуковскаго утѣшила душу; — я другъ мой спѣшу вамъ сказать, что очень здорова! Съ тѣхъ поръ, какъ въ Женевѣ, совсѣмъ грудь не болитъ, кровь ни разу не шла горломъ. Здѣсь жары ужасныя, но воздухъ влажный, грозы и дожди отъ времени до времени, жара совсѣмъ не непріятная, а вечера восхитительные. Не могу сказать какъ полюбила Женеву, какой безподобный городъ. — Вообразите, что au tir fédéral, que je vous avais décrit, il se réunissait pendant huit jours jusqu'à dix mille personnes, on buvait 16 milles bouteilles de vin et il n'y a pas eu un seul homme arrêté, pas un gros mot de prononcé, je ne parle déjà pas d'une querelle; avec cela la gaieté la plus franche y régnait, on pouvait y laisser aller un enfant sans aucune crainte et quel patriotisme général; il y a ici un M. Rath qui a établi un musée pour l'exposition de l'industrie nationale, qui est ouvert tous les jours au public et est rempli de choses, faites en Suisse. C'est fort intéressant, vous y voyez de tout — tableaux, montres, équipages, bijouteries, broderies, trois salles en sont remplies, et bien plus de cent personnes se sont proposées à M. de Candole, qui est le chef-directeur de l'établissement, pour servir de guides aux visiteurs et pour veiller à ce que l'on ne touche à rien, ils se seraient changés tout les jours et cela sans être payés; et ce sont cependant de pauvres bourgeois de la ville. — Aujourd'hui mon ecxellent Bonstetten doit me conduire dans une école d'enfants depuis l'âge de deux ans jusqu'à six ans. Figurez vous que la ville a établi cette école pour les femmes qui vont en journée et qui sont embarrasées de leurs enfants et qui restant seuls étaient exposés à bien des dangers. Maintenant on les réunis sous la surveillance d'une brave femme et comme leçons ils n'ont qu'à expliquer des estampes qui représentent tous les divers mètiers et les ustensiles dont on se sert. La directrice a demandé depuis peu une aide et devinez pourquoi? pour moucher les nez de tous ces petits êtres dont il y a prés de deux cents réunis. — Mardi passé j'ai fait la connaissance de M. de Candole [1]) qui est bien le

[1]) Augustin Pyrame de Candole, p. 4 февр. 1778 † 9 сент. 1843 въ Женевѣ. Знаменитый ботаникъ.

вотъ тебѣ мой другъ малень=
кая писулечка отъ саши которую
я получила съ Акаций и брошюрка
отъ бонштетена. вотъ и мое письмо
которое ты возврати скорѣй
описанья ее предчувствій меня
ужасаетъ. сохрани господи а мало
хорошего дѣлается пожалоста напиши
мнѣ о перовскомъ. маши нѣтъ какъ
грустно да и здоровье мое очень
плохо. боли головныя опять очень
часты стали

адрессъ линдѣ посылаю а адрессъ
рейтора неизъ сестра къ нему
не пишетъ сама а пересылаетъ
письма черезъ мать которая
въ деревнѣ живетъ и обѣщали
мнѣ къ ней написать
прощай мой милой христосъ
съ тобой да благословитъ онъ тебя
во всехъ твоихъ прекрасныхъ
дѣлахъ. ты мнѣ не отвѣчал
что я тебя просила а хрипковѣ.
а еще я тебя спрашивала что В.
посылаетъ денгъ отвѣчай пожалоста
мнѣ на эти два вопроса.

Записка Е. А. Протасовой къ В. А. Жуковскому.

savant le plus aimable que l'on puisse rencontrer — je lui ai et tout d'abord parlé de notre excellent Zoeckel, et lui et M. de Saussure [1]) ne m'ont pas quittée de la soirée pour que je leur donne des nouvelles de Zoeckel, le digne homme a laissé un souvenir bien agréable en Suisse.

Dites lui que si il aime Genève on le lui rend bien. — Je ne puis Vous dire combien je suis contente d'avoir la force d'aller un peu en société ici, je crois qu'il y en a peu en Europe de plus intéressante [2]) и гдѣ можно больше научиться, всѣ умны, всѣ учены. Мой славный Бонштетенъ, Кандоль, Соссюръ, Дюмонъ [3]) — и всѣ такъ просты, педантизма никакого. Даже не такіе извѣстные и ученые какъ эти, и тѣ интересны здѣсь и у нихъ тоже чему нибудь да научишься.— Эйнаръ, который грекамъ такъ много помогаетъ, князь Суццо бывшій Молдованскій Господарь, я съ ними по цѣлымъ утрамъ сижу у меня надъ ландкартой и провожаемъ глазами нашу армію. — Эйнара садъ у меня подъ окнами, а съ другой стороны Ботаническій — въ послѣдній день стрѣльбы всѣ конфедераты устроили праздникъ въ ботаническомъ саду. Стрѣлки Фрейбурга велѣли просить Эйнара подойти къ рѣшеткѣ своего сада имѣя

---

[1]) Théodore de Saussure, 1767 — 1845, извѣстный минералогъ и геологъ, профессоръ Женевскаго университета.

[2]) На Федеральномъ стрѣльбищѣ (праздникѣ стрѣльбы), которое вамъ описала, въ теченіи 3 дней, собралось до 10.000 человѣкъ, было выпито 16 тысячъ бутылокъ и не былъ ни одинъ арестованъ, не было произнесено ни одного грубаго слова, я уже не говорю о ссорѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ царило самое искреннее веселье, можно было пустить туда ребенка, безъ всякаго страха. И какой общій патріотизмъ; здѣсь есть нѣкто Mr. Rath, который учредилъ музей національной промышленности, онъ открытъ для публики цѣлый день, и наполненъ вещами, сдѣланными въ Швейцаріи. Это очень интересно, вы тамъ найдете все — картины, часы, экипажи, драгоцѣнности, вышивки; ими наполнены 3 залы, и болѣе 100 лицъ предлагали Г. Кандолю, который является главнымъ директоромъ учрежденія, свои услуги въ качествѣ гидовъ для посѣтителей, и для того чтобы слѣдить за тѣмъ, чтобы никто ничего не трогалъ; они будутъ мѣняться ежедневно, и все это безплатно.

Сегодня мой прекрасный Бонштетенъ поведетъ меня въ школу для дѣтей отъ 2-хъ до 6-лѣтняго возраста. Представьте себѣ, что городъ учредилъ эту школу для женщинъ, уходящихъ днемъ (на работу) и обремененныхъ дѣтами, которыя оставшись одни, подвергались бы разнымъ опасностямъ. Теперь ихъ соединяютъ подъ наблюденіемъ славной женщины, и какъ урокъ, они должны только объяснять картинки, которыя изображаютъ разныя ремесла и ихъ примѣненія. Директриса недавно попросила себѣ помощницу, и догадайтесь для чего? Для того, чтобы утирать носы всѣмъ этимъ маленькимъ созданіямъ, которыхъ собирается до 200 человѣкъ.

Въ прошлый вторникъ я познакомилась съ г. Кандолемъ, который положительно самый любезный ученый, какого только можно встрѣтить — я ему прежде всего говорила про нашего прекраснаго Zoeckel и онъ съ M. de Saussure, не покидали меня цѣлый вечеръ, чтобы я давала имъ новостей о Zoeckel; достойный человѣкъ оставилъ о себѣ хорошія воспоминанія въ Швейцаріи.

Скажите ему, что если онъ любитъ Женеву, ему платятъ тѣмъ же. — Я не могу Вамъ описать какъ я довольна, что я имѣю силы выѣзжать здѣсь немного въ общество; я думаю мало гдѣ въ Европѣ, оно такъ интересно.

[3]) Pierre Dumont, 1759 — 1829. Философъ школы Бентама. Другъ Мирабо, провелъ революцію въ Парижѣ и помогалъ Мирабо въ его сочиненіяхъ. Съ 1814 г. членъ главнаго совѣта въ Женевѣ, гдѣ и умеръ.

сказать ему нѣсколько словъ; когда начальникъ Фрейбургцевъ увидалъ Эйнара, онъ нагнулъ передъ нимъ знамя говоря: „l'antique bannière de Fribourg salut ainsi le bienfaiteur des Grecs". всѣ побросали шляпы на воздухъ крича „vive Eynard le bienfaiteur des Grecs!" Quand on songe que ce sont des paysans et qu'ils ont tellement le sentiment du bon et du beau, on sent un profond respect pour ce peuple si particulier [1]). — Вы мнѣ не пишите Ангелъ мой, имя учителя [2]) Липгарта, моего будущаго благодѣтеля, жду его съ нетерпѣніемъ, а дѣти каждое утро говорятъ: сегодня онъ долженъ пріѣхать. — Не могу вамъ описать какъ смѣшна моя Машка, она такъ привыкла съ Богомъ бесѣдовать, проситъ у него вишенъ, хорошей погоды. Бонштетенъ ее очень любитъ говоритъ: l'air décidé de cette petite russe, me fait croire qu'elle aussi prendrait Constantinople! [3]). Онъ кажется точно полюбилъ насъ всѣхъ, нонче по утру пишетъ, что ему уже грустно становится при мысли что я уѣду. Его обращеніе очень напоминаетъ Карамзина, mais il est plus enfant, il a une gaieté de bonté et de simplicité étonnante et une idée de la présence continuelle de Dieu qu'on voit qu'il porte à tout ce qu'il fait; il est impossible de voir une âme plus pure er plus aimante avec un esprit aussi réfléchi et aussi élevé. C'est une jouissance toujours nouvelle pour moi que sa société, surtout chère Maman, après les six mois que j'ai passés à Hyères, sans entendre une parole qui ne fut inspirée par l'esprit de parti ou la futilité la plus futile! [4]). Здѣсь каждый разъ возвращаясь отъ гостей, даю отчетъ дѣтямъ въ томъ что слышала лучшаго. Этимъ возобновляется для меня удовольствіе, которое имѣла и приносится польза всѣмъ намъ, и хотя мой добрѣйшій Зейдлицъ дуется, что я часто выѣзжаю и обѣщаетъ мнѣ всякія болѣзни, но такъ какъ я до сихъ поръ гораздо лучше чѣмъ была въ Іерѣ, гдѣ въ 6 мѣсяцевъ восемь разъ выходила — а въ Пизѣ черезъ три мѣсяца будетъ такое же общество какъ въ Іерѣ, — я пользуюсь и балую свою душу. —

[1]) Древнее знамя Фрейбурга привѣтствуетъ такъ благодѣтеля грековъ. Да здравствуетъ Эйнаръ благодѣтель грековъ. Когда подумаешь, что это крестьяне и что у нихъ такъ много чувства къ хорошему и доброму, чувствуешь глубокое уваженіе къ этому исключительному народу.

[2]) Вѣроятно, учитель рисованія дѣтей.

[3]) Рѣшительный видъ этой маленькой русской, заставляетъ меня вѣрить, что она также возьметъ Константинополь.

[4]) Но онъ болѣе дитя, онъ обладаетъ весельемъ доброты и простоты удивительной и идею о постоянномъ присутствіи Бога вноситъ во все, что онъ дѣлаетъ; невозможно найти болѣе чистую и любящую душу, вмѣстѣ съ такимъ зрѣлымъ и возвышеннымъ умомъ. Его общество для меня всегда новое наслажденіе, особенно, дорогая маменька, послѣ шести мѣсяцевъ, которые я провела въ Гіерѣ, не имѣя возможности услышать хотя бы одно слово, которое бы не было внушено самою ничтожною пустотою.

Нонче вечеромъ ѣдемъ на лодкѣ съ Бонштетеномъ и семействомъ Ванъ Дедель чай пить на берегу озера, не знаю гдѣ — вы знаете мою страсть къ водѣ, радуюсь заранѣе какъ ребенокъ. — Зейдлицъ цѣлуетъ ваши ручки. Мойера и Катю обнимаемъ. Мой Ангелъ благословите своихъ Женевскихъ дѣтей.

В. А. Жуковскому.

Женева, 2/14 Іюля.

Другъ милый, твоей балованной дочкѣ тошно безъ писемъ, тошно, т. е. тоскливо. Пиши ради Бога о Перовскомъ, это милое твореніе ужасно дорого душѣ! — Я здоровѣю каждый день, прелестная Женева меня оживляетъ. Ванны, которыхъ д'Алегри боялся, а которыя Зейдлицъ велитъ, мнѣ столько же пріятны какъ и полезны. — Въ день рожденья Царя, душа летѣла къ вамъ, — къ тебѣ съ отрадой, къ Перовскому съ неизъяснимой боязнью. Мы съ Бонштетеномъ катались въ лодкѣ, прелестный Леманъ, покуда еще былъ день, отражалъ Монбланъ и восхитительные свои берега — но мы загулялись на пустой дачѣ и возвратились къ ночи, не видавъ въ рощѣ что ужасная гроза набѣжала надъ озеромъ. Вообрази Монбланъ и его сторону неба совершенно ясную, покрытую звѣздами, а противную сторону совершенно черную съ ежеминутными молніями, все это отражалось въ водѣ и на минуту освѣщало Женеву. Вѣтра совсѣмъ не было, такъ что мы преспокойно вернулись на нашей маленькой лодкѣ которую сильный вѣтеръ могъ бы опрокинуть. Бонштетену пришла въ голову мнимая опасность на другой день, и онъ поспѣшилъ писать ко мнѣ, чтобы узнать здорова ли я? этотъ милый старикъ любитъ меня, любитъ дѣтей моихъ, а его дружба прекрасное дѣло. — Мнѣ теперь Женева несказанно по душѣ — у всѣхъ одинъ интересъ, ce sont les faits et gestes de l'Empereur, l'enthousiasme pour lui est général. On dirait qu'ils ont autant d'intérêt à l'armée que moi, toute cette campagne les occupe[1]). — Дѣти здоровы и милы. Сашка изъ кожи лѣзетъ чтобъ быть добренькой, Катя se laisse aller à ce qu'elle est и добрѣйшая, часто напоминаетъ мнѣ Машу но ей надо счастья, l'orage la tuerait—il fera du bien à Sachka. Je n'ai pas le courage de la faire soufrir, il me faut son bonheur et son caractère ne se formerait que par la peine, mais il me semble aussi qu'elle la supportera dignement[2]). Пріучаю себя къ мысли оставить Андрея

[1]) Эти дѣла и поступки императора (Николая I); энтузіазмъ къ нему всеобщій, можно сказать, что они имѣютъ такой же интересъ къ арміи, какъ я. Вся эта кампанія ихъ занимаетъ.

[2]) Катя старается быть такой, какъ она есть. Буря ее убьетъ, но она принесетъ благо Сашѣ. Я не имѣю силы заставить ее страдать, мнѣ нужно ея счастье,

здѣсь на зиму, вижу какъ ему будетъ полезно, но еще не рѣшилась. Напиши свое мнѣніе Бога ради. -- Бонштетенъ тебѣ посылаетъ свою брошюру о воспитаніи, съ первой возможностью получишь. Да хранитъ васъ Святое Провидѣніе! Такъ сильно чувствую, что кажется требую у Него этого.

В. А. Жуковскому.

Женева, 10/22 Іюля.

Другъ милый, цѣлую твою милую, безподобную рожу за послѣднее письмо и за вложенье доброй вѣсти. Нашъ славный Перовскій! [1]) Какъ весело! О сколько я Васъ могу любить, до поры и до часа этого самъ не знаешь. — Мнѣ грустно что ты безпокоишься и мѣсяцъ не имѣешь писемъ. Я всегда писала чаще чѣмъ въ двѣ недѣли разъ, и часто не писала чаще отъ того что мой вздоръ не стоитъ 7 рублей, а не отъ лѣни, напротивъ, такъ и подталкиваетъ писать къ вамъ. Когда грустно, ты одна отрада, когда весело, такъ веселѣе тебѣ это сказать; твоя милая дружба никогда не скучаетъ отъ моей пустоты. Jamais ni mes peines ni mes joies n'ont frappé en vain à Votre porte jamais je n'ai rencontré Votre regard autrement [2]) какъ съ участіемъ ко мнѣ обращенный, въ какомъ бы положеніи ни была моя душа. Мое здоровье идетъ видимо въ гору, нельзя повѣрить какъ я перемѣнилась къ лучшему, съ тѣхъ поръ какъ я въ Женевѣ. И дождь и хорошая погода здѣсь мнѣ въ пользу. Вчера послѣ сильнаго дождя, въ самое безподобное temps d'eau chaude, ѣздила гулять съ дѣтьми, у подошвы Салева, и отгадывала по которой дорогѣ ты влѣзъ на него. Заходящее солнце и рогатый мѣсяцъ, узоры свѣта на горахъ, прелестная Арва и ея долина, потомъ и самъ Монбланъ, все это восхитительно! Окрестности Женевы очаровательны. — Зейдлицъ велитъ тебѣ сказать что не пишетъ отъ того что primo: ежели начнетъ, то бранью петербургскихъ докторовъ, которые меня послали, какъ онъ считаетъ, совсѣмъ безъ нужды и пользы, въ чужіе края. Потомъ съ тобой браниться будетъ, что я одна поѣхала, и что ты меня не воротилъ изъ Берлина. Потомъ меня будетъ бранить за то что я плачу надъ письмами, и еще за что — не хочетъ сказать — и такъ, чтобы не бранить столько людей, онъ не хочетъ писать. — Я столько ему обязана за его дружбу, что сказать не могу, и тѣмъ болѣе, что онъ

но ея характеръ сформируется только черезъ посредство страданія, и, думается мнѣ она съ достоинствомъ перенесетъ его.

[1]) Вѣсть о возвращеніи Перовскаго съ войны.

[2]) Никогда ни мои горести, ни мои радости не стучались въ вашу дверь напрасно, никогда не встрѣтила я вашего взгляда иначе.

горитъ желаніемъ быть не въ Женевѣ, а въ главной квартирѣ, — при вѣстяхъ оттуда плачетъ. Почти на колѣняхъ просила я его ѣхать, но не могла уговорить — mais de voir le sacrifice qu'il me fait et combien il lui coute, me fait tant de peine[1]). Понимаю сколько бы я страдала ежели была мужчина и не въ арміи, и жаль и совѣстно пользоваться такимъ пожертвованіемъ, Богъ знаетъ чтобы дала уговорить его оставить меня. — У него прекрасная душа, горячая, всему высокому родная. — Третьяго дня мой добрый Бонштетенъ привезъ мнѣ письмо Тургенева, которое ты велѣлъ ему написать чтобъ меня рекомендовать. Добрый старикъ прочелъ до того мѣста, гдѣ онъ говоритъ: „élevée dans le malheur“[2]), — и не могъ продолжать, пришелъ ко мнѣ; я не понимала его волненія пока онъ не началъ мнѣ громко читать письмо и дойдя до этого мѣста расплакался: „ma bonne amie est ce vrai? Oh j'ai cru que Vous avez toujours été heureuse“ et il me baisait les mains en me disant cela[3]). Не повѣришь какъ онъ меня тронулъ. Съ тѣхъ поръ еще больше обо мнѣ старается, забавляетъ меня, возилъ меня гулять туда, гдѣ онъ любилъ ходить когда сочинялъ, прелестныя дорожки подъ зеленымъ сводомъ на берегу Роны, противъ того дома гдѣ жила M-me Brun[4]). Мы сѣли на камень надъ самой водой и промолчали съ часъ. Не думаю чтобы мы оба объ однихъ предметахъ думали, — но чувства были тѣ же; хотя мы были рядомъ, но далеко другъ отъ друга. — Я еще не могу забыть этой изумрудной быстрой Роны, она все передъ глазами. — Онъ далъ мнѣ свои письма писанныя къ отцу 20-и лѣтнимъ Бонштетеномъ — но 83 лѣтній весь тутъ, une indépendance de sentiment et d'idée que l'âge n'a pas domptée[5]). Онъ позволилъ мнѣ списать что хочу; но немного постараюсь многое украсть, хотя устаю очень отъ писанья. — Жизнь моя идетъ вотъ какъ: покуда у дѣтей ученье и учителя я лежу протянувшись и читаю, что продолжается цѣлое утро. Начала было рисовать, но силъ нѣтъ еще, хотѣла сдѣлать себѣ коллекцію костюмовъ Швейцарскихъ, но надо подождать. Катина музыка идетъ очень хорошо, ее пріятно становится слушать. По италіянски болтаютъ и читаютъ. — Сейчасъ прервалъ меня Dumont. Его знакомство

[1]) Но видѣть жертву, которую онъ мнѣ приноситъ и сколько это ему стоитъ, мнѣ очень тяжело.

[2]) Воспитанная въ несчастьѣ.

[3]) Мой добрый другъ, правда ли это? О, я думалъ что вы были всегда счастливы, и при этомъ онъ поцѣловалъ мою руку.

[4]) Фридерика Мюнтеръ, была замужемъ за Брюномъ датчаниномъ род. въ Тота въ 1765 г. ум. въ Копенгагенѣ въ 1835 г. Описывала свои путешествія и писала стихи. Была дружна съ M-me Сталь, у которой жила въ Женевѣ также какъ и у Бонштетена.

[5]) Независимость чувства и мысли, которыя возрастъ не нарушилъ.

доказало мнѣ очень милымъ образомъ дружбу Бонштетена. На дняхъ онъ пріѣхалъ звать меня ѣхать къ Dumont — старый философъ живетъ одинъ на прелестной дачѣ. Я ему сказала: „croyez Vous qu'il sera content de me voir? je crains de l'ennuyer?“ „Tenez, je Vous y mène pour Vous prouver que je n'ai pas tort vis à vis de Vous. Vous prétendez que je Vous aime, parceque je suis exalté, or depuis que le monde existe on n'a pas accusé Dumont d'exaltation et il dit de Vous la même chose que moi“. И въ самомъ дѣлѣ Dumont былъ очень доволенъ. En général on me montre ici une bienveillance au dessus de tout ce que je pouvais attendre et qui me fait bien plaisir, car sans en être orguielleuse, je vois qu'on ne la jette pas à la tête de tout le monde; n'allez pas croire que je me crois du mérite pour cela, non, je n'en suis que plus reconnaissante[1]). — Не бываю въ маленькомъ обществѣ не сожалѣя о томъ, что тебя тутъ нѣтъ, истинное наслажденье ихъ слушать и даже записывать. Большія общества немного поскучнѣе нашихъ отъ того что комнаты ужъ очень малы. — Правда ли, что В. К. Елена Павловна будетъ въ Пизѣ нонѣшней зимой? Здѣшнее общество для меня тоже, что вечера у Карамзина, когда бывало не много молодежи, и признаюсь мысль о пустотѣ Пизы, послѣ этого, была мнѣ, не скажу страшна, а какъ то . . . . .[2]) и очень буду рада видѣть нашихъ. — Возвращаюсь къ своему дню. Утро описала, но прибавлю, что дѣти не все утро учатся, а часто играютъ въ воланъ, учатся онѣ охотно, въ 3 часа обѣдъ, послѣ обѣда болтаемъ до $4^1/_2$, потомъ приготовленье уроковъ до $6^1/_2$, дѣти идутъ гулять или иногда со мной катаются въ коляскѣ. Въ половинѣ девятаго чай, въ девять я часто въ chaise à porteur, или съ Бонштетеномъ отправляюсь въ гости до $10^1/_2$. Въ 11 все спитъ. Дѣти точно душой счастливы особливо когда я вечеромъ дома — et c'est un trait d'égoisme que . . . .[2]), mais je trouve tant d'agréments dans la société de Genève, que j'aime à en profiter, d'autant plus que cela ne durera pas et ne coute pas cher. Adieu mon ami! Je viens de recevoir la nouvelle de la prise d'Anapa et pas d'assaut[3]). Слава Богу.

[1]) Думаете ли Вы что онъ будетъ доволенъ меня видѣть? Я боюсь ему наскучить. Постойте я Вамъ докажу, что я былъ правъ по отношенію къ Вамъ: Вы признаете, что я Васъ люблю потому что я восторженъ, но пока существуетъ свѣтъ, никто не могъ упрекнуть Dumont въ восторженности, а онъ говоритъ про Васъ то же, что и я. Вообще мнѣ здѣсь оказываютъ доброжелательство выше всего, что я могла ожидать, что доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, т. к. не будучи спесивой я вижу что доброжелательство не бросаютъ кому попало; не вздумайте, что я считаю себя достойной этого, нѣтъ, я просто благодарна.

[2]) Неразобрано.

[3]) И это черта эгоизма . . . . но я чувствую такое удовольствіе отъ Женевскаго общества, что я хочу имъ пользоваться, тѣмъ болѣе, что это не долго продолжится и не дорого стоитъ. До свиданья мой другъ. Я только что узнала о взятіи Анапы и безъ штурма.

Е. А. Протасовой. 18/30 Іюля. Женева.

Маминька моя безподобная, почти въ одинъ день получила я два ваши письма, одно съ M-r. Pougé, другое по почтѣ, такъ счастлива уже почти недѣлю, каждый день вѣсти или отъ васъ, или отъ Жуковскаго, или отъ Перовскаго! — Я три раза видѣла Pougé, но онъ все мнѣ мало объ васъ разсказывалъ, звала его обѣдать, надѣялась что наѣвшись разговориться, но не такой! не объ томъ говоритъ о чемъ я бы хотѣла. — Другъ мой какіе прелестные разсказы о Государѣ, съ какимъ счастіемъ и съ какой гордостью я ихъ разсказываю здѣсь, гдѣ такой у всѣхъ enthousiasme къ нему, le libérateur des Grecs. — Милая моя, вы любите моихъ Іерскихъ знакомыхъ за ихъ любезности ко мнѣ, что же вы бы сказали про Женеву, гдѣ меня на рукахъ носятъ благодаря дружьбѣ моего несравненнаго Бонштетена. Вы не можете вообразить, сколько мнѣ выказываютъ ласки, до того что мой старикъ Бонштетенъ, который дѣйствительно насъ полюбилъ, en a les larmes aux yeux[1]). — Разскажу вамъ свои похожденія. Въ Субботу получаю отъ Бонштетена письмо въ которомъ онъ сообщаетъ что нанялъ домъ въ Лозаннѣ въ которомъ онъ принимаетъ la Société d'Histoire naturelle и надѣется, что мы и Van Dedel съ нимъ туда поѣдемъ на большомъ пароходѣ. Мы въ Воскресенье въ 9 часовъ утра отправились. Вообразите пароходъ, на которомъ насъ было 200 человѣкъ, военная музыка, самое безподобное сѣренькое время. Все это общество, не скажу веселыхъ, потому что Женевцы не шумно веселы, но такъ сказать свѣтлы; ласковы, обходительны, учтивы, радуются своими горами, своимъ озеромъ, которыя такъ хороши, что на нихъ дѣйствительно нарадоваться нельзя. Большая часть хотѣла со мной познакомиться, разговоры ихъ очень пріятны, совсѣмъ безъ педантизма. Совсѣмъ незнакомые приносили мнѣ виды Женевы, одинъ подарилъ мнѣ платиновую монету русскую, другой принесъ мнѣ рыбу необыкновенную показывать; за Катей ухаживали, даже къ Лизетѣ всѣ были любезны. — Лозанская музыка встрѣтила насъ на лодкѣ и мы ее буксировали съ полъ мили. У самого города 15 лодокъ наполненныхъ публикой пріѣхали къ намъ на встрѣчу, берегъ, окны, все было полно народа. Мы боялись толпы и съ Бонштетеномъ вышли послѣдніе на берегъ, ура и виваты милому старику заглушили даже музыку. — Домикъ, который онъ намъ приготовилъ, былъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ города, подъ окнами прелестный садъ, — подъ горой гавань Ouchy, потомъ озеро, видъ на canton de Veaux и Савою. — Въ Воскресенье вечеромъ мы ѣздили съ

[1]) Т. е. трогается до слезъ.

Бонштетеномъ къ M-me Chavane, его старому другу. Въ понедѣльникъ на народное гулянье. Не могу вамъ описать этой пылкой 18-и лѣтней души въ 84-лѣтнемъ тѣлѣ, онъ забавлялся плясками, качелями, точно также какъ Катя. Одинъ солдатъ подошелъ звать Катю танцовать, она испугалась и Бонштетенъ былъ въ восторгѣ. Послѣ гулянья мы поѣхали домой, онъ съ намѣреньемъ ѣхать къ Лагарпу, учителю нашего милаго, покойнаго Государя, (съ которымъ я познакомлюсь какъ скоро буду въ Лозаннѣ, онъ обѣщалъ быть у меня, но все общество des savants собралось у него) — а я, съ намѣреніемъ поѣхать къ Вѣрѣ Ивановнѣ Хлюстиной, помните у нихъ подлѣ Калуги славная деревня — но когда мы надѣли свои шлафроки (Катя тотчасъ принесла ему его халатъ), сдѣлали чаю, мѣсяцъ глядѣлъ въ озеро такъ поэтично, что мой добрый старикъ не могъ рѣшиться покинуть насъ и говоритъ мнѣ: Vous avez bien envie d'aller à la soirée de M-me Хлюстинъ, mais moi je Vous aime beaucoup mieux que mes savants [1]). Вы можете себѣ представить, что я съ радостью отказалась ѣхать и охотнѣе осталась съ нимъ, это его такъ утѣшило, особливо Катина радость быть дома, что онъ только что не со слезами насъ благодарилъ; мы просидѣли до 11-и часовъ, даже забыли что ничего не ѣли и мы съ Катей просыпались ночью отъ голода. Никакъ нельзя вѣрить что ему 84 года, читаетъ и пишетъ безъ очковъ, гуляетъ по мили пѣшкомъ, живой, услужливый, расторопный, никогда не успѣваешь прежде него затворить дверь; а душа у него 20-и лѣтняя. Катю очень полюбилъ и она съ нимъ такъ мила, оставила свою застѣнчивость, по лицу старика видно какъ онъ ею не нарадуется. — Общество ученыхъ должно было ѣхать на лодкѣ въ Меллери, съ музыкой, потомъ обѣды, балы, но признаюсь что, хотя насъ всюду звали, но два дня безъ трехъ меньшихъ были уже для меня два вѣка и я хотѣла во вторникъ уѣхать, Бонштетенъ не захотѣлъ остаться безъ насъ и Катя запрыгала отъ радости, когда онъ объявилъ что ѣдетъ съ нами, этимъ elle a tout à fait gagné le coeur de Bonstetten [2]). Мы уѣхали съ дождемъ, но доѣхавъ до парохода, онъ довольно далекъ отъ дома, погода прояснилась et nous nous embarquâmes avec les mêmes honneurs, parceque la musique retournait aussi à Genève après avoir été fêtée par la chapelle de Lausanne, sur le bateau „le Winkelried" [3]). Общество все было незнакомое, но

[1]) Вы имѣете желаніе ѣхать на вечеръ къ Г-жѣ Хл., а я васъ люблю больше, чѣмъ своихъ ученыхъ.

[2]) Она совершенно плѣнила сердце Бонштетена.

[3]) Мы отплыли съ тѣмъ же почетомъ, такъ какъ оркестръ также возвращался въ Женеву, послѣ того, какъ его чествовали въ Лозаннѣ, на пароходѣ.

оно казалось увѣрило себя, что они всѣ идутъ для нашей услуги; я сказала Бонштетену что желала бы услышать „le ranz des vaches“ [1]), кто то услыхалъ это, пошелъ къ капельмейстеру, который не только съыгралъ мнѣ эту пьесу но узнавъ, что я не имѣю нотъ, вырвалъ „ranz des vaches“ изъ своей музыки и подарилъ мнѣ. Когда пошелъ мелкій дождь, то десять зонтиковъ открылись для Кати и для меня. Я пошла поблагодарить музыкантовъ, всѣ въ одинъ голосъ спросили, что я еще хочу чтобъ они съиграли, „хотите такую то пьесу: хотите другую музыку?“ — Ни въ какомъ обществѣ большаго свѣта, не найдешь больше пристойности, услужливости сердечной, какъ во всѣхъ классахъ въ Женевѣ. — Ежели вы на улицѣ спросите дорогу у прохожаго, хотя бы вы были въ каретѣ, онъ васъ проводитъ до такого мѣста гдѣ уже нельзя ошибиться — Бонштетенъ увѣряетъ меня, что я не должна судить по себѣ, что съ другими такъ не любезны какъ со мной, я этому не вѣрю! — Что мнѣ было чрезвычайно пріятно, это его радость и благодарность, pour les caresses et la bienveillance qu'on nous témoignait. „Mais voyez, on n'a des yeux que pour vous, on ne pense qu'à vous servir; mon Dieu comme j'aime ces gens qui vous apprécient tant“ [2]). Меня душевно утѣшала его дружба! Напишите Цёкелю сколько онъ его любитъ и уважаетъ, говоритъ о немъ съ почтеніемъ, просилъ меня ему передать qu'il doit être sûr d'avoir un ami véritable dans le vieux Bonstetten [3]), вообще здѣсь всѣ Цёкеля любятъ — Пріѣхавъ домой я нашла приглашенія почти на всѣ дни недѣли. Я раза два отказала быть на роутахъ, это англійская мода, зовутъ столько гостей сколько едва можетъ войти въ комнаты, сѣсть нельзя, нарядная толпа потолкается и разъѣдится. Теперь меня только приглашаютъ en petit comité [4]).

19/31 Іюля. Милый другъ! Отправила Катю въ Шамуни съ добрымъ Зейдлицомъ и Miss Parish. Сашка захотѣла со мной остаться. Мнѣ весело что Катя увидитъ эти чудеса природы. Вчера я гуляла пѣшкомъ такъ далеко, какъ отъ васъ до площади, чего я уже годъ не могла, и нонче совсѣмъ здорова; пью деготь и сѣру, ѣмъ сырое мясо, беру ванны каждый день и этотъ режимъ мнѣ хорошо удается. — Поѣду къ Катѣ на встрѣчу на

---

[1]) Пастушеская пѣснь.

[2]) За ласки и доброжелательство которыя намъ оказываютъ. Но смотрите, всѣ смотрятъ только на васъ, думаютъ только чтобы вамъ услужить, Боже мой, какъ я люблю этихъ людей, которые такъ васъ цѣнятъ.

[3]) Что онъ долженъ быть увѣренъ въ томъ, что имѣетъ постояннаго друга въ старомъ Бонштетенѣ.

[4]) Въ маленькую компанію.

пароходѣ въ Понедѣльникъ до Буврэ на краю озера, гдѣ пароходъ ночуетъ. Потомъ они поѣдутъ въ Меллеръ берегомъ, а мы съ Сашкой въ Женеву опять по озеру, но побывавъ вмѣстѣ съ ними въ Шильонѣ. Видите мой Ангелъ, что вы должны быть покойны на мой счетъ, — веселюсь, дѣлаю des parties de plaisir. Будьте вы здоровы, мои друзья. Молитесь о Перовскомъ, вся душа по немъ изболѣлась. — Объ нашемъ М., отцѣ милой Бибиковой, скажу вамъ грустныя вѣсти. Онъ здѣсь сдѣлалъ себѣ такую репутацію, что стыдно признаться, что съ нимъ знакомъ. Долженъ во всякой лавочкѣ и нигдѣ не платитъ; я хотѣла быть у него, вслѣдствіе вашего письма, думая что онъ въ Лозаннѣ, но онъ оттуда уѣхалъ и остался всѣму городу долженъ, также и въ Женевѣ. — Лагарпъ почти выгналъ его отъ себя! Стыдно имѣть такого соотечественника, особливо здѣсь — но и во Франціи титулъ „русскій" est un titre d'honneur [1]). Вездѣ любятъ русскихъ, всѣ кто бывалъ въ Петербургѣ мнѣ говорятъ que c'est le plus beau séjour en Europe [2]). Здѣшній американскій посланникъ бывшій 15 лѣтъ у насъ, чуть не обнялъ меня отъ радости узнавъ что я изъ Петербурга. Надобно быть одной въ чужой странѣ чтобъ понять цѣну этого. — Здѣсь много нѣмецкихъ принцевъ, я между прочимъ познакомилась съ Датскимъ, онъ глупъ до грусти; какъ любишь сильнѣе нашихъ, видя такихъ дураковъ.

В. А. Жуковскому.

7 Авг. н. с. Женева.

Жуковскій, мой Ангелъ! Вотъ тебѣ письмо къ Пашинькѣ. Прочти его чтобъ знать что я дѣлаю и радуйся моему здоровью. Гдѣ M-lle Wildermuth? [3]) Не увидимся ли мы? Какой рай эта Швейцарія, чтобы хоть одному изъ васъ трехъ быть здѣсь! Прощай душа; устала много писала. Цѣлую твою милую рожу и радуюсь на портретъ.

Женева, 27 Іюля/8 Августа.

Вотъ тебѣ милое письмо моего милаго старика [4]). Не могу тебѣ описать его дружбу къ дѣтямъ и ко мнѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ изъ насъ свою семью и радуется когда насъ ему хвалятъ, il dit qu'il se rengorge comme si c'était lui qui avait élevé les enfants [5]).

[1]) Почетный титулъ.
[2]) Наиболѣе пріятное пребываніе въ Европѣ.
[3]) Фрейлина имп. Александры Ѳеодоровны.
[4]) Бонштетена.
[5]) Онъ говоритъ, что онъ гордится, какъ будто это онъ воспиталъ дѣтей.

Ему много насъ нахвалили вчера и онъ въ полнотѣ сердца пошелъ къ тебѣ писать. — Мы ѣздили Катѣ на встрѣчу, когда она возвращалась изъ Шамуни, добрый Бонштетенъ, Сашка и я; le bou du lac, Шильонъ, Кларенсъ, все это меня свело съ ума.

9-е Августа.

Вчера Бонштетенъ просилъ меня ѣхать съ нимъ и дѣтьми гулять, въ ту деревню гдѣ они жили съ Мюллеромъ [1]). Ты не можешь вообразить какъ онъ радовался дѣтьми а они ему, они съ нимъ такъ ласковы и ужасно любятъ. — На канунѣ онъ былъ у Кандолѣ, и эти два милые человѣка рѣшили между собой сдѣлать мнѣ un projet pour les études des enfants à Pise [2]). Эта милая заботливость обо мнѣ трогаетъ меня до сердца. Прощай другъ.

А. Ѳ. Воейкову.

Женева, 29 Іюля/10 августа.

По твоимъ письмамъ вижу, что мои пропадаютъ, что мнѣ весьма непріятно. Рѣшившись отдать Андрея въ школу, я написала къ тебѣ, а ты узналъ это только отъ графа Строганова. Признаться на то рѣшилась изъ эгоизма, онъ не слушался никого кромѣ меня, а мнѣ было больно говорить, не только кричать на него. Теперь вижу для него такую пользу, какой и надѣяться не могла, онъ очень скоро привыкъ и охотно ходитъ къ Г-у Прива, который его полюбилъ, — говоритъ по-французски и уже все понимаетъ, совсѣмъ пересталъ ревѣть и очень послушный. Теперь у меня другое на умѣ: не знаю, рѣшусь ли его оставить здѣсь на зиму! Въ Пизѣ нѣтъ никакой школы, я еще слаба для уроковъ, и вся польза которую ему принесло пропадетъ въ шесть мѣсяцевъ. На будущее лѣто мнѣ велѣно ѣхать въ Эмсъ, слѣдственно волей неволей буду въ Женевѣ, — пока еще не рѣшилась.

Пансіонъ Прива прекрасный, присмотръ отличный, тѣлесныхъ наказаній нѣтъ, но есть темный кабинетъ для размышленій, который гораздо страшнѣе палки, потому что въ немъ долго — скучно. — Обѣдъ простой, но очень хорошій, Андрей тамъ отъ 8-и утра до 6-и вечера и стоитъ это 45 фр. въ мѣсяцъ. Андрей такъ хорошъ, какъ мало дѣтей, и хорошѣетъ еще. Вчера Бонштетенъ и Candolle толкуя между собою объ насъ, рѣшили

[1]) Johann v. Müller извѣстный нѣмецкій историкъ (1752 — 1809) проживалъ въ имѣніи Бонштетена Valaris близъ Женевы, гдѣ писалъ свою исторію Швейцаріи въ 1784 — 1785 г.

[2]) Проектъ занятій съ дѣтьми въ Пизѣ.

Андрюша Воейковъ, акварель работы А. А. Воейковой.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ де ла Гарди.

уговорить профессора Seringe, Кандолева помощника давать дѣтямъ уроки натуральной исторіи. — Я въ разговорѣ давно уже сказала, что желала бы имѣть эти уроки для дѣтей. Бонштетенъ безъ памяти отъ дѣтей, особенно отъ Кати. Она прилежно рисуетъ и ея музыка идетъ прекрасно. Прости.

В. А. Жуковскому.

5/17 Авг., Женева.

Милый Другъ! въ душѣ необходимость написать къ тебѣ хотя нѣсколько строчекъ. Возвратилась изъ пустой дачи M-me Droz, гдѣ съ добрымъ Бонштетеномъ и обѣими дѣтьми видѣла какъ сперва озеро, потомъ прибрежныя горы, потомъ и самъ Монбланъ погасли въ заходящемъ солнцѣ — видѣла какъ мѣсяцъ серебрилъ всю Рону; пріѣхавъ домой Катя просила прочесть мнѣ Аббадону [1]) и милая, свѣтлая душа ея такъ хорошо думаетъ; для нее уже наслажденье читать тебя, — уже есть дни въ которые ей одно нравится болѣе чѣмъ другое. Das Madchen entwickelt sich schon aus dem Kinde [2]). Два ея замѣчанія особенно тронули меня. Помнишь: „Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ“. „Maman, quelle etrange expression, qui est-ce qu'il aime donc?“ [3]) Жизнь безъ любви она и въ дьяволѣ понять не можетъ. — Другое когда Аббадона плачетъ: „Maman, il se repent, il ne peut plus être un ange déchu“ [4]). Не могу тебѣ сказать сколько счастья въ ея душѣ для того кому она достанется. — Зейдлицъ пошелъ гулять по Швейцаріи, Miss Parish не здорова, и мы цѣлый день втроемъ или въ пятеромъ, дѣти совершенно счастливы. Это милое ихъ желанье быть со мной и только, цѣлый рай для души. Напиши мнѣ о Монбланъ, объ озерѣ. Скажи то что я такъ сильно чувствую, вырази эту, ни съ чѣмъ не сравнимую красоту спокойнаго, тихаго Лемана, когда солнце уже легло, когда работники въ Савойѣ уже идутъ на покой и ихъ пѣсни слышны черезъ озеро въ прелестномъ Приньи — когда Монбланъ уже угасаетъ, звѣзды загораются, чудная твоя рогатая пріятельница тихо катится съ своей свѣтлой звѣздой, а Рона шумитъ никогда не успокаиваясь, какъ вѣчность, какъ время, которое все идетъ примѣтно и не примѣтно. Веселый капитанъ пароваго судна, въ греческой красной фескѣ летитъ по тихому Леману выставляя свои флаги и свистя въ серебрянный рожокъ. А на берегахъ всѣ воспоминанья – домъ Жанъ

[1]) Стихи Жуковскаго изъ Клопштока (1814).
[2]) Дѣвушка уже развивается изъ ребенка.
[3]) Мама, какое странное выраженіе, кого же онъ любитъ?
[4]) Мама, онъ раскаялся, онъ не можетъ быть болѣе падшимъ ангеломъ.

Жака — въ дали Фернэ — на самомъ берегу домъ гдѣ Байронъ велъ буйную свою поэтическую жизнь, видѣлъ la lie de la société и писалъ возвышенные, чудные стансы на свободу и на Шильонъ. — Въ дали итальянскіе тополи надъ могилами M-me de Staël и Некера — замокъ Coquette, бывшій жилище веселья шумнаго и пылкихъ ничѣмъ не обузданныхъ страстей M-me de Staël, теперь онъ пустъ и тихъ. Въ немъ бываетъ M-me Necker, qui est pour ainsi dire séparée du monde par sa surdité, et ne se révèle á lui que par ses ecrit sur l'éducation des enfants [1]). Все это вмѣстѣ удивительно какъ дѣйствуетъ на душу, особенно когда видишь остатокъ прекраснаго минувшаго въ Бонштетенѣ — qui est comme un reste de tous ces génies qu'il a connue et que malgré sa vivacité et sa plénitude de vie on croit qu'il doit bientôt rejoindre en songeant á ses 83 ans [2]). Сегодняшній вечеръ удивительно какъ меня поразилъ, особливо когда будучи еще полна геніями прошедшаго — нашла этихъ прекрасныхъ геніевъ будущаго — дѣтей, — съ ихъ неразвернувшейся душой, но уже полной всего прекраснаго, готовой на все mais aussi prête á recevoir toutes les blessures qu'on leur fera [3]). О какъ бы я ихъ упрятала отъ свѣта! Какъ бы ихъ отдала одной природѣ. — Воейковъ говоритъ что ты пишешь гексаметры, Бога ради пришли. Никогда, даже въ Муратовѣ, не чувствовала такой нужды читать тебя какъ здѣсь. Твой Ахиллъ съ ума меня сводитъ, c'est le chef d'oeuvre de la poésie de l'âme de la Sehnsucht [4]). Прощай 11-ть часовъ.

В. А. Жуковскому и А. Ѳ. Воейкову.

Женева, 13 авг. с.с.

Записка къ В. А. Жуковскому, при которой приложено короткое письмо къ А. Ѳ. Воейкову и переводъ письма Бонштетена къ его отцу.

Другъ мой! разошли всѣ письма по адресамъ. — Ежели не лѣнь, прочти мой переводъ Бонштетена, и ежели разсудишь не отдавай Воейкову — какъ хочешь. Бонштетенъ проситъ тебя отдать Государынѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ приложенную брошюрку.

Къ Воейкову.

Не знаю найдешь ли ты достойнымъ помѣстить письма эти въ журналѣ, изорви безъ зазрѣнья совѣсти если нѣтъ. Не

---

[1]) Которая, такъ сказать, отдѣлена отъ міра своей глухотой, и возвращается къ нему, только посредствомъ своихъ сочиненій о воспитаніи дѣтей.

[2]) Какъ остатокъ всѣхъ этихъ геніевъ, знакомыхъ ему, къ которымъ, не смотря на свою живость и полноту жизни, надо думать онъ скоро присоединится принимая во вниманіе его 83 года.

[3]) Но также готовыя принять всѣ раны, которыя имъ причинятъ.

[4]) Это chef d'oeuvre поэзіи страстной души.

хотѣла послать по почтѣ, не находя чтобы пересылка стоила. – Здоровье мое очень поправляется. дѣти всѣ прекрасны. Завтра ждутъ В. К. Елену Павловну.

Дѣти не только рисуютъ, но рисуютъ съ натуры и ничего нѣтъ смѣшнѣе маленькаго Каравака, который отправляется на рисованье съ портфелями подъ мышкой. Здѣсь премилая Хлюстина съ прекрасно воспитанной дочкой, мнѣ съ ними наслажденье. Впрочемъ здѣсь всѣ милы и умны и добры особенно для дѣтей. Надѣюсь что ежели ты хочешь имѣть отъ меня еще какія нибудь статьи то не поставишь имени и не кому не скажешь что я. Перевожу теперь Бонштетена о воспитаньѣ, ежели удастся пришлю – но „motus!“ Не забывай что амбиція твоей жены быть дурой а не ученой — о стихахъ не говорю, потому что это все равно что хотѣть вычерпать Рону или ....[1]) но скажу que ce dernier m'a indigné. Несчастіе святая вещь — ses ridicules même ne doivent pas être révélés, non par respect pour la personne, mais par respect pour le sentiment qu'on doit avoir dans son âme pour le malheur[2]).

Е. А. Протасовой.

Женева, 19 авг. н. с.

Мой другъ! Добрый М-г Ponzay ѣдетъ къ вамъ! Такъ завидую! Что бы я также дала, чтобы быть съ вами въ этой прелестной гостепріимной Женевѣ. Ежели вы любили Іеръ, за ласки ко мнѣ — то что же бы вы сказали про Женеву, гдѣ право всѣ какъ друзья со мной обходятся. Нарочно разсказывала Ponzay разное объ себѣ, чтобы онъ вамъ передалъ. Прилагаю печатную брошюрку Бонштетена, передайте Жуковскому, ему хочется чтобы Жуковскій отдалъ её Государынѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ. — Здѣсь у меня большое утѣшеніе, это добрѣйшая Хлюстина, препочтенная, тихая женщина, и ея премилая дочька. На чужбинѣ такъ подружишься скоро, le seul amour de la patrie, l'amour pour la famille Impériale, les dangers de l'armée — ces trois choses suffisent pour unir les compatriotes en pays étranger, aussi nous sommes nous liées d'abord et à présent que je les connais plus je les apprécie davantage. — Mais ce que me touche surtout c'est leur bonté pour mes enfants; je ne puis Vous dire chère Maman, comme je suis

[1]) Неразборчиво.

[2]) Послѣдній меня раздражаетъ (?). Его смѣшныя стороны не должны быть затронуты, не только изъ уваженія къ его особѣ, но изъ уваженія къ чувству, которое существуетъ въ его душѣ къ несчастью.

Далѣе слѣдуетъ переводъ писемъ Бонштетена къ отцу, писанныхъ въ 1760. См.

heureuse et fière de voir que les enfants sont généralement aimés, et leurs maitres et ceux qui viennent me voir prennent de la tendresse pour eux. Je Vous ai écrit que je veux laisser André ici [1]), на дняхъ M-me Saladin, одна изъ первыхъ и самыхъ милыхъ здѣшнихъ дамъ, у которой преумный мужъ и двѣ прекрасныя дочки, — вдругъ говоритъ мнѣ: „vous serez inquiète pour Votre fils et à son âge on a besoin des caresses d'une mère, confiez le moi" [2]). Не могу высказать сколько меня тронуло это желанье сдѣлать мнѣ удовольствіе, быть мнѣ полезной! Женева, морально и физически, несравненное мѣсто на земномъ шарѣ! — Вчера вечеръ былъ удивительный, мы поѣхали съ моей доброй Ванъ-Деделъ, голландкой, которую вамъ описывала, гулять. На берегу озера вошли мы въ чей-то садикъ и сѣли на камнѣ у самой воды; солнце садилось такъ чудесно, что мы молча просидѣли часа два, пресчастливыя. Не знаю думала ли я? и о чемъ? знаю что чувствовала васъ, Машу, Жуковскаго, Перовскаго, mais de me rendre compte de ces délicieux sentiments qui remplissaient mon âme — serait impossible et je crois chère Maman que le bonheur du Paradis ne sera pas autre chose que la contemplation, parceque ce bonheur est le seul calme, le bonheur agissant est bien plus trouble [3]). Не знаю также отчего съ тѣхъ поръ какъ я въ Женевѣ, удивительно какія сладкія чувства въ душѣ. Даже безпокойство о Перовскомъ часто превращается въ сладкую увѣренность, въ надежду что онъ будетъ сохраненъ для насъ. Думая о прошедшемъ, вспоминаю, что передъ большими ударами судьбы, часто имѣла такія сладкія, спокойныя недѣли — и жду! — Но даже и это ожиданіе какъ то, si résigné, что и оно не мученье, mais me laisse jouir avec plus de joie de cette tranquille jouissance de l'âme que sûrement je dois en partie à mes enfants [4]). Они такъ хорошо заняты, такъ счастливы своими занятіями, уроками, что всегда ложась спать цѣлуютъ

[1]) Одна любовь къ родинѣ, любовь къ царской семьѣ, опасность войны (о Перовскомъ) этихъ 3 вещей довольно, чтобы соединить соотечественниковъ въ чужой сторонѣ, такимъ образомъ мы и соединились сперва, а теперь, какъ я ихъ больше знаю я ихъ цѣню еще больше. Но то, что меня особенно трогаетъ, это ихъ доброта къ моимъ дѣтямъ; я не могу вамъ сказать, дорогая маменька, какъ я счастлива и горда видѣть, что дѣти всѣми любимы и ихъ учителя, и тѣ, кто меня посѣщаетъ, проникаются нѣжностью къ нимъ. Я Вамъ писала, что хочу оставить Андрея здѣсь.

[2]) Вы будете безпокоиться за Вашего сына, а въ его возрастѣ необходимы ласки матери, вѣрьте мнѣ.

[3]) Но отдать отчетъ въ этихъ сладкихъ чувствахъ, которыя наполняли мнѣ душу, было бы невозможно, и думаю, милая маменька, что райское блаженство не что иное какъ созерцаніе, такъ какъ это единственно спокойное счастье, счастье дѣятельное гораздо болѣе смутно.

[4]) Такъ безропотно; но заставляетъ меня наслаждаться съ большою радостью этимъ спокойствіемъ души, которымъ я несомнѣнно обязана, главнымъ образомъ, моимъ дѣтямъ.

меня за счастливый день. Часы такъ хорошо распоряжены, что ихъ учителя, которыхъ по пяти бываетъ въ день, для нихъ истинное удовольствіе. Я подарила Катѣ въ ея 15 лѣтъ свои часы и она всегда скажетъ учителю, какъ, неужели уже часъ прошелъ? Рисованье съ натуры у m-me Almoras идетъ такъ успѣшно, что она за ту же цѣну удвоила уроки, чтобы онѣ могли больше воспользоваться. Всѣ эти доказательства, что дѣти не въ тягость учителямъ, такъ меня утѣшаютъ, что право жить легче стало. Добрый мой Зейдлицъ гуляетъ по Швейцаріи, и пишетъ ко мнѣ прекрасныя письма; эти путешествія для насъ всѣхъ обошлись бы весьма дорого, менѣе ста рублей въ день тронуться нельзя, но Женева такъ хороша, что утѣшиться можно. — Захожденіе солнца на Монбланѣ видѣла разъ двадцать, но не могу привыкнуть къ этой чудной картинѣ. Катя мнѣ на-дняхъ говоритъ смотря на заходъ солнца: „Maman, Dieu est là“. И точно самъ Богъ въ этой красотѣ. Въ Женевѣ я полюбила жизнь, но и какъ будто подружилась съ мыслью о смерти. Что же тамъ, ежели здѣсь на землѣ такъ хорошо! — Завтра ждутъ В. К. Елену Павловну, какъ весело будетъ увидать эту милую красавицу, которую Елизавета такъ любила. — Посылаю вамъ свою Іерскую комнату, дурно нарисовано, но точно, постараюсь имѣть и Женевскую. — Катя становится очень милая, она не носитъ больше локоновъ и причесана немножко по модѣ, всѣ ею любуются. — Пожалуйста другъ мой, всѣ эти письма перешлите Жуковскому, онъ увидитъ изъ моего маранья, что я подлаживаюсь къ Воейкову, перевела ему нѣсколько писемъ Бонштетена, — ежели они не хороши, то у него въ журналѣ будутъ дома! Что Языковъ? Какъ бы его душа отзывалась здѣсь! — Надняхъ вхожу къ Кандолю на ихъ дачѣ — узкая гостинная освѣщенная — напротивъ дверь открыта на озеро, все серебряное отъ луны, — освѣщенная комната составляла какъ бы первый планъ этой картины, и не мѣшала ея красотѣ, — въ фонѣ эта чудная ночь, тишина воды и береговъ, мѣсяцъ, Монбланъ посеребренный по краямъ выдѣляется на черномъ небѣ, — я остановилась и ничего не могла сказать на привѣтствіе хозяевъ, которые сами сейчасъ повели меня на балконъ. — Прощайте маминька, благословите насъ, какъ вы всегда благословляли.

В. А. Жуковскому.

Женева, 25 авг./6 сент.

Другъ милый, ты благодаришь, что я радуюсь Монбланомъ и Бонштетеномъ, никогда я такъ не заслуживала твоей благо-

дарности, я радуюсь всѣмъ, и даже тѣмъ, что ожила! — Ежели бы ты, отецъ мой, писалъ по чаще, то не было бы trübe Stunden [1]); оттого, что я не слаба, не страдаю, такъ на душѣ свѣтло — но больше отъ дѣтей, такого рая, какъ мои дѣти, на свѣтѣ нѣтъ. Катя такая тихая, веселая, прелесть, на которую нельзя довольно нарадоваться, — учится прекрасно, всѣ учителя ее любятъ и даже старый, угрюмый учитель музыки Вольфъ не нахвалится. — Сашка a le coeur d'un ange et l'esprit d'un démon [2]). Бонштетенъ отъ нея въ восторгѣ. Андрюша сталъ премилый, получилъ въ пансіонѣ медаль за послушаніе. Машка бѣлый Рафаеловой ангелъ, говоритъ, хохочетъ цѣлый день, не капризна, а пресмѣшно довольна. Однимъ словомъ это четыре рая и отъ нихъ душа такъ полна хорошими чувствами, что я не очень дрожу передъ бѣдой, какъ то вѣрю, что ужасная гроза ударитъ мимо. Но все это послѣ вашихъ писемъ, а когда по недѣлямъ не получаю, то и Монбланъ кажется чернымъ. — Какое ты славное письмо мнѣ написалъ, какая у тебя поэтическая, высокая душа и какъ я тебя люблю. — „Перовскій здоровъ и Провидѣнье живо", за эти два слова обнимаю тебя сто разъ, въ нихъ цѣлое утѣшенье, всѣ надёжды. Для кого же оно будетъ живо ежели не для такихъ уродовъ, какъ вы два, чѣмъ болѣе вижу людей великихъ и славныхъ, тѣмъ больше душа васъ цѣнитъ! Прочла Бонштетену твое письмо, онъ всѣмъ былъ доволенъ — кромѣ тѣмъ, что ты мнѣ его въ отцы сажаешь — а онъ просится въ Жеркуры. Жуковскій, всѣ лучшіе люди на свѣтѣ — tout est vanité [3]). — У меня здѣсь прелестная и премилая отрада, это Хлюстина съ дочерью, племянница Пашиньки. Мать la raison et la bonté en personne [4]), дочь прелестно воспитанная, знаетъ все, читала все на пяти языкахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ ребенокъ. Занимается самымъ серьезнымъ, восхищаетъ здѣшнихъ ученыхъ и съ восхищеніемъ играетъ въ жмурки съ Катей и Сашей. Но душа à la hauteur de tout ce qui est beau [5]). Весело было имъ прочесть твое письмо. Какая прелесть нашъ Царь! На колѣни становлюсь передъ его словомъ. А Марія Николаевна, что за краса, представляю себѣ ее личико радующееся матерью и волнами. Я ничего не видывала воздушнѣе ея, когда она стоя катится съ горы. Твое несравненное море напомнило мнѣ слова здѣшняго ребенка, воспитаннаго въ горахъ и не видавшаго

[1]) Мрачныхъ часовъ.
[2]) Имѣетъ сердце ангела и умъ дьявола.
[3]) Все тщеславіе.
[4]) Олицетворенная разсудительность и добродѣтель.
[5]) На высотѣ всего прекраснаго.

воду, иначе какъ въ фонтанахъ, когда его привезли sur les hauteurs de Genève онъ закричалъ увидя озеро: „Maman regardez le ciel qui s'est couché sur la terre“ [1]). — Двадцатаго числа мнѣ было весело, чего я никакъ не ожидала. — Добрая Хлюстина узнала, что это мое рожденье и позвала ко мнѣ весь городъ не сказавши мнѣ ни слова, и я только тогда узнала, когда стали зажигать лампы и готовить чайный столъ. Она живетъ въ отелѣ et ne pouvant me fêter chez lui, elle m'a fêté chez moi [2]). Теперь мы живемъ въ одномъ домѣ, но онѣ нисколько мнѣ не мѣшаютъ, а напротивъ. Очень жалѣю, что ѣдутъ въ Римъ на зиму, а не въ Пизу. Онѣ для меня такое провидѣнье. — Ждемъ всякій день В. К. Елену Павловну, ея отецъ здѣсь и говоритъ, что она черезъ два дня будетъ. — Забавную вещь сдѣлалъ Бонштетенъ, ему кто-то сказалъ, что belle mère Короля Вюртембергскаго умерла, онъ поскорѣй написалъ письмо Королю, а она жива и поправилась. — Вчера провела вечеръ въ преинтересномъ семействѣ M. Saladin, il est perdu et malade et se dit le plus heureux des hommes; sa femme rappelle M-me Karamsine pour l'extérieur, depuis 15 ans, que son mari est infirme, elle n'est pas sortie de la maison et personne qu'elle ne l'a conduit du salon à sa chambre, ne lui a donné sa médecine, avec cela elle a l'air d'une femme de 35 ans, d'une très grande beauté. Sa fille est M-me Rigaut, femme du chef de la République, c'est le plus bel homme et elle la plus belle femme que l'on puisse voir, comme aussi la plus aimable. Elle a encore une soeur mariée presque aussi jolie, chacune d'elle a deux filles de 13 — 14 ans belles à ce mettre à genoux. Tout ce monde demeure ensemble, tout ce monde n'a qu'une pensée, faire plaiser à grand papa [3]). Ты посылаешь мои письма Перовскому, отчего ты не присылаешь мнѣ его? — Время подходитъ ѣхать въ Пизу, хочется 1-е октября н. с. уѣхать. Женева мнѣ возвратила силы и жизнь, но уморила кошелекъ, не жалуюсь, потому что цѣль достигнута! Прекрасно идетъ у насъ ученье Histoire naturelle, съ какимъ восторгомъ дѣти учатся. M. Soringe славный учитель и прекрасно говоритъ. Сашка не живетъ иначе

[1]) Мама, смотри, небо легло на землю.

[2]) И не имѣя возможности меня чествовать у себя, она сдѣлала это у меня.

[3]) Онъ безнадежно больной, хотя считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, его жена напоминаетъ по внѣшности M-me Карамзину; въ теченіе 15 лѣтъ, какъ ея мужъ хвораетъ, она не выходила изъ дому и никто кромѣ нея не провожалъ его изъ гостиной въ его комнату, не давалъ ему лекарства, и вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ видъ 35-лѣтней, очень красивой женщины. Ея дочь — M-me Риго, жена главы республики. Это самый красивый мужчина, какъ и она самая прекрасная и любезная женщина. У нея есть еще замужняя сестра, почти также красивая, каждая изъ нихъ имѣетъ 2-хъ дочерей 13 — 14 лѣтъ, хорошенькихъ, и достойныхъ поклоненія. Всѣ эти люди живутъ вмѣстѣ, всѣ они имѣютъ одну мысль, сдѣлать пріятное дѣдушкѣ.

qu'en aspirant l'oxygène и все спрашиваетъ, сколько азота въ комнатѣ когда ей запахъ не нравится. Она пресмѣшная и острая. Candolle далъ мнѣ письмо къ Caby, профессору естественной исторіи въ Пизѣ, чтобы онъ продолжалъ уроки съ дѣтьми по той же методѣ. Пошли письмо мое къ Пашинькѣ.

8-е Сентября.

Раскрываю письмо, потому что вчера глупо написала, дала тебѣ фальшивую идею о Бонашт., сказавъ, что онъ просится въ Жеркуры, это вздоръ, онъ любитъ меня и это немножко не ловко, cela me gêne [1]), но признаюсь онъ такъ радуется своей любовью ко мнѣ, что это меня очень трогаетъ, плачетъ при мысли о моемъ отъѣздѣ.

В. А. Жуковскому.

Женева, 30 сент. н. с.

Другъ милый! Такъ давно отъ тебя нѣтъ писемъ, даже Бонштетену не отвѣчаешь. Здоровъ ли ты? — Вчера я была у Вел. Княгини, милое, прекрасное и чувствительное творенье. Очень была ласкова. Велѣла тебѣ разъ пять повторить, что она тебя очень любитъ, qu'elle sait apprécier Votre caractère, Votre beau dévouement à Vos devoirs et Votre belle âme, „Sûrement l'âme la plus pure parmi tout ce monde". Продержала меня больше часа une conversation d'un abandon incroyable. — Elle fait un effet prodigieux, vieux et jeunes, tout est fou d'elle, elle a de l'esprit, du tact, et de l'instruction jusqu'au bout des doigts [2]). — Какъ грустно было найти у нее неизвѣстныхъ, а не старинныхъ знакомыхъ. Воздухъ начинаетъ больно дѣйствовать на грудь, черезъ 14 — 15 дней буду въ Пизѣ.

1-е Октября.

J'ouvre ma lettre pour Vous conter ce qui m'est arrivé hier [3]). — Я здѣсь довольно подружилась съ семействомъ Saladin de Pregny. Мы видались de quinzaine en quatorze [4]) но всегда съ удовольствіемъ. M-me Saladin обѣщала мнѣ писать объ Андрюшкѣ, ѣздить къ

—

[1]) Это меня стѣсняетъ.

[2]) Что она умѣетъ цѣнить Вашъ характеръ, Вашу преданность долгу и и Вашу прекрасную душу. Несомнѣнно, наиболѣе чистую душу между всѣми этими людьми. Разговоръ невѣроятно непринужденный. Она производитъ удивительный эффектъ, старый и малый, всѣ безъ ума отъ нея; она имѣетъ умъ, тактъ и основательное образованіе.

[3]) Я начинаю мое письмо, чтобы вамъ разсказать что случилось со мною вчера.

[4]) Изрѣдка.

нему. Вчера они пріѣхали прощаться et le mari me demande un moment d'entretien, c'était pour me supplier presque de prendre une créditive pour Milan et Gêne sur la maison de commerce à Genève où il fait ses affaires et où il répond de toute sa fortune. Il voulait absolument m'ouvrir un crédit illimité dans le cas où je me trouve dans l'embarras ou que je sois volée en route [1]). Я не взяла, но эта добрая заботливость и дружба меня до сердца тронули и вѣрно и тебѣ будетъ весело.

Е. А. Протасовой.

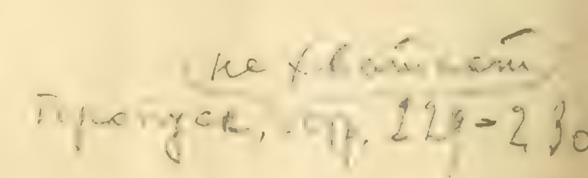
Миланъ, 2 сентября, 7/8 октября 1828 г.

Милый другъ! пишу вамъ изъ прелестной Италіи, точно прелестной! и гораздо прелестнѣе чѣмъ я ожидала. Вся Симплонская дорога, которая вообразите вьется лентой по горѣ, такъ что городокъ Бригъ, изъ котораго выѣзжаешь всегда виденъ у ногъ вашихъ, въ долинѣ, покуда вы въѣдете въ облака — и тогда уже кромѣ сырого тумана, изъ котораго кой гдѣ торчатъ глетчеры, ничего не видно. Гора противъ Симплона начинается виноградниками и постепенно, перемѣняя всѣ климаты, кончается вѣчными снѣгами. Съ какимъ удовольствіемъ я видѣла каскадъ Pisse-Vache, который Маша такъ любила и столько разъ нарисовала еще въ Бѣлевѣ. До сихъ поръ я еще не нашла ничего, объ чемъ бы мнѣ картины дали понятіе, онѣ годятся для воспоминанія, но по нимъ ничего не узнаешь, особливо пейзажи. — Pisse-Vache такъ хорошъ! и столько прелестныхъ разнообразныхъ каскадовъ на Симплонской дорогѣ, что все время ѣдешь съ гуломъ воды. Въ шести мѣстахъ галлереи высѣчены въ гранитѣ и вы ѣдете какъ подъ землею, одна такъ длинна, что Машка попросила отдать ей солнце. Восемь часовъ мы подымались на гору. Въ Бавено сѣли мы пятеро на лодку, на Lago Maggiore, а карету отправили въ Арено, сухимъ путемъ. Дѣти ходили смотрѣть Борромейскіе острова, а какъ я еще не мастерица ходить, то я качалась въ лодкѣ, однако въ Isola Madre взошла до первыхъ апельсинныхъ деревъ. — Вообразите вечеръ какъ на заказъ, самый безподобный, озеро гладко какъ зеркало; я лежала въ лодкѣ, Зейдлицъ игралъ на кларинетѣ всю старинную, знакомую музыку! Солнце сѣло, и милліоны звѣздъ за-

[1]) И мужъ попросилъ минуту для разговора, для того, чтобы почти умолять меня взять переводъ на Миланъ и Геную на одинъ Женевскій торговый домъ, съ которымъ онъ имѣетъ дѣла. Онъ во-что бы то ни стало хотѣлъ открыть мнѣ неограниченный кредитъ на случай, если я буду находиться въ затрудненіи, или меня обокрадутъ въ дорогѣ.

горѣлись, дѣти утихли и музыка тоже и мы пріѣхали въ Арона въ какомъ то волшебномъ расположеніи. Не знаю, кажется ли мнѣ, но здѣсь все такъ gracieux, или все здѣсь такъ характерно, что на все смотришь съ удивленіемъ. Въ Sesto Calende, Австрійской границѣ съ Сардиніей, переѣзжали озеро на паромѣ, слѣпой музыкантъ пѣлъ со скрипкой всѣ славныя оперныя аріи; куча старыхъ бабъ окружила меня, спрашивая не больна ли я. За ними стояла красавица какую я рѣдко видала. Carlo Dolce писалъ такихъ Мадонъ. Я кликнула ее и спросила отчего она не такъ причесана какъ всѣ старухи; у нихъ коса положена въ кругъ сзади на головѣ, и приколота десятками серебрянныхъ булавокъ, у которыхъ концы окончиваются звѣздами, — „Она несчастна“ закричали мнѣ старухи, „ее мать не любитъ, e troppo bella“, слишкомъ хороша; между тѣмъ она опустила голову покрытую синимъ платкомъ, — прочій костюмъ совсѣмъ русскій сарафанъ и фартукъ, — и покраснѣла. Я готова была стать на колѣни, я до сихъ поръ не видала такого лица, — кругомъ ея старухи сѣдыя, почти безъ волосъ но съ такими булавками, съ жестами разсказывали мнѣ ея исторію, слѣпой пѣлъ, а прислонясь къ нашей каретѣ, стоялъ италіянецъ съ брошенной на одно плечо курткой и съ черными, устремленными на меня глазами, которыхъ я вѣкъ не забуду. Я увѣрена что это разбойникъ и дорого бы дала чтобъ имѣть здѣсь Орловскаго [1]). — La belle plaine de la Lombardie [2]), довольно скучна, особливо послѣ горъ. — Милый другъ, сколько дружбы мнѣ оказали въ Женевѣ, право вѣришь съ трудомъ. Вообразите что семейство Saladin de Pregny, не только взялись дѣлать все что нужно для Андрюшки, входить во всѣ детали его туалета, совѣтовали мнѣ все что я должна была условиться съ M. Privat. M-me Saladin точно мать для него, она потеряла собственнаго сына и говоритъ мнѣ, что за эти 6 мѣсяцевъ, что Андрюшка останется въ Женевѣ il lui fera l'illusion d'être son fils [3]). — M. Saladin, узнавъ какъ я получаю деньги, принесъ мнѣ наканунѣ отъѣзда une crèditive qu'il m'ouvrait sur ses banquiers à Milan et Gênes, car la route de Genève à Milan n'étant pas très sûre j'aurais pu être volée en chemin et me trouver dans l'embarras! Chère Maman quel frère ferait tout cela pour sa soeur et ces gens ne me connaissent que depuis quatre mois; j'ai eu toutes les peines a refuser et il est parti fort mécontent. — Tout le monde à Genève s'est em-

[1]) Александръ Осиповичъ Орловскій, 1777 1892, извѣстный живописецъ.
[2]) Красивая Ломбардская долина.
[3]) Онъ ей дастъ иллюзію собственнаго сына.

Тогда же приглашенный художникъ Boggi началъ рисованіе ея портрета, который она обѣщала Катѣ, и сдѣлалъ по просьбѣ больной рисунокъ, изображавшій Машу подъ пальмою, на берегу моря, какъ однажды ее нашла Свѣтлана въ Гіерѣ. Рисунокъ этотъ доставилъ много радости умирающей матери.

Около этого же времени нарисовалъ ее карандашемъ и гр. де Местръ [1]), о чемъ онъ писалъ позднѣе Жуковскому. Послѣдній портретъ передаетъ намъ прелестный образъ страдающей женщины, у которой въ большихъ, прекрасныхъ и спокойныхъ глазахъ свѣтится призракъ приближающейся смерти, такъ мало ее ужасающей, такъ давно ей близкой и ею желанной. Говорить Свѣтланѣ становилось все труднѣе, но, по словамъ очевидцевъ, легкая и свѣтлая улыбка не покидала ея прекраснаго, исхудалаго лица.

Теперь она уже не читала ничего, повторяя только вслухъ молитвы и знакомыя мѣста Евангелія отъ Іоанна. Иногда она слабымъ голосомъ декламировала любимые стихи своего крестнаго, или просила играть свой любимый романсъ „Розы расцвѣтаютъ" [2]). Стихотворенія, посвященныя ей, пробуждали въ ней воспоминанія далекаго, свѣтлаго дѣтства и она тихо плакала, повторяя: „Свѣтланы скоро не будетъ"!..

А между тѣмъ Жуковскій, предупрежденный Зейдлицомъ и Мойеромъ о безнадежномъ состояніи Саши, писалъ ей свои извѣстныя письма, въ которыхъ, не скрывая отъ нея опасности ея положенія, старался подготовить ее къ переходу въ иной міръ, смотря на смерть со своей особой точки зрѣнія и не боясь сказать ей въ лицо то, что скрывали отъ нея другіе, меньше знавшіе ея душу. Эти письма, впрочемъ, не застали уже въ живыхъ Свѣтлану.

4 февраля, Спб.

„Я прочелъ твое письмо къ Перовскому [3]): намъ должно лишиться тебя; я даже не знаю, кому я пишу, жива ли еще ты, прочтешь ли ты это письмо? Я прошу Бога только о томъ, чтобъ Онъ сохранилъ тебѣ довольно силъ, чтобы прочесть это письмо. Не для того, чтобы разжалобить или потревожить тебя моею печалью, пишу я въ такую минуту.

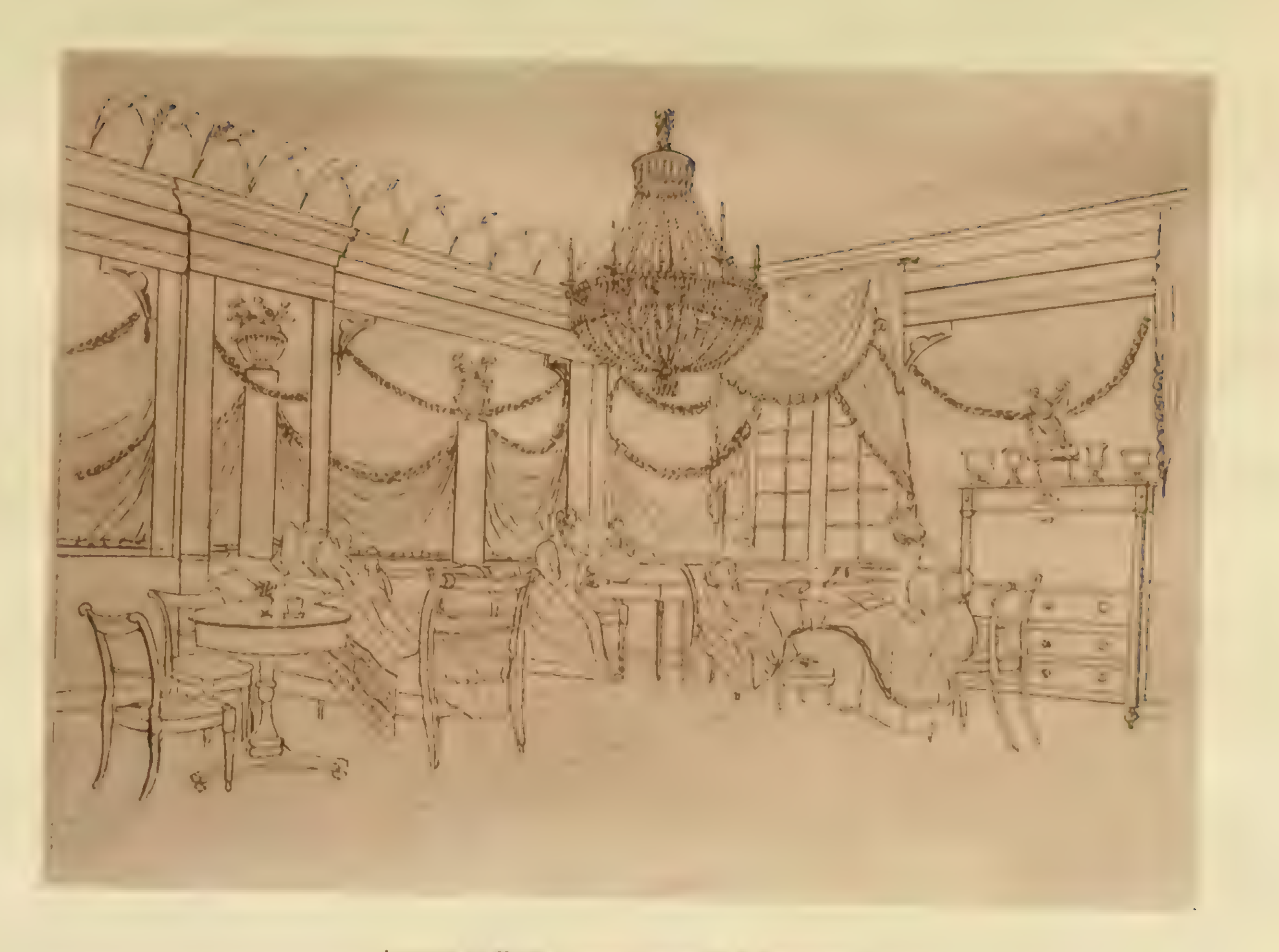
[1]) Какъ извѣстно, графъ занимался въ молодости живописью.

[2]) Стихотвореніе Жуковскаго, переложенное на музыку Вейраухомъ.

[3]) Къ этому времени Жуковскій только могъ получить письмо Саши отъ 24 января (письма шли свыше 30 дней), въ которомъ она впервые намекала ему на свою болѣзнь. Перовскому, очевидно, она писала раньше, и подробнѣе. Настоящія письма написаны по-французски.

Я знаю, что въ смерти нѣтъ для тебя ничего страшнаго. Неужели такъ трудно стать ангеломъ, принять спокойствіе иной жизни, покинуть страхъ жизни здѣшней? Твоя жизнь была чиста. Иди по своему назначенію! Благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и свѣтла. Я хочу только успокоить твои послѣднія минуты извѣстіемъ о томъ, что останется отъ тебя въ этомъ мірѣ. Не безпокойся объ участи твоихъ дѣтей. Мы ихъ усыновляемъ: я, Перовскій и Полина. Государыня не забудетъ ихъ, положись на ея сердце. Катя и Саша, надѣюсь, могутъ жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина можетъ взять на себя заботы о Машѣ. Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ; онъ очень хорошо пристроенъ тамъ, гдѣ онъ находится и будетъ устраненъ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится и я позабочусь о немъ. Будь покойна, мой другъ, не тревожься, принимая то, что Богъ велитъ. Провидѣніе замѣнитъ для твоихъ дѣтей душу ихъ матери и вознаградитъ ихъ за твою жизнь, столь чистую, невинную и полную испытаній. О насъ и нашей горести не безпокойся, перенести ее необходимо. Но ты будешь жить для насъ въ привязанности нашей къ твоимъ дѣтямъ и въ заботахъ нашихъ о нихъ. Благословляю тебя, покоряясь необходимости потерять тебя! Если же Богъ въ своей благости судилъ иначе, да послужитъ тебѣ это письмо завѣщаніемъ, сдѣланнымъ заблаговременно!“

„Саша, ангелъ мой, можетъ быть ты уже стала ангеломъ во всѣхъ отношеніяхъ. Пиши мнѣ о себѣ безъ тревоги: развѣ ты можешь тревожиться о своемъ будущемъ? Въ твоемъ переходѣ въ жизнь столь достойную тебя, есть что-то чистое. Я не могу думать о моей потерѣ, я думаю только о томъ, что творится съ тобою. А это такъ божественно! Стану ли я тутъ примѣшивать что-нибудь свое. Отъѣзжая, ты поручала мнѣ своихъ дѣтей. На нихъ я и долженъ перенести всю любовь, которая была въ моемъ сердцѣ къ тебѣ. И я это сдѣлаю. Думай о нихъ и не тревожься нисколько. У тебя еще другъ въ Государынѣ, напиши и ей, все это успокоитъ тебя въ отношеніи того, что остается здѣсь. Мнѣ кажется, что все это происходитъ со мною самимъ и что я долженъ готовиться перейти въ этотъ таинственный міръ. Есть что-то торжественное въ этомъ ожиданіи: теперь только я ближе постигаю жизнь будущаго. Что всего дороже, все уходитъ туда. Развѣ ты покидаешь меня? Нѣтъ, ты становишься для меня осязательнымъ звеномъ между здѣшнимъ міромъ и тѣмъ: ты налагаешь на меня священный

Комната въ Пилѣ, рисунокъ перомъ А. А. Воейковой.

вещи. Ему не 82 года а 28, et encore tout l'amour propre de l'école [1]); когда ты къ нему напишешь? Прощай мой другъ! Прежде Варны пошли письмо въ Царское Село, силъ нѣтъ писать Пашѣ — обнимаю тебя что ты ее любишь. Вы три любите другъ друга и меня — это все мое счастье.

3.

Пиза.

А. Ѳ. Воейкову.

Записка изъ Пизы отъ 20 окт. (нов. ст.) 1828 г.

Только и есть силы сказать, что пріѣхала въ Пизу, устала и сердце бьется. Благодарю за письмо о Перовскомъ, когда не на парадъ а въ правду дѣло дѣлать надо, то онъ лѣзетъ впередъ. — Дѣтей, когда отдохнутъ заставлю описать чудесный Миланъ, Симплонъ и всѣ видѣнныя чудеса, теперь едва сижу и лихорадка. Всѣ здоровы, объ Андреѣ пишутъ изъ Женевы, всѣ его ласкаютъ, учитель очень имъ доволенъ, рада что рѣшилась. Еще не обжились, кровать среди комнаты, а стулья другъ на другѣ.

В. А. Жуковскому.

Пиза, 8/20 октября.

Жуковскій мой безподобный, ты такъ давно ко мнѣ не писалъ, что я была въ большой тоскѣ. Нонче на новоселье получила твое милое письмо. Ни разу не видала Montblanc не думая о тебѣ, точно твое имя на немъ написано. А что уже Борромейскіе острова и Симплонъ! Письмо твое изъ Милана о Наполеоновой колоннѣ было такое, что я его помню наизусть, у тебя поэзія не въ однихъ стихахъ, и много писемъ врѣзываются на вѣчно въ душу. — Я выѣхала изъ Женевы съ лихорадкой и больными ногами, слѣдственно почти ничего не видала — le dôme de Milan [2]) то же что Монбланъ, только человѣческій! Генуя знаю по разсказамъ Miss Parish. — Насколько Варна [3]), Андрей и деньги меня начали въ Женевѣ разстраивать, дорога добила. Никуда отсюда не поѣду, здѣсь жить не дорого, на лѣто развѣ во Флоренцію или Лукку. Не могу больше выносить дорогъ. — Анну [4]) я прочла въ италіянской газетѣ въ Voghera. Какъ горда уже найти милое имя въ газетахъ. Сохрани

[1]) И къ тому же все самолюбіе школьника.
[2]) Миланскій соборъ.
[3]) Т. е. осада Варны, гдѣ участвовалъ Перовскій.
[4]) Т. е. орденъ Св. Анны, который получилъ В. А. Перовскій.

его Богъ. Здѣсь изъ Варны письмо приходитъ въ 15 дней, а онъ не будетъ этого знать. — Вообрази я нашла 5 писемъ изъ Женевы чтобы успокоить меня, объ Андреѣ отъ лицъ, которыя даже не обѣщали писать. Какіе милые, добрые люди. Не могу думать объ ихъ добротѣ безъ чувства благодарности, навѣщаютъ Андрюшку въ свободные отъ уроковъ часы чтобъ ему не мѣшать. Что ты не отвѣчаешь Бонштетену! уродъ! — Прощай другъ, жаръ душитъ. — Такія мерзкія біенія сердца, что бокъ распухаетъ. Какъ я скоро оправилась, такъ и скоро упала. Здѣсь гр. де Мэстръ, ему я очень рада. Какихъ мнѣ хорошенькихъ рисунковъ въ Женевѣ надавали! — Здѣсь домъ наняла съ лучшей экспозиціей на югъ и западъ. Въ немъ нѣтъ по здѣшней дурацкой манерѣ темныхъ спален, вообрази что здѣсь часто гостинная на югъ или западъ и 3 — 4 спальни темныя безъ оконъ. — Мой домъ на Lungarno, гостинная и моя и Кати спальня, — на Piazza del ponte — Miss Parish, меньшія, столовая и пр. Эта piazza также карнавальная и мнѣ обѣщаетъ добрая хозяйка всякія удовольствія. Все это стоитъ 1000 ф. на 6 мѣсяцевъ. C'est plus chrétien qu'Huyéres et Genève [1]). Никуда отсюда не поѣду! Я иногда совсѣмъ бываю здорова — и когда писала изъ Женевы что двѣ версты прошла, это было хорошее время, но это одинъ разъ. Шамуни не видала, не по силамъ и деньгамъ. Мой вояжъ на пароходѣ въ Лозанну и Катинъ въ Шамуни стали мнѣ въ 600 фр. и не по глупости, а отъ незнанья. Бонштетенъ мнѣ сказалъ, что это une affaire de 100 frcs [2]). Прощай душа, мое письмо видно писано въ жару, но жаръ моей души къ тебѣ всегда одинъ.

В. А. Жуковскому.

17/29 октября.

Жуковскій ты точно Ангелъ! Богъ тебѣ заплатитъ за второе письмо! вижу что оно написано въ минуту радости, которую тебѣ нужно было со мной раздѣлить. Ты оживилъ меня, я не вѣрила, что онъ [3]) живъ. Боже мой, что за мука знать черезъ 30 дней что у васъ дѣлается. Не знаю, что бы дала чтобъ имѣть детали, чтобъ знать гдѣ онъ. Какъ мучительна такая рана, какъ онъ долженъ страдать, силъ нѣтъ объ этомъ думать, а ничѣмъ другимъ не могу заняться, не прошу тебя писать, знаю твое сердце, но помни мое теперешнее житье и что ma pale existence c'est la poste [4]). Дѣти въ горѣ не товарищи,

[1]) Это болѣе по христіански, чѣмъ Гіеръ и Женева.
[2]) Стоитъ не болѣе 100 фр.
[3]) В. А. Перовскій былъ тяжело раненъ.
[4]) Моя блѣдная жизнь — это письма.

имъ нуженъ смѣхъ, ты знаешь я его не запрещу и поймешь каково мнѣ видѣть танцы и думать что Перовскій умираетъ. Перечитываю ваши старыя письма и дрожу при всякомъ въ нихъ планѣ на будущее. Прощай другъ, обними Пашу. На удачу писала Перовск. въ Одессу, это ровно половина, изъ Одессы отвѣтъ въ 30 дней, а изъ Петербурга въ 60.

В. А. Жуковскому.

Пиза, 28 окт./19 ноября.

Милый другъ, все откладывала тебѣ писать скучное дѣловое письмо, но надо рѣшиться. Начну по крайней мѣрѣ весельемъ. Какъ весело оживать съ этимъ милымъ, вѣрнымъ, Перовскимъ! Его письмо на третій день раны утѣшило меня Богъ знаетъ какъ! А ты мой добрый Ангелъ, какъ часто писалъ, цѣлую твое сердце. Письма ваши ходятъ 30 дней, такъ что я имѣю удовольствіе получать отвѣтъ въ 62 дня. — Я скривя ротъ смѣюсь надъ собой какъ я понемногу привыкаю лишаться всего, что доставляетъ мнѣ удовольствіе. Я любила очень ходить, когда увидѣла что силы кончились, замѣнила этотъ часъ рисованіемъ — не прошло двухъ мѣсяцевъ должна была отказаться отъ рисованія — стала читать и работать — въ Женевѣ милое общество, книги и работа забавляли меня. — Въ Пизѣ, не могу ходить, не могу рисовать, книгъ нѣтъ, общества нѣтъ и работать не могу, кровь подымается въ голову, — можешь себѣ вообразить какъ я любезна!! — Одно у насъ утѣшенье, это „Республики" Сисмонди [1]) по италіянски, я ихъ сперва читаю одна, а потомъ съ дѣтьми. — Я познакомилась съ Мэстрами [2]), которые тебя очень любятъ. Кажется бѣдный графъ скучаетъ! Онъ хочетъ заставить Иванова списать твой портретъ, отъ котораго въ восхищеніи. Какъ скучна Графиня!! — Теперь отчетъ: въ Женевѣ я проживала 2000 фр. въ мѣсяцъ, дорога изъ Іера въ Женеву 1900 изъ Женевы въ Пизу 1800. C'était un moment d'absence complète, que celui ou on a décidé que je Voyagerai avec enfants. Il faut une fortune considérable pour voyager dix personnes, parcequ'il faut d'abord faire maison et nous autres ne savons jamais le faire sans que cela soit ruineux [3]). Мои добрые голландцы ходили ко мнѣ чай пить 5 человѣкъ почти ежедневно, потому что дома у нихъ

[1]) Histoire des républiques italiennes, 22 тома.

[2]) Гр. Xavier de Maistre, 1764 — 1852, жилъ долго въ Россіи и былъ другъ Жуковскаго.

[3]) Это было очень неразумно рѣшить, чтобы я путешествовала съ дѣтьми. Нужно крупное состояніе, чтобы путешествовать въ числѣ 10 человѣкъ, такъ какъ вездѣ надо устраивать квартиру, а мы никогда не умѣемъ это дѣлать, чтобы не раззориться.

papa dit que c'est malsain![1]) т. е. чтобы сохранить свѣчки, хлѣбца, молочка къ завтрашнему дню! Мы русскіе этого не умѣемъ. — Мое здоровье было очень худо, съ начала пріѣзда, но дня три совсѣмъ поправилось. Погода удивительная, два дня былъ сильный дождь, и такъ тепло, такъ благовонно, какъ у насъ весной — не можешь себѣ представить, какъ это пріятно. Когда дуетъ Сирокко то точно весна. Что у васъ? будетъ зимняя кампанія или нѣтъ? — Здѣсь господарь Валахіи Караджа съ семействомъ, добрѣйшіе люди — такіе же кажется добрые, какъ мой безподобный князь Сузо, это его родные. Я дорого бы дала, чтобы ты узналъ Сузу. Такого благородства мало на свѣтѣ и такого ума и честности. У него было 1½ милліона долгу, когда онъ бѣжалъ и чтобы его кредиторы не потеряли, то онъ женѣ не позволилъ увезти бриліанты. Они жили отъ продажи шалей; когда его выслали съ русской границы у него было 11 т. червонцевъ, Каподистрія разсказалъ ему въ какомъ положеніи Греція, въ какой нищетѣ, онъ отдалъ 10 т. червонцевъ Каподистріи, и теперь живетъ за городомъ въ гадкомъ домишкѣ и принимаетъ у себя всѣхъ бѣдныхъ грековъ и кормитъ чѣмъ Богъ послалъ. А вѣдь будучи Господаремъ онъ могъ накрасть милліоны! О ежели бы Государь захотѣлъ ему помочь. Мой Андрюшка у нихъ въ домѣ какъ сынъ, они и Saladin черезъ Воскресенье его берутъ et à qui lui fera plus de fête[2]). — Ты не повѣришь какъ наша дружба съ Бонштетеномъ кончилась! но это надо разсказать, писать долго, да и надобно приложить записочки. J'ai souvent vu agir par vanité et avoir de la vanité et tout sacrifier à la vanité, mais pas au point où le pousse ce pauvre Viellard-jeune homme[3]). Впрочемъ разскажу въ короткихъ славахъ: Онъ разъ пишетъ мнѣ страстную записочку, я ее получила у Хлюстиныхъ и прочла имъ. Я ему отвѣтила: amitié et simplicité, vous trouverez que je répondrai toujours à ces deux mots charmants, je ne connais pas l'exagération et ne l'emploierai jamais, même pour faire plaisir à un ami, und damit Gott emphohlen[4]). Онъ мнѣ на это вдругъ пишетъ: Je vous prie de me renvoyer un livre que j'ai laissé chez vous, votre billet avec ces phrases grossières pouvait

---

[1]) Говоритъ, что это нездорово.

[2]) Кто ему сдѣлаетъ больше удовольствія.

[3]) Я видѣла часто какъ дѣйствовали изъ-за тщеславія, имѣли его, наконецъ всѣмъ пожертвовали для него, но не до такой степени, какъ это случилось у этого бѣднаго старца-юноши.

[4]) Дружба и простота, вы всегда найдете во мнѣ отвѣтъ на эти два прекрасныя слова, я не знаю преувеличенія и никогда къ нему не прибѣгну, даже чтобы сдѣлать удовольствіе другу, и поэтому Богъ съ вами.

par respect humain être cacheté!! [1]). Я велѣла Сашкѣ вернуть книгу и написать Maman vous remercie du livre etc [2]). — Съ тѣхъ поръ когда онъ зналъ что я гдѣ нибудь въ обществѣ, онъ не входилъ. Наканунѣ моего отъѣзда онъ пришелъ къ Хлюстинымъ, но услыхалъ мой голосъ и убѣжалъ. Теперь въ Женевѣ мода меня любить et il proteste de nouveau une tendresse sans exemple pour moi [3]). Я не хотѣла тебѣ это писать покуда не узнаю что ты ему отвѣчалъ. Говорятъ твое письмо прелестное. Прости другъ. Везу нонче дѣтей на вечеръ и уже зѣваю. — Вчера узнала поступокъ Государя съ Капуданомъ пашой! что за прелесть нашъ Царь, какъ у него все высокое лома въ душѣ. Всякое благородное возвышенное чувство у него la premier mouvement. Какъ онъ во всю войну геройски въ полномъ смыслѣ слова себя велъ. Здѣсь всѣ въ восторгѣ отъ его поступка, le bal d'hier soir était un concert d'éloges pour lui [4]). — Боже Царя храни!

Е. А. Протасовой.

Пиза, 13 ноября 1828 г.

Ангелъ мой. Незнаю что думать объ Вашемъ молчаньи — но чувствую его ужасно. Я еще не имѣла отвѣта на мое письмо отъ 30-го Августа, — вашей записочкѣ съ деньгами два мѣсяца! Милая, что съ вами? Жуковскій молчитъ тоже; почтовые дни мнѣ всегда съ лихорадкой, нельзя выразить этой тоски, когда добрый Зейдлицъ придетъ съ почты: „pas de lettres pour vous“ [5]). — У васъ холодно, снѣгъ, вы ходите къ обѣднѣ и простужаетесь. Что Катя? Что Мойеръ? Боже мой, нѣтъ такой черной мысли, которая бы сто разъ въ день не приходила мучить. — Перовскаго рана васъ вѣрно огорчила и встревожила, теперь смерть Императрицы [6]) прибавила еще слезъ. Милая маминька берегитесь, право силъ нѣтъ! — О миломъ Андреѣ имѣю часто извѣстія, всѣ его хвалятъ и любятъ, ежели бы мнѣ возможно было развязаться съ Miss Parish и взять хорошую гувернантку, какъ бы я утѣшилась имѣть его подлѣ себя; такъ тяжелы вѣчныя разлуки, и съ столькими клочками сердца! — Здѣсь холодно въ комнатахъ, но какіе цвѣты! Сейчасъ принесли мнѣ

[1]) Я васъ прошу вернуть мнѣ книгу, которую я оставилъ у васъ. ваша записка съ этими грубыми фразами, могла бы быть запечатана изъ уваженія къ человѣку.

[2]) Мамаша Васъ благодаритъ за книгу и т. д.

[3]) И онъ высказываетъ снова безпримѣрную нѣжность ко мнѣ.

[4]) Вчерашній балъ былъ концертомъ восхваленій ему.

[5]) Для васъ нѣтъ писемъ.

[6]) Имп. Марія Өеодоровна.

букетъ изъ розоновъ, анемоновъ, миртовъ и фіалокъ, какъ грустно, что не могу вложить его въ мое письмо къ вамъ. - Не можете себѣ представить какъ всѣ вещи здѣсь дешевы, - шляпы, 30 р. то что у насъ 100. Генуезскій бархатъ — 7 руб. одинъ... мѣра та же, что дерптская и называется брачіо. Мериносы, какіе чудесные, по 6 — 7 руб. Ливурно port-franc и чтобы привести въ Пизу несшитые, надо еще прибавить рублей 5 на штуку. Хочется чтобъ Катя на ваши 100 рублей купила себѣ браслеты mosaïcque de Florence, вообразите — бабочки, птички, и цвѣты на мраморѣ, вклеены изъ драгоцѣнныхъ камней — не такъ какъ римская мозаика, мелкими каменьями, — а полъ-крылышка или головки изъ одной штуки, чудо, что за прелесть. Хочется наэкономить, чтобы здѣсь, по тонкой шляпѣ и по палатинкѣ шеншила, купить, тоже полъ-цѣны, обѣимъ дочькамъ. Не помню писала ли я вамъ, — голова стала такая слабая, — о моихъ Хлюстиныхъ? Помните ихъ славную деревню подъ Калугой съ мозаиковымъ заборомъ. Мы въ Женевѣ подружились чтобы вмѣстѣ веселиться, я рада была выѣзжать не одна. Но онѣ, мать и дочь поняли мое сердце, — мы разстались, я уѣхала въ Пизу, онѣ черезъ мѣсяцъ въ Флоренцію, чтобы потомъ провести зиму въ Римѣ. Во Флоренціи онѣ вечеромъ одѣваются, чтобъ ѣхать на вечеръ, когда приносятъ почту, первое письмо которое распечатала объявляетъ, что старшій сынъ убитъ [1]), нельзя вообразить въ какомъ положеніи онѣ пріѣхали ко мнѣ въ Пизу. Хотя я съ ними всего три мѣсяца какъ сошлась, но онѣ перемѣнили свои планы ѣхать къ знакомымъ и захотѣли быть со мной. Онѣ обѣ такъ трогательны, точно одна живетъ для другой. Мать — рѣдкая женщина, а дочь, — я прошу Бога, чтобъ моя Катя была на нее похожа, вотъ для васъ мѣра какъ она мила, особливо въ несчастьѣ. Мать, для моихъ дѣтей то, что еще никто не былъ для нихъ послѣ васъ и послѣ меня. Радуется на Катю, прихорашиваетъ ее и поправляетъ ее, но такъ нѣжно, что меня всегда трогаетъ выраженіе ея глазъ. Намедни графиня Местръ была здѣсь, Хлюстина послала Катю съ порученіемъ, чтобъ обратить ея вниманіе какъ Катя мила. Дѣти съ ея дочкой, берутъ уроки, а вечеромъ она пересматриваетъ, что онѣ записали и приготовили. Не я въ ихъ несчастіи за ними ухаживаю, а онѣ за мной, и, вообразите, у нихъ и о другомъ сынѣ нѣтъ извѣстій, онѣ только знаютъ, что его полкъ былъ часто въ сраженіяхъ. Пиза теперь пре-

[1]) Оба сына Хлюстиной были въ арміи.

веселая, дворъ Великаго Князя, т. е., le Grand Duc de Toscane, со всей семьей здѣсь, часто даетъ вечера и съ Новаго года будутъ балы. Говорятъ, принцессы премилыя, очень любезныя, принимаютъ безъ этикета, хотѣла представиться, чтобъ посмотрѣть, что это такое, но здоровье не позволяетъ. Мило мнѣ смотрѣть на княженъ, напоминаютъ нашихъ, развѣ только что наши гуляютъ просто, а этихъ провожаетъ цѣлый полкъ тѣлохранителей. Наши охранены любовью народа, и ни у кого такого вѣрнаго тѣлохранителя нѣтъ! Какъ Государь милъ и великъ! Здѣсь много грековъ и греческихъ князей, — у нихъ старинное предсказаніе, въ которомъ они увѣрены, что въ 29 году убьютъ султана, его наслѣдникъ не долго будетъ царствовать, потому, что въ 30-мъ году, Русскій Императоръ выгоняетъ турокъ изъ Европы. Причиною смерти султана будутъ четыре его царедворца; вотъ и время подошло исполниться предсказанію. Катю уже весело наряжать, такая большая и стройная. Какъ подумаю о времени когда ее къ вамъ привезу, такъ чуть дурно не дѣлается d'émotion. Только моя мысль объ васъ, когда гляжу на Катю: Простите ангелъ, благословите насъ и, Христа ради, пишите. Адреса моего не нужно, сто разъ на почту посылаю. Всѣмъ поклонъ кто васъ любитъ. Обнимите Катю и Моіера.

В. А. Жуковскому.

Pisa, le 16/28 Novembre.

Il faut que les circonstances soient bien changées depuis mon départ, si la lettre ci jointe ne Vous fait pas sauter au plafond [1]). Безподобная моя Вѣра Ивановна Хлюстина, кузина гр. Ѳедора Петровича Толстого, предлагаетъ ему пріѣхать къ ней въ Италію и оплатить его дорогу — прочти приложенное письмо и отдай ему. Меня безпокоитъ одно: любезенъ-ли его характеръ? l'intimité de deux femmes charmantes, des caractères angéliques en sera-t-il digne? [2]) Это ты можешь узнать у Оленина и написать. Ежели Толстой хочетъ пріѣхать, то ты долженъ ему облегчить путешествіе и выдать 1,500 на дорогу, а Хлюстина ихъ здѣсь мнѣ отдастъ. У Оленина ты также можешь ему устроить, что бы его женѣ оставили его жалованье, здѣсь онъ будетъ жить на всемъ готовомъ, но, пускай онъ не думаетъ, что ѣдетъ къ богачкамъ, которыя бросаютъ деньги въ окно. Онѣ

[1]) Надо чтобы обстоятельства сильно перемѣнились послѣ моего отъѣзда, чтобы это письмо не заставило васъ прыгнуть до потолка.

[2]) Будетъ ли онъ достоинъ близости двухъ прекрасныхъ женщинъ, съ ангельскими характерами.

въ довольствѣ, и жизнь его у нихъ будетъ, какъ говоритъ пословица, какъ у Христа за пазухой. Мать — ангелъ доброты и покорности Богу, убита горемъ и какъ Мемнонъ при солнцѣ пробуждается, ~~пробуждается~~ чтобъ утѣшить или помочь, для моихъ дѣтей точно мать. Дочь — прелесть, добрая и веселая, — теперь тихая задумчивая, elle puise sa vie dans les yeux de sa mère. Si une de ses caresses a faite sourire sa mère, elle est consolée [1]). Учена невѣроятно, и никогда не узнаешь, что она все знаетъ, что только женщинѣ можно знать. Pour Катя c'est un idéal que celle ci tâche d'atteindre et auquel elle s'est attachée de tout coeur. Une âme de feu pour les beaux arts mais sans admiration factice ni pedantisme [2]). Нельзя ли Толстого отправить съ Berrin? Кажется онъ въ Генварѣ долженъ ѣхать. Тамъ уже вы лучше насъ разочтете, изъ Страсбурга-ли ему въ malle-poste ѣхать во Флоренцію, которая одинъ день отъ Пизы, или изъ Германіи. Однимъ словомъ, Жучка моя, ich binde es Ihnen auf die Seele [3]). Когда подумаешь, что черезъ 60 дней отвѣтъ, никакого вопроса не хочется дѣлать! — Какъ грустно о Государынѣ [4]), какъ грустно, что въ такую минуту — милый Царь какъ долженъ радоваться, что ее еще утѣшилъ пріѣздомъ. — У меня лихорадка, безсонницы и всѣ зимнія пакости, одна у меня здѣсь отрада, это Хлюстины, ходятъ за мной, занимаются дѣтьми. Нонче дѣти начали съ Anastasie слушать курсы естественной исторіи у профессора Caby (по милости M. De Candolle который далъ къ нему письмо) и на италіанскомъ языкѣ, онѣ все понимаютъ и берутъ уроки con amore [5]). Какъ мнѣ весело другъ me conformer à vos ordres sur le compte les enfants avec quel repos de conscience je fais les choses que Voux avez approuvées ou conseillées [6]). — Отъ Маминьки нѣтъ писемъ два мѣсяца, здорова-ли она? У насъ погода самаго прекраснаго мая мѣсяца, свѣтлое солнце или теплый дождь. Il faut avoir le diable au corps pour être malade ici [7]). — Прощай другъ, будьте всѣ здоровы и любите больную. Ежели что узнаешь о Хлюстинѣ, напиши. Вообрази, одинъ убитъ, о другомъ мать ничего не

[1]) Она черпаетъ свою жизнь во взглядѣ своей матери. Если одна изъ ея ласкъ заставитъ улыбнуться ее мать, она утѣшена.

[2]) Для Кати это идеалъ, котораго она старается достигнуть и къ которому привязалась всѣмъ сердцемъ. Душа страстная къ искусствамъ но безъ искусственной восторженности или педантизма.

[3]) Убѣдительно Васъ объ этомъ прошу.

[4]) Смерть имп. Маріи Θеодоровны.

[5]) По собственному желанію.

[6]) Сообразоваться съ Вашими приказаніями насчетъ дѣтей, съ какимъ удовлетвореніемъ сознанія исполняю я то, что Вы одобряете, или совѣтуете.

[7] Нужно имѣть дьвола въ тѣлѣ, чтобы быть здѣсь больной.

знаетъ и только видитъ, что дочь съ тоски по братѣ вянетъ. Не помню писала-ли я вамъ, что тотъ, который убитъ, былъ въ лазаретѣ въ лихорадкѣ, услышавъ канонаду, велѣлъ посадить себя на лошадь и съ первой пули убитъ.

В. А. Жуковскому.

Pise, 1-er Janvier N. S. 1829.
à M-me de Woyeikoff Toscana à Pise.

Вотъ тебѣ милый другъ самый вѣрнѣйшій адресъ для моихъ писемъ, по которому я ихъ получаю въ 25 дней и плачу 2 и 3 су за каждое, тѣ же, которыя ты мнѣ пишешь черезъ Женеву, приходятъ въ 30—35 дней и смущаютъ меня ужасно тѣмъ, что я должна и Бонштетену и M. de Joux, и не знаю какъ имъ переслать деньги. Сперва я сердилась на тебя; ты знаешь — я тебѣ сто разъ сказывала, что одна моя жизнь — это письма, какъ же бы я собственной волею подверглась ихъ потери? Потомъ я смѣялась, а теперь жалѣю Перовскаго, ты, стало быть, ему ни разу въ чужіе края не писалъ. Мой домъ имѣетъ четыре этажа, и каждый этажъ принадлежитъ другому господину, который его отдаетъ въ наймы кому-нибудь, который меблируетъ этажъ и отдаетъ въ наймы forestiere [1]), домъ мой носитъ 6 именъ. Какъ же ты хочешь точнѣе адресъ? Пиза такой большой городъ, что всѣхъ жителей и иностранцевъ, въ часъ перечесть можно, это не Петербургъ, но главное то, что я посылаю на почту. Здѣсь не знаютъ, что такое разносить письма. Тебѣ будетъ скучно читать эти детали, но я для того пишу, чтобы ты впередъ не мучился адресомъ, и писалъ просто въ тотъ городъ, который я тебѣ назначу, poste restante, или просто имя города, когда будешь знать, что я тамъ. Перовскаго письма просто: à Pise, изъ Одессы и Николаева всѣ дошли. Твои стихи прелесть! Особливо на ангела Александру Ѳеодоровну [2]), вижу ее съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ какъ она явилась въ институтъ и возвратила жизнь дѣвочкамъ. Весело думать какъ онѣ ее будутъ любить! У насъ нѣсколько дней ужасный холодъ, и мерзкія печи не грѣютъ, — у меня опять кровь горломъ пошла. Топимъ цѣлый день, и домъ на солнцѣ, а больше 9 град. тепла не бываетъ. — Съ Мэстрами мы очень дружны; графиня всякій день у меня, присылаетъ мнѣ разные супы и желе, обожаетъ тебя — но, впрочемъ, скучна какъ мало людей. Я знала бы, если бы слушала, всѣ сплетни какія были въ Петербургѣ съ того дня какъ ее ко двору взяли и до отъ-

---

[1]) Иностранецъ.
[2]) Очевидно, стихотвореніе: „Ты памятникъ себѣ святой соорудила" (1828).

ѣзда въ Пизу, она мнѣ всѣ разсказала. У нихъ гоститъ парижская племянница, qui est un petit chef d'oeuvre[1]), вотъ бы ее въ романъ! Вообрази, она разсказываетъ: «ma bouche est si petite que je ne trouve pas de brosse à dents, — c'est un malheur que la promenade pour moi — tous les cordonniers me courent après, car mon pied c'est une virgule, on n'en a jamais vu de plus petit. A Paris je ne puis pas aller dans le monde, les femmes y sont trop à plaindre quand j'y suis, elles sont complètement abandonnées par les hommes qui sont tous autour de moi»[2]). Не можешь вообразить какъ эта искренность забавна! — Наши Мэстры такъ роялисты, что проклинаютъ Лагарпа за то, что онъ покойному государю наговорилъ que les rois sont faits pour leurs sujets autant que les sujets pour les rois[3]) и находятъ въ этой революціонной идеи la base de tous les malheurs qu'a eu la Russie[4]). Ихъ парижская родственница думаетъ selon la charte[5]) и у нихъ сцены бываютъ уморительныя. Я рта разинуть не смѣю. — Прощай другъ, надѣюсь, что Василій вмѣстѣ, что мой раненый герой грѣется подлѣ своего поэта. Любите меня много и будьте здоровы. Вотъ и Новый годъ и героевъ — имянины[6]), письмо мое почти поспѣетъ поздравить тебя поэтъ съ имянинами и рожденьемъ. Дѣти будутъ пить ваше здоровье.

Е. А. Протасовой.

12 Генваря, 1829. Livonie. Russie, à Madame de Protassoff à Dorpat.

Пиза, 25 декабря / 6 января.

Другъ мой безценной! Хотѣла начать par la formule ordinaire. Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ, да слезы помѣшали, вспомнила, что такъ давно насъ уже не съ чѣмъ поздравлять! Что всякіе новые годы немножко потяжеле прошедшихъ! Нонче у васъ деревцо, вы радуетесь Катиной радостью и плачете объ отсутствующихъ дѣтяхъ! Не могу вамъ сказать,

[1]) Которая — маленькій шедевръ.

[2]) Мой ротъ такъ малъ, что я не нахожу себѣ зубной щетки; гулять для меня несчастье, всѣ сапожники бѣгутъ за мной, такъ какъ моя нога мала, какъ запятая, никогда никто не видѣлъ болѣе маленькую. Въ Парижѣ я не могу выѣзжать въ свѣтъ, всѣ женщины жалуются когда я тамъ, онѣ совершенно оставлены мужчинами, которые всѣ вокругъ меня.

[3]) Что короли также созданы для своихъ подданныхъ, какъ подданные для королей.

[4]) Основу всѣхъ несчастій Россіи.

[5]) Согласно хартіи, т. е. отличается либерализмомъ.

[6]) 1-го января празднуется день св. Василія Великаго. В. А. Жуковскій и В. А. Перовскій были именинниками въ этотъ день.

какъ меня мои тронули, онѣ совсѣмъ не ожидали дерева въ день новаго стиля, а думали, что оно будетъ нонче, и толковали все, что дерево очень весело, а весь день скучной, потому что запираютъ въ другой комнатѣ, я попросила Хлюстину взять ихъ къ себѣ обѣдать — это уже большая была радость, въ 6½ посылаю имъ сказать, что маленькая княжна греческая пришла къ намъ въ гости, они ее терпѣть не могутъ. Входятъ съ поникшими главами и вмѣсто княжны — дерево. Вообразите, что онѣ не бросились къ дереву, а ко мнѣ на шею. Это меня чрезвычайно утѣшило. Нонче добрая Хлюстина взяла ихъ въ Ливурну, тамъ есть греческая церковь, и хотя служба по гречески, но она одинакова съ нашей, кромѣ пѣнья, я очень рада, что имъ въ нашей церкви помолиться можно. Ливурна отъ сюда два часа ѣзды, и мнѣ кажется одно удовольствіе, это съѣздить въ Ливурну, c'est un port franc[1]), и лавки со всего міру, даже индейскіе, говорятъ, чудо какъ хорошо, а въ моей милой Пизѣ, и калача не найдешь купить. Какова у васъ погода? У насъ уже пятнадцать денъ какъ 2, 3 градуса морозу, и вы не можете вообразить до чего это чувствительно, въ комнатѣ больше 5 et tout au plus[2]) 6-ти градусовъ тепла, никакъ не добьешься со здѣшними печками, и мы точно въ дорогу собираемся, въ шаляхъ, въ салопахъ, въ теплыхъ сапогахъ, и все несогрѣться, потому что въ 6 комнатахъ одна печь и одинъ каминъ, то тѣ комнаты теплоту уносятъ. Вообразите, здѣсь одна изъ нарядныхъ и богатыхъ дамъ, qui voit beaucoup de monde[3]), какъ она нагрѣваетъ при гостяхъ комнату. Посреди гостиной вдругъ поставитъ огромнѣйшую жаровню съ угольями, и кому угодно, тотъ иди грѣться вокругъ. Дворъ Тосканскій здѣсь, въ новой годъ былъ балъ, говорятъ, что князь и обѣ княгини милы удивительно, принимаютъ comme les particulières[4]), онѣ много танцуютъ — и какъ полы во дворцѣ всѣ мраморные, и ихъ бы теперь въ шелковыхъ башмачкахъ вытерпѣть нельзя, то англинской коверъ накрытъ лакомъ, какъ у насъ клеенка, и на этомъ вертятся. Здѣсь, т. е. въ Ливурнѣ, англинскіе ковры по 2 р. такіе, какъ у насъ по шести и по восьми. Коли Богъ дастъ силы весной воротиться, пришлю вамъ лампу, но, узнайте другъ, черезъ Петерсона, что вамъ станетъ la douane[5]), le jeu. . . . .[6])

[1]) Это порто-франко.
[2]) И самое бóльшее.
[3]) Которая принимаетъ многихъ.
[4]) Какъ частныя лица.
[5]) Пошлина.
[6]) Неразобрано.

la chandelle? [1]) У насъ... также кабы вы могли написать мнѣ, что платите алебастра, здѣсь она вовсе даромъ, les plus charmantes lampes d'allebastre [2]), которыя у насъ сто и двѣсти, здѣсь 25 и 30. Я рѣшилась не ѣздить ни куда на лѣто, слишкомъ мнѣ тяжелы вояжи и дороги. Часъ ѣзды отъ сюда les bains de Lucques, тамъ прекрасные дачи, большіе сады, и хотя ванны не важные, но все таки лучше; мнѣ все лѣто въ Женевѣ ванны такъ помогали дома. Вообразите, что въ Эмсъ надобно бы ѣхать 1½ мѣсяца, одна мысль уморитъ. Катя, мой ангелъ, я на твое деревцо надѣваю такую соломенную шляпу, какъ эта бумажка тонкую. Пришлю Богъ вѣсть когда. Прощайте милые! Благословите. У Маши сыпь на лицѣ, дѣлаетъ большіе зубы, покажется и какъ летучая оспа, и чешется ужасно, она знаетъ, что худо чесать, прижметъ къ мордочкѣ платокъ и кричитъ: Богъ голубчикъ! Милой Богъ! Пошли Маше здоровья, пожалуйста, дай милый другъ — Богъ! Безъ слезъ этого видѣть не могу. Вотъ вамъ l'elegance de Pise: 1 № le Baptistère, 2-й le Campo Santo бывшее кладбище, четвероугольное строенье — въ средину, стѣны всѣ изъ большихъ итальянскихъ окошекъ безъ стеколъ — и посреди садъ изъ земли que les croisés ont apporté du mont Calvaire [3]), 3 № la Cathédrale de Pise, 4 la Tour penchée и это все точно такъ построено какъ тутъ видите рядомъ.

Прощайте, обнимаю моего брата, Катю и моего Ангела.

Работаете-ли вы? Что вы работаете.

В. А. Жуковскому.

Пиза, 24 Генваря н. с.

Ты разсердишься, Жуковскій, милый, добрый другъ, ou plutôt Vous serez indigné de mon enfance. La seule manière pour moi d'être tranquille sur le compte de la dépense, c'est de ne pas la connaître; n'ayant pas moyen de savoir quand vient l'argent, la fin de la lettre de change me met au désespoir [4]). Вотъ что я придумала: посылай деньги Зейдлицу. Это единственный способъ мою глупую голову успокоить. Пусть добрый Зейдлицъ будетъ мой сохранитель здравія и factotum [5]), а я буду на пенсіи. Что твой Толстой застрялъ, всякую почту жду съ волненіемъ отъ тебя письма, объ васъ, мнѣ много прелести будетъ отъ его прі-

---

[1]) Подсвѣчникъ.

[2]) Прекрасныя алебастровыя лампы.

[3]) Которую крестоносцы принесли съ горы Calvaire.

[4]) Или вѣрнѣе Вы будете возмущены моимъ ребячествомъ; единственный способъ для меня успокоиться насчетъ расходовъ, это не знать ихъ; не зная когда придутъ деньги, при окончаніи денежнаго перевода я прихожу въ отчаяніе.

[5]) Управляющій.

ѣзда — поговорить съ видѣвшимъ васъ! Можетъ Катю тогда отпущу къ добрымъ Хлюстинымъ во Флоренцію. Ахъ! Жуковскій, что это за Катя! Вотъ твой идеалъ: «das Mädchen» [1]). Вся душа jusqu'au bout des cheveux [2]) и вся для другихъ и какой чистый, святой ребенокъ. — Здоровіе мое, въ самомъ подломъ положеніи, иногда безъ боли слаба, но такъ, что уже, увы, не хожу — вотъ больше недѣли какъ изъ гостинной въ спальню изъ спальни въ гостинную носятъ на диванѣ, на которомъ за полъ-дня сплю. — Скажи Козлову, какъ часто о немъ думаю, только у меня нѣтъ силы сидѣть на стулѣ, je préside mes soirées couchée [3]). Риччи былъ здѣсь, прислалъ мнѣ черезъ графиню Мэстръ его письмо. Она его ко мнѣ не пустила, что мнѣ очень жаль. — Скажи Козлову, что графъ де-Мэстръ его помнитъ et se rappelle avec bien du plaisir de ses soirées et lui fait faire mille amitiés [4]).

Прощай мой ангелъ Жуковскій, устала до смерти [5]).

А. Ө. Воейкову.

Пиза, 27 января / 8 февраля, 1829 г. [6])

Благодарю душой за письмо, такое доброе и ласковое. Катино запоздало, отъ моего здоровья — уже не могу вставать съ постели, меня на диванѣ добрые люди носятъ въ гостинную и все лежа дѣлаю, лихорадка день и ночь, сердце болитъ ужасно. Въ Женеву не поѣду — съ 7.900 нельзя позволить себѣ вояжи. Благодарю за деньги, ровно эту сумму въ годъ получила. Не знаю какъ съ Андреемъ сдѣлаю, напишу какъ рѣшусь. Какъ грустно о твоихъ инфламаціяхъ! Не сыръ-ли домъ? — прости, устала до смерти. Всѣхъ благодаримъ за воспоминанье. Опиши комеражи, въ чуже всѣму рада. Коли способъ въ Женеву послать: à M-r de Saladin de Pregny pr. remettre [7]) — будетъ аккуратно доставлено. Пришлите чаю, Христа ради. Здѣсь по 2 руб. съ полтиной, ужасъ.

---

[1]) Дѣвушка.

[2]) До корня волосъ.

[3]) Я предсѣдательствую на моихъ вечерахъ лежа.

[4]) И вспоминаетъ съ большимъ удовольствіемъ его вечера и шлетъ ему тысячу дружескихъ привѣтствій.

[5]) Нѣкоторыя изъ писемъ Свѣтланы являются отвѣтами на письма къ ней Жуковскаго. Послѣднія сохранились въ копіяхъ сдѣланныхъ второй дочерью Свѣтланы — Сашею, и приведены будутъ полностью во II части.

[6]) Послѣдняя записка А. А. Воейковой. Число переправлено рукой Жуковскаго карандашемъ.

[7]) Для передачи.

Глава XI.

Послѣдніе дни Свѣтланы. — Послѣднія письма къ ней Жуковскаго. — Кончина. — Описаніе послѣднихъ часовъ въ письмахъ Зейдлица къ Жуковскому, Мойеру и Воейкову.

Съ начала февраля Свѣтлана уже совершенно перестала двигаться самостоятельно, и ее переносили изъ комнаты въ комнату. Единственную радость ей доставляли теперь письма крестнаго, Перовскаго, Полины Толстой, хотя она отъ слабости не всегда могла ихъ читать сама и довольствовалась тѣмъ, что держала ихъ у своего сердца, говоря, что это ея единственное лекарство, вмѣстѣ съ портретомъ Жуковскаго, всегда стоявшимъ передъ нею. Временами въ ней еще пробуждалась надежда если не на выздоровленіе, невозможность котораго она понимала, то по крайней мѣрѣ на отсрочку рокового и неизбѣжнаго конца. Она мечтала о переѣздѣ на дачу въ Лукку, вмѣстѣ съ Мэстрами, гдѣ она уже сняла себѣ на лѣто домъ, предвкушала удовольствіе посѣтить Ливорно съ его знаменитыми магазинами, которые она описывала въ письмѣ къ матери.

Созванный въ началѣ февраля консиліумъ итальянскихъ докторовъ вынесъ Свѣтланѣ смертный приговоръ, прописавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какія-то незначущія капли. Въ нихъ больная думала иногда найти свое спасеніе, и ей казалось тогда, что она поправляется.

Впрочемъ, по словамъ Зейдлица, она тогда же говорила, что всегда считала для себя несчастнымъ мѣсяцъ февраль и давно боялась его.

10 февраля, по собственному желанію, она пріобщилась Св. Тайнъ у священника, вызваннаго изъ греческой церкви въ Ливорно.

Исполненіе христіанскаго долга дало вѣрующей Сашѣ новыя силы и укрѣпило ее на нѣсколько дней. Двое сутокъ она разбирала свои бумаги, кое-что сжигая, кое-что пряча въ портфель для Жуковскаго. Она спрашивала Зейдлица, будетъ ли она страдать въ послѣднія минуты и радовалась, что оставляетъ дѣтей на рукахъ Хлюстиной и Зейдлица, прося графиню де Местръ присмотрѣть за ихъ отъѣздомъ изъ Пизы послѣ ея смерти, и лично усадить ихъ въ коляску.

Послѣдній портретъ А. А. Воейковой, рисунокъ чернымъ и цвѣтными карандашами
гр. Кс. де Местра. Собств. гр. Н. А. Бревернъ де ла Гарди.

Тогда же приглашенный художникъ Boggi началъ рисованіе ея портрета, который она обѣщала Катѣ, и сдѣлалъ по просьбѣ больной рисунокъ, изображавшій Машу подъ пальмою, на берегу моря, какъ однажды ее нашла Свѣтлана въ Гіерѣ. Рисунокъ этотъ доставилъ много радости умирающей матери.

Около этого же времени нарисовалъ ее карандашемъ и гр. де Местръ [1]), о чемъ онъ писалъ позднѣе Жуковскому. Послѣдній портретъ передаетъ намъ прелестный образъ страдающей женщины, у которой въ большихъ, прекрасныхъ и спокойныхъ глазахъ свѣтится призракъ приближающейся смерти, такъ мало ее ужасающей, такъ давно ей близкой и ею желанной. Говорить Свѣтланѣ становилось все труднѣе, но, по словамъ очевидцевъ, легкая и свѣтлая улыбка не покидала ея прекраснаго, исхудалаго лица.

Теперь она уже не читала ничего, повторяя только вслухъ молитвы и знакомыя мѣста Евангелія отъ Іоанна. Иногда она слабымъ голосомъ декламировала любимые стихи своего крестнаго, или просила играть свой любимый романсъ „Розы расцвѣтаютъ“ [2]). Стихотворенія, посвященныя ей, пробуждали въ ней воспоминанія далекаго, свѣтлаго дѣтства и она тихо плакала, повторяя: „Свѣтланы скоро не будетъ“!..

А между тѣмъ Жуковскій, предупрежденный Зейдлицомъ и Мойеромъ о безнадежномъ состояніи Саши, писалъ ей свои извѣстныя письма, въ которыхъ, не скрывая отъ нея опасности ея положенія, старался подготовить ее къ переходу въ иной міръ, смотря на смерть со своей особой точки зрѣнія и не боясь сказать ей въ лицо то, что скрывали отъ нея другіе, меньше знавшіе ея душу. Эти письма, впрочемъ, не застали уже въ живыхъ Свѣтлану.

4 февраля, Спб.

„Я прочелъ твое письмо къ Перовскому [3]): намъ должно лишиться тебя; я даже не знаю, кому я пишу, жива ли еще ты, прочтешь ли ты это письмо? Я прошу Бога только о томъ, чтобъ Онъ сохранилъ тебѣ довольно силъ, чтобы прочесть это письмо. Не для того, чтобы разжалобить или потревожить тебя моею печалью, пишу я въ такую минуту.

---

[1]) Какъ извѣстно, графъ занимался въ молодости живописью.

[2]) Стихотвореніе Жуковскаго, переложенное на музыку Вейраухомъ.

[3]) Къ этому времени Жуковскій только могъ получить письмо Саши отъ 24 января (письма шли свыше 30 дней), въ которомъ она впервые намекала ему на свою болѣзнь. Перовскому, очевидно, она писала раньше, и подробнѣе. Настоящія письма написаны по-французски.

Я знаю, что въ смерти нѣтъ для тебя ничего страшнаго. Неужели такъ трудно стать ангеломъ, принять спокойствіе иной жизни, покинуть страхъ жизни здѣшней? Твоя жизнь была чиста. Иди по своему назначенію! Благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и свѣтла. Я хочу только успокоить твои послѣднія минуты извѣстіемъ о томъ, что останется отъ тебя въ этомъ мірѣ. Не безпокойся объ участи твоихъ дѣтей. Мы ихъ усыновляемъ: я, Перовскій и Полина. Государыня не забудетъ ихъ, положись на ея сердце. Катя и Саша, надѣюсь, могутъ жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина можетъ взять на себя заботы о Машѣ. Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ; онъ очень хорошо пристроенъ тамъ, гдѣ онъ находится и будетъ устраненъ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится и я позабочусь о немъ. Будь покойна, мой другъ, не тревожься, принимая то, что Богъ велитъ. Провидѣніе замѣнитъ для твоихъ дѣтей душу ихъ матери и вознаградитъ ихъ за твою жизнь, столь чистую, невинную и полную испытаній. О насъ и нашей горести не безпокойся, перенести ее необходимо. Но ты будешь жить для насъ въ привязанности нашей къ твоимъ дѣтямъ и въ заботахъ нашихъ о нихъ. Благословляю тебя, покоряясь необходимости потерять тебя! Если же Богъ въ своей благости судилъ иначе, да послужитъ тебѣ это письмо завѣщаніемъ, сдѣланнымъ заблаговременно!"

„Саша, ангелъ мой, можетъ быть ты уже стала ангеломъ во всѣхъ отношеніяхъ. Пиши мнѣ о себѣ безъ тревоги: развѣ ты можешь тревожиться о своемъ будущемъ? Въ твоемъ переходѣ въ жизнь столь достойную тебя, есть что-то чистое. Я не могу думать о моей потерѣ, я думаю только о томъ, что творится съ тобою. А это такъ божественно! Стану ли я тутъ примѣшивать что-нибудь свое. Отъѣзжая, ты поручала мнѣ своихъ дѣтей. На нихъ я и долженъ перенести всю любовь, которая была въ моемъ сердцѣ къ тебѣ. И я это сдѣлаю. Думай о нихъ и не тревожься нисколько. У тебя еще другъ въ Государынѣ, напиши и ей, все это успокоитъ тебя въ отношеніи того, что остается здѣсь. Мнѣ кажется, что все это происходитъ со мною самимъ и что я долженъ готовиться перейти въ этотъ таинственный міръ. Есть что-то торжественное въ этомъ ожиданіи: теперь только я ближе постигаю жизнь будущаго. Что всего дороже, все уходитъ туда. Развѣ ты покидаешь меня? Нѣтъ, ты становишься для меня осязательнымъ звеномъ между здѣшнимъ міромъ и тѣмъ: ты налагаешь на меня священный

обѣтъ остаться вѣрнымъ тебѣ въ этомъ мірѣ, и эта вѣрность будетъ заключаться въ моей привязанности къ твоимъ дѣтямъ. Молю Бога, да дозволитъ онъ, чтобы это письмо еще застало тебя. Я увѣренъ, что тебѣ сладко будетъ прочесть его, и что оно успокоитъ тебя, если только успокоеніе тебѣ нужно. Ты увидишь изъ письма какъ я смотрю на свое горе, я нахожу въ немъ сердечную религію. Я вижу въ тебѣ убѣдительнаго проповѣдника, который говоритъ мнѣ все о здѣшней жизни, и объ иной. Я знаю что въ моемъ письмѣ ничто не встревожитъ тебя. Твоя душа сотворена для того, чтобы съ полною ясностью встрѣтить переходъ въ лоно Божіе. Говоря мнѣ о дѣтяхъ, ты успокоишь себя насчетъ дѣла, которое одно можетъ тебя безпокоить. Но жизнь ихъ матери будетъ ихъ ангеломъ хранителемъ. Напиши нѣсколько строкъ Государынѣ"...

Въ этотъ же день Жуковскій писалъ и Зейдлицу, говоря о смерти Саши какъ о совершимся фактѣ, и давая свои распоряженія относительно ея дѣтей [1]).

Жуковскій понималъ, что своею безнадежною увѣренностью въ близкой катастрофѣ онъ не могъ испугать Свѣтлану, которая отъ будущаго міра не могла ждать болѣе худого, чѣмъ испытала здѣсь.

Онъ зналъ, что единственною связью ея съ жизнью были дѣти, и потому старался прежде всего въ этомъ отношеніи успокоить умирающую, которая, впрочемъ, какъ мы увидимъ изъ письма Зейдлица была относительно спокойна на этотъ счетъ, надѣясь на Жуковскаго и Перовскаго. На отца ихъ она надѣяться не могла, хотя все таки послѣдній завѣтъ ея ему, начертанный дрожащею рукою наканунѣ смерти, былъ: „люби дѣтей" [2]). Успокаивая, какъ могъ, умирающую Сашу, Жуковскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ въ тревогѣ за существованіе единственнаго дорогого ему на землѣ существа, „нѣжнѣйшаго товарища своей души" [3]).

Объ ухудшеніи ея здоровья онъ писалъ Тургеневу отъ 4/16 февраля и выражалъ свое горе отъ невозможности быть около нея.

14/26 въ самый день ея смерти, онъ снова извѣщалъ Тургенева о слабости Саши, о которой еще она сама писала ему; Жуковскій рвался къ ней всѣми силами своей любящей души,

[1]) См. ч. II, тамъ же и письма Жуковскаго къ J. Jou, въ Женеву объ Андрюшѣ. См. еще 3 письма его къ Зейдлицу послѣ смерти Саши, въ книгѣ Зейдлица „Жизнь и поэзія Жуковскаго".

[2]) См. ниже, письма Зейдлица, ч. II.

[3]) См. „Письма къ Тургеневу", 16/28 марта.

но дѣла по воспитанію наслѣдника не позволяли ему покинуть Петербургъ [1]).

Поѣхалъ вмѣсто него Перовскій, только что оправившійся отъ раны, но, къ своему сожалѣнію, уже не засталъ Свѣтлану въ живыхъ [2]).

Послѣднюю радость въ жизни доставили Свѣтланѣ полученныя ею наканунѣ смерти болѣе раннія письма матери и крестнаго, ничего еще не знавшихъ о ея безнадежномъ состояніи. Сама ихъ она уже не могла читать и поручила Зейдлицу написать на нихъ отвѣтъ, который онъ отослалъ только вмѣстѣ съ сообщеніемъ о ея смерти.

Утромъ 26 февраля Свѣтлана уже не сомнѣвалась въ скоромъ концѣ, и сама сказала объ этомъ дочерямъ, до тѣхъ поръ ничего не подозрѣвавшимъ. Всѣ мысли ея до послѣдней минуты были съ дѣтьми, которыхъ она благословляла вмѣстѣ съ отсутствующими друзьями. То что произошло за этотъ день, описалъ намъ подробно Зейдлицъ, за что его такъ искренно благодарилъ позднѣе Жуковскій [3]). „Этотъ послѣдній годъ твоей жизни, писалъ онъ ему, есть прекрасная, святая эпоха: обѣщаніе данное Машѣ вѣрно исполнено; у гроба сестры ея ты снова съ нею встрѣтился. Вы два были подлѣ нея представителями всего лучшаго; она невидимо, съ того свѣта на свиданіе, а ты при исходѣ изъ здѣшняго на прощанье. Такого рода счастіе не многимъ достается, и ты вполнѣ достоинъ получить его. Она не обманулась. „Розы расцвѣтаютъ“ на ея гробѣ и твоей дружеской рукѣ суждено было посадить ихъ. Ты берегъ ея милую душу въ послѣднія минуты, и ты же берегъ для насъ всю прелесть этихъ небесныхъ, послѣднихъ минутъ. Благодаря тебѣ, ея смерть не представляетъ намъ ничего тяжело печальнаго. Напротивъ, мысль о ней возбуждаетъ въ сердцѣ все, что есть прекраснаго въ жизни: какая то чистая музыка слышится, когда переносишься воображеніемъ въ эту минуту. Для меня теперь все прекрасное, будетъ синонимомъ смерти“.

Вотъ разсказъ о послѣднемъ днѣ Свѣтланы, словами Зейдлица, писавшаго Жуковскому на другой день послѣ ея смерти, на письмѣ, начатомъ наканунѣ рокового дня, по порученію Саши, какъ отвѣтъ матери и Жуковскому.

---

[1]) См. ниже письмо къ Ек. Аѳан., отъ 10 апр., ч. II.
[2]) Онъ выѣхалъ 12 февраля, за 2 дня до ея смерти.
[3]) См. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія Жуковскаго“.

Пиза 13/25 февраля 1829 г. [1])

Рукою Жуковскаго: „получено 8 марта, въ субботу вечеромъ“.

„Дорогой Жуковскій!

Если я въ продолженіи цѣлаго года, съ тѣхъ поръ какъ сопровождаю Александрину въ ея болѣзненномъ странствіи, не писалъ Вамъ, то это произошло только по той причинѣ, что я не хотѣлъ ни обманывать ее фальшивою надеждою въ лучшіе періоды ея болѣзни, ни мучить ее тяжелою правдою въ плохіе. Наступилъ моментъ когда и эти соображенія должны отпасть, и я долженъ правдиво говорить съ вами, тѣмъ болѣе, что вы требуете этого отъ меня въ сегодняшнемъ письмѣ къ Александринѣ, а также въ предположеніи, что Мойеръ уже сообщилъ вамъ мои опасенія, которыя я не могъ скрыть отъ него еще въ теченіи минувшаго декабря. Но раньше чѣмъ я начну говорить съ вами отъ своего имени, я долженъ передать вамъ слова Александрины, у постели которой я теперь сижу:

„Скажите Жуковскому, что его сегодняшнее письмо сдѣлало меня совершенно счастливою. Я вижу, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ (т.-е., пока шли встрѣчныя письма) наши души встрѣтились на одной и той же мысли, мучились въ одномъ и томъ же чувствѣ: въ ревности.

Скажите ему, что онъ вѣчно будетъ занимать въ моемъ сердцѣ мѣсто отца, брата и друга“. Также и отъ матери она наконецъ получила письмо; она держитъ его въ рукѣ, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ: „Вотъ Зейдлицъ моему сердцу лекарство! Прочесть еще не могу, но и въ рукахъ держать такъ сладко“! Вы видите добрый Жуковскій, какъ много любитъ васъ всѣхъ эта вѣрная душа, какъ все ея существо живетъ на родинѣ, вмѣстѣ съ родственными ей душами.

Мойеръ знаетъ ходъ болѣзни своей свояченицы, я предоставилъ на его усмотрѣніе, извѣстить васъ объ этомъ, или нѣтъ, такъ какъ что могли вы сдѣлать на такомъ разстояніи? Пугать самого себя и Александрину, которая отъ своихъ друзей хотѣла бы удалить даже тѣнь печали. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ Мойеру я сообщилъ результатъ консультаціи съ Palloni изъ Ливорно и Fantini, двумя превосходными врачами. Они раздѣляютъ мое мнѣніе и мои опасенія въ отношеніи болѣзни, и предложенныя ими средства не произвели улучшенія. Наступилъ моментъ, когда я могу принести настоящую пользу нашей прекрасной Александринѣ, утѣшая ее на ея смертномъ одрѣ, успокаивая ее какъ замѣститель всѣхъ васъ, къ сожалѣнію, такъ

[1]) Переводъ съ нѣмецкаго.

далеко отдаленныхъ отъ нея друзей. Ничто не можетъ быть тяжелѣе для врача, какъ сознавать въ груди дорогого ему лица присутствіе червя, уничтожающаго самый корень жизни, слышать замираніе жизни съ каждымъ біеніемъ пульса, и не имѣть возможности отклонить несчастье! Только возможность удержать отъ неосторожностей, могущихъ ускорить развязку, и братская забота, которую поручила мнѣ наша незабвенная Маша о своей сестрѣ, поддерживали меня въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Я долженъ еще написать вамъ отъ имени Александрины, какъ отвѣтъ на ваше письмо: „такъ какъ я у него одного на свѣтѣ денегъ спрошу, то на вздоръ ихъ не трачу".

Здѣсь прерывается неоконченная рукопись Зейдлица, очевидно принужденнаго остановиться, ввиду ухудшенія состоянія Саши. Событія слѣдующаго дня, послѣдняго въ жизни Свѣтланы, задержали отправку этого письма, которое Зейдлицъ закончилъ только 27-го".

27 (15) февраля, 6 утра [1]).

„Милый дорогой другъ и братъ! Предчувствуете ли вы ужасное событіе? Не говоритъ ли вамъ ваше сердце, что что то у него похищено на этомъ свѣтѣ? Ахъ, безъ сомнѣнія да!

Прекрасная душа нашей дорогой Александрины возвратилась въ свою отчизну. Тихая кончина перенесла ее отъ печальной земной жизни въ небесную. Подъ вечеръ, безъ четверти въ восемь, она скончалась,находясь въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты. Утромъ этого дня она пожелала видѣть священника; въ 9 часовъ велѣла отрѣзать косу и отдала ее своей Катинькѣ съ тѣмъ, чтобы та подѣлилась со знакомыми; затѣмъ она говорила со мной о своемъ завѣщаніи; дрожащей рукой написала пару строкъ своей матери и Воейкову [2]). Дальше у нея не достало силъ, но она продолжала говорить съ небеснымъ жаромъ о скорой своей смерти: „Ахъ какъ бы я желала умереть тотчасъ послѣ причастія". Въ часъ пріѣхалъ священникъ изъ Ливорно, къ сожалѣнію не тотъ, который причащалъ ее нѣсколько недѣль тому назадъ и котораго она такъ уважала (тотъ былъ въ отъѣздѣ). Такова была ея послѣдняя неудавшаяся надежда, послѣднее неисполненное желаніе. Уже за полчаса передъ тѣмъ она велѣла поставить передъ собой образъ Божіей Матери. Г-жа Хлюстина читала псалмы; дѣти и домочадцы присутствовали

---

[1]) Переводъ съ нѣмецкаго.
[2]) Объ этомъ см. ниже, въ письмѣ Зейдлица къ Мойеру, ч. II.

при этомъ, стоя на колѣняхъ. Послѣ причастія, по совершеніи соборованія, она отдохнула съ полчаса, а затѣмъ подозвала дѣтей къ постели, говорила имъ незабвенныя слова утѣшенія [1]), благословила ихъ, благословила своего отсутствующаго сына, отсутствовавшихъ родныхъ и знакомыхъ, простилась съ присутствующими и все это, поистинѣ, какъ то божественно-вдохновенно [2]). Голосъ у нея былъ ясный, щеки разрумянились, она приподнялась на кровати. Когда, утомленная, она снова упала на подушку, то, пламенно прижавъ къ губамъ образъ Божіей Матери, и держа горящую свѣчу въ рукѣ, она громко прочла молитву. Вскорѣ наступила въ комнатѣ тишина, только рыданія окружающихъ прерывали торжественное, безмолвное ожиданіе. Вдругъ ближайшіе церковные часы пробили два раза. „Два часа", слабымъ голосомъ сказала она своимъ дѣтямъ „каждый разъ, какъ услышите, что часы бьютъ два часа, вспоминайте меня и мои послѣднія слова".

Съ этой минуты она меньше принимала участія въ томъ, что происходило вокругъ нея; душа же ея продолжала ясно мыслить, ибо она пробуждалась отъ своего забытья для того, чтобы давать приказанія, или утѣшить неутѣшимыхъ дѣтей, говоря имъ: „не думайте, что я страдаю, мнѣ гораздо легче". И этихъ немногихъ словъ возлюбленной матери было достаточно, чтобы успокаивать бѣдныхъ сиротъ. Они заснули близь своей матери. Часы пробили 5. „Скоро ли конецъ?" сказала она мнѣ. „Умру ли я черезъ два часа?" Отъ времени до времени она открывала ясные глаза, чтобы взглянуть на дѣтей. „Оставьте ихъ спать до завтра", сказала она, до послѣдняго вздоха заботясь о нихъ [3]).

Въ половинѣ восьмого она спросила меня который часъ. „Укройте меня, мнѣ холодно. Вы меня слышите? Мнѣ становится трудно говорить". Это были ея послѣднія слова. Еще нѣсколько слабыхъ вздоховъ и душа, освобожденная отъ оковъ, возвратилась къ Отцу.

Это была, мой дорогой, кончина праведницы! Что я могъ узнать объ этой чудной душѣ, за то время, что я провелъ у

[1]) См. ниже, письма о смерти Свѣтланы въ ч. II.

[2]) Гр. Кс. де-Местръ разсказываетъ, какъ она благословила также молодую дѣвушку голландку, Dedel, съ которой она познакомилась въ путешествіи и которая къ ней сильно привязалась. Любопытно, что черезъ 10 лѣтъ, Жуковскій, будучи въ Гаагѣ, познакомился съ этой свидѣтельницей смерти Свѣтланы (см. дневникъ, 11 23 окт. 1839 г.).

[3]) Сравнить письмо Зейдлица къ Мойеру, въ которомъ онъ говоритъ, что, во исполненіе ея воли, ихъ дѣйствительно разбудили только черезъ полъ-часа послѣ ея смерти. См. Приложенія.

ея постели вмѣстѣ со всѣми домочадцами, я сообщу вамъ, какъ только прояснится и придетъ въ порядокъ моя память, послѣ этихъ безпокойныхъ дней. Послѣднія строки написанныя Александриной я не довѣряю почтѣ, я ихъ привезу самъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что должно дать матеріалъ священнымъ воспоминаніямъ объ усопшей въ будущемъ.

На мнѣ и на миссъ Паришъ лежитъ теперь обязанность привезти дѣтей сиротокъ и передать ихъ въ ваши руки и въ руки матери [1]); также и этотъ священный долгъ я исполню, насколько это будетъ въ моихъ силахъ, послѣ того, какъ я провожу въ мѣсто послѣдняго упокоенія останки дорогой Александрины. Все будетъ исполнено съ нѣжной любовью, благоговѣніемъ и почтеніемъ. Крестъ и плита бѣлаго мрамора будутъ водружены на могилѣ Александрины, на греческомъ кладбищѣ въ Ливорно, подобно тому какъ другая плита покрываетъ могилу Маріи въ Дерптѣ. Надписи должны быть такими же, или я предоставлю это вашему распоряженію! Черезъ 12—14 дней я думаю тронуться въ путь съ дѣтьми, сперва въ Женеву къ Андрюшѣ, чтобы ожидать тамъ отвѣта отъ васъ на его счетъ, возвратится ли онъ съ нами въ Россію, или останется въ пансіонѣ. Онъ порученъ Перовскому. На время нашего здѣсь пребыванія Катенька и Саша поручены г-жѣ Хлюстиной, Маша же графинѣ де Местръ: послѣ ихъ печальнаго пробужденія бѣдняжки находятся у ихъ названныхъ матерей. Русскій консулъ Энгельбахъ и графъ де Местръ засвидѣтельствовали наслѣдство (haben die Nachlassenschafft aufgezeichnet) и все возложили на мою отвѣтственность [2]). Въ Женевѣ я подожду вашихъ отвѣтовъ и распоряженій относительно дальнѣйшаго путешествія и т. д. Мой братскій поцѣлуй вамъ и Перовскому. Вашъ Зейдлицъ. Дѣти здоровы и пишутъ со слѣдующей почтой отцу. Напишите Вы бѣдной бабушкѣ. Я больше не могу“.

А вотъ какъ описывала послѣдній день Свѣтланы ея старшая дочь Катя въ письмѣ къ Жуковскому.

„26 февраля мы не знали еще что намъ грозитъ потеря маменьки; мы находились въ залѣ и учили уроки, когда вдругъ намъ сказали, что послали за священникомъ въ Ливорно, чтобы причастить маменьку. Я не знаю, какъ я пережила этотъ моментъ, убѣдившись, что мы ее болѣе не можемъ сохранить.

Г-жа Хлюстина пришла и читала маменькѣ отходную молитву въ ожиданіи священника. Я была увѣрена, что это была

[1]) Т.-е. Екатерины Афанасьевны.
[2]) Въ бумагахъ сохранилось свидѣтельство о смерти А. А. Воейковой.

фальшивая тревога; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы маменька умерла! Богъ ее взялъ къ себѣ, ему былъ нуженъ еще одинъ ангелъ! Послѣ ухода священника, она велѣла намъ сѣсть вокругъ себя и благословила насъ. Она сказала Сашѣ: „Саша, будь доброй; я тебя умоляю ради моей смерти; будь доброй, Саша. Дѣти! будьте дружны между собою", она поцѣловала Машу; она сказала: „Бѣдненькая! такая маленькая. Богъ тебя сохранитъ! онъ сиротъ не оставляетъ". Она еще къ Сашѣ обернулась и сказала: „Саша, вспоминай эти минуты; вспоминай о моей смерти. Когда нибудь ты умрешь также. Богъ дастъ, мои дѣти, вы будете тогда также мало страдать, какъ и я. Я страдаю такъ мало, и я такъ покойна". Она осталась нѣкоторое время съ закрытыми глазами и потомъ сказала: „Я увѣрена въ Катишь, она слишкомъ меня любитъ, чтобы забыть меня, мои совѣты, мою смерть, но ты Саша, ахъ! я за тебя боюсь"!

У нея начались уже предсмертныя судороги, но она все покрывалась своимъ одѣяломъ, говоря: „дѣти мои, я вамъ оставляю плохое впечатлѣніе, не своею жизнью, но своимъ видомъ".

Потомъ она долго лежала съ закрытыми глазами и рѣдко открывала ихъ: рѣдко говорила, и то, чтобы давать распоряженія.

Она велѣла намъ носить шелковыя платья[1]), не велѣла Хлюстиной снимать букли; она сказала, „любите ее, какъ сестру", потомъ благословила Дедельшу. Другое все описалъ вамъ Зейдлицъ. Мы уснули, не знали какое несчастіе съ нами случилось. Она скончалась въ 7¾ часа".

Вся душа Свѣтланы нарисована въ этомъ простомъ и безхитростномъ разсказѣ ея любимой дочери. До послѣдней минуты она сохранила ясность своего ума и чистоту сердца, заботясь только о дѣтяхъ, впередъ давая имъ указанія на будущую ихъ жизнь, стараясь вложить въ нихъ свое міросозерцаніе, свою душу [2]).

18 февраля (2 марта) Зейдлицъ опять писалъ Жуковскому.

„Дорогой Жуковскій [3]).

Три дня только что протекшіе въ печальныхъ заботахъ о земныхъ останкахъ Александрины, промелькнули быстро, но со-

---

[1]) По обычаю траурныя платья должны были быть шерстяными, но Свѣтлана и тутъ позаботилась о дѣтяхъ, желая оберечь ихъ отъ жары. См. письма дочерей въ приложеніи.

[2]) См. оригиналъ письма, частью французскаго, въ приложеніи. Любопытно, что даже передъ смертью часть своихъ фразъ обращенныхъ къ дѣтямъ, Свѣтлана произнесла по французски.

[3]) Переводъ съ нѣмецкаго.

держатъ для меня матеріалы для воспоминаній на цѣлую жизнь. Какъ охотно я готовъ подѣлиться этимъ богатствомъ съ вами, бѣдной бабушкой, Перовскимъ, вѣрной подругой Полиной, со всѣми, которыхъ усопшая любила до послѣдняго конца.

Вы уже имѣете мое послѣднее письмо, такъ что я могу безъ подготовленія говорить о томъ, какъ мы, домочадцы и знакомые, полные добраго участія, почтили останки Александрины. Съ той минуты, какъ она навѣки закрыла глаза, и пока не опустили ее въ холодную могилу, слуги ея: Лиза, Лизетта, Лукьянъ и я дѣлили между собой заботы, дежурство и службу, какъ при жизни ея.

По ночамъ мы стояли у ея смертнаго одра. Читались псалмы, совершалась служба, все согласно ея желанію и правиламъ церкви. Мнѣ пришлось еще разъ примѣнить къ дѣлу мое столярное искусство и приготовить для Александрины послѣднюю тѣсную обитель ея — гробъ. Для Кати Мойеръ я изготовилъ ея 1-е жилище [1]), для Александрины — послѣднее! Милый Жуковскій, какъ странно судьба приводитъ меня дѣлить радость и горе вашей семьи! [2])

Въ бѣломъ платьѣ, покрытая бѣлымъ вуалемъ, съ распятіемъ въ сложенныхъ рукахъ, покойница казалась уснувшею; душевное выраженіе еще не сошло съ ея улыбающагося лица; ни одна черта страданія не напоминала намъ Пизу; такою мы видѣли ее въ Генуѣ, въ день послѣдняго бала у Saladin [3]).

Третьяго дня было готово послѣднее ея ложе. Каждый изъ насъ приложилъ руки къ этой работѣ въ знакъ привычнаго почитанія и въ тотъ же часъ, когда мы прежде переносили ее изъ залы въ опочивальню, т. е. въ 9 часовъ вечера, мы положили ея останки въ вѣчное ложе. Семьи графа Местра и Деделя [4]) принимали тутъ участіе, а читалъ молитвы греческій священникъ князя Караджи. На слѣдующій день, въ 5 часовъ, всѣ мы и священникъ проводили гробъ въ церковь, въ Ливорно. Лукьянъ сохранилъ за собою свое обычное мѣсто въ колесницѣ, позади своей возлюбленной барыни, дѣти ѣхали съ г-жею Хлюстиной.

Въ открытомъ гробу Александрина присутствовала въ первый и въ послѣдній разъ при богослуженіи въ Греческой церкви въ чужихъ краяхъ.

---

[1]) Т. е. колыбель.

[2]) По распоряженію того же Зейдлица съ лица Свѣтланы была снята маска и заказанъ бюстъ (см. письма дѣтей въ приложеніи).

[3]) Женевскіе знакомые Свѣтланы, см. выше.

[4]) Родители упомянутой голландки.

Благоговѣйная толпа (было воскресенье) любопытно тѣснилась вокругъ гроба, у котораго, по окончаніи богослуженія, была совершена заупокойная служба.

Наступила трогательная минута прощанія. Я закрылъ гробъ, который въ торжественномъ шествіи черезъ весь городъ былъ перенесенъ на кладбище. Здѣсь еще была отправлена служба въ часовнѣ, гробъ стоялъ на краю могилы. Послѣдній разъ я поднялъ крышку, чтобы священникъ бросилъ туда освященной земли при символическихъ словахъ: „Отъ земли взята и въ землю пойдеши"! Солнце выглянувъ изъ-за тучъ, бросило послѣдній лучъ и скрылось. Легкія снѣжинки упали еще на ея бѣлый вуаль, а затѣмъ, я закрылъ навсегда вѣчную обитель Александрины. Послѣднее, что нарушило ея покой, былъ гулъ отъ бросаемой въ могилу земли. Теперь она успокоилась!

Теперь про оставшихся дѣтей. Я уже вамъ писалъ немного 27-го, но я теперь не помню ясно, что именно. Катенька и Саша находятся у г-жи Хлюстиной, которая хотѣла ѣхать въ Римъ. Впрочемъ я надѣюсь, и даже убѣжденъ, что за любовь и жертвы, которыя принесла ей въ ея несчастьи Александрина [1]), она заплатитъ равною заботливостью къ ея дѣтямъ, и останется здѣсь, до нашего отъѣзда. Вашъ отвѣтъ на мое первое письмо не можетъ придти въ Женеву ранѣе 2 14 апрѣля: я устроюсь относительно отъѣзда отсюда такъ, чтобы быть къ этому времени въ Женевѣ: здѣсь дешевле стоитъ прожить необходимое время, и полезнѣе для дѣтей, которыя могутъ продолжать свои прежніе уроки и занятія. Между тѣмъ я обсажу цвѣтами мѣсто успокоенія нашей доброй. Сдѣлаю его привѣтливымъ и уютнымъ, какъ только возможно. Крестъ изъ мрамора, или изъ другого камня, такой же какъ и на могилѣ Маши, по словамъ здѣшнихъ каменщиковъ будетъ неудобно сдѣлать и онъ будетъ слишкомъ хрупкимъ. Если вы пожелаете сдѣлать чугунный крестъ, то доставить его изъ Петербурга будетъ легко. До тѣхъ поръ могилу Александрины будетъ отмѣчать подобный же крестъ изъ твердаго дерева, съ мраморной доской: кипарисы, розы и плющь ее окружаютъ. Около нея покоится Михаилъ Долгорукій о которомъ она часто разсказывала, какъ онъ, уѣзжая изъ Петербурга особенно трогательно съ ней прощался.

Наше путешествіе было бы короче, но Александрина до вашихъ и Перовскаго распоряженій ввѣрила мнѣ Андрюшу [2]):

[1]) Утрата сына, см. выше.
[2]) Auf die Seele gebunden.

такимъ образомъ я долженъ его самъ взять изъ пансіона, или, если онъ останется тамъ, то повидать его еще разъ. Прошу отвѣтить скоро и опредѣленно въ Женеву. Напишите мнѣ также дорожный маршрутъ и способъ путешествія, словомъ дѣлайте со мною что хотите, располагайте мною какъ хотите, до тѣхъ поръ пока я не передамъ вамъ дорогихъ, довѣренныхъ мнѣ существъ. Перовскій долженъ мнѣ простить, что я ему не писалъ: мои письма къ вамъ предназначены также и для него. Дѣтямъ Александрина приказала писать только черезъ недѣлю. Полинѣ должна передать печальное извѣстіе г-жа Хлюстина. Со священною заботливостью собралъ я все, что за послѣднее время касалось Александрины. Вамъ всѣмъ привезу я эти реликвіи. Мнѣ было бы пріятно, если бы я и отъ Перовскаго получилъ въ Женевѣ нѣсколько строкъ, хотя ему я и не писалъ. Дружба, какъ и большое горе нарушаютъ всѣ этикеты. Во имя того утѣшенія, которое доставило дорогой Александринѣ мое присутствіе у ея смертнаго одра, онъ долженъ меня любить. Въ день смерти завѣщала она послѣднее письмо Перовскаго мнѣ, послѣднее же письмо матери — г-жѣ Хлюстиной. Будьте здоровы. Зейдлицъ".

Къ этимъ двумъ, частично уже извѣстнымъ въ печати письмамъ [1]) представляется интереснымъ присоединить и третье письмо Зейдлица къ Жуковскому, писанное 15/27 марта, въ Sestri, гдѣ онъ остановился съ дѣтьми по дорогѣ въ Женеву, выѣхавъ изъ Пизы 2 марта.

Оно не касается непосредственно событій смерти Свѣтланы, но интересно, какъ написанное подъ живымъ впечатлѣніемъ этого событія, его ближайшимъ свидѣтелемъ [2]).

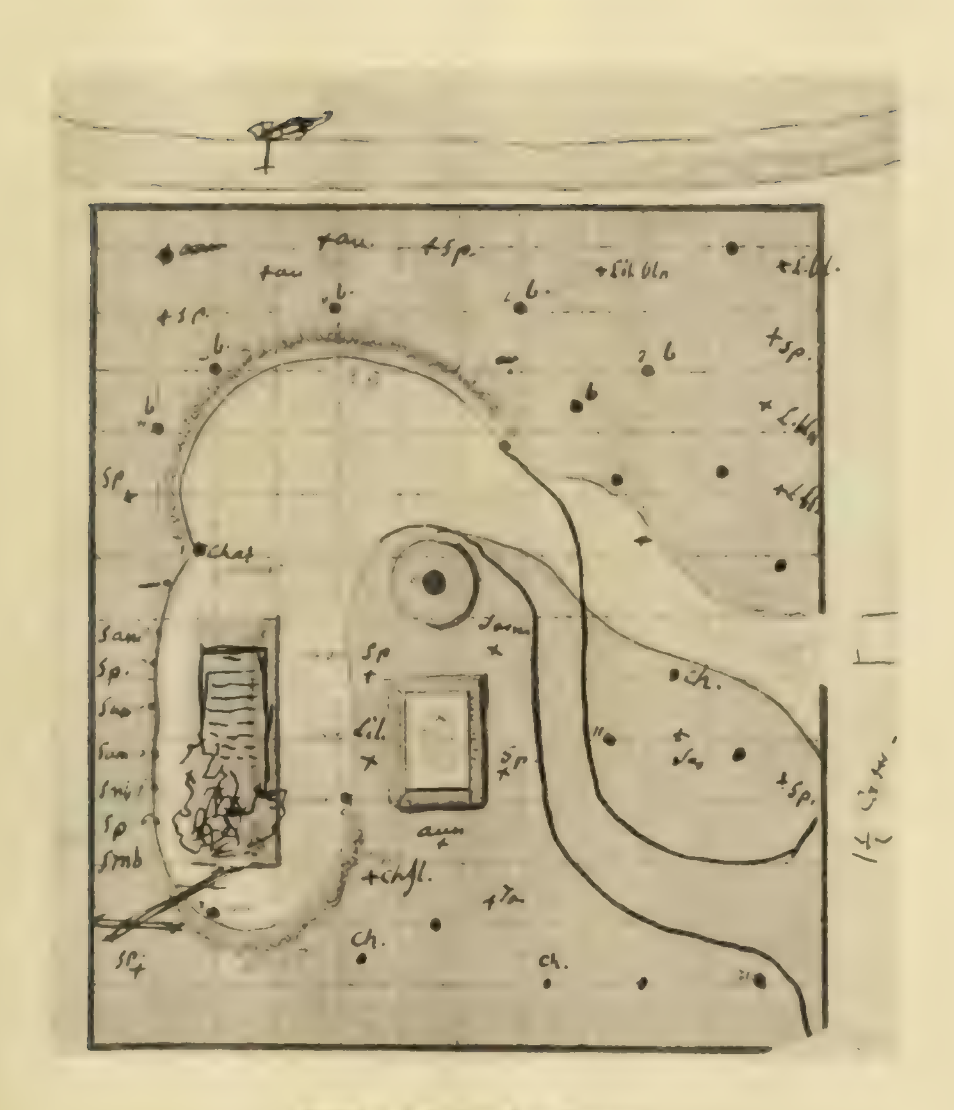
„Дорогой Жуковскій, уже третьяго дня мы покинули Пизу и находимся въ мѣстѣ, гдѣ все намъ болѣзненно напоминаетъ о томъ, что намъ чего-то недостаетъ: души нашего маленькаго кружка, Александрины! Какъ и пять мѣсяцевъ тому назадъ [3]), здѣсь въ Сестри, море омываетъ шумя стѣны передъ домомъ; но никто уже не стоитъ, углубленный въ свои мысли у окна, никто не кричитъ намъ „идите, дѣти, смотрите какъ это красиво!“ Луна отражалась тогда ясно въ голубыхъ волнахъ, отдѣльныя рыбачьи лодки двигались подъ ея сіяніемъ и оклики рыбаковъ прерывали временами однообразные звуки прибоя

---

[1]) См. Татевскій Сборникъ.

[2]) Выдержки изъ этого письма сообщилъ Жуковскій Екатеринѣ Афанасьевнѣ. См. II ч., письма Жуковскаго.

[3]) А. А. Воейкова останавливалась здѣсь передъ пріѣздомъ въ Пизу.

Могила А. А. Воейковой въ Ливорно

волнъ; и болѣе часу любовалась она чуднымъ видомъ моря — это было въ послѣднiй разъ; погруженная въ свое созерцанiе она предалась необъяснимымъ, болѣзненнымъ ощущенiямъ, которыя пробуждаются въ нашей душѣ этимъ могущественнымъ элементомъ. „Ахъ какъ хорошо“, и только слезами на глазахъ выразила она свое удовольствiе.

Если прибавить, что мы иногда напоминаемъ другъ другу эти слова, или вспоминаемъ мѣста, гдѣ Александрина просила собирать цвѣты, или останавливала экипажъ, или что-либо замѣчала, то наше путешествiе дѣлается траурнымъ шествiемъ, посѣщенiемъ прекраснаго кладбища.

Даже Маша не можетъ произнести слова маменька, безъ того чтобы не покраснѣть, какъ огонь. Когда она крестится послѣ кушанья, то произноситъ: „благодарствуй Богъ и маменька“. А когда мы сѣли въ экипажъ, то она показала намъ мѣсто, гдѣ обыкновенно сидѣла мать и спросила: „а зачѣмъ маменька съ нами не ѣдетъ? Ахъ какъ она долго въ Ливурно остается, — няня приведетъ ее?“ Высокiй смыслъ кроется часто въ играхъ дѣтей, говоритъ генiальный Шиллеръ, и потому я думаю, хотя на это не указываетъ ничего, кромѣ Машенькинаго воспоминанiя, что Александрина бодрствуетъ еще сегодня, какъ и за годъ передъ этимъ, около своихъ дѣтей, сопровождаетъ и охраняетъ ихъ, какъ при жизни, можетъ быть еще сильнѣе. Душа, освобожденная однажды отъ своихъ оковъ, не привязана болѣе ни ко времени, ни къ мѣсту, но тѣмъ не менѣе, мы обращаемся часто мыслью туда, гдѣ покоится оболочка исчезнувшаго. Вотъ бѣглый набросокъ ея могилы [1]). Если бы я могъ дать вамъ очеркъ цѣлаго, только что истекшаго года жизни Александрины, вы бы имѣли его, но кто же можетъ описать ея душу! Никогда, даже говоря о своемъ близкомъ концѣ, она не безпокоилась о судьбѣ своихъ дѣтей. Мысль, что ихъ воспитанiе будетъ ведено кѣмъ нибудь другимъ, а не вами, никогда даже не возникала въ ея душѣ. Она разсталась съ землей въ мирѣ и покоѣ, увѣренная въ скоромъ свиданiи со всѣми любимыми существами. Это лучшiй отвѣтъ, который я могу дать на ваше письмо отъ 19 февраля [2]), и лучшее извиненiе въ моемъ

[1]) Приложенный рисунокъ, сохранившiйся въ бумагахъ гр. Бревернъ де ла Гарди очевидно и есть тотъ, о которомъ говоритъ Зейдлицъ.

[2]) Очевидно, въ связи съ его письмами къ Сашѣ, Жуковскiй упрекалъ Зейдлица за молчанiе, думая, что не имѣя еще отъ него писемъ, Саша передъ смертью безпокоится за судьбу дѣтей. Мы видимъ, что она никогда не сомнѣвалась въ той роли, которую будетъ играть Ж. въ воспитанiи ея дѣтей.

совершенномъ молчаніи; Перовскій будетъ у васъ опять и сообщитъ болѣе, чѣмъ мои письма.

Что касается до продолженія поѣздки и относится къ Андрюшѣ, то онъ далъ мнѣ необходимыя предписанія, которыя я охотно исполню, такъ какъ я хочу закончить дѣло, добровольно принятое на себя. Я имѣю въ своемъ сердцѣ большую награду — образъ нашей дорогой исчезнувшей, которая со своей вновь найденной сестрой дружественно привѣтствуетъ меня оттуда, — въ другой наградѣ я не нуждаюсь.

Будьте здоровы, дорогой Жуковскій, обнимите Перовскаго. Я ему писалъ въ Вѣну. Дошло ли письмо? Дѣти здоровы. Какъ поживаетъ бѣдная бабушка? Я совершенно не смѣю ей писать. Вашъ З“.

Выѣхавъ изъ Петербурга 12 февраля, Перовскій, къ своему глубокому огорченію, попалъ въ Пизу уже послѣ похоронъ Александрины. Съ дѣтьми ея онъ пробылъ недолго, и изъ приведеннаго выше письма Зейдлица мы видимъ, что уже въ первой половинѣ марта, онъ, побывавши у Андрея въ Женевѣ, уѣхалъ въ Вѣну. Оттуда онъ прислалъ дѣтямъ двѣ коляски для дальнѣйшаго путешествія въ Россію. Самъ онъ, очевидно, имѣлъ короткій отпускъ и торопился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, оставивъ порученныхъ ему дѣтей на рукахъ Зейдлица, а Андрюшу, по-старому, въ Женевскомъ пансіонѣ.

Много интересныхъ данныхъ о Сашѣ даетъ и письмо къ Жуковскому графа де Местра, второго свидѣтеля послѣднихъ ея минутъ [1]).

Кромѣ приведенныхъ писемъ Зейдлица къ Жуковскому, въ которыхъ онъ описываетъ смерть Свѣтланы, сохранились также его письма объ этомъ Мойеру и Воейкову. Въ первомъ онъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей, второе любопытно по своему сдержанному и почтительному тону, который онъ соблюдаетъ къ Воейкову, какъ отцу дѣтей несчастной Александрины.

Спустя почти двѣ недѣли, согласно желанію Свѣтланы, написали отцу о смерти матери и обѣ старшія дочери, въ наивныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ разсказавшія ему о послѣднихъ часахъ ея жизни.

Смерть жены должна была произвести на Воейкова сильное впечатлѣніе, конечно, только, какъ на лицемѣрнаго эгоиста, изъ связей своей жены извлекавшаго личныя выгоды и пользу. Литературныя связи его теперь должны были прекратиться, ма-

[1]) См. приложеніе.

теріальныя дѣла, и такъ весьма запутанныя, могли осложниться необходимостью воспитывать дѣтей.

Въ письмахъ къ Ф. Глинкѣ[1]) онъ лицемѣрно грустить о потери „праведницы“ своей жены, въ душѣ едва-ли сожалѣя замученную имъ самимъ женщину. Дальнѣйшая судьба этого низкаго и жалкаго человѣка, сумѣвшаго возбудить къ себѣ всеобщую нелюбовь и презрѣніе, была, какъ извѣстно, весьма печальной и онъ кончилъ свои невеселые дни, опустившись совершенно, вблизи второй жены, необразованной и грубой женщины, достойной своего хромого и злобнаго супруга.

[1]) Р. С. 1908, февр., 453.

Глава XII.

Впечатлѣнія друзей — Жуковскій, Тургеневъ, Козловъ, Языковъ о смерти Свѣтланы. — Судьба дѣтей Свѣтланы. — Русскія женщины начала XIX в.

Жуковскій получилъ отъ Зейдлица извѣстіе о смерти Свѣтланы 9 марта и тотчасъ же сообщилъ объ этомъ событіи Тургеневу и Елагиной. Онъ привелъ въ своихъ письмахъ дословно выписки изъ писемъ Зейдлица о смерти Саши, выражая при этомъ свое горе о разставаніи со своимъ нѣжнѣйшимъ другомъ, ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ всѣхъ событій и его жизни, и его литературной славы. Все прекрасное стало для него теперь синонимомъ смерти, писалъ онъ еще раньше Зейдлицу, благодаря того за дружеское отношеніе къ умирающей Сашѣ.

Екатеринѣ Афанасьевнѣ сообщилъ печальную вѣсть гораздо позднѣе Моейръ, и Жуковскій въ письмѣ отъ 10 апрѣля писалъ ей о смерти Саши, какъ объ извѣстномъ уже событіи.

Мысли, высказанныя имъ во всѣхъ его письмахъ по поводу этой смерти, уясняютъ намъ вполнѣ то значеніе, которое имѣла для поэта Свѣтлана.

16/28 марта онъ писалъ Тургеневу: „Мой милой другъ, можетъ ты уже все знаешь?! Если нѣтъ, то плачь вмѣстѣ со мною. Нашъ ангелъ оставилъ насъ. Саши нѣтъ на свѣтѣ. 14/26 февраля все кончилось. Нѣжнѣйшій товарищъ моей души оторвался отъ нея“... „Смерти не боялась она, видѣла ея приближеніе, ждала ее и сохранила всю ту свѣтлость души, которая въ жизни была ея неизмѣннымъ характеромъ. 4 февраля получилъ я ея письмо, въ которомъ она довольно ясно намекала о своемъ положеніи. Я къ ней писалъ; но она уже не могла получить письма моего. Но то, чего я страшился за нее, не случилось. Я страшился, чтобы ее не мучила мысль умирать въ чужой землѣ, мысль о сиротствѣ дѣтей. Нѣтъ, она въ смерти видѣла одно Небо; въ ея прощаніи съ дѣтьми чувствовалось одно Провидѣніе; приближеніе смерти было для нея тихое откровеніе; покориться судьбѣ своей не стоило ей никакого усилія; милая душа себѣ не измѣнила въ рѣшительную, лучшую минуту земного бытія своего“... „Безъ ропота, безъ страха, съ свѣтлою, веселою душою встрѣтила она смерть, какъ, бывало, встрѣ-

чала горе. Для нея не было никакого усилія покориться судьбѣ своей, не нужно было съ трудомъ отдѣляться отъ всего милаго земного, чтобы перейти мыслію къ Богу и тому свѣту. Эта ясность надежды была всегдашнимъ, неизмѣннымъ свойствомъ души ея; это не твердость, не побѣда, а просто чистая природа, къ которой ничто здѣшнее и не пристало, и которой отдѣлиться отъ всего здѣшняго было такъ легко, и даже сладостно"......„И для меня навсегда съ нею исчезла сама близкая, родная душа. Съ 15 лѣтняго возраста до теперешняго времени была она во всемъ моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва какъ милой, цвѣтущій младенецъ, которымъ глаза любовались въ такое время, когда душа расцвѣтала; потомъ какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земного счастья, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушный геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ, поэтическомъ уединеніи. Потомъ, какъ предметъ заботы и состраданія, какъ смиренная, но всегда веселая при всемъ своемъ бѣдствіи, жертва Воейкова. Все это пропало; отъ всего этого осталась послѣдняя минута ея, свѣтлая, возвышающая душу. Передъ этою минутою молчитъ сожалѣніе о ней. Какъ жалѣть объ ней! Можно сказать, что жизнь къ ней не коснулась, она посреди всего житейскаго прошла чистою, безъ усилія, по одной младенчески непорочной природѣ своей".

„Благодарю ее за ея милую жизнь, писалъ Жуковскій Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, въ которой она мнѣ, отъ своей купели до послѣдней минуты была самый вѣрный товарищъ, въ младенчествѣ и ребячествѣ, какъ милое, ясное утѣшеніе, въ цвѣтущей молодости, какъ дѣлитель и радости и горя, какъ сама поэзія въ своихъ страданіяхъ, какъ милый предметъ заботы. Для всѣхъ ея бѣдъ я былъ для нея и подпорою и отводомъ. Наконецъ и въ послѣднюю минуту, какъ изъяснитель лучшаго на землѣ, тайны безсмертія! Одного прошу отъ Бога — возможность жить для ея дѣтей. Тогда буду радоваться ея смертію" [1]).....

„Encore un beau rêve de moins, c'est celui de la vie d'Alexandrine" [2]), пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ ней же.

Въ письмѣ къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ, отъ 10 апрѣля Жуковскій старается утѣшить старуху указаніемъ на святость

[1]) Татевскій сборникъ.
[2]) Еще одной красивой мечтой меньше, — мечтой жизни Александрины. Уткинскій сборн., 49.

и чистоту кончины дочери, которая должна служить, не огорченіемъ, а утѣшеніемъ для родныхъ ея [1]). „Богъ взялъ, говоритъ онъ, иначе нельзя назвать ея смерти. Тутъ слово смерть неприлично. Присутствіе Божіе такъ было для нея явно, такъ ощутительно, что намъ нельзя безъ утѣшительнаго благоговѣнія думать о ея послѣднихъ минутахъ. Читайте, и утѣшьтесь, и научитесь отъ вашей дочери дожить такъ остатокъ своей жизни, какъ она прожила послѣдній день своей жизни, и въ немъ навсегда осталась для насъ живою, счастливою, уже навѣки неприкосновенною никакому горю земному".

Описывая затѣмъ словами Зейдлица кончину Саши, Жуковскій прибавляетъ: „Будемъ вѣчно благодарны Зейдлицу, онъ сохранилъ для насъ лучшія минуты жизни ея. Это не смерть! Это видимое присутствіе Божіе. Это все, чего только можно желать для нашихъ милыхъ и для себя. Оно было дано ей вполнѣ. Судьба ея совершилась такъ, какъ она то заслужила. Теперь для меня со всѣмъ, что можетъ быть прекраснаго въ душѣ и природѣ соединились воспоминанія о этой удивительной смерти ея! Какая беззаботность о дѣтяхъ, основанная на вѣрѣ въ Бога, который какъ будто ей былъ видимъ. Однимъ словомъ лучшее, самое желанное въ жизни досталось ей вполнѣ! Вы и мы можемъ жалѣть о себѣ, наше сокровище пропало изъ глазъ (не изъ свѣта Божія), но мысль объ ней, эта мысль имѣетъ характеръ радости ничѣмъ не возмущаемой! То, что отъ нея осталось спитъ! что отъ нея живо, оно живетъ и мы знаемъ какъ живетъ, объ этомъ сказала намъ ея послѣдняя минута. Что же намъ остается? Принять ея смерть, какъ она приняла ее не для того, чтобы ею портить жизнь свою, а для того, чтобы ею освятить жизнь свою. У насъ ея дѣти. Души материной ничто не возвратитъ имъ, но мать имъ оставила свою ангельскую смерть, которую онѣ теперь еще неспособны понимать, но которая въ свое время сильно заговоритъ въ ихъ душахъ"...

Письмо это, какъ и письмо о томъ же къ императрицѣ [2]), чрезвычайно характерны для выясненія міровоззрѣнія Жуковскаго, совершенно искренно и сознательно духовно радовавшагося этой красивой смертью „вѣрнаго товарища". Слова его не холодныя утѣшенія страдающей матери, въ нихъ звучитъ то, что искренно чувствуетъ и переживаетъ онъ самъ.

---

[1]) См. Ч. II, Письма Жуковскаго. Это письмо любезно предоставлено намъ А. А. Ѳоминымъ.

[2]) См. ч. II.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Тургеневу [1]) онъ просилъ того позаботиться о памятникѣ Саши, такомъ же, какой стоялъ и надъ Машиной могилой въ Дерптѣ и съ тѣми же словами Евангелія отъ Іоанна: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы“...

Тамъ же, Жуковскій короткими и мѣткими штрихами обрисовалъ характеры обѣихъ сестеръ, отмѣтивъ и сходство ихъ обѣихъ и то, что отличало ихъ другъ отъ друга.

„Ихъ души были одинаковы, писалъ онъ, хотя въ разномъ образѣ и можно сказать, что между ихъ могилами та же разница, какая между ихъ наружностью. Для одной умершей небо Лифляндіи, тихій уголокъ подлѣ большой дороги, за которою поле покрытое жатвою; природа простая и пріятная, какъ ея тихія свойства, надъ другою голубое небо Италіи съ его яркими звѣздами и благовоніями юга, очаровательными, какъ ея милое, восхитительное ребячество, какъ поэзія ея сердца“.

Стремленіе свое побывать на мѣстѣ послѣдняго покоя Свѣтланы Жуковскій удовлетворилъ въ 1833 году, когда онъ посѣтилъ, и Пизу, и Ливорно, и съ біеніемъ сердца, по собственнымъ словамъ, поклонился могилѣ любимой крестницы.

Въ 1840 году онъ, въ письмѣ къ имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ снова вспомнилъ свою Александрину, которая „тогда (въ 1821 г.) была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь — въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи, свѣтлымъ, какъ была она сама“.

Тургеневъ получилъ извѣстіе о смерти Саши въ Лондонѣ, еще ранѣе приведеннаго выше письма Жуковскаго. Смерть „милаго Ангела“, которую онъ по письмамъ друга ожидалъ давно, не могла, тѣмъ не менѣе, не поразить его, недавно перенесшаго утрату нѣжно любимаго брата. Узнавъ о катастрофѣ, онъ немедленно написалъ Жуковскому, желая вмѣстѣ съ нимъ поплакать о потерѣ общаго друга. Снова Свѣтлана стала для него „милымъ, улетѣвшимъ Ангеломъ“. „сестрой“, снова воспоминанія утраченнаго счастья нахлынули на его душу и предъ нимъ предстало все прошлое, такое чистое и такое печальное...

Первою мыслью его была, какъ и прежде, забота о дѣтяхъ Саши, и только изъ писемъ Жуковскаго онъ узналъ, что Зейдлицъ уже позаботился о нихъ и довезъ ихъ до Россіи.

[1]) См. „Письма къ Тургеневу“ (15/27 янв. 1833).

16 Апрѣля, Лондонъ 1829 г.

„Вчера поразили меня вѣстію о кончинѣ милой А. А. Незнакомые сказали мнѣ объ этомъ. Сегодня я ходилъ справляться къ Бентону, коего дочь въ перепискѣ съ Хлюстиной. Онъ подтвердилъ нещастіе, но не могъ ничего сказать о дѣтяхъ и звалъ завтра къ дочери, которая прочтетъ мнѣ письмо Хлюстиной. Какъ ни готовъ былъ — но тяжело, — грустно, тяжело и за тебя. Поскакалъ бы къ дѣтямъ; но у меня другая обязанность. Милая, оставившая насъ не выходитъ изъ головы и никогда не выйдетъ изъ сердца. Будемъ служить ея дѣтямъ. Для чего я не съ ними. Что бѣдный Козловъ? Ежедневно насъ становится менѣе — и гдѣ мы другъ для друга. милый другъ? Береги то, что я тебѣ оставилъ изъ бумагъ и вещей ея. Неужели Богъ не приведетъ взглянуть хоть на портретъ, на дѣтей, на ея могилу [1]). Не писала ли она тебѣ передъ кончиной? — Напиши, или вели написать ко мнѣ все что знаешь о ея послѣднихъ минутахъ. Вчера я сказалъ объ этомъ брату [2]): онъ нѣжно любилъ и уважалъ ее. Что и гдѣ Катерина Аѳанасьевна?“

17 Апрѣля.

„Сію минуту получилъ изъ Парижа письмо отъ Свѣчина и онъ подтверждаетъ о кончинѣ въ Пизѣ милаго нашего Ангела. Извѣстіе получено графинею Дессеръ отъ кн. Волконской. Теперь иду къ Бентону узнать подробности, а завтра сяду съ этими мыслями на стимботъ [3]). Сердце болѣе и сильнѣе рвется къ небу: не много у насъ на землѣ осталось“.

Брюссель, 21 Апрѣля 1829 [4]).

„17 Апр. отправивъ къ тебѣ письмо, чрезъ посольство изъ Лондона, получилъ я твое 26-28 Марта съ письмами Жихарева, Козлова и Темиры и съ векселемъ. Я читалъ ихъ брату и вмѣстѣ еще горевали мы по миломъ Ангелѣ. Дорогой перечитывалъ твое письмо и воображалъ тихую, святую кончину Ангела. Она напомнила мнѣ все, все — и брата, и тебя — все, все. Я не нуженъ дѣтямъ, есть ли Зейдлицъ съ ними. Сегодня пишу къ Бонштетену объ Андрюшѣ“ [5]).

---

[1]) Тургеневъ посѣтилъ Гіеръ впослѣдствіи и побывалъ въ домикѣ, гдѣ жила Саша.

[2]) Николаю.

[3]) Пароходъ.

[4]) Отвѣтъ на письмо Жуковскаго.

[5]) Позднѣе, въ 1832 г. Тургеневъ писалъ Жуковскому изъ Москвы, по поводу изданія 1-й книжки „Европейца“: „Европейца мы окрестили въ шампанскомъ и Языковъ читалъ намъ прелестные стихи о незабвенной, которой прахъ остался тамъ, wo die Citronen blühen“.

Катя и Саша Воейковы. Рисунокъ изъ альбома А. А. Воейковой.

Грустно встрѣтилъ извѣстіе о кончинѣ своего преданнаго друга и вдохновительницы слѣпой поэтъ Козловъ, и посвятилъ ей стихи, въ которыхъ вспоминалъ ея роль въ своей судьбѣ, роль примирительницы съ его несчастьемъ, указавшей ему новый путь жизни.

Кругомъ гроза, — но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей свѣтлѣла;
Мнѣ замѣнилъ твой дружескій привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ;
Забылось все; какъ плѣнники въ неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой долѣ;
Она — скажу ль? — мнѣ сдѣлалась мила:
Меня съ тобой она, мой другъ, свела,
И, можетъ быть, не даромъ мы узнали,
Какъ много есть прекраснаго въ печали...
Тиха ея далекая могила,
Душа свѣтла въ надзвѣздной сторонѣ,
Но сердце тѣхъ, кого она любила...
Святая тѣнь! Молися обо мнѣ.

На смерть Саши отозвался и другой ея пѣвецъ — Языковъ, уже поспѣвшій, было, забыть ее. Воспоминаніе о ней вызвало у него одно изъ лучшихъ произведеній его музы, приведенное выше [1]), дающее оцѣнку тому значенію, которое имѣла Свѣтлана для поэтической дѣятельности молодого поэта.

Съ такимъ искреннимъ горемъ отнеслись къ кончинѣ А. А. Воейковой ея ближайшіе друзья, привязанные къ ней всѣми силами своихъ сердецъ.

Писемъ Перовскаго по этому поводу мы не имѣемъ, кромѣ приведенной выше [2]) его грустной записки къ Жуковскому, но очевидно, горе его объ утратѣ Свѣтланы, было велико. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ, онъ поставилъ ближайшею цѣлью заботы о ея дѣтяхъ, завѣщанныхъ имъ обоимъ матерью въ послѣдніе часы ея жизни.

Въ дѣтяхъ Свѣтланы Жуковскому удалось еще разъ пережить свою юность, и поселившись въ 1835 г. на лѣто вмѣстѣ съ Катей и Сашей въ Эльстгофенѣ, около Дерпта, онъ вспоминалъ съ грустью давно прошедшіе Муратовскіе дни, занимаясь съ ними, какъ когда то съ ихъ матерью, чтеніемъ и литературою. Благодаря стараніямъ друзей, судьба молодыхъ Воейковыхъ устроилась безъ участія отца. 14-лѣтняя Катя поступила

[1]) См. стр. 104.
[2]) См. стр. 115.

въ Екатерининскій институтъ на средства императрицы, 11-лѣтняя Саша попала туда же на средства вел. кн. Маріи Николаевны, а младшая, Маша, поселилась у бабушки сперва въ Дерптѣ, а съ 1836 г. въ имѣніи Бунино, Орловской губ., куда переѣхалъ вышедшій въ отставку Мойеръ, вмѣстѣ съ дочерью и тещей. Сюда же привезли впослѣдствіи и Андрея, который по желанію Перовскаго и Жуковскаго былъ оставленъ въ Женевскомъ пансіонѣ Прива на пять лѣтъ [1]). Но уже черезъ три года, въ 1832 г., Жуковскій посѣтилъ его въ Женевѣ и поразившись его сходствомъ съ матерью, замѣтилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его плохое развитіе, кончившееся скоро тупоуміемъ. 28 ноября 1832 г. Жуковскій записалъ въ дневникѣ: „Посѣщеніе Андрюши съ Приватомъ. Первая минута. Сходство въ чертахъ, въ manière d'être, походка, руки, усмѣшка. Послѣобѣденный экзаменъ. Незлопамятность, робость, невеликодушіе, упрямство. Сонъ ума и чувства. Развитіе тѣлесное".

Былъ Андрей затѣмъ и у Жуковскаго въ Верне, и наблюденіе надъ состояніемъ умственныхъ способностей мальчика окончательно убѣдило его въ необходимости взять его въ Россію. Исполнено это было, впрочемъ, значительно позднѣе.

Въ матеріальномъ отношеніи, дочерей Саши обезпечилъ тотъ же Жуковскій, который когда-то продалъ свое имѣніе, чтобы достать денегъ на ея неудачную свадьбу. Теперь онъ продалъ свое имѣніе Мейерсгофъ около Дерпта Зейдлицу за 115.000 р. и раздѣлилъ эти деньги между тремя дочерьми Свѣтланы. Конечно, помогъ въ этомъ и Зейдлицъ, заплатившій ради благой цѣли эту сумму, вмѣсто ожидаемыхъ Жуковскимъ 90.000 р.

Старшая дочь Свѣтланы умерла, какъ и ея мать, молодою, не доживъ и до 30 лѣтъ († 1844 г.). Вторая, Александра, весьма схожая характеромъ и внѣшностью съ матерью, была фрейлиною вел. кн. Маріи Николаевны. Она унаслѣдовала отъ матери умъ, красоту и таланты и отличалась своею начитанностью и образованіемъ. Она умерла въ 1893 г., 74 лѣтъ [2]). Марія Александровна вышла замужъ въ 1854 г. за командира Кавалер-

[1]) См. письма Ж. къ Северину Р. С. 1902, апр.

[2]) О ней сказалъ Вигель въ письмѣ Жуковскому 1849 г.:

„Дайте мнѣ поговорить еще объ одномъ чудѣ въ женскомъ родѣ, о молодой Воейковой. Тутъ должно быть какое-нибудь волшебство: какъ безъ помощи чего-нибудь сверхъестественнаго, наружностью, умомъ и поступками умѣть привлекать мущинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ; какъ всегда быть остроумною, не позволяя себѣ ни малѣйшаго злословія, какъ заставить чувствовать свое превосходство, не возбуждая никакой зависти". Вигель говоритъ, что она Жуковскому замѣняетъ свою покойную мать и Жуковскій долженъ ею гордиться.

гардскаго полка графа Бреверна де-ла-Гарди и умерла въ 1906 г., 80 лѣтъ отъ роду. Андрей умеръ въ 1866 году.

Переписка Свѣтланы — это романъ въ письмахъ чудесной умирающей души, являющійся заключительнымъ аккордомъ промелькнувшей передъ нами короткой и печальной женской жизни. Та тяжелая семейная драма, которую суждено было пережить Свѣтланѣ, могла бы сломить и болѣе сильный и твердый характеръ, чѣмъ тотъ, которымъ обладала она, и роль, которую ей предназначила играть судьба въ этой жизненной пьесѣ, оказалась ей не подъ силу. Какъ гибкій тростникъ сгибалась она подъ напорами бури, противуполагая ея гибельнымъ ударамъ свою покорность и терпѣніе, свою безграничную вѣру въ Провидѣніе и ничѣмъ непоколебимую надежду. Мягкая, всепрощающая нѣжная, безвольная, чисто славянская душа Свѣтланы, создаетъ намъ въ ея образѣ идеалъ той древней „праведницы" на землѣ, ради которой Богъ терпитъ грѣхи цѣлаго народа.

„Воспоенная несчастьемъ" Свѣтлана была гостьей въ земномъ мірѣ: она была — по выраженію поэта [1]) — таинственной луной, манящей въ неизвѣданную область сверхземного, гдѣ исключительно сосредоточивались всѣ ея надежды, мечты и идеалы. По словамъ Жуковскаго, она сама была „свѣтлой надеждой", которую не могли разочаровать никакія невзгоды жизни, ибо ея область находилась за предѣлами послѣдней, въ пространствѣ, недоступномъ для людского горя и зла.

Любимый романсъ Свѣтланы, сочиненный для нея Жуковскимъ и переложенный на музыку Вейраухомъ, который она слушала, по словамъ Зейдлица [2]), за нѣсколько дней до своей кончины, выражаетъ это ея главное бодрящее настроеніе всей жизни — „надежду" [3]).

Розы расцвѣтаютъ —
Сердце, отдохни,
Скоро засіяютъ
Благодатны дни.
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцвѣтетъ.

---

[1]) Боратынскаго, см. стр. 100.
[2]) См. письмо къ Мейеру, ч. II.
[3]) См. стр. 17.

Розы расцвѣтаютъ —
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая,
Жизнь для насъ иная
Розой расцвѣтетъ...

Но любованіемъ красотою души прекрасной Свѣтланы не исчерпывается для насъ интересъ ея жизнеописанія.

Жизнь и дѣятельность ея вносятъ новую страницу въ исторію русской литературы XIX столѣтія, и являются характерными для исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія.

Общественно-политическое движеніе начала прошлаго вѣка коснулось всѣхъ слоевъ русскаго общества, пробужденнаго отъ своего инертнаго сна для плодотворной работы на пользу родного просвѣщенія. Коснулось оно и русской женщины, наряду съ мужчиною обратившей свои взоры на русскую литературу и поэзію, вступившей вмѣстѣ съ тѣмъ на новый для нея путь общественной жизни.

Новое романтически-сентиментальное направленіе литературы должно было привлечь къ себѣ нѣжное женское сердце и создать типъ женщины-художника, женщины-поэта, явившейся на смѣну ученыхъ философовъ, сатириковъ и драматурговъ въ юбкахъ Екатерининской эпохи.

Такими представительницами новыхъ вѣяній литературы, ея поклонницами и вдохновительницами, явились, между прочимъ, кн. З. А. Волконская, А. А. Воейкова, и нѣкоторыя др.

Первая была дочерью блестяще образованнаго поэта-мецената, цѣнителя искусствъ, любителя и знатока музыки и литературы, друга Вольтера, Лагарпа и Мармонтеля кн. А. М. Бѣлосельскаго, который сумѣлъ дать дочери такое же солидное и разностороннее образованіе, какимъ обладалъ самъ.

Она прекрасно пѣла, умѣла рисовать, обладала наслѣдственнымъ литературнымъ даромъ и, близкая одинаково политикѣ, литературѣ и искусствамъ, умѣла соединять въ себѣ очарованіе красивой женщины съ обаяніемъ таланта и ума. Домъ княгини Волконской въ Москвѣ былъ центромъ интеллигенціи столицы, магнитомъ притягивавшимъ къ себѣ писателей, поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ.

Мы видѣли, что роль ея въ Петербургѣ исполняла А. А. Воейкова, не обладавшая блескомъ красавицы большого свѣта, ка-

ковой оставалась всегда княгиня Зинаида, но очаровывавшая всѣхъ своею скромною привлекательностью.

Она манила къ себѣ, кромѣ красоты внѣшней, болѣе всего красотою духовной, свѣтоточивостью своей души, тою bonté divine, о которой она когда-то писала въ своемъ дѣтскомъ альбомѣ.

Духовная дочь выдающагося поэта, воспитавшаго ее и давшаго ей всестороннее и серьезное образованіе, Свѣтлана по своему умственному развитію стояла далеко впереди въ ряду образованныхъ женщинъ своей эпохи. Разнообразные таланты ея въ литературѣ, живописи, музыкѣ не выходили никогда изъ предѣловъ любительства, но, можетъ быть именно потому, дѣятельность ея является особенно характерной для своего времени.

Скромность не позволяла ей выступать самостоятельно на литературномъ поприщѣ, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ выше заграничныхъ писемъ ея къ мужу, а между тѣмъ переписка ея подтверждаетъ намъ высказанное Жуковскимъ мнѣніе о существованіи у нея несомнѣннаго литературнаго таланта [1]).

Значеніе А. А. Воейковой для русской литературы заключается въ томъ вліяніи, которое она имѣла на поэзію Жуковскаго, и еще болѣе въ той роли, которую она играла въ дѣлѣ созданія и вдохновенія двухъ выдающихся поэтовъ — Козлова и Языкова, несомнѣнно, своею поэтическою славою во многомъ обязанныхъ Свѣтланѣ.

И въ этомъ смыслѣ можно признать, что просвѣтительная дѣятельность А. А. Воейковой оставила болѣе реальные результаты, чѣмъ долголѣтнее покровительство литературѣ и художествамъ княгини Зинаиды Волконской.

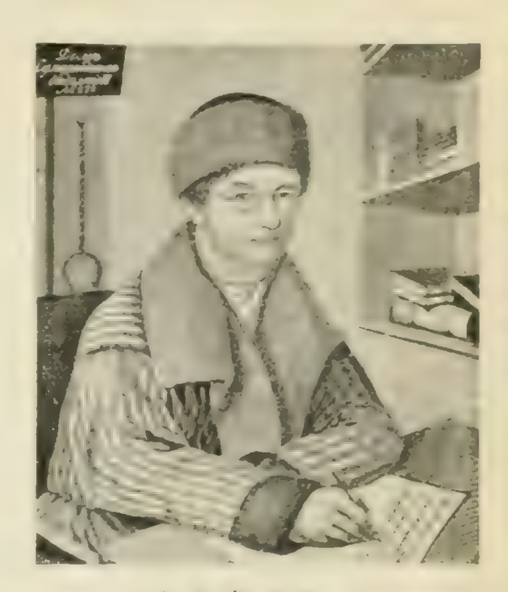
Судьбы обѣихъ этихъ женщинъ имѣютъ вообще между собою много общаго.

Мистически-религіозное настроеніе ума обѣихъ, ихъ неудачно сложившаяся жизненная обстановка, привели ихъ къ исканію счастья за границами и предѣлами земной жизни. Одна думала найти его за высокими стѣнами католическаго монастыря, другая съ радостью встрѣтила раннюю смерть, какъ начало пути къ новому, невѣдомому существованію.

---

[1]) См. стр. 153.

вить выпускъ несправедливо защищаемыхъ «Невзоровымъ вредныхъ книгъ». Но московскіе ревнители вѣры, очевидно, въ то время недостаточно еще оріентировались въ положеніи дѣлъ: мистика казалась несокрушимой, и Синодъ лишь былъ молчаливымъ орудіемъ въ рукахъ авторитетно стоящаго кн. Голицына. Однако постепенно противъ Голицына и его приспѣшниковъ, по мѣрѣ того, какъ развивалась ихъ дѣятельность и росла вообще реакція политическая и общественная, создается довольно дружный союзъ, во главѣ котораго стоятъ Аракчеевъ, юрьевскій архимандритъ Фотій, новый петербургскій митрополитъ Серафимъ и старый нашъ знакомецъ адмиралъ и любитель россійской элоквенціи Шишковъ. Въ правительственномъ настроеніи чувствуется уже нѣкоторый поворотъ не въ пользу мистическихъ исканій. «Въ лѣто 1822 благодатное» Фотій отмѣчаетъ уже, что «участь Голицына становится все сомнительнѣе».

А. Ѳ. Воейковъ.

Чуткіе люди даже изъ голицынскихъ адептовъ стремятся уже повернуть фронтъ: едва ли не первымъ былъ Магницкій, недавно еще столь ревностный насадитель библейскихъ обществъ. Магницкій типичная фигура перебѣжчика. Ядовитѣйшую характеристику этого «святого человѣка» далъ Воейковъ въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ»:

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
Бога, ближнихъ и царя.
Зло имъ сдѣлать силюсь и вижу
Въ честь Христова алтаря!
Я за орденъ — христіанинъ,
Я за деньги — мартинистъ,
Я за землю — мусульманинъ,
За аренду — атеистъ!»

Магницкій идетъ на поклоненіе въ Мекку къ «Змѣю-Горынычу», а за нимъ тянутся и другіе. Въ антиголицынскомъ лагерѣ будетъ и директоръ его канцеляріи Ширинскій-Шихматовъ, представившій Александру цѣлую записку «о крамолахъ враговъ Россіи», направленную противъ библейскихъ обществъ: онъ обличалъ здѣсь «хитрость враговъ нашей церкви и отечества», заключавшуюся между прочимъ въ томъ, что они, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ; а чтобы болѣе возвысить мнимое достоинство своихъ зловредныхъ книгъ, продавали ихъ очень дорогой цѣною. Въ этомъ лагерѣ обвинителей будетъ и «ревнитель вѣры» извѣстный намъ реакціонеръ Стурдза, но все же истинной душой этого заговора является юрьевскій архимандритъ Фотій—самый типичный ортодоксальный фанатикъ и изувѣръ. Ничѣмъ не знаменитый Фотій, — грязный, циническій въ манерахъ и выраженіяхъ самый дюжинный монахъ — такъ характеризуетъ его Бороздина, сумѣлъ пріобрѣсти дамское расположеніе, и особенно въ лицѣ гр. Орловой, имѣвшей большія связи при дворѣ и считавшейся

самой вѣрной послѣдовательницей юрьевскаго архимандрита, его рабой, чуть ли не снимавшей съ него сапоги. Черезъ нее Фотій проникаетъ къ кн. Голицыну и къ самому Александру: какъ хитрый лицемѣръ, умѣетъ ихъ расположить въ свою пользу и постепенно подготовить паденіе кн. Голицына, а вмѣстѣ съ нимъ и всей мистики, — этого «беззаконнаго сборища изъ всѣхъ сектъ». Недалекій, но въ то же время и незлобивый князь Голицынъ легко поддался вліянію Фотія. Въ тотъ самый моментъ, когда Фотій записываетъ, что положеніе Голицына поколебалось (1822 г.), онъ доставляетъ своему врагу цвѣты, а тотъ называетъ Фотія «человѣкомъ необыкновеннымъ», «разговоръ» съ которымъ «имѣетъ силу, которую одинъ Господь можетъ дать». Онъ обращается «съ разрѣшенія и благословенія отца Фотія» къ своему ярому врагу гр. Орловой съ братскимъ наименованіемъ: «Сестра во Господѣ». Усыпляя бдительность Голицына, отче преподобный Фотій проникаетъ во дворецъ, гдѣ въ теченіе 1822 — 1824 гг. не разъ бесѣдуетъ съ царемъ «о дѣлахъ вѣры и отечества». Всѣ эти разговоры сводятся къ одному: «Эта новая религія (т.-е. всѣ лжеумствованія о такъ называемой внутренней церкви, т.-е. никакой, какъ выражался по другому Шишковъ) есть вѣра въ грядущаго антихриста, дышущая единою революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина». Другими словами, «новая религія» подрываетъ основы вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государства.

Всѣ книги, изданныя въ періодъ господства Голицына, содержатъ гибельную внутренность, ведущую къ потрясенію христіанствъ, престоловъ и къ образованію тайныхъ обществъ, стремящихся лишь къ владычеству міра. Іезуиты, масоны, иллюминаты, якобинцы и всѣ остальные заключили таинственный заговоръ, чтобы разрушить порядокъ и нравственность. Вся цѣль Голицына, — констатируетъ записка Фотія въ 1824 г., — ниспроверженіе самодержавія и вѣры. Фотій готовъ утверждать даже, что мистики въ 1817 г. хотѣли совершить покушеніе на Александра [1]). Протестантскіе пасторы, въ родѣ популярныхъ Фесслера, Госнера, «хуже Пугачева», по мнѣнію Фотія... Но не только они вредны: самъ Гречъ ни болѣе ни менѣе какъ «первый злодѣй, содѣйствующій пагубѣ Россіи».

Пугачевъ и революція — вотъ два пугала, которымъ можно было устрашить болѣе всего и правительство и общество. Вѣроятно, находились наивные обыватели, которые, дѣйствительно, вѣрили въ существованіе какой-то тайной секты, стремящейся ниспровергнуть всѣ основы государственныя. По крайней мѣрѣ, Сперанскій въ письмѣ къ Столыпину 22 февраля 1818 г. пишетъ: «Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки». Но эти старыя сказки незадолго передъ тѣмъ повторялъ никто иной, какъ Ростопчинъ въ запискѣ, представленной въ 1811 г. великой кн. Екатеринѣ Павловнѣ по поводу мартинистовъ: запрещеніе

1) „[illegible] опубликовано было“, замѣчаетъ Фотій въ своемъ „Историческомъ повѣствованіи о дѣлахъ Церкви Христовой и вѣры православной“ (1824 г.), въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ слѣдующими словами: „Той, кого [illegible] лечетъ, какъ Петра, угрозъ ножомъ, да молится: „Господи! Даруй сердцу моему терпѣніе“. Будемъ, братья, ждать, пока Господь на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на избіеніе Вааловыхъ жрецовъ“.

эта статуя несомнѣнно одно изъ лучшихъ украшеній. Какъ бы для удобства хулиганскихъ дѣйствій около нея были свалены груды кирпича.

Лѣтомъ Музеемъ Стараго Петербурга дѣлались фотографическіе снимки съ выдающихся въ художественномъ отношеніи историческихъ зданій Петрограда.

Въ Петроградъ доставлены коллекціи, собранныя туркестанской экспедиціей С. Ф. Ольденбурга въ 1914 г.

Газета «Голосъ Руси» сообщаетъ, что фальсификація предметовъ искусства и русской старины у насъ развивается и процвѣтаетъ, несмотря на войну. Будто бы недавно за старину сошли и успѣшно распродавались многочисленныя рѣзныя изъ кости и расписаныя по стариннымъ русскимъ образцамъ пластинки, предназначавшіяся для составленія ларцевъ по неудавшемуся заказу изъ Англіи.

Пониженіе площади между московскими Кремлевскими соборами почти закончено. Въ августѣ рѣшетка, окружавшая площадь, еще не была поставлена. Поразительно выигралъ въ смыслѣ стройности силуэта и пропорцій Архангельскій соборъ, благодаря открытію фундамента.

Продолжаются работы по реставраціи и изслѣдованію знаменитаго Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ-Польскомъ. Въ виду того, что находящаяся рядомъ церковь постройки XIX в., столь портящая видъ собора, предназначена къ сломкѣ, изъ нея вынесены каменные саркофаги, гробницы князей Святослава и Димитрія.

Въ Калужскомъ Лаврентьевскомъ монастырѣ, находящемся въ двухъ верстахъ отъ города, 10 августа торжественно было отпраздновано четырехсотлѣтіе со дня кончины преподобнаго Лаврентія. Монастырь основанъ въ XVI в., но постройки его относятся къ XVIII в. Въ соборномъ храмѣ наиболѣе древней является нижняя церковь, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Лаврентія. Верхняя — довольно пріятной архитектуры, построена въ 1739 г. Къ сожалѣнію, недавно она была испорчена передѣлкой: былъ разобранъ одинъ изъ боковыхъ переходовъ. Крупной достопримѣчательностью монастыря, а вмѣстѣ и города, является монастырское кладбище съ памятниками и могилами конца XVIII, начала XIX в. Совершенно выдается по своей художественности прекрасный скульптурный памятникъ (пока, къ сожалѣнію, не удалось установить авторство) надъ могилой И. М. Золотарева, скончавшагося въ 1831 г., строителя знаменитаго Калужскаго «Золотаревскаго дома» за Каменнымъ мостомъ, принадлежащаго сейчасъ Кологривовымъ. Недалеко отъ этой могилы мраморный памятникъ надъ могилой князя А. П. Оболенскаго, калужскаго губернатора, брата декабриста († 1855 г.), и въ той же оградѣ весьма оригинальный двойной металлическій памятникъ надъ могилами Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго († 1829 г.) и его дочери. Подъ гранитнымъ саркофагомъ покоится тѣло генерала Багговута, убитаго подъ Шарутинымъ въ 1812 г., «воина предпріимчиваго, смѣлаго, неустрашимаго, начальника кроткаго, мужа скромнаго добронравнаго».

Н. В. СОЛОВЬЕВЪ.

(Некрологъ).

Испытанія длиннаго года войны, ежечасныя тревоги за близкихъ, стоящихъ лицомъ къ лицу съ врагомъ, нѣсколько притупили отзывчивость къ извѣстіямъ о преждевременной смерти. «Morituri te salutant» — слова, постоянно приходящія на умъ въ это кровавое время, и скорбныя вѣсти объ «обреченныхъ» ужъ не кажутся неожиданными. Зато тѣмъ обезпеченнѣе представляется жизнь тѣхъ, кто не подвергаетъ себя ежедневнымъ опасностямъ и работаетъ на общее дѣло вдали отъ боевъ, шальныхъ пуль и удушливыхъ газовъ. И какой безполезной, обидной жестокостью кажется выборъ смерти, съ трагической быстротой вдругъ вырывающей жертвы и въ этихъ рядахъ. Такого трагизма исполнена смерть Н. В. Соловьева, скончавшагося въ расцвѣтѣ силъ, всего 38 лѣтъ отъ рода, послѣ нѣсколькихъ дней борьбы съ недугомъ.

О Николаѣ Васильевичѣ Соловьевѣ можно писать съ разныхъ точекъ зрѣнія; онъ стоялъ во главѣ крупныхъ коммерческихъ дѣлъ, личныхъ и банковскихъ, принималъ участіе въ городскомъ управленіи, завѣдывалъ богоугодными заведеніями, а за послѣднее время самоотверженно отдался энергичной работѣ по призрѣнію раненыхъ, чему посвящалъ не досуги, а время. Многое можно было бы о немъ написать и какъ о привѣтливомъ хозяинѣ, сумѣвшемъ устроить у себя домъ, куда влекли друзей не широкая роскошь празднествъ, а русское радушіе пріема и артистичность среды, съ которой его сблизила женитьба. Всѣ эти привлекательныя стороны человѣка не забудутся, сплетутся въ вѣнокъ свѣжихъ воспоминаній, — но не о нихъ мы собрались писать: намъ хочется подвести итоги дѣятельности Соловьева, какъ библіофила, книгопродавца, издателя и писателя. Въ этомъ отношеніи заслуги Николая Васильевича столь же замѣтны, какъ и разнородны, но самъ онъ, уступая обычной природной скромности, ихъ какъ будто не замѣчалъ. Тѣмъ большій ложится на насъ долгъ ихъ оттѣнить въ часъ печали надъ ранней его могилою.

Еще юношею, едва окончивъ ученье, Николай Васильевичъ отдался влеченію къ книгѣ и сталъ усердно собирать русскія иллюстрированныя изданія. Слѣдующимъ шагомъ явилось открытіе имъ маленькой книжно-антикварной лавки на Симеоновской, гдѣ онъ сумѣлъ быстро заслужить довѣріе библіофиловъ безупречнымъ отношеніемъ къ дѣлу и отличнымъ его знаніемъ. Въ 1902 г. началъ онъ изданіе небольшого журнала «Антикваръ», посвященнаго книжному дѣлу; въ немъ Соловьевъ, наряду съ редакторствомъ, впервые пробовалъ свое перо. При этомъ онъ не ограничивался вопросами книжной антикваріи и библіофиліи, но дѣлалъ попытки и литературной критики, разбирая творчество блиставшихъ въ тѣ годы Горькаго и Андреева. Журналъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію, но въ то время еще не было достаточно читающей публики, чтобы оправдать его существованіе, и онъ прекратился съ выходомъ апрѣльской книжки 1903 г., но свои плоды принесъ, съ одной стороны, опредѣленно поставивъ Соловьева въ ряды библіофиловъ, съ другой — пріохотивъ его къ литературному труду.

Въ 1903 г. основанъ былъ Кружокъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій, и Николай Васильевичъ явился однимъ изъ его учредителей; имъ, между прочимъ, было на первыхъ порахъ предоставлено помѣщеніе для собраній молодого общества. Впослѣдствіи, когда Кружокъ пріобрѣлъ устойчивость, Николай Васильевичъ помогалъ ему непосредственнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ изъ выпущенныхъ имъ печатныхъ трудовъ и устраиваемыхъ имъ выставкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переведя свою торговлю въ большое помѣщеніе на Литейномъ, онъ очень ее расширилъ и развилъ, пріобрѣтая большія и хорошія библіотеки, заводя связи съ иностранными антикварами, выпуская каталоги; при этомъ онъ первый въ Россіи обратилъ вниманіе на ихъ внѣшность, и нѣкоторые изъ нихъ, богато иллюстрированные, ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ каталогамъ западно-европейскихъ книгопродавцевъ, сохраняя постоянное библіографическое значеніе.

Тѣмъ временемъ начали выходить «Старые Годы» и Николай Васильевичъ принималъ въ нихъ постоянное участіе не только какъ авторъ ряда большихъ статей въ библіографическомъ отдѣлѣ, но и въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника по всевозможнымъ «книжнымъ» вопросамъ. Наиболѣе значительныя его статьи въ нашемъ журналѣ — «Русская книжная иллюстрація XVIII в.», «Иллюстрированныя изданія о Россіи начала XIX в.», «Иностранцы о Россіи въ XVIII в.», «Библіографія Усадебъ» и др.

Въ 1911 г. Николай Васильевичъ принимается за новое дѣло, которое является синтезомъ всей его дѣятельности, какъ библіофила, и послужитъ памятникомъ его любви къ исторіи и культурѣ. Мы разумѣемъ редакторство и издательство журнала «Русскій Библіофилъ», успѣхъ котораго до сегодняшняго дня шелъ все возрастая. Задумано было изданіе чисто библіофильскимъ и въ подзаголовкѣ опредѣлялось, «для собирателей книгъ и гравюръ». Съ 1913 г. эти слова замѣнены указаніемъ «Журналъ историко-литературный и библіографическій», отмѣтившимъ происшедшую въ немъ эволюцію, безспорно расширившую кругъ лицъ, имъ интересующихся; на этотъ новый путь покойнаго увлекли не теоріи, не погоня за читателями, а невозможность устоять предъ представившимся ему весьма интереснымъ матеріаломъ, выходившимъ за рамки библіофиліи. Такими удачными находками явились записки кн. П. М. Долгорукова, переписка А. А. Воейковой («Свѣтланы») и нѣсколько другихъ темъ, лишь отчасти прикосновенныхъ къ «книгѣ», еще не появившихся въ «Русскомъ Библіофилѣ». Съ завидной легкостью онъ обработалъ письма Свѣтланы и увлекательно выявилъ прелестный ея образъ. Помимо ряда цѣнныхъ для книговѣда изслѣдованій, Николай Васильевичъ въ своемъ журналѣ помѣстилъ и рядъ другихъ своихъ собственныхъ статей; изъ него вырабатывался недюжинный писатель; смерть оборвала его труды... Свою напечатанную въ «Библіофилѣ» статью о портретахъ волшебной балерины Тальони онъ развилъ въ цѣлую книгу, вышедшую прелестнымъ изданіемъ въ 1912 г.; имъ выпущены, равнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ книжкахъ большіе номера журнала, посвященные Пушкину и Жуковскому, и изданъ, очень нарядно, трудъ А. Левинсона «Мастера Балета». Иллюстраціей для послѣдняго послужили гравюры, рисунки, литографіи изъ превосходнаго собранія В. А. Щрефиловой-Соловьевой,

въ составленіи котораго онъ принималъ самое живое участіе. Не однимъ, однако, балетомъ ограничивалось его собирательство; рядъ прекрасныхъ книгъ, — въ особенности альманаховъ, — гравюръ и рисунковъ, попадавшихъ къ нему въ составъ большихъ покупокъ, включался имъ въ собственное отборное собраніе.

Очень кратко, бѣгло, мы обозрѣли дѣятельность Николая Васильевича, она заслуживаетъ большаго и должна его дождаться: основатель «Русскаго Библіофила» не можетъ быть забытъ. Съ благодарностью поклонимся праху этого одареннаго, симпатичнаго, дѣятельнаго и скромнаго человѣка и заключимъ наши строки тѣмъ горестнымъ восклицаніемъ, которое вызвала его смерть и которое содержитъ оцѣнку его труда: неужели прекратится журналъ, такъ хорошо поставленный Соловьевымъ, и любимому его дѣлу суждено умереть вмѣстѣ съ нимъ?

П. В.

Редакторъ-издатель П. П. Вейнеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РИСУНКИ И АВТОГРАФЫ.

стр.

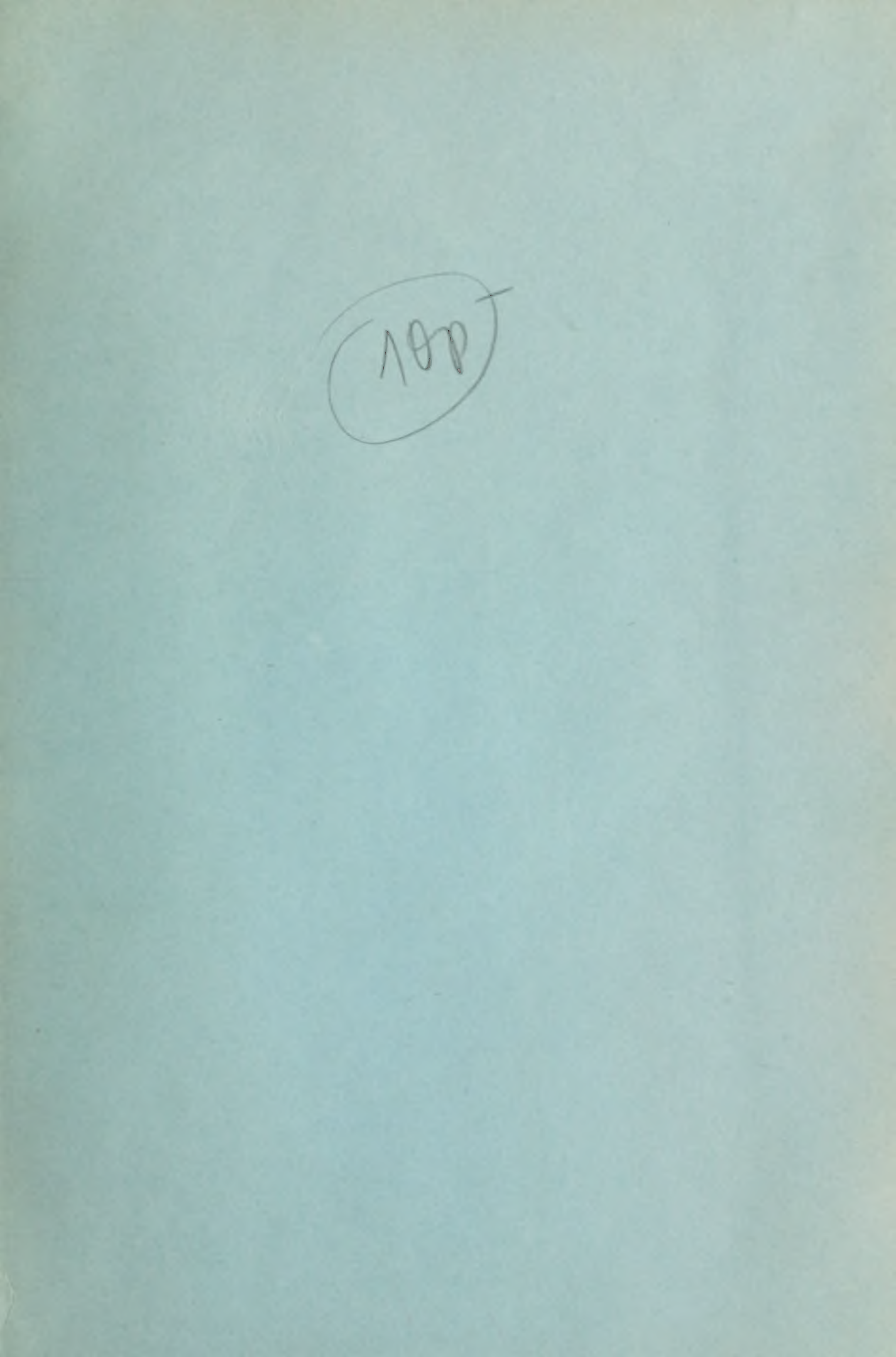

ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ.

СТР.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
7	13 снизу	Воспитатель	воспитатель
9	2 „	въ приложенiи	въ ч. II.
12	11 „	въ жертву своихъ	въ жертву счастье своихъ
13	2 „	se voix	sa voix
14	21 сверху	Est que	Est ce que
17	5 снизу	слова	слово
18	10 „	посылѣ	посылкѣ
20	3 сверху	etre	être
—	4 снизу	d'éprés	d'après
22	14 „	на нихъ	въ нихъ
26	6 сверху	кенегъ	денегъ
28	1 снизу	см. въ приложенiи „бумаги А. А. Воейковой".	см. ч. II, письма В. А. Жуковскаго
—	11 сверху	Марiѣ	Марьѣ
29	1 снизу	1887	1877
39	8 „	наставительное поучительное	наставительно-поучительное
42	4 сверху	²)	¹)
43	16 „	даже даже	даже
50	7 снизу	и, на время	и на время
57	2 „	см. ч. II	см. приложенiя
58	1 „	„Сынъ отечества"	„Сынъ Отечества"
60	1 „	стр. 55	стр. 54
—	18 сверху	неможетъ	не можетъ
67	18 снизу	совершили	довершили
70	1 „	1784—1885	1784 — 1845
72	11 сверху	покоя	спокойствiя
76	9 „	благости	благость
91	2 „	веселымъ	вашимъ
—	17 снизу	естлибы	естьлибы
92	13 „	нее	нея
94	18 сверху	одобренiя и указанiя	указанiй и одобренiй
97	9 снизу	клеветами	клеветали
98	5 „	l'honeur	l'honneur
109	12 снизу	стихи	стихотворенiя
110	1 „	стр. 14	стр. 104
141	6 сверху	усугубленное	усугубленная
148	12 „	на Берлинъ	въ Берлинъ
149	5 снизу	о которой уже не разъ здѣсь упоминалось	о которой здѣсь часто будетъ упоминаться
162	1 „	Юковскомъ	Юкуски
165	24 сверху	выслать	высылать
173	1 „	кажный	каждый
173	18 „	выбралъ	выбравъ
—	20 „	conversation	conversation:
174	13 „	негдѣ	нигдѣ
175	14 сверху	съ тѣхъ какъ	съ тѣхъ поръ, какъ
177	2 „	Persa	Perse
—	17 „	впечатленiе	впечатлѣнiе
181	19 „	Мас. Вас.	слѣдуетъ выноска: графиня Адлербергъ
183	7 „	грамоти	грамотѣ
187	14 „	нее	нея
—	15 снизу	Le	Je

СТР.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
189	16 сверху	здоровьи	здоровьѣ
192	2 снизу	кажется	находится
193	4 „	Моіеръ	Мойеръ
194	2 сверху	тамъ	такъ
195	1 снизу	Рамбульи	Рамбулье
213	4 сверху	croyez	„croyez
—	11 „	orguielleuse	orgueilleuse
216	10 снизу	деготь	деготь
218	10 сверху	Кандолъ	Кандоля
220	15 снизу	письма	писемъ
221	1 „	см. ч. II	см. приложенія
—	15 „	Маріѣ	Маріи
—	12 „	patrié	patrie
221	3 сверху	В. Кн. Елена Павловна.	въ 1823 г. супруга В. Кн. Михаила Павловича, рожденная герц. Вюртембергская, дочь герцога Павла (1806—1873).
222	5 „	дочьки	дочки
—	8 снизу	вѣрьте мнѣ	довѣрьте его мнѣ
225	14 „	Histoiré	Histoire
	7 „	гостиной	гостинной
227	2 сверху	c'ètait	c'était
—	3 „	crèditive	créditive
228	11 снизу	l'illussion	l'illusion
—	8 „	etant	étant
233	11 сверху	милымъ вѣрнымъ	милымъ, вѣрнымъ
—	6 снизу	другъ	другомъ
234	7 „	кто ему	кому онъ
235	10 сверху	капудинъ	Капудинъ
238	4 „	пробуждается пробуждается	пробуждается
242	17 „	Barlistère	Baptistère
244	10 снизу	Св. Таинъ	Св. Тайнъ
247	16 сверху	совершимся	совершившемся
249	4 „	въ продолженіи	въ продолженіе
—	18 „	—	—
250	16 „	27-го“	27-го

10p

